Юридический журнал Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Theoretical and Applied Law

> Законы должны идти рука об руку с прогрессом человеческой души.
>
> **Томас Джефферсон**

Мюллер Ф.
Тезисы о структуре правовых норм

Разуваев Н. В.
Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира

Павлов В. И.
Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции права

Честнов И. Л.
Состояние и перспективы постклассических исследований права

№3(25)

ISSN 3034-2813 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАЗУВАЕВ Николай Викторович, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич, профессор, доктор юридических наук, Институт государства и права Российской академии наук, Москва

ЕСКИНА Людмила Борисовна, профессор, доктор юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор, доктор юридических наук, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, судья Конституционного Суда РФ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЛУКОВСКАЯ Дженевра Игоревна, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

МАНИН Ярослав Валерьевич, кандидат юридических наук, федеральный судья в отставке, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва; представитель Science Publishing Group (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; Соединенные Штаты Америки) в Российской Федерации

МОГИЛЕВСКИЙ Станислав Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института права и национальной безопасности, заслуженный юрист РФ, Москва

МОЛОТНИКОВ Александр Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

ПОЛЯКОВ Андрей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОПОНДОПУЛО Владимир Федорович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

ХОХЛОВ Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Феликс Вакас ФЕРНАНДЕС, доктор философии в области права (специализация в области прав человека), доцент публичного международного права и международных отношений, Университет им. Карлоса III, Мадрид, Испания

Кармен Перес ГОНСАЛЕС, доктор философии в области права, профессор публичного международного права и международных отношений, заместитель декана по международному сотрудничеству и академическим обменам, Университет им. Карлоса III, Мадрид, Испания

Киммо НУОТИО, профессор уголовного права, Университет, Хельсинки, Финляндия

Бъярн МЕЛКЕВИК, профессор Университета Лаваля, Квебек, Канада

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. Оформление.

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. Оформление.

© Все права защищены.

CHIEF EDITOR

Nikolay V. Razuvaev, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

EDITORIAL COUNCIL

Aleksey A. Grishkovets, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Moscow

Lyudmila B. Eskina, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saint Petersburg

Valentina V. Komarova, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Sergey D. Knyazev, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

Dzhenevra I. Lukovskaya, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honorary Professor of Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Iaroslav V. Manin, PhD in Jurisprudence, federal judge in retirement, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow; publisher representative of the Science Publishing Group

Stanislav D. Mogilevsky, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Institute of Law and National Safety, Moscow

Alexander E. Molotnikov, PhD in Jurisprudence, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Andrey V. Polyakov, Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Vladimir F. Popondopulo, Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Sergey L. Sergevnin, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (Jurisprudence), North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg

Evgeniy B. Khokhlov (Hohlov), Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Honored Scientist of the Russian Federation, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

Bjarne Melkevik, Professor, Faculty of Law, University Laval, Quebec, Canada

Felix Vacas Fernandez, PhD in Jurisprudence (specialization in human rights), Associate Professor of Public International Law and International Relations, University Charles III of Madrid, Madrid, Spain

Maria Carmen Pérez González, PhD in Jurisprudence, Professor of Public International Law and International Relations, University Charles III of Madrid, Madrid, Spain

Kimmo Nuotio, Professor of criminal law, University of Helsinki, Helsinki, Finland

© RANEPA, 2025. Layout.
© North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy. and Public Administration, 2025. Layout.

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Разуваев Н. В.
Обращение главного редактора 6

ОТ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

Поляков А. В.
Современные правовые исследования: единство в многообразии 7

СТАТЬИ

Честнов И. Л.
Состояние и перспективы постклассических исследований права 11

Разуваев Н. В.
Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира 22

Павлов В. И.
Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции права 41

Осветимская И. И.
Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов 55

Зыков Д. В.
Эволюция правовой мотивации к общему благу (основные формационные модели коммуникации) 71

Оглезнев В. В.
Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности 87

Мюллер Ф.
Тезисы о структуре правовых норм 99

Попондопуло В. Ф.
Основные аспекты методологии исследования прав человека в публичных отношениях 110

Виноградов С. В.
Естественно-правовое учение Лона Л. Фуллера в контексте постклассического правопонимания 124

Новиков П. Д.
Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация 138

Поцелуев Е. Л.
«Четыре могилы современной философии права»: рефлексия на взгляды Бъярна Мелкевика 149

Рааб Р. С.
Право: коммуникация или автокоммуникация? 162

Тонков Е. Н.
Концепция российского правового реализма в постклассической парадигме 175

Content

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Razuvaev N. V.
A Message from the Editor-in-Chief 6

FROM THE GUEST EDITOR

Polyakov A. V.
Modern Legal Studies: Unity in Diversity 7

ARTICLES

Chestnov I. L.
The State and Prospects of Postclassical Studies of Law. 11

Razuvaev N. V
The Meaning of World History and The Evolution of States of The Ancient World 22

Pavlov V. I.
Postclassical Jurisprudence in Contemporary Legal Theory:
The Formation of an Anthropological Concept of Law 41

Osvetimskaya I. I.
The Communicative Theory of Law by A. V. Polyakov as a Post-Classical
Anthropological Approach to Law: A Critical Analysis of Opponents' Remarks 55

Zykov D. V.
Evolution of legal motivation for the common good
(basic formation models of communication) 71

Ogleznev V. V.
The Performative Nature of Legal Language and the Construction of Legal Reality 87

Mueller F.
Theses on the Structure of Legal Norms 99

Popondopulo V. F.
Fundamental Principles of the Research Methodology
on Human Rights in Public Relations 110

Vinogradov S. V.
Natural-Law Doctrine of Lon L. Fuller in the Context
of Postclassical Understanding of Law 124

Novikov P. D.
Functions of Legal Doctrine: Communicative-Legal Interpretation 138

Potseluev E. L.
Four Graves of Modern Philosophy of Law: Reflection on the Views by Bjarne Melkevik 149

Raab R. S.
Law: Communication or Self-Communication? 162

Tonkov E. N.
Concept of Russian Legal Realism in the Postclassical Paradigm 175

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

A Message from the Editor-in-Chief

Николай Викторович Разуваев, *главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук*

Вышедший в свет тематический номер журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» является во многих отношениях заслуживающим внимания научным проектом, который, как представляется, должен заинтересовать профессиональную юридическую аудиторию. Актуальность темы, объединяющей всех авторов данного номера, сомнений не вызывает. Постклассическое правопонимание, предшественниками которого выступают выдающиеся российские и зарубежные правоведы прошлого (прежде всего, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, А. Райнах, Н. Н. Алексеев и др.), в наши дни переживает свой расцвет, получая всё более широкое признание со стороны широкого круга современных ученых. Можно без преувеличения утверждать, что постклассический дискурс является научным метаязыком, посредством которого осуществляется описание всех феноменов правовой реальности. Указанное обстоятельство делает постклассическое правопонимание, представленное прежде всего коммуникативной теорией права, основой не только философско-правовых и общетеоретических, но и специальных юридических исследований, о чем со всей наглядностью свидетельствует содержание тематического номера, включающего статьи, посвященные широкому кругу самых актуальных проблем современной правовой науки.

Всё вышеизложенное делает понятным выбор в качестве приглашенного редактора номера профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук Андрея Васильевича Полякова. Вклад Андрея Васильевича в формирование и развитие коммуникативной теории права (и постклассической юриспруденции в целом) поистине невозможно переоценить. Именно в его работах были сформулированы важнейшие положения, получившие развитие в том числе на страницах журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция». Особенно примечательно, что идеи профессора Полякова, изложенные в его работах, вышедших в свет в первой половине 2000-х годов, прежде всего в фундаментальном издании «Общая теория права: проблемы правопонимания в контексте коммуникативного подхода», за истекшее время претерпели заметные изменения. Полагаю, что этот неустанный идейный поиск придает мощный импульс развитию не только теории права, но и юридической науки в целом.

Хочу поблагодарить Андрея Васильевича за любезное согласие стать приглашенным редактором номера и за активное участие в его формировании. Также хочется выразить особую благодарность авторам, откликнувшимся на приглашение принять участие в номере, рецензентам за высказанные ими ценные замечания, а также всему редакционному коллективу за проделанную кропотливую работу. Уверен, что тематический номер журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» послужит хорошим стимулом для дальнейшей работы, в том числе в рамках организуемых научных конференций и коллективных монографий. Если это произойдет в более или менее близкой перспективе, то цель, стоявшую перед коллективом журнала, можно считать достигнутой.

© Разуваев Н. В., 2025
© Razuvaev N. V., 2025

EDN: NAYLAC

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Modern Legal Studies: Unity in Diversity

***Андрей Васильевич Поляков**, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации*

Основной темой настоящего номера была избрана постклассическая юриспруденция, в которую входят разнообразные постклассические правовые исследования: постклассические теория, философия и антропология права, постклассические культуральные исследования, постклассическая юридическая наука.

Постклассические правовые исследования представляют собой новый этап развития российского правового знания, которое, в отличие от классической философии права и постсоветской правовой теории, претендует на более высокую степень адаптации к современным научным, социальным и технологическим вызовам, что позволяет тем, кто использует эту методологию и основополагающие идеи, находить эффективные практико-ориентированные правовые ответы на возникающие проблемы совместного существования людей. Специфика такого подхода к пониманию права раскрывается во многих статьях этого журнального номера, начиная с заглавной публикации И. Л. Честнова «Состояние и перспективы постклассических исследований права».

Нельзя не согласиться с одним из тезисов профессора Честнова о том, что на сегодняшний день правоведы, занимающиеся постклассическими исследованиями права, не представляют собой единой школы. Есть то, что их объединяет и делает единомышленниками в главном, но есть и такие второстепенные проблемы, которые ими решаются по-разному. Поэтому и я, будучи одним из инициаторов таких исследований и приглашенным редактором номера, буду излагать свою точку зрения на некоторые рассматриваемые в настоящих публикациях вопросы, а это означает, что моя точка зрения в чем-то может не совпадать с идеями моих коллег, а тем более — с позициями читателей.

Преимущество постклассического правопонимания перед классическим или даже традиционным взглядом на право и на его роль в жизни общества заключается, на мой взгляд, в том, что оно позволяет увидеть в праве то, что было ранее недоступно другим исследователям, или, если даже было доступно, не получало должного научного и философского объяснения. Мне представляется, что одной из важнейших проблем здесь является проблема нахождения в праве универсального (в онтологическом и аксиологическом смыслах) и партикулярного (релятивного, исторически изменчивого), а также установление между ними определенных соотношений. Отказ от решения этой проблемы (или неумение ее решить) в рамках классической юриспруденции приводил или к радикальному идеализму, когда право отождествлялось с абстрактными моральными универсалиями, которые именовались добром, должным, справедливостью, совестью и т. д., но эти универсалии не имели связи с реальностью, как не имели убедительного философского или научного обоснования (классические школы естественного права), или к не менее радикальному релятивизму в понимании права, когда правом признавалось чуть ли не всё,

© Поляков А. В., 2025
© Polyakov A. V., 2025

что реально происходило в человеческих коммуникациях с той или другой степенью принудительной регулярности (различные вариации позитивизма).

Первые и достаточно перспективные варианты решения этой дилеммы были очерчены в двух российских дореволюционных школах права: в идеалистической Московской школе философии права П. И. Новгородцева, возрождавшей идеи естественного права на новой метафизической и одновременно реалистической основе, и в Петербургской психологической (реалистической, научной) школе философии права Л. И. Петражицкого, где универсализм только искал свой путь к праву. Интегрирование идей этих школ способно удовлетворить запрос, имеющий место и у многих сегодняшних авторов номера, на то, чтобы российское правоведение опиралось на собственные традиции (хотя эти собственные традиции, как хорошо известно, рождались из диалога с традициями западными). Именно поэтому можно согласиться с тем, что начало становления российского неклассического правоведения, как первого этапа формирования постклассических правовых исследований в России, можно отнести к рубежу XIX и XX веков.

Сегодня, на следующем этапе развития постклассических правовых исследований, мы можем опираться не только на новейшие идеи в мире философии, но и на открытия современной науки, показывающие наличие тесной связи между формированием жизненного мира человека и его эволюционным прошлым в единстве с культурным настоящим; мы можем ссылаться на социологические, антропологические, лингвистические и нейронаучные данные, позволяющие понять ценностный мир человека, его способы целеполагания и зависимость от права как экзистенциальной потребности в самоопределении для совместного бытия с другими. В более прикладном аспекте постклассическая методология позволяет осмыслить и роль права применительно к традиционным российским ценностям, которые, как было нами установлено, вне и помимо права существовать не могут.

Подобного рода конструкции правопонимания возможны только в том случае, если право понимается не как произвольный приказ власти, позволяющий нормам права иметь любое содержание, но как результат целеполагающей деятельности, направленной на обеспечение наилучших условий для совместного сосуществования людей. Выявление таких условий зависит от понимания природы человека и его способности вступать в экзистенциальную коммуникацию с другими людьми, которая обеспечивается только взаимным признанием правосубъектности участников такой коммуникации. Этим определяется первостепенное внимание, которое уделяется в постклассических правовых исследованиях человеку как основному субъекту права, конструирующему *разнообразную* правовую реальность (релятивизм и реализм), но на основе ее «человекомерности» («человекоцентричности»), т. е. на *универсальном* начале, обеспечивающем саму возможность конструирования разнообразной в культурном смысле правовой реальности. Человекомерность предполагает необходимость в каждом человеке видеть субъекта права и признавать его человеческое достоинство *в той мере*, в какой этот субъект способен признавать человеческое достоинство и правосубъектность других. Поэтому убедиться в универсальности правовой реальности через человекомерность можно только на основе экзистенциальной коммуникации, раскрывающей в людях нечто общее, связывающее их, и нечто различающее их, инаковое, обеспечивающее «единство в многообразии» (Н. В. Разуваев).

Из этого вытекает и междисциплинарный характер соответствующих исследований, среди которых (помимо традиционных наук и философии) видную роль играют философская антропология, языкознание, социология, герменевтика, коммуникативистика и когнитивные нейронауки — отрасли знания, помогающие сегодня в первую очередь раскрыть феномен человека и его неразрывную связь с правом.

Представляется, что в большей или в меньшей степени, с различными вариациями, но таких начал придерживается большинство авторов, публикующих свои материалы в настоящем номере. Например, профессор И. Л. Честнов пишет в упомянутой выше статье о том, что «правовая реальность — это не данность, сотворенная когда-то кем-то, но продукт или процесс конструирования и переконструирования, всегда обусловленного множеством факторов, образующих контекст и „сопротивление структуры“ общезначимых образцов поведения индивидуумов в данном обществе, обеспечивающих как минимум

его — общества — самосохранение». Этим уже определяется минимальное целеполагание для права, которое заключается в обеспечении самосохранения общества.

Но самосохранение общества, в правовом ракурсе, обеспечивается такими отношениями между членами общества, которые дают каждому его члену гарантии самосохранения (обеспечивают право на жизнь и свободное развитие), что опять-таки невозможно без взаимного признания правосубъектности каждого, поскольку только через реализацию обязанностей по отношению к другим возможно само существование субъективных прав.

Более того, можно согласиться с тем, что оптимальными условиями человеческого самосохранения выступают такие давно известные основополагающие начала в организации совместного сосуществования, как «самоценность индивида (человекоцентризм)», уравновешенный его «ответственностью за свои действия» (а тут уже не обойтись без взаимного признания); «частная собственность, как необходимое условие индивидуальной свободы»; «принципы свободного рынка, конкуренции и предпринимательства, равенства возможностей». При этом «гарантиями указанных начал, т. е. прав и свобод человека, выступают публичные (политические) начала, как-то: самоопределение гражданского общества; формирование правового государства; разделение и взаимный контроль властей; всеобщее избирательное право» — об этом и многом другом пишет в своей статье «Основные аспекты методологии исследования прав человека в публичных отношениях» профессор В. Ф. Попондопуло, чье многогранное творчество как в области частного права, так и в сфере общей теории права хорошо известно читателям. Лежащий в основании его авторской концепции подход, опирающийся, прежде всего, на теорию человеческой деятельности Л. фон Мизеса, также по многим параметрам соразмерен постклассическим правовым исследованиям.

С подобным взглядом на постклассическую юриспруденцию согласен, судя по всему, и другой ее видный представитель, Н. В. Разуваев. Николай Викторович в своей статье «Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира» трактует историю как эволюцию человечества, направленную на максимальное осознание людьми своего духовного единства, причем это единство достигается «посредством максимальной реализации цивилизационного многообразия и одновременно путем преодоления барьеров, разделяющих цивилизации, препятствуя их взаимопониманию и диалогу». Но духовное единство, основанное на взаимопонимании и цивилизационном многообразии, как раз и отражает универсальную идею мирного сосуществования народов, каждого народа и каждого человека, без которой и государство, и право теряют свой смысл. Между тем именно в эволюции культурных феноменов, в том числе и таких, как государство и право, видит смысл мировой истории Н. В. Разуваев.

К числу основных факторов эволюционного процесса ученый относит универсализацию духовных ценностей (религиозных, нравственных, правовых, политических и иных), распространяющихся на всё более широкие сообщества людей, «внутри которых эти ценности выполняют интегрирующую функцию, сплачивая их членов в единое целое». Одновременно принятие общих ценностей служит необходимым условием взаимного признания участников культурной коммуникации в качестве равноправных и самоценных субъектов, что предполагает, по мысли профессора Разуваева, осознание индивидами, культурами, цивилизациями уникальных особенностей друг друга. Это осознание, в свою очередь, способствует достижению человечеством того «единства в многообразии», которое выступает конечной целью исторического процесса, хотя ее достижение и возможно лишь в весьма отдаленной перспективе. Тем не менее непрерывное движение к данной цели и составляет, полагает Н. В. Разуваев, смысл мировой истории.

Согласен я и с позицией Николая Викторовича в отношении динамики так называемых «вечных» ценностей. Их бытие, с его точки зрения, только на первый взгляд кажется статичным и неизменным, но «в долгом времени они распространяют свое действие на всё более широкие массы людей, сближая и сплачивая их в ценностном отношении друг к другу и к окружающему миру». Таким образом, и здесь мы видим в новой интерпретации идею сочетания универсальных и партикулярных ценностей, идею, которую в свое время начали обсуждать сторонники «возрожденного естественного права» в России более ста лет тому назад, но которая за это время не только не утратила своей актуальности, но лишь ее увеличила.

На эти же особенности постклассического правопонимания обращает внимание в своей статье «Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: „антропологический поворот“ и формирование антропологической концепции права» и наш белорусский коллега В. И. Павлов, отмечая, что в постклассических правовых концепциях «позиция лица, субъекта права и его места в правовом познании не только учитывается, но и признается одной из главных его характеристик». И в этом аспекте ученый солидаризируется с позицией Ю. А. Веденеева, который как раз подчеркивал тот момент, что «феноменологическую теорию права, коммуникативную юриспруденцию, антропологический поворот в теории права <…> объединяет одно фундаментальное начало, а именно внимание к человеческому измерению права и государства». Поэтому, доказывает в своей публикации ученый, антрополого-правовая концепция претендует на «новый доступ к антрополого-правовой реальности, реальности действующего в праве человека». Такой подход связан с «вниманием к понятию личности в праве, переосмыслению структуры учения о действующем в праве лице, личностно-правовым свойствам человека…». Ученый подчеркивает то обстоятельство, что представители «антропологического поворота» делали акцент на понимании человека не сквозь субъективные переживания и психологизм, а посредством «экспликации определенного порядка ценностной структуры личности».

Не чужд этой тенденции и постклассический правовой реализм, который представляет на страницах журнала Е. Н. Тонков в публикации под заглавием «Концепция российского правового реализма в постклассической парадигме». В ней он признает, что правовой реализм объединяет теории естественного права и эксклюзивного позитивизма в рамках «обновленной версии социологического правопонимания» и способствует преодолению устаревшего понимания права как системы нормативно-правовых актов, изданных или одобренных государством. Идеи правовых реалистов, в интерпретации Е. Н. Тонкова, развивают «методологический плюрализм, включающий использование достижений психологии, социологии, антропологии, экономики, биологии и других наук».

Этот перечень важнейших проблем, рассматриваемых на страницах настоящего журнального номера, без труда мог бы быть продолжен, но формат вступительного слова не позволяет мне это сделать.

Читатели могут познакомиться с достаточно проблематичным взглядом на эволюцию правовой коммуникации сквозь призму формационного подхода (статья Д. В. Зыкова «Эволюция правовой мотивации к общему благу (основные формационные модели коммуникации)»).

Текст В. В. Оглезнева «Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности» раскрывает роль языка в обеспечении правовой коммуникации и конструировании правовой реальности.

Несомненный интерес вызовет у читателей и статья С. В. Виноградова «Естественно-правовое учение Лона Л. Фуллера в контексте постклассического правопонимания», в которой автор на фоне хорошего обзора аналитической философии права и ее проблем обосновывает тесную связь между учением Фуллера и идеями постклассических правовых исследований.

Функции правовой доктрины с позиции коммуникативного подхода рассматривает П. Д. Новиков («Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация»).

И. И. Осветимская анализирует те проблемные вопросы, которые подчас возникают при обсуждении самой коммуникативной теории права («Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов»), Р. С. Рааб представляет свой, далеко не бесспорный, вариант развития коммуникативного подхода («Право: коммуникация или автокоммуникация?»), а Е. Л. Поцелуев разбирает коммуникативный подход к праву нашего канадского коллеги Б. Мелкевика («„Четыре могилы современной философии права“: рефлексия на взгляды Бъярна Мелкевика»).

Весомым дополнением к упомянутым выше публикациям будет впервые представляемая российским читателям переводная статья немецкого правоведа, весьма близкого к постклассическому правоведению, Фридриха Мюллера. Желаю всем интересного чтения!

EDN: JBVIQS

Дата поступления статьи: 13.06.2025
Дата поступления рецензии: 27.06.2025
Дата принятия статьи к публикации: 28.08.2025

CC BY-SA

Состояние и перспективы постклассических исследований права

Честнов И. Л.
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Автор статьи описывает историю становления и развития постклассических исследований права. Они возникли в нашей стране усилиями А. В. Полякова в начале 2000-х гг. и сегодня представляют собой важное направление, или подход, в современной юридической науке. К авторам, которых следует причислить к сторонникам постклассических исследований права, следует отнести Н. В. Разуваева, Е. В. Тимошину, И. Б. Ломакину, В. В. Архипова, Е. Н. Тонкова, Д. Е. Тонкова, Л. А. Харитонова, А. Э. Чернокова, И. И. Осветимскую, Е. Г. Самохину, Ю. А. Веденеева, В. И. Павлова, Н. Ф. Ковкель, Е. М. Крупеню, С. И. Максимова, М. А. Беляева, Н. В. Малиновскую, В. В. Денисенко, С. В. Тихонову, А. В. Скоробогатова, А. В. Краснова. Автор полагает, что творчество В. В. Лазарева, И. А. Исаева, И. Ф. Мачина, Ю. Ю. Ветютнева, И. Ф. Невважая, С. Н. Касаткина и некоторых других ученых близко к постклассическим исследованиям права. Среди зарубежных ученых нельзя не назвать Э. Паттаро, Б. Ляйтера, Б. Брожека, Б. Мелкевика, Ч. Варгу, Э. Фиттипальди и др.

Методология и материалы. Постклассическая методология — это методы исследования «сверхсложных систем». Что представляют собой постклассические исследования права в плане их институционального статуса? Автор утверждает, что нельзя говорить о научной школе или парадигме, но можно — о научно-исследовательской программе, подходе или направлении.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье обсуждаются содержательные характеристики постклассических исследований права. Речь идет о многомерности права, человекомерности, практической ориентированности.

Выводы. Показаны отличия постклассических исследований права от постмодернизма. Проведена демаркационная линия между классическими, неклассическими и постклассическими исследованиями права.

Ключевые слова: философия права, постклассические исследования права, постмодернизм в праве, догматика права, многомерность права.

Для цитирования: *Честнов И. Л.* Состояние и перспективы постклассических исследований права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 11–21. EDN: JBVIQS

© Честнов И. Л., 2025
© Chestnov I. L., 2025

The article was submitted: 13.06.2025
The article approved after reviewing: 27.06.2025
The article accepted for publication: 28.08.2025

The State and Prospects of Postclassical Studies of Law

Chestnov I. L.
Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Abstract
Introduction. The author of the article describes the history of the formation and development of postclassical studies of law. They originated in our country through the efforts of A. V. Polyakov in the early 2000s and today represent an important direction or approach in modern legal science. The authors who should be counted among the supporters of postclassical studies of law include N. V. Razuvaev, E. V. Timoshina, I. B. Lomakina, V. V. Arkhipov, E. N. Tonkov, D. E. Tonkov, L. A. Kharitonov, A. E. Chernokov, I. I. Osvetimskaya, E. G. Samokhina, Yu. A. Vedeneev, V. I. Pavlov, N. F. Kovkel, E. M. Krupenya, S. I. Maksimov, M. A. Belyaev, N. V. Malinovskaya, V. V. Denisenko, S. V. Tikhonov, A. V. Skorobogatov, A. V. Krasnov. The author believes that the works of V. V. Lazarev, I. A. Isaev, I. F. Machin, Y. Y. Vetyutnev, I. F. Nevvazhay, S. N. Kasatkin and some other scientists are close to postclassical studies of law. Among foreign scientists, we should mention E. Pattaro, B. Leiter, B. Brozhek, B. Melkevik, C. Varga, E. Fittipaldi, and others.
Methodology and materials. Post-classical methodology is a method of studying "supercomplex systems". What are postclassical studies of law in terms of their institutional status? The author argues that one cannot talk about a scientific school or a paradigm, but one can talk about a research program, an approach or direction.
Results and discussion. The article discusses the substantive characteristics of postclassical studies of law. Among them, we are talking about the multidimensional nature of law, humanitarianism, and practical orientation.
Conclusions. The differences between postclassical studies of law and postmodernism are shown. A demarcation line is drawn between classical, nonclassical and postclassical studies of law.
Keywords: philosophy of law, postclassical studies of law, postmodernism in law, dogmatics of law, multidimensionality of law.
For citation: Chestnov, I. L. The State and Prospects of Postclassical Studies of Law. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 11–21. (In Russ.)

Введение

Постклассические (или постнеклассические) исследования права (далее — ПКИП) возникают в начале 2000-х гг. в нашей стране усилиями А. В. Полякова. Именно ему принадлежит пальма первенства не только в использовании этого термина, но и в глубокой, систематической разработке новой программы научных исследований правовой реальности. Затем к этому направлению, которое со временем превратилось в визитную карточку того, что многие именуют Петербургской школой права (имея в виду современное развитие неклассических идей Л. И. Петражицкого и его учеников в начале XX в.), примкнули и внесли свой вклад в ее развитие автор этих строк, Н. В. Разуваев, Е. В. Тимошина, чуть позже И. Б. Ломакина, В. В. Архипов, Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков, Л. А. Харитонов, А. Э. Черноков, И. И. Осветимская, Е. Г. Самохина и некоторые другие авторы из нашего города. Параллельно идеи, сформулированные А. В. Поляковым и коллегами, стали активно разрабатываться в других городах страны и на постсоветском пространстве. В этой связи нельзя не отметить исследования Ю. А. Веденеева, В. И. Павлова, Н. Ф. Ковкель, Е. М. Крупени,

С. И. Максимова, М. А. Беляева, Н. В. Малиновской, В. В. Денисенко, С. В. Тихоновой, А. В. Скоробогатова, А. В. Краснова. Полагаем, что творчество В. В. Лазарева, И. А. Исаева, И. Ф. Мачина, Ю. Ю. Ветютнева, И. Д. Невважая, С. Н. Касаткина и некоторых других ученых близко к ПКИП. Следует отметить, что историки права, такие как Д. А. Пашенцев и А. А. Дорская, смело взяли на вооружение постклассическую методологию применительно к историко-правовым штудиям. Очевидна близость постмодернистской или культуральной, конструктивистской криминологии и ПКИП[1], а также исследований А. С. Александрова и его коллег в области уголовного процесса. Среди зарубежных ученых нельзя не назвать Э. Паттаро, В. Кравица, Г. Тойнбера, Б. Ляйтера, Б. Брожека, Б. Мелкевика, Ч. Варгу, Э. Фиттипальди и других, хотя термин «постклассическая юриспруденция» среди них пока не прижился.

Идеи ПКИП находят отражение в ежегодной Всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, которая продолжила традиции Спиридоновских чтений, проводимых автором статьи с коллегами с 2000 г. В 2025 г. прошла пятая конференция ПКИП, которая была посвящена перспективам правового реализма. Нельзя не отметить в качестве важных вех в развитии ПКИП конференции, посвященные юбилеям А. В. Полякова, которые прошли в Санкт-Петербургском государственном университете в 2014 и 2024 гг., а также выход двухтомной коллективной монографии в честь 60-летия А. В. Полякова «Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции» и избранных трудов самого основоположника коммуникативного правопонимания[2].

За последние несколько лет (в том числе по результатам проводимых конференций) было опубликовано несколько коллективных монографий, которые, как представляется, дают развернутую картину того, какие проблемы обсуждаются в рамках ПКИП. Эти монографии посвящены культуральным исследованиям права, юридическому мышлению, юридической герменевтике, постклассической онтологии права, правогенезу, легитимности права, критическим теориям права, антропологии права и другим темам[3]. В этих работах читатель сможет обнаружить многочисленные сноски на постклассические исследования права и авторов, которые эти исследования проводят.

Методология и материалы

Методология ПКИП — это, прежде всего, иные, по сравнению с классической юриспруденцией, принципы, задающие постклассическую онтологию, эпистемологию и аксиологию права. Это принцип дополнительности, предполагающий неустранимость наблюдателя и релятивность (относительность не только объекта, но и наблюдателя, общества, исторического и социокультурного контекста); принципы множественности оснований права и потенциальной неисчерпаемости его существования (сложностности и контингентности);

---

[1] Среди авторов, которых относят к сторонникам постмодернистской криминологии (интересно отметить, что многие авторитетные криминологи продолжают именовать себя этим термином, в отличие от сторонников других наук), следует назвать Н. Кристи, Т. Матисена, Г. Миловановича, С. Генри, Г. Зера, Я. И. Гилинского, А. З. Рыбака, Ю. Ю. Комлева, Г. И. Забрянского, А. Л. Гуринскую, С. М. Иншакова и др. См.: *Гилинский Я.* Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. 242 с.; *Исмайылов Р. Н.* Криминология в обществе постмодерна. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. 96 с.

[2] Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова, предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 373 с. EDN: TEGJDD; *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: избранные труды. 2014. 575 с. EDN: UXPFSN

[3] Постклассическая онтология права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.; Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. 490 с. EDN: YKULQN; Культуральные исследования права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2018. 466 с. EDN: XYUDWP; Легитимность права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2019. 496 с.; Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы / Л. А. Голубева, Н. Н. Ефремова, В. В. Ефремова [и др.]. СПб.: Алетейя, 2020. 464 с. EDN: UDAAFX; Правогенез: традиция, воля, закон / О. С. Батова, Е. А. Брылева, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. СПб.: Алетейя, 2021. 480 с. (Толкование источников права). EDN: SDSMUH; Релятивизм в праве: коллективная монография / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. 348 с.; Критические теории права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. И. Осветимской. СПб.: Алетейя, 2023. 390 с.; Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / И. В. Боровцов, Я. И. Гилинский, Л. А. Голубева [и др.]. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с. EDN: KLUMOD; Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2024. 526 с.; Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2025. 612 с.

интерсубъективности; человекомерности; аксиологической имманентности (неустранимости ценностей); лингвистического опосредования; практической ориентированности; неустойчивости. Эти принципы конкретизируются в таких методах ПКИП, как диалогика; герменевтические методы; включенное наблюдение; критический дискурс-анализ; интент-анализ; нарративные методы; метод саморефлексии; вероятностного моделирования и некоторые другие, которые не отрицают, а дополняют классические методы юридической догматики и социологии права.

Важным с методологической точки зрения является вопрос: что же представляют собой ПКИП относительно их институционализации? Можно ли их считать научной школой, парадигмой, подходом в правопонимании, типом юридической рациональности, научно-исследовательской программой или еще чем-то, как об этом заявляется в некоторых работах, посвященных этой проблематике? Вопрос институционализации какого-либо явления имеет как содержательный, так и организационной аспекты. Последний, в частности, важен для придания статусности соответствующим исследованиям, для их пропаганды, что, как доказано в социологии науки, играет важную роль в их развитии.

Прежде чем приступить к обсуждению основных содержательных характеристик ПКИП, попробуем ответить на второй вопрос — каков их институциональный статус. ПКИП нельзя отнести к научной школе. Полагаем, это обусловлено тем, что под термином «Постклассические исследования» скрываются разные, порой значительно отличающиеся, прежде всего по объекту и предмету (в меньшей степени по методологии), исследования права. Кроме того, для научной школы, по крайней мере в классическом варианте таковой, необходимо наличие четкой структурной организации, предполагающей наличие признанного в ней лидера, приближенных к лидеру «адептов», членов школы, учеников. Такой иерархии в ПКИП явно не наблюдается. Ко всему прочему, о чем автору доводилось подробнее говорить на научных конференциях[4] и писать[5], научные школы остались в прошлом, а им на смену пришли «незримые коллегии» (или «колледжи»), гораздо более мягкие с точки зрения их организации и научного ядра, позволяющего их идентифицировать. Таковые сегодня представляют собой объединения ученых «по интересам», обсуждающих то, что их волнует. В то же время общие научные вехи, прежде всего методологические, которые, в свою очередь, задают предметное видение исследуемого, позволяют такие незримые коллегии позиционировать, а им занимать соответствующее место в поле юридической науки (используя словарь П. Бурдье). Только метафорическое использование термина «научная школа» применимо к ПКИП.

Еще менее приемлем термин «парадигма» применительно к ПКИП. Это связано в первую очередь с тем, что в общественных науках, включая юриспруденцию, парадигм в прямом, куновском смысле не существует, а имеет место множественность исходных посылок, стандартов или образцов решения головоломок (и даже «дисциплинарных матриц», которыми Т. Кун заменил термин «парадигма»). «Полипарадигмальность», если уместно такое выражение, свойственна юриспруденции как минимум с XIX в., периода, когда она приобретает современное институциональное оформление.

Ближе к тому, что именуется ПКИП, — организация научного знания в виде научно-исследовательской программы. Таковая, как завещал нам И. Лакатос, образуется из совокупности нескольких теорий с неким общим основанием (которые его — основание — развивают). В то же время обнаружить «жесткое ядро», «защитный пояс», «позитивную и негативную эвристики» не так просто применительно к ПКИП, хотя возможно.

Еще ближе к ПКИП термины «подход» или «направление», которые в силу своей абстрактности требуют должной конкретизации, что и будет предпринято ниже. К научно-исследовательской программе, подходу или направлению как маркерам ПКИП примыкает ставший недавно популярным термин «зонтичность». «Зонтичный термин» охватывает несколько теорий или даже подходов, направлений, объ-

[4] Честнов И. Л. Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Доклад на Международной научной конференции «Санкт-Петербургская школа философии права и современная юриспруденция» (юридический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, 26 октября 2013 г.).

[5] Честнов И. Л. Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 112–123. EDN: RZDHJN

единенных каким-то общим началом, основанием. В связи со сказанным самое время перейти к тому, что это за начало или основание ПКИП — к их содержательной характеристике.

Результаты исследования и их обсуждение

ПКИП выступают критическим подходом применительно к тому, что именуют классикой. С этого, собственно говоря, начиналась неклассическая философия в конце XIX – начале XX в. К. Маркс, Ф. Ницше и З. Фрейд — наиболее значимые фигуры, вознамерившиеся ниспровергнуть классическую метафизику. Следует заметить, что важный вклад в переосмысление оснований философии и смены картины мира (как научной, так и обыденной) внесли физики: Н. Бор, В. Гейзенберг, А. Эйнштейн. Не меньшую роль в этом сыграли радикальные идеи неопозитивистов (логических позитивистов), объявивших философские (метафизические) проблемы псевдонаучными бессмыслицами. При этом возникает несколько сложнейших философских вопросов, связанных с трансформацией классики в неклассику, и прежде всего — является ли этот процесс радикальным разрывом, отрицанием философии как таковой? История показала, что такой радикализм неуместен, хотя изначально неклассика позиционировала себя как «критический пересмотр и отказ» от «классических структур» «перед лицом новой проблемной ситуации»[6]. Философия, слава Богу, сохранилась. Более того, сегодня уместно утверждать, что неклассическая философия (рациональность, картина мира) надстраивается в качестве более высокого «этажа рефлексии» над классической философией[7].

Неклассическая философия признала неустранимую роль субъекта — «наблюдателя», проводящего осмысление бытия или научное исследование и используемые им средства из процесса познания и его результата. Оказывается, что наше представление о мире, который, конечно, можно считать реально существующим, зависит от того, как и насколько хорошо знает человечество о его «реальном существовании». Реальность зависит от того, что воспринимается как реальное, — важная идея, приписываемая американскому социологу У. Томасу, автору теории социальной установки. Если нет информации о том, что произошло какое-то событие, то происшедшее (даже совершенное преступление) не может считаться как «реально существующее» (хотя социологическими методами латентность произошедшего с определенной вероятностью можно обнаружить). Особо важно это заявление в «эпоху постправды», когда новостная повестка определяет то, что заслуживает внимания и потому признается существующим. К этому можно относиться с негодованием, но отрицать зависимость существования «вещи-для-нас» от восприятия могут только те, кто по-прежнему свято верят в побасенки теории отражения. Заметим, что речь не идет о «голой» субъективности (волюнтаризме или радикальном произволе) неклассической картины мира. Речь идет об интерсубъективности. Не любая информация образует картину мира, а только общезначимая, принимаемая основными референтными группами и широкими слоями населения данного социума[8] и используемая в практической жизнедеятельности.

Неклассическая философия и соответствующая концепция права, таким образом, исходит из неустранимой, имманентной роли субъекта и используемых им средств в конструировании социальной (социально-правовой) реальности, картины мира. Отсюда важнейший вывод: правовая реальность — это не данность, сотворенная когда-то кем-то, но продукт или процесс конструирования и переконструирования, всегда обусловленного множеством факторов, образующих контекст и «сопротивление структуры» общезначимых образцов поведения индивидуумов в данном обществе, обеспечивающих как минимум его — общества — самосохранение.

Вторая половина XX в. ознаменовалась рефлексией и переосмыслением того, что около 100 лет назад возникло как «неклассическая философия»[9]. Усилиями М. Фуко, Р. Барта, Ж. Деррида, М. К. Мамардашвили,

---

[6] *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классическая и современная буржуазная философия // Мамардашвили М .К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. С. 103.

[7] Так, например, рассуждает В. Ю. Кузнецов. *Кузнецов В. Ю.* Постнеклассическое единство мира. М.: РИПОЛ классик, 2023. С. 133, 135. EDN: RMLHDC

[8] Отдельной проблемой, выходящей за рамки предмета этой статьи, являются критерии научности такого рода знания; она усугубляется тем, что постклассическая философия, например в лице Х. Патнема, отрицает возможность человека занять позицию «Божественного наблюдателя».

[9] Эта мысль принадлежит В. Ю. Кузнецову, который пишет, что концептуализация перехода от классики к неклассике происходит через столетие после того, как он, собственно говоря, произошел. О том, что идеи К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда — ключевых фигур в этом деле

Э. Ю. Соловьева, В. С. Швырева и других авторов интеллектуальным мейнстримом становится осознание трансформации картины мира, формирование нового лексикона[10] и постепенный отход от классической философии. Этому в немалой степени способствовало разочарование в идеях эпохи Просвещения и в перспективах построения светлого коммунистического рая на Земле (чуть позже — разочарование в неолиберальной утопии «конца истории»). Идеи контекстуальности, зависимости научных исследований от ценностно-целевой составляющей, которые стали активно разрабатываться в социологии знания с 70-х гг. XX в., дополненные представлениями о сложностности (Э. Морен) и контингентности (Н. Луман) нашего мира, а также открытиями синергетики (прежде всего, диссипативности структур, точками бифуркации и др.), привели к возникновению постнеклассической философии. На наш взгляд, различия между неклассикой и постнеклассикой не так уж и принципиальны, и изменившееся в конце XX – начале XXI в. мышление («интеллектуальный консенсус эпохи») можно именовать постклассическим (по аналогии с эволюцией позитивизма в неопозитивизм и постпозитивизм).

Для прояснения содержания ПКИП важно также осуществить позиционирование этого направления по отношению к постмодернизму — популярнейшему направлению в социогуманитарном (преимущественно «левацком», неомарксистском) знании конца XX в. Сразу же отметим, что постмодернизм — сложный феномен, пока не получивший однозначного осмысления, которое воспринимается научной общественностью радикально полярно: от апологитического, порой экзальтированного, принятия и восхваления до обвинения во всех смертных грехах. Применительно к постмодернизму (точнее — к постмодерну) можно, как это делают некоторые авторы начиная с А. Тойнби, говорить о новой эпохе, приходящей на смену модерну. Отрицать отличия, произошедшие в экономике, социальной структуре, политике, юридической сфере в это время (конец XX в.) не приходится. Однако поиск «трех отличий» (или более) постиндустриального или информационного общества от капиталистического — занятие малопродуктивное, так как наименование чего-либо всегда будет неполным и, хотя бы, и относительно произвольным[11] относительно значения и содержания означаемого. Можно сколь угодно долго спорить о том, есть ли сущностное отличие мира, в котором мы живем, от того, который был в XX в., но стоит помнить, что такого рода споры всегда являются «сущностно оспоримыми».

Неоспоримо же то, что, в отличие от постмодернизма во всех его проявлениях, ПКИП предлагают позитивную программу, которая позволяет (в определенной степени) отвечать на вызовы критики эпохи модерна и классической философии права[12]. При этом следует иметь в виду, что ПКИП — повторим еще раз — это не одна теория или концепция, а несколько подходов. Среди них уместно назвать не только коммуникативную и диалогическую теории, но и антропологию права, юридическую дискурсивную семиотику и лингвистику, культурологию (культуральные исследования) права, правовую герменевтику и некоторые другие концепции. Их объединяет признание многомерности, потенциальной неисчерпаемости бытия (и существования) права, его перманентной изменчивости, человекомерности (антропности), культурной, знаковой опосредованности (шире — содержательности), имманентной интерпретируемости правовой реальности. Объективность как краеугольный камень классической философии, элиминирующая субъективность из процесса научного познания, заменяется интерсубъективностью.

Важнейшим положением ПКИП является признание многомерности или полиреферентности права. В самом деле, что можно считать референтом слова «право»? Очевидно, что право не ограничивается внешними формами, в которых оно проявляется. Но и «идея права», как бы она не понималась, также не охватывает все модусы бытия этого феномена (тем более что между идеей и ее воплощением на практи-

(хотя, на наш взгляд, очень важную роль в этом процессе, по крайней мере для социогуманитарного знания, сыграли неокантианцы), явили собой переворот в «стратегиях философствования». Первыми об этом заявили М. Фуко (в 1966 г.) и М. К. Мамардашвили с соавторами (в 1970 г.). См.: *Кузнецов В. Ю.* Указ. соч. С. 139.

[10] Интересные наблюдения лингвистов дают основание согласиться с этим утверждением. Еще в 1970–1980 гг. студент в качестве слова-фразы «паразита» оптимистично использовал «на самом деле»; в 1990-е гг. — вероятностное «как бы», сегодня (это наблюдение автора, не претендующее на репрезентативность) — «получается…».

[11] Как известно, знак, кроме иконического, всегда произволен применительно к значению и референту.

[12] «Классику» и модерн вслед за М. Фуко, конечно, можно различать, если придерживаться его подхода. Однако господствующая картина мира эпохи Просвещения и модерн как социогуманитарный проект имеют, с нашей точки зрения, гораздо больше общего, чем отличий.

ке никогда не может быть тождества). С другой стороны, полностью отрицать «референтность» термина «право» вряд ли оправданно. Оно отсылает к человеку, его действиям по конструированию и воспроизводству норм права, включая их внешнее закрепление (оформление), к результатам его действий, к значениям и смыслам, приписываемым как действиям, так и результатам. Право также отсылает к своему историческому и социокультурному контексту, к обстоятельствам, влияющим на процесс его — права — функционирования, к взаимообусловленности права и экономикой, политикой, демографией и всеми другими социальными и природными (для экологического, например, права) явлениями. Как раз в этом и кроется парадокс — право связано со всеми социальными и многими (если, в определенной степени, не со всеми) техническими и природными феноменами, и потому очертить его границы чрезвычайно сложно: они описываются для дня сегодняшнего и очевидно будут пересмотрены завтра.

Важно то, что признание многогранности и многомерности, а также сложностности (по терминологии Э. Морена) и комплексности нашего мира — это как раз отличительная черта неклассической или постклассической философии. Классическая философия описывается М. К. Мамардашвили как целостное и цельное, единое «умонастроение», в то время как неклассическая характеризуется им как мозаичная, фрагментарная[13]. М. Хайдеггер, в свою очередь, подчеркивал, что мир не является предметом, который «стоит перед нами». «*Мир бытийствует*»[14]. В постклассической же философии постулируется «ускользание бытия» (Ф. И. Гиренок). Поэтому проекты классической философии найти единое универсальное основание бытия и сознания и просветителей создать идеальное общество, основанное на познанных законах бытия и мышления, не могут быть реализованы «по определению»[15]: как утверждается в постклассической философии, не существует единого, содержательно универсального основания мироздания, а имеет место множественность таковых или, как считает Э. Морен, «единство во множественности и множественность в единстве»[16].

Отсюда вытекает важнейшее положение постклассической философии права: право невозможно определить одним, единственно правильным, содержательно-универсальным способом. Известный философ К. А. Свасьян по этому поводу заявляет: ни один объект не существует в изоляции. Поэтому определить что-либо можно только через его соотнесение с другими объектами. Пределы такого расширения потенциально выходят за границы «смыслового объема Вселенной как таковой»[17]. Это же, очевидно, относится и к праву. Все его универсальные определения могут быть только формальными; содержательность права имманентно контекстуальна. Это не означает утверждение волюнтаризма, релятивизма и произвола, но вписывает содержательность в исторический и социокультурный контекст. Так, взаимное признание прав и обязанностей, правовой диалог или принцип формального равенства как основания права в коммуникативной, диалогической и либертарной концепциях права наполняются конкретным практическим содержанием в исторически данном социуме, в котором господствует именно такая правовая культура, которая задает содержательные критерии того, что считается признанием, а что грубым, «агрессивным» насилием, взаимностью и принудительной навязанностью и т. д.

Еще одним важным положением постклассического подхода или научно-исследовательской программы является неустранимая роль человека — носителя статуса субъекта права. Классическая философия (и философия права) со времен Декарта элиминировала субъекта из научного познания как фактор, мешающий достижению объективности знания. Неклассическая философия, как упоминалось выше, признает имманентность субъекта-наблюдателя, от позиции которого и методов, им используемых, зависит процесс и результат научного исследования. При этом субъект трактуется не как точка отсчета или трансцендентности науки, но как человек «из плоти и крови» (как пишет Б. Мелкевик), конструирующий и воспроизводящий своими практиками правовую реальность. Более

---

[13] *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. С. 107, 142.

[14] *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 143.

[15] В. Ю. Кузнецов утверждает, что проект классической философии, который состоял в «достижении онолого-гносеологического рая» или хотя бы его модели, оказался невыполненным. См.: *Кузнецов В. Ю.* Указ. соч. С. 139.

[16] *Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 183–184.

[17] *Свасьян К. А.* Феноменологическое познание: пропедевтика и критика. М.: Альма Матер, 2010. С. 137. (Современная русская философия). EDN: QWYJCL

того, он сам конструируется этими практиками. Другими словами, в этом процессе имеет место диалог личностного начала (проявляющегося в потребностях, интенциях, ожиданиях и других субъективных моментах) и структуры, которая как ограничивает, так и создает возможности для самореализации личности (как указывает Э. Гидденс). Личность в правовом смысле социализируется благодаря приобщению к структурам права, но в то же время эти структуры конструировались (как правило, в сложном процессе конкурентной борьбы за право официальной юридической номинации социального мира, как сказал бы П. Бурдье) человеком, его практиками и субъективными факторами. Структуры, как известно, «не выходят на улицы», но существуют в практиках конкретных людей.

Еще одной важной особенностью ПКИП является их практическая ориентированность. Преодоление (как дополнение, но не отрицание!) или переосмысление классической юридической догматики позволит вернуть теории права тот статус, который она заслуживает. А для этого необходимо отказаться от игр в терминологию, которой в основном и заняты теоретики права (или преподаватели теории права, по долгу служебных обязанностей вынужденные писать научные публикации).

Мы не ставим под сомнение важность терминологической четкости, но нельзя не заметить, что, во-первых, обеспечить идеальность юридических номинаций и дефиниций невозможно в силу нескольких причин. Юриспруденция не может не использовать естественный язык, а он, как доказали неопозитивисты и представители аналитической философии, несовершенен «по определению». Поэтому неизбежны метафоры, оценочные понятия и многозначные дефиниции в юридических конструкциях. Кроме того, полное и исчерпывающее описание всегда оборачивается либо тавтологией, либо регрессом в «дурную бесконечность», либо (что чаще всего и происходит) — насильственным прерыванием таких предприятий с явно завышенными ожиданиями. Следует вспомнить в этой связи и об ограниченности человеческой рациональности, а также о текучести, изменчивости (или инфляции, как изящно выразился Н. Рулан) законодательства и правовой реальности как таковой.

Но важнее другое (и это — во-вторых). Сами по себе дефиниции, сколько бы выверенными они ни были, не способны обеспечить идеальное правовое регулирование (хотя без них таковое невозможно), так как действие права, хотим мы того или нет, — это действия людей, которые в правовой сфере образуют правоотношения и простые формы реализации норм права (соблюдение, исполнение и использование). Поэтому человеческий фактор имманентен правовому регулированию. А это говорит о том, что нужно изучать не только процедуры, правовые средства, техники и технологии реализации права, но и, собственно говоря, человеческие практики, в которых всё это воплощается. Они же, в свою очередь, включают ментальный и поведенческий аспекты, потребности, интересы, мотивацию, интенцию, цель, принятие решения, результат, но и контекст в виде внешних факторов (и их восприятия правосознанием), воздействующих на принятие решения и результат в конкретной жизненной ситуации. Другими словами, речь идет о том, чтобы социологизировать догматику права и юридическую технику, наполнить их человеческим измерением.

Выводы

Несомненно, существуют и другие важные аспекты ПКИП, которые невозможно отразить в одной статье. Представляется важным подчеркнуть, что в эпоху «новой серьезности», которая пришла на смену постмодернизму, ПКИП не пытаются «сбросить на свалку истории» классическую юриспруденцию и объявить себя новой парадигмой, а претендуют на развитие правоведения в новых условиях. В этой связи чрезвычайно плодотворной следует признать идею В. С. Степина[18] о том, что три типа рациональности — классический, неклассический и постнеклассический — не отвергают друг друга, а сосуществуют в современной философии и науке. Классическая наука исследует так называемые простые объекты традиционными научными методами (например, проводя анализ когеренции догмы права, собирая эмпирический материал, выявляя корреляции права с другими социальными явлениями) и справляется с этим должным

[18] *Степин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: материалы международной научной конференции «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012. С. 18–19.

образом. Сложные объекты, в которых неустранима позиция внешнего наблюдателя, а результат научного исследования зависит от того, как, какими методами оно проводится, предполагают использование неклассической методологии, например, включенное наблюдение и другие так называемые «качественные» социологические методы. Одновременно неклассическая методология подразумевает анализ использования знаковости (дискурсивности) в описании и объяснении права в его динамике.

Так называемые «сверхсложные объекты», открытые, например, синергетикой в конце XX в., отличаются стохастичностью, диссипативностью, непредсказуемостью в точках бифуркации, в том числе из-за неустранимости ценностного, социокультурного контекста в процессе их научного исследования. Человекомерность такого рода объектов — это их двойная или тройная рефлексивность, вне которой такого рода объекты не могут быть признанными как «существующими для нас» (что не исключает их «существование для себя или в себе»). Методология рефлексивной герменевтики, диалогики, критического дискурс-анализа позволит адекватно представить научно-исследовательскую программу ПКИП, призванную исследовать динамику или механизм конструируемости правовой реальности и ее воспроизводимости практиками людей в контексте внешних факторов, интериоризируемых правовой культурой. Всё это, как представляется, наглядно свидетельствует о перспективах и важности дальнейших исследований постклассического подхода (или направления) в юриспруденции.

Список источников

1. *Гилинский Я.* Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. 242 с.
2. *Исмайылов Р. Н.* Криминология в обществе постмодерна. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. 96 с.
3. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография: в 2 т. / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова, предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 373 с. EDN: TEGJDD
4. Критические теории права / Д. С. Артамонов, М. В. Антонов, М. А. Белов [и др.]. СПб.: Алетейя, 2023. 390 с. EDN: WTVLNZ
5. *Кузнецов В. Ю.* Постнеклассическое единство мира. М.: РИПОЛ классик, 2023. 464 с. EDN: RMLHDC
6. Культуральные исследования права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2018. 466 с. EDN: XYUDWP
7. Легитимность права: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2019. 496 с.
8. *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. 283 с.
9. *Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 488 с.
10. Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова, СПб.: Алетейя, 2017. 490 с. EDN: YKULQN
11. *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: избранные труды. 2014. 575 с. EDN: UXPFSN
12. Постклассическая онтология права / А. С. Александров, И. А. Александрова, Н. В. Андрианов [и др.]. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с. (Толкование источников права). EDN: WMYBQJ
13. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / И. В. Боровцов, Я. И. Гилинский, Л. А. Голубева [и др.]. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с. EDN: KLUMOD
14. Правогенез: традиция, воля, закон / О. С. Батова, Е. А. Брылева, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. СПб.: Алетейя, 2021. 480 с. (Толкование источников права). EDN: SDSMUH
15. Релятивизм в праве / М. В. Антонов, М. А. Белов, В. Г. Веренич [и др.]. СПб.: Алетейя, 2021. 349 с. EDN: TTIZJP
16. *Свасьян К. А.* Феноменологическое познание: пропедевтика и критика. М.: Альма Матер, 2010. 206 с. (Современная русская философия). EDN: QWYJCL

17. *Степин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012. С. 7–20.
18. Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. 526 с.
19. Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2025. 612 с.
20. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения: избранные работы разных лет / М. Хайдеггер; Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. А. В. Михайлова]. М.: Академический Проект, 2008. 527 с. (Философские технологии). EDN: QWTDYP
21. *Честнов И. Л.* Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 112–123. EDN: RZDHJN
22. Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы / Л. А. Голубева, Н. Н. Ефремова, В. В. Ефремова [и др.]. СПб.: Алетейя, 2020. 464 с. EDN: UDAAFX

Об авторе:

Честнов Илья Львович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; e-mail: ilchestnov@yandex.ru

References

1. Gilinsky, Ya. (2024) Criminology and deviantology of postmodernity. *Aleteya.* 242 p. (In Russ.)
2. Ismayilov, R. N. (2018) Criminology in postmodern society. *Alef-Press*. 96 p. (In Russ.)
3. Antonov, M. V., Chestnov, I. L. (eds) (2014) Theory of legal communication and problems of the contemporary jurisprudence: Essays in honor of the 60th anniversary of professor Andrey V. Polyakov: Collective monograph: in 2 vol. *Alef-Press.* 373 p. (In Russ.)
4. Tonkov, E. N., Osvetimskaya, I. I. (eds) (2023) Critical theories of law: Collective monograph. *Alethea.* 390 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov, V. Yu. (2023) Post-nonclassical unity of the world. *RIPOL classic.* 464 p. (In Russ.)
6. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2018) Cultural studies of law: A collective monograph. *Aleteya.* 466 p.
7. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2019) Legitimacy of law: A collective monograph. *Aleteya.* 496 p. (In Russ.)
8. Mamardashvili, M. K. (2004) Classical and nonclassical ideals of rationality. *Logos.* 283 p. (In Russ.)
9. Morin, E. (2005) Method. The Nature of nature. *Progress-Tradition.* 488 p.
10. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2017) Paradigms of legal hermeneutics: A collective monograph. *Aleteya.* 490 p. (In Russ.)
11. Polyakov, A. V. (2014) Communicative legal understanding: Selected works. 575 p. (In Russ.)
12. Alexandrov, A. S., Alexandrova, I. A., Andrianov, N. V. [et al.] (2016) Postclassical ontology of law: A collective monograph. *Aleteya.* 688 p. (In Russ.)
13. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2023) Postclassical studies of law: prospects for a scientific and practical program: A collective monograph. *Aletheia.* 500 p. (In Russ.)
14. Romashov, R. A. (eds) (2021) Pravogenesis: traditions, will, law: a collective monograph. *Aletheia.* 480 p. (In Russ.)
15. Osvetimskaya, I. I., Tonkov, E. N. (eds) (2021) Relativism in law: A collective monograph. *Aletheia.* 348 p. (In Russ.)

16. Svasyan, K. A. (2010) Phenomenological cognition. Propaedeutics and Criticism. *Academic Project.* 206 p. (In Russ.)
17. Stepin, V. S. (2012) Scientific rationality in the technogenic culture: Types and historical evolution. *IFRAN*. Pp. 7–20. (In Russ.)
18. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2024) Interpretation of law: Classics and postclassics: A collective monograph. *Aletheia.* 526 p. (In Russ.)
19. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2025) Anthropology of law: Postclassical research program: A collective monograph. *Aletheia.* 612 p. (In Russ.)
20. Heidegger, M. (2008) The Origin of the Work of Art. *Academic Project*. 527 p.
21. Chestnov, I. L. (2013) The postclassical communicative concept of law as an "invisible college". *News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 5 (310). Pp. 112–123. (In Russ.)
22. Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2020) Legal thinking: classical and postclassical paradigms: A collective monograph. *Aletheia.* 464 p. (In Russ.)

About the author:

Ilya L. Chestnov, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; e-mail: ilchestnov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GYCYTA

BY-SA

Дата поступления статьи: 31.03.2025
Дата поступления рецензии: 07.05.2025
Дата принятия статьи к публикации: 05.08.2025

Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира

Разуваев Н. В.
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены основные закономерности и движущие силы эволюции государства на конкретно-историческом материале эволюции государств Древнего мира. По мнению автора, выявление таких закономерностей затруднено тем, что исторический процесс невозможно отождествить с природными процессами и явлениями, поддающимися количественному описанию и формулированию на этом основании всеобщих законов. Автор считает более уместным использовать категорию смысла всемирной истории, на основе которой раскрывается специфика исторического процесса применительно к различным правовым традициям прошлого, в частности к государствам Древнего мира, являющимся предметом исследования.

Методология и материалы. Исследование основано на постклассической методологии, которую развивают современные теоретики и историки права (С. В. Кодан, Д. А. Пашенцев, А. В. Поляков, И. Л. Честнов и др.). К числу основных методов исследования относятся социально-антропологический, феноменологический, культурно-исторический, семиотический и другие методы, дополняющие традиционно используемую в литературе классическую (позитивистскую) методологию.

Результаты исследования и их обсуждение. Автор выделяет основные факторы эволюции государств Древнего мира, к числу которых относятся: во-первых, универсализация духовных (нравственных, религиозных, правовых, политических и иных) ценностей; во-вторых, совершенствование средств знаковой коммуникации, способствующее передаче культурной информации всё большему количеству людей и тем самым вовлекающее их в правовое и политическое общение; в-третьих, рост структурной сложности государств, выступающий ответом на вызовы, создаваемые внешней, социальной и культурной, средой; в-четвертых, взаимные влияния культурных традиций, способствующие передаче исторического опыта. Делается вывод о том, что переход на каждую последующую ступень эволюции государства способствует всё более глубокому раскрытию смысла всемирной истории, а также достижению человечеством единства в многообразии, что является целью и назначением исторического развития.

Выводы. Смысл мировой истории, раскрывающийся в ходе всемирно-исторического развития, предопределяет его целенаправленный характер. При этом цель мировой истории, в том числе истории государств Древнего мира, является характеристикой самого развития, определяющей его общую направленность и основные этапы. Представляется, что подобное понимание цели как максимально полного раскрытия аксиологического содержания всемирной истории снимает вопрос о так называемом конце истории, достижимом хотя бы в отдаленной исторической перспективе.

Ключевые слова: всемирная история, эволюция, ценности, Древний мир, античность, государство, община, полис, империя.

© Разуваев Н. В., 2025
© Razuvaev N. V., 2025

Для цитирования: *Разуваев Н. В.* Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 22–40. EDN: GYCYTA

The article was submitted: 31.03.2025
The article approved after reviewing: 07.05.2025
The article accepted for publication: 05.08.2025

The Meaning of World History and The Evolution of States of The Ancient World

Razuvaev N. V.
The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The article attempts to examine the main patterns and driving forces of state evolution using specific historical material from the evolution of states in the Ancient World. According to the author, identifying such patterns is difficult because the historical process cannot be identified with natural processes and phenomena that can be quantitatively described and formulated on this basis as universal laws. The author believes that it is more appropriate to use the category of the meaning of world history, on the basis of which the specific historical process is revealed in relation to various legal orders and legal traditions of the past, in particular to the states of the Ancient World, which are the subject of the study.

Methodology and materials. The study of the subject is carried out on the basis of post-classical methodology developed by modern theorists and historians of law (S. V. Kodan, D. A. Pashentsev, A. V. Polyakov, I. L. Chestnov, et al). The main research methods used in this work include, first of all, socio-anthropological, phenomenological, cultural-historical, semiotic and other methods that complement the classical (positivistic) methodology traditionally used in literature.

Results of the study and their discussion. The author identifies the main factors in the evolution of the states of the Ancient World, which include: firstly, the universalization of spiritual (moral, religious, legal, political and other) values; secondly, the improvement of the means of sign communication, which facilitates the transfer of cultural information to an increasing number of people and thereby involves them in legal and political communication; thirdly, the growth of the structural complexity of states, which is a response to the challenges created by the external, social and cultural environment; fourthly, the mutual influences of cultural traditions that facilitate the transfer of historical experience. Based on the conducted study, it is concluded that the transition to each subsequent stage of the evolution of the state contributes to an increasingly deeper and more complete disclosure of the meaning of world history, as well as the achievement of unity in diversity by humanity, which is the goal and purpose of historical development.

Conclusions. The meaning of world history, revealed in the course of world-historical development, predetermines its purposeful nature. At the same time, the goal of world history, including the history of the states of the Ancient World, is a characteristic of the development itself, determining its general direction and main stages. It seems that such an understanding of the goal as the most complete disclosure of the axiological content of world history removes the question of the so-called “end of history”, achievable at least in the distant historical perspective.

Keywords: world history, evolution, values, ancient world, antiquity, state, community, polis, empire.
For citation: Razuvaev, N. V. (2025) The Meaning of World History and The Evolution of States of The Ancient World. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 22–40. (In Russ.)

Введение

Многие полагают, что обсуждать *смысл всемирной истории* применительно к человечеству в целом является столь же пустым и тщетным занятием, как и обсуждение *смысла жизни* применительно к отдельному человеку. Одно из наиболее ярких выражений такой позиции принадлежит А. Камю, полагавшему, что единственно допустимая постановка вопроса о смысле жизни заключается в том, «стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить»[1]. Эта убежденность стала чуть ли не всеобщей в эпоху постмодерна[2], для которой вопросы о смысле жизни и смысле истории принадлежали к числу псевдопроблем, порожденных наивным стремлением философов обнаружить тайны бытия там, где трезвому научному разуму видятся только эмпирические факты, подлежащие эмпирическому же исследованию методами точных, естественных или социальных наук[3].

Представляется, что в гуманитарном познании последовательная реализация подобной установки ограничивает предметную область таких дисциплин, как история, искусствознание, психология и даже юриспруденция, где познавательная ценность универсальных моделей проблематична. Еще Г. Риккерт, размышляя о причинах неприменимости естественнонаучной методологии к наукам о социальном и духовном мире, пришел к выводу о принципиальном различии двух видов познания, представленных, с одной стороны, *науками о природе* и, с другой стороны, *науками о духе*. По мнению философа, отличительной особенностью естественных наук является применение генерализующего метода, направленного на образование *общих понятий*. Напротив, в науках о культуре, всегда имеющих своим предметом исторически изменчивые сугубо уникальные явления, применяется индивидуализирующий метод, направленный на выявление качественного своеобразия рассматриваемых феноменов. Оправданность его применения в науках о духе (или в гуманитарных науках) объясняется тем, что в центре их внимания находится исторический процесс как процесс становления и непрерывного изменения единичных явлений[4].

Эта дихотомия, пользующаяся популярностью и в современной литературе, при всей своей кажущейся логической стройности, нуждается в коррективах. Прежде всего, может сложиться впечатление, будто необходимое условие применения генерализующего метода состоит в том, что формулируемые на его основе общие понятия имеют внеисторический характер, словно бы самой сутью исторической науки является описание только единичных фактов, в противоположность наукам теоретическим, обобщающим доступный им эмпирический материал. Подобного мнения придерживался, как известно, М. Вебер, сделавший предметом своей теоретической социологии выведение общих понятий, описывающих исторические феномены, в частности, понятие *капитализма*, в равной мере применимое и к раннебуржуазным обществам XV–XVI вв., и к развитым индустриальным, а также постиндустриальным системам наших дней[5].

Более того, некоторые историки (в том числе историки государства и права[6]) идут еще дальше, видя в общих понятиях *капитализма* и *феодализма* такие универсальные категории, которые, чередуясь, сменяют друг друга во все исторические эпохи, задавая тем самым динамику исторического процесса в целом[7]. Нет сомнений, что такие теоретические обобщения, ориентированные на гене-

---

[1] *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 24.

[2] По мнению Ж. Ф. Лиотара, категорический отказ обсуждать вопрос о смысле исторического процесса, симптоматичный для интеллектуальной ситуации постмодерна, относится к числу наглядных проявлений недоверия в отношении метанарративов, одним из которых является история человечества. См.: *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 10–11.

[3] См. об этом: *Ломакина И. Б., Честнов И. Л.* Постгуманизм как вызов антропологии права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 31–32. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03. EDN: ERWPEW. Учитывая лингвистический поворот, переживаемый философией и социально-гуманитарным познанием, возникает искушение сделать вывод, что смысл истории, смысл жизни и т. п. есть смысл, приобретаемый соответствующими словами в контексте той или иной языковой игры.

[4] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 67–74.

[5] См.: *Вебер М.* Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44 и след.

[6] Так, Е. Б. Хохлов применяет с известными оговорками термин «буржуазия» к свободному торгово-ремесленному населению классических греческих полисов V–IV вв. до н. э. Остается, правда, открытым вопрос, насколько соответствуют капиталистическому способу производства, сколь бы широко его ни понимать, развитые рабовладельческие отношения. См.: *Хохлов Е. Б.* Организация хозяйства и труда в античную эпоху // Российский ежегодник трудового права. 2010. № 5. С. 12. EDN: MULTXJ

[7] См.: *Мейер Э.* Экономическое развитие Древнего мира. М.: Труд, 1910; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1926; *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118–129 и др.

рализующий метод, применяемый в естественных науках, грешат излишним схематизмом, вступая в неизбежное противоречие с историческим материалом. В самом деле, определяя античное общество как «капиталистическое», мы отдаем дань известной модернизаторской тенденции, отождествляя господствующий в Древнем мире способ производства, являвшийся по преимуществу аграрным, с индустриальным производством, не просто присущим капитализму Нового времени, но и определявшим его основные характеристики (такие как свободное производство и предпринимательство, концентрация капитала, преобладание частной собственности, национальные государства и т. п.). Неслучайно переход к постиндустриальной экономике в наиболее развитых регионах мира означал в этих регионах конец капитализма как такового.

Вместе с тем ошибочной представляется и противоположная тенденция, состоящая в преднамеренной архаизации обществ прошлого, якобы не имевших ничего общего с современным обществом во всем, включая экономику, политические отношения, право, культуру и даже человеческую личность (являвшуюся то ли принципиально лишенной индивидуального начала, как полагают одни авторы, то ли сугубо индивидуалистичной, по мнению других). На примере этих двух крайностей, как искусственной модернизации, так и искусственной архаизации явлений прошлого, легко убедиться в правильности высказывания современного исследователя, по словам которого, античная экономика, подобно любой иной стороне античной жизни, «не была ни „капитализированной“, ни патриархальной, она была *особенной*, и в этом все дело»[8].

Методология и материалы

Таким образом, цель настоящей работы состоит в том, чтобы попытаться обосновать и раскрыть значение *смысла всемирной истории* как фундаментального общего понятия, определяющего основные направления и этапы исторического развития человечества. В условиях тотального недоверия к метанарративам, ранее выполнявшим смыслообразующую функцию, экспликация смыслового измерения человеческого бытия на всех его уровнях, включая историческое измерение, приобретает особенную актуальность для гуманитарного познания[9]. Не составляют исключения и правовые науки, для которых утрата смысловой определенности предмета исследования приобрела далеко идущие последствия не только в познавательном, но и в практическом отношениях.

В статье предпринята попытка продемонстрировать, что смысл всемирной истории проявляет себя со всей наглядностью в эволюции государственных образований — от момента их зарождения до наших дней. Решение этой задачи на колоссальном массиве эмпирического материала невозможно в рамках одного исследования, оно требует совместных усилий всех представителей историко-юридического сообщества. Поэтому представляется целесообразным ограничить предмет исследования в данном случае эволюцией государств Древнего мира, рассмотрев ее основные вехи и факторы в контексте сформулированной выше общей гипотезы. В плане обоснования последней древняя история представляется особенно релевантной.

В период между III тысячелетием до н. э. и серединой I тысячелетия н. э. процессы генезиса и эволюции государства происходили с особой скоростью и сопровождались тектоническими изменениями социальных структур под влиянием множества обстоятельств: действием экологических факторов, появлением новых технологий и социально-экономических укладов, революционных преобразований в духовной сфере и т. п. С учетом интенсивности перечисленных процессов древность, особенно античную древность, с достаточными на то основаниями можно сравнить с эпохой модерна, наступление которой сопровождалось столь же мощными тектоническими сдвигами в социально-экономической,

[8] *Андреев В. Н.* Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1981. № 3 (157). С. 27.

[9] См. подробнее об этом: *Пашенцев Д. А.* Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. DOI: https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50

политической и духовной сферах[10]. При этом рискнем предположить, что древнее государство является гораздо более «компактной» и лучше поддающейся описанию моделью, чем государство Нового времени, хотя бы в силу обозримости эмпирического материала[11].

Для достижения цели настоящего исследования решались следующие задачи: раскрытие аксиологического основания смысла мировой истории на конкретном примере римского государства, оказавшего мощное стимулирующее влияние на последующее развитие государства в контексте западной правовой традиции; рассмотрение на фактическом материале основных факторов и движущих сил эволюции государств Древности, а именно совершенствования средств знаковой коммуникации, усложнения социальных структур с целью повышения эволюционной устойчивости последней и взаимного влияния, оказываемого друг на друга культурными традициями; применение постклассических (постнеклассических) методов, в настоящее время приобретающих всё большее значение в историко-правовых исследованиях.

Поскольку смысловое измерение мировой истории, включая историю права и государства, на протяжении многих веков занимало умы ведущих философов и ученых, методология ее исследования также развивалась под влиянием различных факторов, среди которых ведущую роль играла смена идеалов научной рациональности, а именно переход от классики к неклассике, а затем и к постнеклассике. В рамках этих различающихся своими идейными и методологическими основаниями типов рациональности проблема смысла и назначения мировой истории получала диаметрально противоположные решения, в том числе применительно к эволюции государства. Можно утверждать, что в контексте постнеклассической эпистемологии категория смысла приобретает особое теоретическое значение и методологическую нагрузку. Как справедливо указывается в литературе, «в истории (и истории права) во второй половине XX в. возникают и активно развиваются новые методологические подходы, которые задают онтологию восприятия и оценки прошлого: история ментальностей и историческая антропология; история понятий и дискурса, новая интеллектуальная история; нарративная история; микроистория; устная история и др.»[12].

Перечисленные подходы нанесли сокрушительный удар по «традиционной», то есть позитивистской, историко-правовой науке, ориентированной на описание эмпирических фактов, законодательных памятников прошлого, чье содержание зачастую было не релевантно социально-историческому и культурному контексту соответствующих эпох. Последнее обстоятельство придает особую значимость выявлению смысла исторических феноменов, равно как и исторического процесса в целом. В последние годы смысловое измерение исторических феноменов получило глубокое и всестороннее рассмотрение в работах сторонников постклассического правопонимания, прежде всего таких, как А. А. Дорская, С. В. Кодан, И. Б. Ломакина, В. И. Павлов, Д. А. Пашенцев, Д. Ю. Полдников, И. Л. Честнов и др.[13]

Эти и другие исследователи активно развивают постклассическую методологию историко-юридического познания, применяя феноменологический («эйдетический»), социально-антропологический, сравнительный, культурно-исторический, семиотический и другие методы, направленные на прояснение широкого социально-исторического контекста, в рамках которого протекает эволюция государств в целом и эволюция государств Древнего мира в частности[14]. Эта методология, используемая и в настоящей

---

[10] См. подробнее: *Полдников Д. Ю.* Сравнительная история зарубежного права. В 2 т. Т. I. Правовые традиции Древности и Средневековья. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. С. 36 и след.

[11] Как отмечает Э. Хобсбаум, «одному историку невозможно знать всю историографию двадцатого века, даже историографию на каком-либо одном из основных языков, в отличие от специалиста по классической античности или истории Византийской империи, который знает не только всю литературу, написанную в эти периоды, но также и более позднюю литературу о них» (*Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. С. 7).

[12] *Честнов И. Л., Ломакина И. Б.* Социокультурная антропология права как историко-правовая методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 46. DOI: https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49

[13] См.: *Честнов И. Л.* Постклассическая методология правовых исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 14–21. EDN: LIGMQZ

[14] Совокупность методов, используемых постклассической историко-правовой наукой, получила развитие в рамках так называемого мемориального поворота. См. подробнее об этом: *Тихонова С. В.* Коммуникативная теория права в цифровую эпоху. Дисс. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2025. С. 276 и след.

работе, призвана дополнить традиционно применяемые в литературе юридико-догматический, логико-грамматический, герменевтический и иные классические методы правового познания.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Смысл истории как ценностная основа эволюционного процесса

Для правильного понимания исторической специфики государств Древнего мира явно недостаточно простого фактографического описания, к которому сводится индивидуализирующий метод, поскольку многообразие исторических фактов требуется систематизировать и упорядочивать, руководствуясь некоей концепцией. Однако такая концепция не может быть преднаходимой историческому процессу, подобно неким «законам истории», каждый из которых обладает значительной долей условности, в силу чего неудачей завершались любые попытки уподобить их законам, действующим в природном мире. Любые объяснения исторического процесса могут иметь лишь качественный характер, и эти объяснения должны быть направлены на поиски его смысла, играющего в социально-гуманитарном познании ту же роль, какую законы играют в познании природы.

Представляется, что, в отличие от природных законов, воплощающих в себе действие *принципа причинности*, смысл истории *телеологичен*, он получает свое объяснение в свете той конечной цели, на достижение которой направлен исторический процесс. Данное утверждение может вызвать скептическое восприятие в наши дни, когда любые схемы исторического процесса, выстраивавшиеся не только в отдаленном прошлом, но и в относительно недавнее время, потерпели, на первый взгляд, впечатляющую неудачу. Велико искушение сделать на этом основании и другой вывод, а именно, что не существует осмысленной Большой Истории, а имеется множество малых (частных) историй, лишенных своего смысла[15]. Полагающие так не учитывают разноплановость, многослойность всемирной истории, включающей в себя множество *историй* (культурную, политическую, социально-экономическую), излагаемых применительно к различным субъектам (народам, обществам, цивилизациям, отдельным индивидам) и под разными углами зрения.

Именно поэтому смысл всемирной истории видится нам в качестве синтетической категории, сквозь призму которой каждая из частных историй, вполне возможно не имеющая смысла как таковая, перестает быть цепью случайных событий, но превращается в процесс, обладающий внутренним единством и когерентностью. По сути, речь идет об *истории как эволюции* человечества, причем эволюции, направленной на максимальное осознание людьми своего духовного единства, которое, вне всяких сомнений, достигается посредством максимальной реализации цивилизационного многообразия и одновременно путем преодоления барьеров, разделяющих цивилизации, препятствуя их взаимопониманию и диалогу.

Диалектика исторического развития, соединяющего в себе как «системные» (поступательные), так и «алеаторные» (скачкообразные) изменения, особенно ярко проявляет себя в истории Древнего Рима, прошедшего через серию революций, радикально изменявших дальнейший ход событий. К числу таких революций относятся революция 509 г. до н. э., установившая республиканский строй, революция 367 г. до н. э., расширившая власть плебса и приведшая к появлению должности городского претора (praetor urbanus), «революция братьев Гракхов» (II в. до н. э.), уравнявшая патрициев и плебеев в имущественных правах. Но сюда также следует отнести и не менее значимую «революцию Тарквиниев» 616 г. до н. э., устранившую племенное деление римской общины, что в дальнейшем способствовало

[15] См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. II. Время лжепророков. Гегель, Маркс и иные оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 311. Убежденностью в том, что история человечества есть не что иное, как интеллектуальный фантом, был продиктован призыв итальянского философа Б. Кроче «навсегда отказаться от познания всеобщей истории» (*Кроче Б.* Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 25). Следует, однако, различать всеобщую историю, представляющую собой механическую совокупность частных историй, и историю человечества как феномен, обладающий смысловым измерением, гарантирующим внутреннее единство.

появлению единой civitas, и революцию Ливия Друза 91 г. до н. э., расширившую права италиков, в том числе в сфере судопроизводства.

А разве res publica restitutio, инициированная императором Августом в 27 г. до н. э., по своим масштабу и последствиям не имела революционного характера, при всей консервативности своего идеологического оформления, ввиду чего ее следует с достаточными на то основаниями назвать «Цезарианской революцией»?[16] Легко видеть, что каждая из перечисленных революций способствовала как территориальному расширению Pax Romana, так и преодолению внутренних разделений (племенных, внутриобщинных, межгосударственных и т. п.) при сохранении культурной идентичности и политической автономии народов, входивших в состав Римской империи[17]. Даже в позднейшей империи, на первый взгляд унифицированной Диоклетианом, Константином Великим и Феодосием I, сохраняется исторически сложившийся симбиоз западной и восточной частей, до последнего момента осознававших свою принадлежность к одной, если можно так выразиться, материнской цивилизации.

Позднее античная модель организации имперского пространства реализовывалась средневековыми империями (Византийской и Священной Римской), каждая из которых, позиционируя себя в качестве «подлинной» Римской империи, на деле поддерживала непрерывность ее существования в пространственной и временной перспективах[18]. Отталкиваясь от опыта «долгой Римской империи», эволюция которой в течение почти 2 тыс. лет определяла общий ход западной истории, можно прийти к выводу, что и смысл всемирной истории состоит в максимальном приближении человечества к такому состоянию, которое мы можем обозначить как *единство в многообразии*.

Это единство в многообразии имеет множество различных проявлений, и наиболее важен среди них диалог культурных ценностей, определяющих содержание человеческой коммуникации во всех ее измерениях, включая коммуникацию политическую и правовую. Уже на первичном уровне, каковым является жизнь каждого из нас, ценности выступают основным мотивирующим фактором поведения, определяющим его цели. Приходится признать, что в отсутствие такой цели человеческое существование утрачивает имманентно присущее ей системное единство, распадаясь на множество не связанных между собой поведенческих актов, зачастую имеющих чисто инстинктивный характер[19]. Примечательно, что такое, неотделимое от смысла, целеполагание имеет не только осознанный рациональный характер, но и проявляется на бессознательном уровне.

Следовательно, уже в человеческом поведении проявляет себя универсальный характер базовых (традиционных) ценностей, таких как благополучие, знания, добро, любовь, свобода, ответственность, справедливость, патриотизм, служение ближним, вера в Бога и т. п.[20] Важно отметить, что каждая из перечисленных ценностей имеет множество рациональных, иррациональных, а также сверхрациональных манифестаций, «наслаивающихся», по выражению Н. Гартмана, друг на друга[21]. Отмеченная особенность получает еще более отчетливое выражение в рамках исторического процесса. Осмысленному и целенаправленному характеру последнего, как было показано ранее, не противоречит то обстоятельство, что индивидуальные и коллективные действия людей, являющиеся основной движущей силой истории, имеют «ограниченно рациональный» характер. Результатом духовного, нравственного и правового про-

---

[16] См.: *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949; *Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

[17] См.: *Кофанов Л. Л.* Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М.: Статут, 2015.

[18] См.: *Величко А. М.* «Византийские» полномочия западных императоров и королей // Юридическая мысль. 2011. № 5 (67). С. 71. EDN: ONZJOJ

[19] По словам С. Л. Франка: «Бессмысленна, прежде всего,<...> личная жизнь каждого из нас. Первое, так сказать, минимальное условие возможности достижения смысла жизни есть *свобода*; только будучи свободными, мы можем действовать „осмысленно", стремиться к разумной цели, искать полноты удовлетворенности» (*Франк С. Л.* Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. С. 61). Таким образом, уже здесь намечаются ближайшие аксиологические условия обретения смысла как для жизни отдельного человека, так и для мировой истории в целом.

[20] См. подробнее: *Поляков А. В.* Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Конституция и общественный прогресс: материалы международ. научно-практ. конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. EDN: GFBDRW

[21] См. об этом: *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. С. 610.

гресса становится своеобразная «кристаллизация» ценностей, осознание их значимости всё большим числом людей. А это, в свою очередь, влечет за собой экспликацию цели исторического процесса, достижение которой даже в отдаленной временной перспективе, безусловно, невозможно, но которая определяет (в том числе на бессознательном уровне) то направление, по которому движется всемирная история.

Таким образом, мир истории является прежде всего царством ценностей, конституирующих и трансформирующих социокультурное пространство человеческого бытия. Именно благодаря присутствию ценностей в истории, во-первых, поддерживается ее континуитет, непрерывность во времени, а во-вторых, происходит расширение социального пространства, обусловленное генерализацией ценностей и распространением их действия на всё более широкие человеческие общности, вплоть до человечества в целом. Причем эти два измерения, а именно историческое пространство и время человеческой истории, взаимно связаны между собой. Так, социальное пространство представляет собой совокупность исторически изменяющихся практик, взаимодействий и полей, которые являются результатами интернализации субъективного и интерсубъективного опыта, зафиксированного в разнообразных знаково-символических формах[22].

2. Знаково-символические аспекты эволюции государства

Символическое измерение является необходимым аспектом социального пространства, следовательно, любые взаимодействия, формирующие структуру последнего, имеют символический характер. Это, в свою очередь, предполагает, что социальные контакты должны быть осмысленными, без чего невозможно их воспроизводство. Причем символическое опосредование социальных взаимодействий может осуществляться различными способами, и главную роль здесь играет придание ценностной значимости социальным коммуникациям, поскольку ценности являются смысловой основой любых знаковых форм. Именно при помощи ценностей осуществляется символическое господство, цементирующее социальное пространство, которое в противном случае распалось бы на множество не связанных между собой фрагментов.

В исторической ретроспективе имеет место эволюция семиотических систем, влекущая за собой придание им общезначимости, в том числе и в смысловом плане, что приводит к расширению социального пространства. Это легко проследить на примере естественных языков, эволюция которых представляет собой, как показал Н. Я. Марр, ряд последовательно сменяющих друг друга стадий: жестовой (кинетической) речи, лишенной на первых порах даже осмысленных звуковых элементов; оро-акустической (звуковой) речи и графической (визуальной) речи[23]. На первой стадии знаковая коммуникация происходит лишь в границах небольших групп, члены которых находятся друг от друга на минимальном расстоянии, необходимом для того, чтобы видеть производимые жесты, и обладают опытом, в том числе опытом аксиологическим, позволяющим понимать значение этих жестов.

Вместе с тем знаки жестовой речи обладают сугубо предметным значением, означаемым таких знаков выступают конкретные объекты, на которые производится указание, поэтому жестовая речь не способна передавать общие понятия, имеющие абстрактное значение. Будучи по большей части индексальными или иконическими, такие знаки вызывают в сознании коммуникантов наглядные представления об отдельных вещах и явлениях, а также об ассоциативных связях между ними. По мере развития жестовой речи эти ассоциации становятся всё более сложными, они начинают включать в себя цепочки образов, понимание которых в силу конкретности их значения становится недоступным для тех, кто не принадлежит к соответствующему коллективу[24].

---

[22] См.: *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 64 и след.

[23] См.: *Марр Н. Я.* Язык и мышление // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. III. Язык и общество. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 109.

[24] См.: *Фробениус Л.* Детство человечества. СПб.: Изд-во книжного магазина П. В. Луковникова, 1910. С. 43–48.

С переходом к оседлости расширяются внешние контакты, а следовательно, и пределы социального пространства, внутри которого происходят знаковая коммуникация и циркуляция смыслов. Теперь социальное пространство совпадает уже не с малыми группами бродячих охотников-собирателей, но с проживающими по соседству друг с другом оседлыми земледельческими коллективами, связанными между собой хозяйственными, политическими, культурными контактами. Причем не всегда такие контакты имели дружественный или хотя бы мирный характер, но они могли становиться таковыми, когда члены соседствующих общин говорили на одном языке, поклонялись одним и тем же богам, использовали сходные культурные образы и разделяли общие ценности.

Иными словами, коммуникация между оседлыми сельскохозяйственными общинами имела место тогда, когда складывались предпосылки для взаимопонимания и, следовательно, взаимного признания их членами человеческой сущности друг друга в противоположность тем, за кем право на принадлежность к человеческому роду отрицалось в принципе. Вместе с тем обладатели устной речи по-прежнему оставались в плену господствующего способа коммуникации, накладывающего целый ряд ограничений и создающего дополнительные препятствия к достижению взаимного понимания с другими людьми и их сообществами в сравнении даже с кинетической речью. А именно устная речь лишена тех элементарных знаков, являющихся первичным пластом и общим полем коммуникации, доступным всем способным понимать жестовую речь.

Учитывая, что древнейшие культуры, использовавшие устную речь, по-прежнему являлись царством допонятийного ассоциативно-образного мышления, каждая из таких культур была замкнута в круге порожденных ею религиозно-мифологических, поэтических, художественных и иных образов. Это позволяет констатировать радикальное отличие оро-акустических культур (как дописьменных, так и письменных) от культур, в основе которых лежит графическая коммуникация, в том числе в части восприятия социального пространства и времени[25]. Как подчеркивает М. Маклюэн, «ребенок, живущий в западном мире, окружен абстрактно-эксплицитной визуальной технологией однородного времени и единообразно-непрерывного пространства, где „причина“ рациональна, целесообразна и последовательна, а события вызываются к жизни и происходят в одной плоскости и в последовательном порядке. Африканский ребенок живет в неявно выраженном магическом мире произнесенного устного слова. Он сталкивается не с рациональными, но с формальными причинами конфигурационного поля, культивируемого сообществами, лишенными письменности»[26].

К этому следует добавить, что не только африканский, но и афинский человек эпохи расцвета полисной демократии жил в мире устного слова, созданном устной, оро-акустической коммуникацией. При этом повторим, что доминирование устной коммуникации в античной цивилизации означало отнюдь не отсутствие либо неразвитость иных средств передачи информации (в том числе жестовых знаков и письменной речи), но лишь особое место, занимаемое в культуре диалогической устной речью[27]. Со временем, однако, ведущую роль начинает играть письменная коммуникация, не в последнюю очередь в силу таких своих особенностей, как возможность передачи на значительные расстояния, доступность письменной речи всем носителям языка, а также ее *формальная определенность*, то есть возможность тождественной интерпретации письменного сообщения всеми адресатами, способными его прочесть, повышающая степень взаимопонимания последних.

Благодаря этому письменная речь оказалась способной связывать воедино членов больших сообществ, рассеянных на огромных территориях. Неслучайно уже в древних империях (таких как Империя Ахеменидов, Сасанидская Персия, Ханьский Китай, Римская империя и др.) письменные тексты начина-

[25] Заметим, что оро-акустическая культура не всегда имеет строго бесписьменный характер. Парадоксальным образом появление письменности на первых порах приводит к расцвету оро-акустической коммуникации, примером чему служит культура античности, долгое время основанная на звучащей речи. По словам С. Л. Утченко, диалогичность, ярче всего проявившаяся в античной философии, «должна рассматриваться как частный случай, как проявление одной из особенностей античной культуры в целом, точнее — более общей и специфической ориентации этой культуры. Мы имеем в виду ориентацию античной культуры на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие, то есть на то, что может быть названо оро-акустической ориентацией» (*Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1978. С. 8).

[26] *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект; Фонд Мир, 2005. С. 49.

[27] См.: *Дорофеев Д. Ю.* Личность и коммуникация. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: ЧОУ РХГА, 2015. С. 27.

ют играть ведущую роль во всех сферах общения, от права до поэзии и философии. Эпоха, когда именно письменная коммуникация занимает центральное положение в культуре различных народов, перестраивая ее на принципиально новых началах, была названа К. Ясперсом *осевым временем*. По словам философа: «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим и по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности»[28].

Важным аспектом рассматриваемых тенденций является *универсализация ценностей*, представляющая собой необходимое условие существования любой империи. Именно ценности сплачивают разнородный конгломерат жителей империи с их историей, языками, религиями в единый гражданский коллектив. Сплачивающее значение ценностей со всей отчетливостью осознавалось правителями Римской империи, неслучайно ее история — это история борьбы за общие ценности. Причем ошибкой было бы связывать универсализацию ценностей исключительно с гонениями на тех, кто не разделял их, ведь в подавляющем большинстве случаев они внедрялись в человеческую жизнь исключительно мирным путем. Люди принимали такие ценности прежде всего в силу своей уверенности в вечности и неизменности поддерживаемого ими миропорядка. Эта уверенность обеспечивалась различными средствами, в том числе моральными и юридическими, приобретавшими в империях поистине универсальный характер, ярким свидетельством чему является римское частное право.

3. Социальные структуры и эволюция государств в Древнем мире

Перечисленные факторы, а именно развитие средств знаковой коммуникации, форм социальной организации и, прежде всего, динамика ценностей, выступающих смысловым ядром, вокруг которого конструируется социокультурная реальность в ее историческом измерении, определяют направление эволюции государства. Ее основными этапами выступают аграрные общины, городские общины (полисы), империи и национальные государства, которые на наших глазах трансформируются, приобретая новые формы, характер которых всё еще остается неясным[29]. В понимании же механизмов и движущих сил социокультурной эволюции, включающей и эволюцию государства, мы склонны придерживаться идей Ж. Б. Ламарка, объясняющих эволюцию социального мира в значительно большей степени, чем дарвиновский эволюционизм.

Среди основных идей Ламарка, делающих его концепцию применимой к эволюции социокультурных порядков, включая государство, следует выделить, во-первых, телеологизм, то есть направленный характер эволюции, во-вторых, стадиальный характер видообразования (так называемую ламарковскую лестницу видов), в-третьих, наследование приобретенных признаков как движущую силу эволюции и, в-четвертых, скрещивание видов как один из основных факторов видообразования[30]. Легко убедиться, что в социальном мире находят применение все перечисленные Ж. Б. Ламарком принципы эволюционного развития, включая столь неоднозначно оцениваемый биологами принцип наследования приобретенных признаков. Более того, эволюция социальных порядков во многом происходит именно за счет появления новых признаков и их последующего закрепления, что особенно отчетливо проявляется в эволюции государства, где с приобретением новых признаков происходит переход от одного исторического типа государства к другому, причем каждый следующий тип отличается большей степенью сложности в плане

---

[28] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 33.

[29] И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон выделяли следующие типы государств Древнего мира: номы, территориальные царства, полисы и империи (см.: *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16). Нельзя не отметить, что некоторые элементы этой типологии представляются явно излишними или дублирующими друг друга. В частности, речь идет о «номовых государствах», выступающих частными случаями государства-общины, получившего распространение преимущественно в Древнем Египте и на Ближнем Востоке. Что же касается «территориальных царств», то нельзя не отметить проблематичности данного понятия, учитывая слабую выраженность территориального признака в применении к традиционным государствам Древнего мира и Средних веков. См. об этом, в частности: *Hampl F.* Poleis ohne Territorium // Klio. 1939. Bd. 32. S. 1–60.

[30] См.: *Поздняков А. А.* Что такое ламаркизм? // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. 2022. Т. 25. С. 60. DOI: 10.34756/GEOS.2023.17.38594. EDN: QLIBHG

структурной организации и набора функций, что, в свою очередь, влияет на сложность и многообразие *форм* государства.

Следует отметить, что по мере увеличения сложности эволюционирующих систем растет, по вполне понятным причинам, их уязвимость. Вот почему «несвязная однородность», при всей своей примитивности, в эволюционном плане оказывается более прочной, чем «связная разнородность»[31]. Развивая эту мысль, Ж. Б. Ламарк подразделил всё многообразие природных объектов («тел») на две обширные категории: тела организованные, живые, и тела неорганизованные, неживые. По его словам, «Существа, или тела живые — животные и растения — составляют<…> первую из этих двух ветвей созданий природы, и, как известно, эти тела обладают способностью питаться, развиваться, размножаться, и все они неизбежно обречены на смерть»[32]. Собственно усложнение внутренней организации, структурно-функциональных характеристик, как биологических организмов, так и социокультурных систем, является эволюционным механизмом, призванным повысить их устойчивость к деструктивным воздействиям со стороны внутренних и внешних факторов.

Однако повышение степени организационной сложности эволюционирующих систем не только делает их более жизнеспособными и долговечными, но и одновременно порождает новые уязвимости, создающие угрозу существованию системы, в ответ на появление которых последняя вынуждена усложнять свою организацию до тех пор, пока само это усложнение не приводит ее к деградации или распаду[33]. Тогда на смену данному порядку приходят новые порядки, которые, с одной стороны, обладают большей простотой и, следовательно, меньшей уязвимостью, с другой же стороны, наследуют признаки, приобретенные предшествующими порядками в ходе эволюционного развития. Эти новые признаки становятся дополнительными эволюционными преимуществами, позволяющими системе совершенствоваться, избегая чрезмерного усложнения, чреватого уязвимостью соответствующего порядка. Таким образом, процесс эволюции — это непрерывное соревнование со смертью, где смерть всегда одерживает победу, но сама эта победа играет благотворную роль, поскольку дает начало новой жизни, чье движение вперед начинается с того самого места, где оборвалась прежняя жизнь.

С учетом вышеизложенного получают теоретическое объяснение любые виды эволюции, включая эволюцию государства. Собственно, переход на каждую последующую ступень эволюционного развития традиционного государства, а именно от государства-общины к полисному государству (в тех обществах, где последнее вообще складывалось) и от полисного государства к империи, на первых порах мог и не сопровождаться наличием внешней атрибутики соответствующих типов государственности, которая приобреталась лишь с течением времени, когда качественное состояние было достигнуто, и нуждалась в формальной легитимации. Например, римское государство превратилось в империю к середине II в. до н. э., то есть после окончания Третьей Пунической войны, задолго до оформления принципата Августа, ставшего лишь итоговой вехой на длительном пути, ведущем от полиса к империи.

4. Культурная диффузия как фактор эволюции государства

Этот процесс происходил под действием сложной констелляции факторов, требующих отдельного рассмотрения. Важное место среди них занимало влияние, оказываемое со стороны других государств Ближнего Востока и Средиземноморского региона, имевшее характер прямого либо опосредствованного заимствования накопленного ими политического опыта. Проблема заимствования, или *диффузии*, культурных форм как фактора исторического процесса имеет неоднозначный характер и не раз станови-

---

[31] В самом деле, первобытные группы бродячих охотников-собирателей, не подвергаясь губительному воздействию со стороны других обществ, могут существовать практически в неизменном состоянии сотнями тысяч лет, что свидетельствует о высоком уровне гомеостаза, обеспечивающего стабильность таких групп, в чем можно убедиться на примере австралийских аборигенов.

[32] *Ламарк Ж. Б.* Вступительные лекции к курсу зоологии // Ламарк Ж. Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 10.

[33] См.: *Тойнби А. Дж.* Исследование истории. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ; «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 134 и след.

лась предметом обсуждения на страницах специальной литературы[34]. В своем классическом виде диффузионизм сводится к утверждению, согласно которому любое новое культурное явление или комплекс возникают лишь однократно в конкретных условиях, после чего распространяются в пространстве посредством взаимного влияния, оказываемого культурами друг на друга.

Не оспаривая значения культурных заимствований в истории человечества, мы вместе с тем полагаем, что идеи диффузионизма и эволюционизма не исключают, а скорее взаимно дополняют друг друга. Особенно когда речь идет об эволюции такого культурного феномена, как государство, движущими силами которой выступают как факторы внутреннего развития, так и внешние заимствования, совершаемые одними цивилизациями у других через посредствующие звенья. К числу таких заимствований относится феномен империи, изначально не характерный для античной цивилизации, фундамент которой составляли города (полисы) и городские гражданские общины, то есть своего рода «малые социальные формы», вполне сопоставимые с малыми формами художественного творчества, также получившими развитие в рамках античной цивилизации[35].

Это господство малых форм социальной организации не в последнюю очередь было связано с особенностями географического ландшафта, долгое время ставившими пределы территориальному росту античного государства. Как известно, доминирующей чертой ландшафта, в котором приходилось существовать ранним греческим и латинским полисам, являлись горные массивы, отделявшие друг от друга сравнительно узкие плодородные равнины, в которых располагались античные города-государства[36]. В подобных условиях строительство империй оказывалось невозможным, более того, сама античная культура долгое время (вплоть до эпохи эллинизма) не располагала не только политико-юридическими, но и ментальными инструментами, которые позволили бы ее носителям мыслить в имперских категориях.

Указанное обстоятельство в числе прочего дает основание некоторым историкам права утверждать, что не существовало путей преемственности, связывавших античное государство с государственными образованиями Древнего Востока[37]. Со своей стороны, мы полагаем, что трансформация античного полисного государства в империю, а точнее возможность «надстраивания» имперских структур над первичными полисными организмами, продолжавшими свое существование и в империях наследников Александра Великого, и в Римской империи, стала результатом прямого культурного заимствования опыта древневосточных цивилизаций, имевшего двоякую направленность. Первое и самое раннее знакомство греков с империями Древнего Востока состоялось еще в эпоху Великого переселения народов, спровоцированного «катастрофой бронзового века» (XIII–XII вв. до н. э.), когда ахейцы Пелопоннеса и Эгеиды столкнулись с их мощью в дельте Нила и под стенами Трои[38].

Имеются основания предположить, что именно этот опыт послужил стимулом к формированию на территории материковой Греции мощных деспотических государств со столицами в Микенах, Пилосе, Тиринфе и др., заимствовавших элементы правового и политического порядков не столько от минойской цивилизации, уже отошедшей в область далеких преданий, сколько от современным им цивилизаций Древнего Востока, переживавших в это время свой расцвет. Это взаимовлияние, как известно, становится особенно интенсивным в эпоху эллинизма, причем, если восприятие микенскими греками политических структур Древнего Востока сводилось преимущественно к их одностороннему заимствованию, ничего не прибавлявшему к комплексу элементов «донорских» восточных цивилизаций, то в эллинистический период заимствование не просто активизируется, но и приобретает обоюдный характер.

---

[34] См. подробнее: *Наймушина А. Н.* Закономерности и фазы культурной диффузии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86. EDN: SEJJKJ

[35] См. подробнее: Античный полис: Курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 41–43.

[36] См.: *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 2001. С. 38–39.

[37] См., например: *Аннерс Э.* История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 21; *Горшунов Д. Н.* Частное право в эпоху античности: формирование идеи // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 56.

[38] См.: *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. С. 132 и след.

Так, с одной стороны, в результате походов Александра Македонского античные полисы начинают создаваться на всей территории бывшей империи Ахеменидов, постепенно заменяя собой более традиционную для Древнего Востока форму гражданской общины, а именно гражданско-храмовые общины (âlu), которые к концу I в. до н. э. сохраняются лишь в таких относительно изолированных регионах, как Циркумпонтида, Закавказье, Вавилония, Иудея и др.[39] При этом сам эллинистический полис претерпевает существенную трансформацию, обусловившую его качественное своеобразие в сравнении с классическим античным полисом[40]. А именно из независимого государства, цитадели народовластия, полис превращается в местный административный центр, всецело подчиненный власти эллинистических монархов и выступающий проводником их воли, отличаясь от других видов городских общин (туземных городов и военных колоний) скорее своими масштабами, чем объемом политических прав.

С другой стороны, в «старом» греческом мире царская власть, ранее ограниченная относительно узкими рамками ведения войны и отправления религиозных культов, становится абсолютной, неограниченной и всеобъемлющей, уподобляясь власти древневосточных монархов[41]. Такая тенденция наметилась уже в период поздней классики (IV в. до н. э.), когда в ряде полисных государств к власти приходят тираны, которые, занимая вначале выборные, хотя и в ряде случаев экстраординарные, должности, впоследствии сосредотачивают в своих руках всё большую власть, поставившую их над гражданским коллективом[42]. В эпоху эллинизма заимствование атрибутов царской власти у восточных народов, начало которому было положено еще Александром Великим, становится повсеместным. Всё это свидетельствует о том, что империя как культурный феномен, зародившийся впервые исключительно на Древнем Востоке, была затем глубоко воспринята античной цивилизацией, получив в ее рамках импульс к дальнейшему развитию.

Выводы

Из всего вышеизложенного становится ясным, что смысл мировой истории находит проявление в эволюции культурных феноменов, в том числе и таких, как государство и право. Переход на каждую последующую ступень эволюции всё полнее и глубже раскрывает смысловой потенциал, заложенный в культурном творчестве человечества. К числу основных факторов эволюционного процесса, как было показано, следует отнести прежде всего универсализацию духовных (религиозных, нравственных, правовых, политических и иных) ценностей, то есть их распространение на всё более широкие сообщества людей, внутри которых эти ценности выполняют интегрирующую функцию, сплачивая их членов в единое целое.

Одновременно принятие общих ценностей служит необходимым условием взаимного признания участников культурной коммуникации в качестве равноправных и самоценных субъектов, предполагающего в числе прочего осознание индивидами, культурами, цивилизациями уникальных особенностей друг друга. Это осознание, в свою очередь, способствует достижению человечеством того единства в многообразии, которое выступает целью исторического процесса, определяющей его общее направление и основные этапы. Непрерывное движение к указанной цели, составляющее смысл мировой истории, происходит в масштабах долгого времени (la longue durée), медленное течение которого позволяет

---

[39] См.: *Абрамов А. Е., Багиров Р. С.* Гражданско-храмовая община как форма существования гражданского общества на древнем Ближнем Востоке // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36). С. 147–151. EDN: UJVEUP

[40] См.: *Грушевой А. Г.* Народовластие в греческих полисах эллинистического периода по почетным декретам в честь эвергетов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. № 16-1. С. 67–80. EDN: WUAGDN; *Зарапин Р. В.* Между свободой и империей: греческий полис в эллинистическом Египте // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 11 (20). С. 28–37. DOI: https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-11-28-37

[41] См.: *Евдокимов П. А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Лалынин. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 110–111.

[42] См.: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. Аналогичные процессы происходят и в Римской Республике I в. до н. э., где находят применение модели формирования эллинистических монархий, что позволяет сделать вывод об их влиянии на эволюцию римского государства.

обнаружить закономерности социокультурной эволюции, скрытые от взгляда исследователей на более коротких исторических дистанциях[43].

Сюда же следует отнести и динамику так называемых «вечных» ценностей, бытие которых, на первый взгляд, кажется статичным и неизменным, но в перспективе долгого времени они распространяют свое действие на всё более широкие массы людей, сближая и сплачивая их в ценностном отношении друг к другу и к окружающему миру. Экстраполируя (с известной долей условности) результаты, полученные в настоящей работе, на всемирно-исторический процесс в целом, представляется возможным выделить следующие его этапы в масштабе долгого времени: 1) *долгую архаику* (от зарождения человечества до VIII в. до н. э.); 2) *осевое время* (от VIII в. до н. э. до 1789 г.), включающее в себя историю великих мировых империй; 3) *долгий XIX век* (с 1789 по 1914 г.); 4) *короткий XX век* (с 1914 по 1991 г.), завершение которого было ознаменовано наступлением эры *глобального человечества*, исторически и логически являющейся противоположностью долгой архаике[44].

Мощной движущей силой социокультурной эволюции во всех ее аспектах, включая эволюцию права и государства, является совершенствование средств знаковой коммуникации. Мы видим, что данный процесс последовательно проходит стадии жестовой, звуковой (оро-акустической) и визуальной (графической) коммуникации, причем каждой из этих стадии соответствуют характерные для нее виды знаков. Так, средствами линейной жестовой речи являются в основном индексальные знаки, среди которых главное место занимают различные виды дейксиса. На стадии звуковой речи наряду с индексальными знаками возникают иконические знаки, представляющие собой как простейшие пиктограммы, пользующиеся распространением среди первобытных народов, так и развившуюся из них иероглифическую письменность.

Последняя долгое время выполняла двоякую функцию: с одной стороны, письменность (в том числе в таких высокоразвитых цивилизациях, как древнеегипетская, хеттская, шумеро-аккадская и древнекитайская) играла вспомогательную роль: ее применяли лишь в ограниченных сферах общения, таких как хозяйственное, деловое, юридическое письмо и др. С другой же стороны, письменность маркировалась как сакральный вид коммуникации, неслучайно священные тексты, начиная с Текстов пирамид и заканчивая Кораном, имели письменную фиксацию.

Переход от иероглифической письменности к алфавитному письму становится одним из признаков наступления Осевого времени. Именно в эту эпоху возникает новый тип коммуникации, а именно коммуникация символическая, качественно отличающаяся от индексальной и иконической коммуникации. Особенность знаков-символов состоит в том, что их означаемыми выступают не конкретные предметы или группы предметов, но классы предметов и явлений, а также более или менее общие, в том числе абстрактные, понятия. Таким образом, в символическом (понятийном) мышлении реальность удваивается, распадаясь на мир вещей и явлений и мир общих понятий, причем именно благодаря символам человеческое сознание устанавливает однозначные или многозначные соответствия между элементами этих двух множеств[45].

Стадиям совершенствования средств знаковой коммуникации соответствуют и рассмотренные выше стадии эволюции социальной организации, в том числе государства, основными факторами которой являются, как мы видели, целенаправленный характер развития, приобретение новых признаков и рост структурной сложности. Последний, с одной стороны, увеличивает системную устойчивость социального порядка, но, с другой стороны, порождает новые уязвимости, являющиеся тем вызовом, которые стимулируют ответную реакцию социального организма в виде приобретения новых признаков и перехода на следующий уровень структурно-функциональной организации.

---

[43] См.: *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под общ. ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 124.

[44] В понимании «долгого XIX века» и «короткого XX века», а также в определении их хронологических рубежей, мы придерживаемся позиции Э. Хобсбаума, вполне отдавая себе отчет в известной условности, умозрительности данных понятий, требующих более детальной проработки, далеко выходящей за пределы настоящей статьи.

[45] См.: *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. С. 255.

Несложно заметить, что эти стадии имеют прямое отношение не только к фактической стороне мировой истории, но и к ее смысловому аспекту, поскольку переход на каждую следующую стадию способствует всё более глубокому и всестороннему раскрытию смысла человеческой истории. Этому же способствует и взаимное влияние, оказываемое культурными традициями, которое можно сравнить со скрещиванием видов в биологии или с конвергенцией языков в лингвистике. Более того, культурную диффузию следует считать отнюдь не случайным, спорадическим явлением, но постоянно действующим фактором, определяющим социокультурную эволюцию в различных ее аспектах, в том числе и в плане эволюции государства. В этом можно было убедиться на примере феномена империи, впервые зародившейся в рамках древневосточной цивилизации, а затем, через посредство античной цивилизации воспринятой и западной традицией права.

Таким образом, можно вести речь о непрерывной преемственности культурных форм, выступающей важным фактором исторического развития в общечеловеческом масштабе. Представляется, что в силу целого ряда обстоятельств эта преемственность с особой наглядностью проявила себя именно в эволюции государств Древнего мира, что делает ее заслуживающим особого внимания предметом изучения и универсальной моделью всемирно-исторического процесса.

Список источников

1. *Абрамов А. Е.* Гражданско-храмовая община как форма существования гражданского общества на древнем Ближнем Востоке / А. Е. Абрамов, Р. С. Багиров // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36). С. 147–151. EDN: UJVEUP
2. *Андреев В. Н.* Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1981. № 3 (157). С. 21–48.
3. *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 2001. 432 с.
4. *Аннерс Э.* История европейского права. М.: Наука, 1994. 394 с.
5. Античный полис: Курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 240 с.
6. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
7. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под общ. ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
8. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Социология социального пространства / отв. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 64–86.
9. *Вебер М.* Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–61.
10. *Величко А. М.* «Византийские» полномочия западных императоров и королей // Юридическая мысль. 2011. № 5 (67). С. 57–93. EDN: ONZJOJ
11. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
12. *Гиндин Л. А.* Гомер и история Восточного Средиземноморья / Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. 328 с.
13. *Горшунов Д. Н.* Частное право в эпоху античности: формирование идеи // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 56–60.
14. *Грушевой А. Г.* Народовластие в греческих полисах эллинистического периода по почетным декретам в честь эвергетов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. № 16-1. С. 67–80. EDN: WUAGDN
15. *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118–129.
16. *Дорофеев Д. Ю.* Личность и коммуникация. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: ЧОУ РХГА, 2015. 639 с.

17. *Дьяконов И. М.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии / И. М. Дьяконов, В. А. Якобсон // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16.
18. *Евдокимов П. А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Лалынин. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 78–118.
19. *Зарапин Р. В.* Между свободой и империей: греческий полис в эллинистическом Египте // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 11 (20). С. 28–37. DOI: https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-11-28-37
20. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.
21. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 400 с.
22. *Кофанов Л. Л.* Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М.: Статут, 2015. 192 с.
23. *Кроче Б.* Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культ уры», 1998. 192 с.
24. *Ламарк Ж. Б.* Вступительные лекции к курсу зоологии // Ламарк Ж. Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 9–164.
25. *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
26. *Ломакина И. Б.* Постгуманизм как вызов антропологии права / И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 27–37. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03. EDN: ERWPEW
27. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект; Фонд Мир, 2005. 496 с.
28. *Марр Н. Я.* Язык и мышление // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. III. Язык и общество. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 90–122.
29. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 686 с.
30. *Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
31. *Мейер Э.* Экономическое развитие Древнего мира. М.: Типография «Труд», 1910.
32. *Наймушина А. Н.* Закономерности и фазы культурной диффузии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86. EDN: SEJJKJ
33. *Пашенцев Д. А.* Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. DOI: https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50
34. *Поздняков А. А.* Что такое ламаркизм? // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. 2022. Т. 25. С. 48–75. DOI: 10.34756/GEOS.2023.17.38594. EDN: QLIBHG
35. *Полдников Д. Ю.* Сравнительная история зарубежного права. В 2 т. Т. I. Правовые традиции Древности и Средневековья. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 544 с.
36. *Поляков А. В.* Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Конституция и общественный прогресс: Материалы международной научно-практ. конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. EDN GFBDRW
37. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. II. Время лжепророков. Гегель, Маркс и иные оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
38. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
39. *Тихонова С. В.* Коммуникативная теория права в цифровую эпоху. Дисс. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2025. 433 с.

40. *Тойнби А. Дж.* Исследование истории. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ; «Изд-во Олега Абышко», 2006. 446 с.
41. *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1978. 257 с.
42. *Франк С. Л.* Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 177 с.
43. *Фробениус Л.* Детство человечества. СПб.: Изд-во книжного магазина П. В. Луковникова, 1910. 369 с.
44. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. 632 с.
45. *Хохлов Е. Б.* Организация хозяйства и труда в античную эпоху // Российский ежегодник трудового права. 2010. № 5. С. 9–25. EDN: MULTXJ
46. *Честнов И. Л.* Постклассическая методология правовых исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 14–21. EDN: LIGMQZ
47. *Честнов И. Л.* Социокультурная антропология права как историко-правовая методология / И. Л. Честнов, И. Б. Ломакина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 44–49. DOI: https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49
48. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
49. *Hampl F.* (1939) Poleis ohne Territorium. *Klio*. Bd. 32. S. 1–60.
50. *Rostovtzeff M.* (1926) The Social and Economic History of the Roman Empire. *Oxford University Press*, 695 p.

Об авторе:

Разуваев Николай Викторович, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент; e-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

References

1. Abramov, A. E., Bagirov, R. S. (2015) Civil-temple community as a form of existence of civil society in the ancient Near East. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. No. 3 (36). Pp. 147–151. (In Russ.)
2. Andreev, V. N. (1981) Structure of private wealth in Athens in the 5th–4th centuries BC. *Bulletin of ancient history*. No. 3 (157). Pp. 21–48. (In Russ.)
3. Andreev, Yu. V. (2001) The price of freedom and harmony. A few strokes to the portrait of Greek civilization. *Aletheia*. 432 p. (In Russ.)
4. Anners, E. (1994) History of European law. *Nauka*. 394 p.
5. Dementieva, V. V. (eds) (2010) Ancient polis: Lecture course. *Russian Foundation for Assistance to Education and Science*. 240 p. (In Russ.)
6. Berve, G. (1997) Tyrants of Greece. *Phoenix*. 640 p.
7. Braudel, F. (1977) History and Social Sciences. Historical Duration. In: Philosophy and Methodology of History. *Progress*. Pp. 115–142.
8. Bourdieu, P. (2007) Social Space and Symbolic Power. In: Bourdieu P. Sociology of Social Space. *Aleteia*. Pp. 64–86.
9. Weber, M. (1990) Preliminary Remarks. In: Weber M. Selected Works. *Progress*. Pp. 44–61.
10. Velichko, A. M. (2011) "Byzantine" powers of Western emperors and kings. *Legal Thought*. No. 5 (67). Pp. 57–93. (In Russ.)
11. Hartman, N. (2003) On the foundations of ontology. *Nauka*. 640 p.
12. Gindin, L. A., Tsymbursky, V. L. (1996) Homer and the history of the Eastern Mediterranean. *"Vostochnaya literature" of the Russian Academy of Sciences*. 328 p. (In Russ.)
13. Gorshunov, D. N. (2008) Private law in the era of antiquity: the formation of the idea. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 4. Pp. 56–60. (In Russ.)

14. Grushevoy, A. G. (2016) Democracy in the Greek poleis of the Hellenistic period according to honorary decrees in honor of the Euergetes. *Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world.* No. 16-1. Pp. 67–80. (In Russ.)
15. Gurevich, A. Ya. (1968) On the discussion of pre-capitalist social formations: formation and way of life. *Questions of Philosophy.* No. 2. Pp. 118–129. (In Russ.)
16. Dorofeev, D. Yu. (2015) Personality and communication. Anthropology of the oral and written word in ancient culture. *PEI RCHA*. 639 p. (In Russ.)
17. Dyakonov, I. M., Yakobson, V. A. (1982) "Nomes", "territorial kingdoms", "policies" and "empires". Problems of typology. *Bulletin of ancient history.* No. 2. Pp. 3–16. (In Russ.)
18. Evdokimov, P. A. (2016) Kings of pre-Hellenistic Cyprus: between gods and people, between bronze and iron, at the crossroads of East and West. In: Gods among people: the cult of rulers in the Hellenistic, post-Hellenistic and Roman world. *Publishing house of the Russian Academy of Arts.* Pp. 78–118. (In Russ.)
19. Zarapin, R. V. (2016) Between freedom and empire: the Greek polis in Hellenistic Egypt. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies.* No. 11 (20). Pp. 28–37. (In Russ.)
20. Camus, A. (1990) The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd. In: Camus A. The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art. *Politizdat.* Pp. 23–100.
21. Cassirer, E. (2002) Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. Phenomenology of Knowledge. *University Book.* 400 p.
22. Kofanov, L. L. (2015) The External System of Roman Law: Law of Nature, Law of Nations, and Commercial Law in the Legal Thought of Antiquity. *Statut.* 192 p. (In Russ.)
23. Croce, B. (1998) Theory and History of Historiography. *School "Languages of Russian Culture"*. 192 p.
24. Lamarck, J. B. (1955) Introductory Lectures to the Course of Zoology. In: Lamarck J. B. Selected Works. In 2 vols. T. I. *Publishing House of the USSR Academy of Sciences.* Pp. 9–164.
25. Lyotard, J. F. (1998) The State of Postmodernism. *Aletheia*. 160 p.
26. Lomakina, I. B., Chestnov, I. L. (2024) Posthumanism as a Challenge to the Anthropology of Law. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences.* No. 1 (53). Pp. 27–37. (In Russ.)
27. McLuhan, M. (2005) The Gutenberg Galaxy. The Formation of the Printing Man. *Academic Project; Mir Foundation.* 496 p.
28. Marr, N. Ya. (1934) Language and Thinking. In: Marr N. Ya. Selected Works. Vol. III. Language and Society. *Sotsekgiz.* Pp. 90–122. (In Russ.)
29. Mashkin, N. A. (1949) Principate of Augustus. Origin and Social Essence. *Publishing House of the USSR Academy of Sciences.* 686 p. (In Russ.)
30. Mezheritsky, Ya. Yu. (2016) "The Restored Republic" of Emperor Augustus. *Russian Foundation for Assistance to Education and Science.* 992 p. (In Russ.)
31. Meyer, E. (1910) Economic Development of the Ancient World. *Trud*.
32. Naimushina, A. N. (2014) Patterns and Phases of Cultural Diffusion. *Bulletin of the Russian State Pedagogical Univ. A. I. Herzen.* No. 164. Pp. 78–86. (In Russ.)
33. Pashentsev, D. A. (2022) Anthropocentrism as Overcoming Narrative in Historical and Legal Research. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence.* No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
34. Pozdnyakov, A. A. (2022) What is Lamarckism? *Lethaea rossica.* Vol. 25. Pp. 48–75. (In Russ.)
35. Poldnikov, D. Yu. (2023) Comparative History of Foreign Law. In 2 v. Vol. I. Legal Traditions of Antiquity and the Middle Ages. *Norma, INFRA-M.* 544 p. (In Russ.)
36. Polyakov, A. V. (2019) The Constitution of Russia, Traditional Values and the Basic Principle of Law. In: The Constitution and Social Progress: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. *Kant Baltic Federal University Publishing House*. Pp. 13–23. (In Russ.)
37. Popper, K. (1992) The Open Society and Its Enemies. Vol. II. The Time of False Prophets. Hegel, Marx and Other Oracles. *Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative".* 528 p.
38. Rickert, G. (1998) Natural Sciences and Cultural Sciences. *Respublika*. 413 p.

39. Tikhonova, S. V. (2025) Communicative Theory of Law in the Digital Age. Diss. … Doctor of Law. Saratov. 433 p. (In Russ.)
40. Toynbee, A. J. (2006) Research of History. In 3 v. Vol. 1. *Publishing house of SPbSU, Oleg Abyshko Publishing House*. 446 p.
41. Utchenko, S. L. (1978) Political Doctrines of Ancient Rome of the 3rd–1st centuries BC. *Nauka.* 257 p. (In Russ.)
42. Frank, S. L. (1976) The Meaning of Life. *Publishing house "Life with God".* 177 p.
43. Frobenius, L. (1910) Childhood of Humanity. *Publishing house of P. V. Lukovnikov bookstore.* 369 p.
44. Hobsbawm, E. (2004) The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991). *Nezavisimaya Gazeta Publishing House.* 632 p.
45. Khokhlov, E. B. (2010) Organization of Economy and Labor in the Ancient Era. *Russian Yearbook of Labor Law.* No. 5. Pp. 9–25. (In Russ.)
46. Chestnov, I. L. (2020) Postclassical Methodology of Legal Research. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.* No. 2 (76). Pp. 14–21. (In Russ.)
47. Chestnov, I. L., Lomakina, I. B. (2025) Sociocultural Anthropology of Law as a Historical and Legal Methodology. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 2 (106). Pp. 44–49. (In Russ.)
48. Jaspers, K. (1991) The Meaning and Purpose of History. *Politizdat.* 527 p.
49. Hampl, F. (1939) Poleis ohne Territorium. *Klio*. Bd. 32. S. 1–60.
50. Rostovtzeff, M. (1926) The Social and Economic History of the Roman Empire. *Oxford University Press.* 695 p.

About the author:

Nikolay V. Razuvaev, Head of the Department of Civil and Labor Law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor; e-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GZPFZJ

Дата поступления статьи: 09.07.2025
Дата поступления рецензии: 20.07.2025
Дата принятия статьи к публикации: 16.08.2025

CC BY-SA

Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции права

Павлов В. И.
Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)
E-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by

Аннотация

Введение. Современная общеправовая теория характеризуется формированием постклассических правовых теорий и концепций, которые сосуществуют в одном исследовательском поле с традиционными, классическими познавательными подходами к праву. Познание истоков формирования и сути постклассических подходов к праву является актуальной задачей современного общетеоретического правоведения.

Методология и материалы. Цель статьи — уяснение предпосылок формирования и сути постклассической юриспруденции как направления современного юридического знания. Также в работе исследуются постклассическая антропология права и формирующиеся в ее рамках концепции. При подготовке статьи использовались диалектический, дискурс-аналитический, сравнительно-правовой методы, метод типологии этапов научной рациональности, анализ и синтез.

Результаты исследования и их обсуждение. Обосновывается, что постсоветская общетеоретическая юриспруденция представляет собой самостоятельную формацию знания. Ключевым для нее является принцип методологического плюрализма, допускающий сосуществование различных языков правового познания. Его актуальность обусловлена, с одной стороны, кризисом западной новоевропейской методологии, а с другой — возможностью исследования собственных правовых традиций.

Выводы. Доказывается, что постклассическое правоведение основывается на постнеклассической научной рациональности и критически переосмысляет классическую модель субъекта права. В рамках «антропологического поворота» предлагается новая антрополого-правовая концепция. Она фокусируется на личности в праве, ее свойствах и отличии от формально-догматических элементов, что открывает новые возможности для разрешения антропоориентированных правовых проблем.

Ключевые слова: постклассическая юриспруденция, классическая юриспруденция, методология права, правопонимание, антропология права, человек в праве, субъект права, личность в праве.

Для цитирования: *Павлов В. И.* Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 41–54. EDN: GZPFZJ

© Павлов В. И., 2025
© Pavlov V. I., 2025

The article was submitted: 09.07.2025
The article approved after reviewing: 20.07.2025
The article accepted for publication: 16.08.2025

Postclassical Jurisprudence in Contemporary Legal Theory: The Formation of an Anthropological Concept of Law

Pavlov V. I.
National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)
E-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by

Abstract

Introduction. Modern general legal theory is characterized by the formation of post-classical legal theories and concepts, which coexist in the same research field with traditional, classical cognitive approaches to law. Understanding the origins and essence of post-classical approaches to law is a relevant task for contemporary general theoretical jurisprudence.

Methodology and materials. The aim of the article is to clarify the prerequisites for the formation and the essence of post-classical jurisprudence as a direction of modern legal knowledge. The work also explores post-classical legal anthropology and the concepts developing within its framework. The preparation of the article employed dialectical discourse-analytical, comparative legal methods, the method of typologizing stages of scientific rationality, analysis and synthesis.

Research results and discussion. It is substantiated that post-Soviet general theoretical jurisprudence represents an independent formation of knowledge. Its key principle is methodological pluralism, which allows for the coexistence of different languages of legal cognition. Its relevance is determined, on the one hand, by the crisis of Western modern European methodology, and on the other hand, by the possibility of researching indigenous legal traditions.

Conclusions. It is proven that post-classical jurisprudence is based on post-non-classical scientific rationality and critically rethinks the classical model of the legal subject. Within the framework of the "anthropological turn," a new anthropological-legal concept is proposed. It focuses on the person in law, their attributes, and their distinction from formal-dogmatic elements, which opens up new possibilities for resolving anthropo-oriented legal problems.

Keywords: postclassical jurisprudence, classical jurisprudence, methodology of law, legal understanding, anthropology of law, man in law, subject of law, personality in law.

For citation: Pavlov, V. I. Postclassical Jurisprudence in Contemporary Legal Theory: The Formation of an Anthropological Concept of Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 41–54. (In Russ.)

Введение

Уровень развития общеправовой теории является индикатором состояния качества правового регулирования. Общетеоретическое осмысление развития права позволяет обобщать актуальные тенденции формирования отраслевого юридического знания и праворегулирующей практики, формулировать базовые юридические понятия и категории, разрабатывать на их основе теории и другие познавательные модели, осуществлять прогноз развития права в будущем. В этом смысле общетеоретическое юридическое знание отвечает за формирование национальной правовой школы, представляющей совокупность разработанных в рамках национального правопорядка либо в рамках осмысливающей себя в качестве единой правовой традиции правовых концепций, позволяющих решать задачи правового развития. С данных позиций полагаем обоснованным вести речь о *постсоветском*, либо *русскоязычном, общетеоретическом правоведении* как самостоятельной формации развития юридического знания.

Несмотря на то что в постсоветском общетеоретическом правоведении может делаться акцент на общности мирового юридического знания, тем не менее культурно-историческая специфика и правовое наследие, на базе которого происходит становление современных русскоязычных научных исследований (прежде всего, российских и белорусских), проявляется достаточно четко. Выделение современного русскоязычного правоведения в особую формацию знания связано с рядом факторов. *Во-первых*, с инерционным влиянием советской юриспруденции, «отталкиваясь» от которой, следуя которой, на основе либо в оппозиции которой во многом и формируется методология современных правовых исследований. *Во-вторых*, с языком, и шире — устоявшимся в юридической практике, а во многом и наследуемым в правовой теории понятийно-категориальным аппаратом, который выполняет функцию языковой автономизации русскоязычного юридического дискурса, несмотря на сильное кросскультурное взаимодействие в современной науке. *В-третьих*, с культурно-исторической и геополитической ситуацией, которая обусловливает разработку суверенно ориентированной науки, либо, по крайней мере, вынуждает исследователей делать акцент на вопросах политики права при разработке правовых концепций. Влияние культурно-исторических и геополитических факторов на ландшафт русскоязычного юридического дискурса не означает его политизацию, но предполагает учет и усиленную рефлексию относительного «общих мест» в классической (новоевропейской) правовой теории и исходных методологических посылах ее построения. *В-четвертых*, вытекающее из предыдущего фактора методологическое «обращение на себя», в глубину своей правовой традиции в поисках оснований построения правового дискурса на базе реактуализированных, по-новому прочитанных правовых смыслов досоветского и более ранних периодов развития отечественной юридической мысли.

Многие вопросы, касающиеся верного уяснения формирования методологии отечественной юриспруденции, непосредственно связаны с пониманием влияния на современную общетеоретическую науку о праве охарактеризованных выше факторов. Это относится в том числе и к феномену *постклассической юридической науки* в русскоязычном юридическом знании, а также к формированию такого ее направления, как постклассическая антропология права.

Методология и материалы

Цель статьи — уяснение предпосылок формирования и сути постклассической юриспруденции как направления современного юридического знания. В качестве отдельной предметной составляющей проводимого исследования рассматривается постклассическая антропология права и формирующиеся в ее рамках концепции. При подготовке статьи использовались как традиционные, так и неклассические методы научного познания: диалектический, дискурс-аналитический, типологизация форм научной рациональности, анализ и синтез, а также сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Становление принципа методологического плюрализма

Постсоветская правовая теория практически в самом начале своего формирования столкнулась с необходимостью утверждения *методологического плюрализма*[1] как общепризнанного в эпистемологии правовой науки принципа. Господствующая в советской юриспруденции идея методологического монизма характеризовалась как кризисная уже на исходе советского правоведения[2], что проявлялось

[1] *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. С. 256–261. EDN: JDVVEB; *Фролова Е. А.* Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32. EDN: XXBUPE; *Честнов И. Л.* Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 6–15. EDN: QSSDIV

[2] *Мамут Л. С.* Сверим ориентиры: наука о государстве и праве нуждается в радикальном обновлении // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989. С. 89–108.

в неспособности в рамках только одной правовой концепции (советского юридического позитивизма) объяснить новые явления государственно-правовой действительности и в целом всю палитру правовой жизни. В отличие от методологического монизма, принцип методологического плюрализма предполагает в правовом познании такую исходную эпистемологическую установку, согласно которой для эффективного развития юридической науки конструктивную роль играет наличие не одной, а нескольких конкурирующих правовых теорий, которые, будучи дисциплинарно целостными и аргументированными, выступают относительно друг друга в качестве взаимодополнительных. Утверждение методологического плюрализма в правовом познании не означает релятивизации знания о праве, указания на его относительность, но имеет цель изучить объект с различных «углов зрения», представить его в максимально возможных аспектах.

Несмотря на очевидную продуктивность методологического плюрализма, в постсоветском правоведении встречаются позиции, связанные с защитой методологического монизма и поиском единственно верной методологии общетеоретической юриспруденции. Как правило, сторонники этой точки зрения принадлежат к различным версиям юридического позитивизма[3]. Н. Н. Тарасов в связи с этим еще в начале 2000-х гг. обращал внимание на то, что «развившаяся традиция юридических исследований в рамках монистической, закрытой философско-методологической системы во многом предопределила второе следствие — распространяющееся сегодня стремление к замене марксистской методологии другой, но не менее универсальной и всеобщей»[4]. Аргументация сторонников методологического монизма заслуживает внимания в том смысле, что формирование современной отечественной общетеоретической юриспруденции характеризуется неопределенностью практически на всех уровнях правовой эпистемологии. Приходится пересматривать сложившиеся и привычные общетеоретические понятия и категории советского, а в некоторых случаях и дореволюционного периода, разбираться в новых течениях методологии науки и «снабжающих» ее новых философских концепциях, переосмысливать критерии эффективности действия конкретных отраслевых институтов и т. д.

Как показывает опыт развития методологии социогуманитарных наук в XX в., этапы перехода в эволюции научного знания являются объективными, они необходимы для дальнейшего продвижения в познании, тем более, когда связаны с глобальными политико-правовыми изменениями. В этой связи большинство отечественных теоретиков и философов права, в том числе из тех, кто сформировались как исследователи в советский период, однозначно высказывается за плюралистичную методологическую позицию — позицию открытости по отношению к новым подходам в юриспруденции. В частности, такая точка зрения представлена в работах Г. В. Мальцева, В. В. Лазарева, В. Н. Синюкова, С. Г. Дробязко, В. Д. Зорькина и др. Очевидно, что утверждение принципа методологического плюрализма в современной общетеоретической юриспруденции требует привития определенной методологической культуры, различных форм институционализации юридического знания, что не в последнюю очередь связано со свободой научного творчества и соблюдением этоса научной коммуникации.

2. Постсоветская юриспруденция: новые методологические возможности

Ситуация формирования постсоветской юриспруденции содержит в себе и новые методологические возможности для развития правовой науки, уже упомянутые во введении. Они связаны с кризисными явлениями в западноевропейском социогуманитарном знании, в том числе и с кризисом в политико-правовой сфере. В этой связи еще Г. Дж. Берман указывал на факт «<…> беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша [западная. — *В.П.*] традиция права — не только так называемые либеральные концепции последних

[3] *Сырых В. М.* Материалистическая философия публичного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 573 с. EDN: UYSZVL; *Толстик В. А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13–21. EDN: UZTIMF

[4] *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2001. С. 53. EDN: IZFRZL

нескольких столетий, но и сама структура западного правового порядка, корни которого находятся в XI и XII вв.»[5]

В современной юридической литературе неоднократно указывалось на кризисное состояние современной западной политико-правовой мысли[6]. Правовые и социально-политические проблемы, вызванные кризисом идентичности, проблемой мультикультурализма и связанной с ней проблемой мигрантов, кризисом принципа светскости, политизацией учения о правах человека, «сломом» традиционных нравственных представлений, находящихся под правовой защитой, дают основания более внимательно проанализировать классические, новоевропейские политико-правовые концепции, выступившие ценностно-правовой основой западной цивилизации. А. Н. Медушевский, связывая кризис западного права с процессами глобализации, указывает на его проявления «практически во всех значимых областях жизни: разрушении исторически сложившейся системы международного права; растущем конфликте международного и национального права и деформации последнего под влиянием интеграционных процессов (размывание понятия суверенитета)… эрозии традиционной, культурной, религиозной и национальной идентичности в современной Европе, проблемы которой оказывается трудно разрешить в рамках прежней демократической легитимности и доктрины прав человека»[7]. Исследователи также всё чаще указывают на конфронтацию западной традиции права с незападными правовыми культурами, ставят под сомнение универсальный характер многих западных правовых институтов. И. Л. Честнов, характеризуя влияние западной правовой идеологии на другие правопорядки, отмечает ее мифологический характер: «в силу экспансии Европы эти мифоидеологемы <…> насаждаются всему остальному миру, выдаваясь за универсальные, единственно-пригодные естественно-правовые ценности<…>»[8]. М. Н. Марченко, характеризуя практику деятельности Европейского Суда по правам человека, указывал на политизацию деятельности этого органа, выход за рамки юстициабельности, наличие проблем, связанных с независимостью и беспристрастностью судей, и т. д.[9]

Отечественный правопорядок также не лишен проблем политико-правового и социального плана, однако они не связаны с кризисом фундаментальных оснований правовой жизни. Важно констатировать, что постсоветская юриспруденция в первое десятилетие своего развития строилась на основе новоевропейской правовой методологии, которая воспринималась некритично. В последние 10–15 лет отечественное юридическое сообщество начинает обращать внимание на недостатки и риски, которые содержат в себе правовые заимствования из современной западной традиции права, и одновременно исследовать собственные основания правового познания. Это нашло отражение в конституционных реформах, проведенных в Российской Федерации в 2020 г. и в Республике Беларусь в 2022 г., в рамках которых была усилена конституционно-правовая защита традиционных ценностей и иных аутентичных правовых элементов[10]. Нельзя не упомянуть о важнейших правовых актах программно-политического характера, принятых в последние годы в Беларуси и в России, в которых получили повышенную правовую защиту правовые ценности, прямо не вытекающие из текста конституций. В частности, это утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 Концепция правовой политики Республики Беларусь, а также Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ

---

[5] *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1998. С. 48.

[6] См. напр.: Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / Сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. СПб.: Астерион, 2021. 580 с.

[7] *Медушевский А. Н.* Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / Отв. ред. В. Г. Графский, М. М. Славин. М.: Институт государства и права РАН, 2008. С. 89. EDN: MEGKRF

[8] *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 351–352.

[9] *Марченко М. Н.* О юридической природе и характере решений Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 2. С. 9. EDN: WFLSDZ

[10] *Чуприс О. И.* Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. 2022. № 2 (76). С. 5–13. EDN: HZSINA; *Эбзеев Б. С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 1. С. 7–24.

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

3. Типы научной рациональности и типология понимания права: постклассическое правопонимание

Социогуманитарный кризис западного мира, сопровождающийся негативными явлениями в сфере политико-правовой теории и практики, имеет конкретные культурно-исторические истоки и во многом связан с особенностями формирования методологии эпохи Нового времени[11]. В эпистемологии он обозначается как *кризис классического типа рациональности* и рассматривается в контексте формирования иных типов рациональности — *неклассического* и *постнеклассического*[12]. Основная разграничительная линия проходит между классическим и следующими за ним типами рациональности. Методологи науки главным отличительным признаком противопоставления классики неклассической и постнеклассической типам рациональности полагают *отсутствие в классическом типе фиксации субъектных установок и включение в познание в постклассическом типе рациональности ценностей человеческой размерности (человеко(раз)мерности) знания*[13]. Для правоведения, институционализировавшегося в рамках классического, буржуазного типа научной рациональности, принципиально важно отличать классику и те направления, которые формируются на отличных от нее основаниях.

В методологии правового познания имеются свои специальные категории, характеризующие право как многомерное явление в своих самых главных свойствах. Такой категорией является *тип правопонимания*, представляющий собой сформированную в рамках определенной правовой концепции теоретико-методологическую модель, отражающую главную идею права, его сущность, процесс правогенеза, признаки права и его социальное назначение. Тип правопонимания является структурой интеллектуального отражения правовой реальности[14], он влияет на все стороны правового познания, явно или скрыто отражаясь на познании каждого элемента или характеристики правовой реальности.

Сопоставляя категории «тип научной рациональности» и «тип правопонимания», следует указать, что последняя как *внутриюридическое научное описание права* всегда сообразуется с определенным типом научной рациональности как с *более широким познавательным контекстом*. Тип научной рациональности представляет собой методологическую среду, в рамках которой развиваются все системы знания, в том числе юридическое.

Современная методологическая ситуация в общеправовой теории отличается тем, что в условиях методологического плюрализма исследователь может избрать методологию, разработанную в рамках любого типа научной рациональности. Указанная особенность свойственна именно юриспруденции как науке, основывающейся на методологических положениях буржуазной правовой теории, сформировавшейся в рамках классической рациональности. На этих положениях было основано большинство современных правопорядков. Кроме того, юриспруденция как наука, связанная с общеобязательным регулированием общественных отношений, является оправданно консервативной и изменяется только вследствие достаточной апробации новых теоретико-правовых подходов. Вместе с тем на современном этапе разработка теоретико-методологических основ общеправовой теории во многом связана именно с теми правовыми исследованиями, которые позволяют выявить недостатки концепций, разработанных на классическом этапе развития правовой науки.

---

[11] *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.): Формирование научных программ нового времени / Отв. ред. И. Д. Рожанский. АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1987. 447 с. EDN: QYALJJ

[12] *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 362.

[13] *Швырев В. С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 166, 171–173; *Бабосов Е. М.* Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. С. 147–148.

[14] *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: ИД СПбГУ, 2004. С. 181.

С учетом охарактеризованного различия типов научной рациональности в современной юриспруденции выработался собственный подход к этой типологии на основе использования вышеупомянутой категории «тип правопонимания». В соответствии с этим подходом принято выделять не три типа правопонимания, соответствующих трем типам научной рациональности, а два — *классический* и *постклассический*[15]. В связи с тем, что юридическая традиция в основном сформировалась на базе классических методологических концепций эпохи Нового времени, правовые концепции, которые основываются на иных методологических основаниях, принято относить к *постклассическим*, то есть разработанным в период, следующий за классической буржуазной политико-правовой эпохой. Необходимо признать верной оценку, согласно которой «<…> выделение классического и постклассического правопонимания имеет под собой фундаментальные социокультурные основания»[16].

В рамках классического типа научной рациональности сформировались три классических типа правопонимания: юснатурализм, юридический позитивизм и социологическая юриспруденция. В связи с тем, что данные типы правопонимания принадлежат одной и той же — классической юридической формации, факт конкуренции этих направлений не свидетельствует о конфликте типов научной рациональности. Постклассические правовые концепции и включенные в них соответствующие типы правопонимания формируются в рамках неклассического или постнеклассического типов научной рациональности. В этих концепциях пересматриваются методологические подходы правового познания на основании использования постклассической методологии, а также предпринимается попытка представления и понимания правовой реальности с позиции другого, отличного от классического, методологического языка. Методологической основой постклассического правового мышления выступают философские концепции герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, постструктурализма, антропологии и др., которые (либо отдельные элементы которых) адаптируются к целям правового познания[17]. Значительное место в формировании постклассических правовых концепций занимает идея человекомерности правовой реальности[18].

В современной фундаментальной юриспруденции практически сформирован научный консенсус относительно существования постклассических правовых концепций, несмотря на то, что отдельные правоведы критикуют обоснованность их выделения в самостоятельную группу[19]. В. В. Лапаева признает выделение «постклассических типов правопонимания» на основании используемой ими неклассической теории познания и эпистемологии, ориентированной на неклассическую рациональность[20]. Ю. А. Веденеев, подчеркивая объективность процесса формирования постклассических правовых концепций, усматривает причину их появления в кризисе классического, формально-догматического юридического знания[21]. Н. В. Разуваев отмечает, что «основной задачей, стоящей перед постклассической теорией права, является изучение тех механизмов, которые лежат в основе правового конструирования социальной реальности и совокупность которых образует право в его содержательном измерении»[22].

К основным гносеологическим характеристикам постклассических правовых концепций относятся *конструктивность, контекстуальность, интерсубъективность, человекоцентричность* права,

---

[15] Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.

[16] *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 233–234.

[17] См.: *Деникина З. Д.* Неклассическая и постнеклассическая философия права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с.

[18] В современной эпистемологии человекомерность (человекоразмерность) характеризуется в трех аспектах: понимание мира и всех его элементов как мира человека; понимание человека как меры, а не как исключительно рационального субъекта познания, что предполагает включение целей, ценностей (культурных, социальных и др.), личных качеств и чувств человека в предмет исследования; личностное осознание и освоение идеалов научной истины, включая принятие личной ответственности за следование этому идеалу и освоение ценностей наивысшего уровня. Понятие человекомерности снимает противоречие между объективным отражением реальности человека и субъективным ее конструированием. См.: *Мелков Ю. А.* Человекомерность постнеклассической науки: монография. К.: Издатель ПАРАПАН, 2014. С. 229–231.

[19] См. напр.: *Хохлов Е. Б.* Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С. 4–14. EDN: TKSQPL; *Гревцов Ю. И.* О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Правоведение. 2007. № 5. С. 4–22. EDN: MUYHXX

[20] *Лапаева В. В.* Типы правопонимания. Правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. С. 191, 218. EDN: RBBXMF

[21] *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: конец или начало? // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1019. EDN: TCRHYP

[22] *Разуваев Н. В.* Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 57. EDN: VZVORL

всех правовых явлений и процессов[23]. Данные характеристики представляют собой эпистемологические основания постклассических правовых концепций, постепенно они становятся составляющими современного правового познания.

Выделение классических и постклассических традиций правового познания не обусловливает их жесткого противопоставления. Формирование постклассических правовых концепций не связано с модой на инновации, но является реакцией на новые проблемы в современной правовой действительности, которые решаются в том числе с учетом накопленного юриспруденцией «методологического багажа».

4. «Антропологический поворот» и формирование антропологической концепции права

В начале 2000-х гг. в процессе формирования первых постклассических правовых концепций исследователи начали проявлять интерес к *антрополого-правовой проблематике*. Внимание правоведов к антропологии права[24] было обусловлено одной из важнейших составляющих кризиса классической рациональности — *проблемой человека и кризисом его классической модели*. Кризисные тенденции в западном социогуманитарном знании и в сфере политико-правовой теории и практике второй половины XX в. показали, что при формировании новоевропейского дискурса человека ввиду приоритета рационалистическо-эмпирических установок буржуазной науки не были учтены важные методологические положения. Их осмысление и включение в современную модель человека рассматривается как одна из важнейших задач не только в эпистемологии права, но и всех социогуманитарных наук.

В юриспруденции проблематика антропологического кризиса проявилась в том, что человек как правовая персона, согласно новоевропейским методологическим установкам, начал рассматриваться как формальная единица, рациональная субстанция, объективированная в нормативно вмененном комплексе прав и обязанностей. Формально-догматическая рационализация человека стала рассматриваться в качестве достаточного и единственного способа юридизации человеческой личности. Уже в начале 90-х гг. XX в. начали высказываться предложения о пересмотре такого подхода и необходимости исследовать человека в правовой реальности не только как субъекта права, а в более широком познавательном контексте[25]. В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук с группой правоведов начали разрабатывать новое для русскоязычного правоведения направление — юридическую конфликтологию[26], в рамках которой делалась попытка перейти к недогматическому анализу человеческого юридически значимого действия в праве и сформировать альтернативную модель правового человека в рамках юридико-конфликтологических процедур — медиации, посредничества и т. д.

В правовых концепциях Нового времени, использовавших рационалистическую философско-методологическую концепцию человека, несмотря на ее общую гуманистическую направленность, человек представлялся как субъект по образцу рациональной субстанции, наделенной характеристиками «умной вещи» или «рациональной машины», которая выступает эталоном оценки реальности. В современном философском дискурсе такую методологическую традицию именуют классической метафизикой, тесно связанной с номотетическим методом познания[27].

Кризисные тенденции новоевропейской правовой методологии в части человеческого, личностного измерения права отмечались и в работах русских дореволюционных правоведов и правоведов эмиг-

---

[23] *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 366–370.

[24] Под «антропологией права» автор статьи понимает современное направление фундаментальных правовых исследований, формируемое в рамках постклассической юриспруденции.

[25] *Керимов Д. А.* Будущее российского правоведения. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. М.: Академия, 2007. С. 365–366.

[26] Юридическая конфликтология: В 3 ч. / РАН. Центр конфликтол. исследований; А. Дмитриев, В. Кудрявцев, С. Кудрявцев. М.: ИНИОН, 1993. Ч. 1: Введение в общую теорию конфликтов. 211 с.; М., 1994. Ч. 2: Юридический конфликт: сферы и механизмы. 172 с.; М., 1995. Ч. 3: Юридический конфликт: процедуры разрешения. 158 с.

[27] *Левин Г. Д.* Номотетический и идиографический методы познания. Современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 444–471.

рации первой четверти XX в.[28] Н. Н. Алексеев одним из первых начал связывать достижение правового идеала с совершенствованием правового деятеля, правовой личности, а не с совершенствованием правовых институтов, даже таких, как правовое государство[29]. По мнению мыслителя, непонимание сути правового идеала «<…> лежало в основе столь свойственной новейшему западному человечеству веры в универсальную, всеспасающую и всеисцеляющую общественную миссию права»[30]. Главный акцент на совершенствовании человека в праве делал П. И. Новгородцев, подвергнув критике и ограничению учение о правовом государстве и призывая к изучению правовой личности[31].

Кризис классической модели субъекта стал предметом научного внимания на Западе с середины XX в. в связи с изменениями жизненно-практического плана. Постепенно становилось всё более очевидным, что рационально-механистическая модель субъекта, которая была предложена в качестве базовой в эпоху Нового времени, имеет серьезные методологические недостатки, прежде всего с позиции выражения в ней человекомерных, личностно-ценностных характеристик. В философии и методологии науки указанные изменения нашли отражение в *феномене «антропологического поворота»* как смены парадигмы научного мышления о человеке[32]. «Антропологический поворот» характеризуется: а) переходом от поиска окончательной формулировки сущности человека к анализу особого способа человеческого существования; б) переходом от анализа логико-нормативного опосредованного поведения к познанию конкретных практик существования; в) преодолением психофизиологической, рациональной, социальной и иных редукций в понимании человека[33]. А. П. Огурцов, описывая методологическое значение «антропологического поворота» в XX в., отмечает, что он представлял собой «<…> поворот к новому философскому обоснованию гуманитарных и социальных наук, в котором<…> произошла радикальная смена методологического оснащения гуманитарных и социальных наук»[34]. Важно отметить, что представители «антропологического поворота» делали акцент на понимании человека не сквозь субъективные переживания и психологизм, а посредством экспликации определенного *порядка ценностной структуры личности*[35].

Кризис классической модели субъекта повлиял и на существование человека в правовой действительности. В последние десятилетия это выразилось в появлении целого ряда проблем, связанных с идентификацией человека в праве и формированием *новых моделей правосубъектности* в связи с развитием новых поколений и видов прав человека, а также некоторыми другими проблемами. Особое влияние на развитие кризисных тенденций оказала легализация в большинстве западноевропейских правопорядков антропологических практик, вступающих в конфликт с традиционной нравственностью и культурой, демонстрируя девиацию юридического понимания человека и его природы на основе классической модели субъекта права.

Наряду с проблемой соматических и репродуктивных прав человека в последние годы возникла еще одна проблема, связанная с концепцией субъекта права и традиционной моделью правосубъектности — *проблема цифровизации человека в праве и появления новых видов кибер- (цифровых), нейроправ*[36]. Проблема цифровизации в своей предельной постановке выражается в риске цифровой трансформации человека, его

---

[28] *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1909. 395 с.; *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 180–508; *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.

[29] *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 219–220.

[30] *Там же*. С. 220.

[31] *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 529.

[32] *Марков Б. В.* Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 18–29; *Ростова Н. Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 93–98. EDN: MXLLIH

[33] *Смирнов С. А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 32.

[34] *Огурцов А. П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: Міръ, 2011. С. 259. EDN: QXCBMF

[35] *Смирнов С. А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 28.

[36] *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1. EDN: OZGIAV; *Ковлер А. И.* Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29.

мышления и деятельности. Воздействие на человека цифровых технологий и изменение человеческой природы под влиянием биомедицинской и генно-инженерной деятельности оказываются тесно взаимосвязанными друг с другом и, по сути, представляют собой единый процесс, который наиболее последовательно выражен в современной концепции *трансгуманизма*, проникающей и в сферу правового регулирования.

Охарактеризованные тенденции развития социальной практики, а также обусловленные ими изменения в методологии социогуманитарного знания применительно к познанию человека оказали влияние на зарождение и выделение в самостоятельную группу антрополого-правовых научных исследований, в рамках которых концептуализируется и *антропологическая концепция права*. Она позволяет открыть дополнительные формы отражения человека в праве наряду с традиционной субъектно-правовой моделью, выявить дополнительные методологические возможности и инструменты, позволяющие решать актуальные антропологические проблемы современности.

Выводы

Разработка антропологии права как постклассического направления исследований, обоснование в его рамках антрополого-правовой концепции связана с преодолением кризиса новоевропейской концепции субъекта права. Как следует из охарактеризованного проблемного поля формирования постклассической юриспруденции, историко-культурных предпосылок «антропологического поворота», а также задач антропологии права как направления общетеоретических правовых исследований, преодоление кризиса новоевропейской концепции субъекта права является достаточно серьезной задачей. Ее решение требует глубокого уровня методологической проработки, смены методологической оптики в части обоснования определенного нового взгляда на человека в праве, операционализации этого взгляда на языке приемлемых общеправовых понятий и категорий «среднего» уровня. По сути, речь идет о некоторой эпистемологической перенастройке всего познавательного антрополого-правового инструментария в рамках общеправовой теории. Охарактеризованные выше проблемы в основном являются проблемами антрополого-правового характера и требуют своего разрешения на новых методологических основаниях. В частности, вопрос о правосубъектности должен рассматриваться с позиции различия природы и личности человека, на основе новых подходов к пониманию юридически значимого акта, сознания, воли, ценности, путем вынесения на самостоятельный методологический уровень понятия личности в праве в ее отличии от понятия субъекта права, разделения формально-догматических и антрополого/личностно-правовых элементов права и т. д. Определенная работа по разрешению этих проблем уже проведена автором в рамках монографических исследований[37]. Однако социокультурная ситуация и состояние методологии общеправовой теории в части решения проблем, связанных с человеком в праве, продолжают делать исследования антрополого-правовой проблематики актуальной задачей современного постклассического правоведения.

Список источников

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
2. *Бабосов Е. М.* Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2014. С. 147–153.
3. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 622 с.
4. *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. 328 с. EDN: JDVVEB

[37] *Павлов В. И.* Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 560 с.; *Павлов В. И.* Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение: монография. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2025. 622 с.

5. *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: конец или начало? // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1009–1022. EDN: TCRHYP
6. *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.): формирование научных программ нового времени / Отв. ред. И. Д. Рожанский. АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. М.: Наука, 1987. 447 с. EDN: QYALJJ
7. *Гревцов Ю. И.* О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении / Ю. И. Гревцов, Е. Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 5 (268). С. 1–23. EDN: MUYHXX
8. *Деникина З. Д.* Неклассическая и постнеклассическая философия права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с. EDN: QRSFGH
9. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 180–508.
10. *Керимов Д. А.* Будущее российского правоведения // Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. М.: Академия, 2007. С. 352–371.
11. *Ковлер А. И.* Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29. DOI: 10.12737/jrl.2022.125. EDN: DRKLNH
12. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / Сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. СПб.: Астерион, 2021. 580 с. DOI: 10.53115/9785001881216. EDN: TPASSC
13. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания. Правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с. EDN: RBBXMF
14. *Левин Г. Д.* Номотетический и идиографический методы познания. Современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 444–471.
15. *Мамут Л. С.* Сверим ориентиры: наука о государстве и праве нуждается в радикальном обновлении // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989. С. 89–108.
16. *Марков Б. В.* Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 18–29.
17. *Марченко М. Н.* О юридической природе и характере решений Европейского Суда по правам человека // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 2. С. 5–22. EDN: WFLSDZ
18. *Медушевский А. Н.* Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца; отв. ред. В. Г. Графский, М. М. Славин. М.: Институт гос. и права РАН, 2008. С. 89–112. EDN: MEGKRF
19. *Мелков Ю. А.* Человекомерность постнеклассической науки: монография. К.: Издатель ПАРАПАН, 2014. 254 с.
20. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. 395 с.
21. *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей [1902]. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 505–574.
22. *Огурцов А. П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: Міръ, 2011. 336 с. EDN: QXCBMF
23. *Павлов В. И.* Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение: монография // Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2025. 622 с.
24. *Павлов В. И.* Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 560 с.
25. *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: ИД СПбГУ, 2004. 864 с.
26. Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.

27. *Разуваев Н. В.* Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98. EDN: VZVORL
28. *Ростова Н. Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 93–98. DOI: 10.17223/15617793/456/10. EDN: MXLLIH
29. *Смирнов С. А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23–35.
30. *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
31. *Сырых В. М.* Материалистическая философия публичного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 573 с. EDN: UYSZVL
32. *Тарасов Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 2001. 263 с. EDN: IZFRZL
33. *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 218–294.
34. *Толстик В. А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13–21. EDN: UZTIMF
35. *Фролова Е. А.* Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.3.17-32. EDN: XXBUPE
36. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1. EDN: OZGIAV
37. *Хохлов Е. Б.* Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 1(252). С. 4–14. EDN: TKSQPL
38. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с. EDN: QSSDIV
39. *Честнов И. Л.* Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 60–162.
40. *Честнов И. Л.* Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 6–15. EDN: LBSDLF
41. *Чуприс О. И.* Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. 2022. № 2 (76). С. 5–13. EDN: HZSINA
42. *Швырев В. С.* Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с. EDN: RAYUYT
43. *Эбзеев Б. С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № 1. С. 7–24.

Об авторе:

Павлов Вадим Иванович, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук, профессор; e-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by
ORCID: 0000-0002-2867-1039
SPIN-код: 9630-5550

References

1. Alekseev, N. N. (1999) Fundamentals of the philosophy of law. *Publishing house Lan*. 256 p. (In Russ.)
2. Babosov, E. M. (2014) Post-nonclassical science and the poly-probability interpretation of the anthropic cosmic principle. In: Synthesis of philosophy, science, culture. On the 80th anniversary of Academician V. S. Stepin. *BSU*. Pp. 147–153. (In Russ.)

3. Berman, G. J. (1998) The Western tradition of law: the epoch of formation. *Publishing House of Moscow State University, INFRA-M-NORM*. 622 p. (In Russ.)
4. Vedeneev, Yu. A. (2022) Jurisprudence: phenomenon and concept. Introduction to the genealogy of the language of conceptual paradigms. *Prospekt*. 328 p. (In Russ.)
5. Vedeneev, Yu. A. (2014) Jurisprudence: The end or the beginning? *Lex Russica*. No. 9. Pp. 1009–1022. (In Russ.)
6. Gaidenko, P. P. (1987) The evolution of the concept of science (XVII–XVIII centuries). *Nauka*. 447 p. (In Russ.)
7. Grevtsov, Yu. I., Khokhlov, Ye. B. (2006) On legal and dogmatic chimeras in modern Russian jurisprudence. *Law studies*. No. 5. Pp. 4–22. (In Russ.)
8. Denikina, Z. D. (2010) Nonclassical and post-nonclassical philosophy of law. *Publishing House of Moscow State University*. 230 p. (In Russ.)
9. Ilyin, I. A. (2006) On the essence of legal consciousness. *AST: AST Moscow: GUARDIAN*. Pp. 180–508. (In Russ.)
10. Kerimov, D. A. (2007) The future of Russian jurisprudence. *Publishing house Academy*. Pp. 352–371. (In Russ.)
11. Kovler, A. I. (2022) Anthropology of Human Rights in The Digital Age (The Essay of The Comparative Legal Method). *Journal of Russian Law*. Right. No. 12. Pp. 5–29. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.125
12. Dorskaya, A. A., Kosovskaya, V. A., Alekseeva, N. I. (2021) Crisis phenomena in law: theory, history, ways of overcoming. *Asterion*. 580 p. (In Russ.) DOI: 10.53115/9785001881216
13. Lapaeva, V. V. (2012) Types of legal understanding: legal theory and practice. *Russian Academy of Justice*. 577 p. (In Russ.)
14. Levin, G. (2012) According to nomothetic and idiographic methods of cognition are a modern view. *Canon+, ROOI "Rehabilitation"*. Pp. 444–471. (In Russ.)
15. Mamut, L. S. (1989) Let's compare benchmarks: the science of state and law needs a radical update. *Pulse of Reforms. Lawyers and political scientists reflect*. Pp. 89–108. (In Russ.)
16. Markov, B. V. (1995) The anthropological turn in philosophy of the twentieth century. *Petropolis*. Pp. 18–29. (In Russ.)
17. Marchenko, M. N. (2016) On the legal nature and nature of the decisions of the European Court of Human Rights. *Bulletin of the Moscow University*. Episode 11. Right. No. 2. Pp. 5–22. (In Russ.)
18. Medushevsky, A. N. (2008) The crisis of law as a problem of theoretical jurisprudence. In: Law and society in the era of change. *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Pp. 89–112. (In Russ.)
19. Melkov, Yu. A. (2014) The human dimension of post-nonclassical science. *PARAPAN*. 254 p. (In Russ.)
20. Novgorodtsev, P. I. (1909) Introduction to the philosophy of Law. The crisis of modern legal awareness. *Typo-lithography by I. N. Kushnerev and Co*. 395 p. (In Russ.)
21. Novgorodtsev, P. I. (2002) Moral idealism in the philosophy of law. *Modest Kolerov and "Three Squares"*. Pp. 505–574. (In Russ.)
22. Ogurtsov, A. P. (2011) Philosophy of science: The twentieth century: Concepts and problems. *Mir.* 336 p. (In Russ.)
23. Pavlov, V. I. (2025) The anthropological concept of law in modern fundamental jurisprudence: theoretical and methodological content and instrumental significance. *Akad. Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus*. 622 p. (In Russ.)
24. Pavlov, V. I. (2021) Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions: a history of formation. *Yurlitinform*. 560 p. (In Russ.)
25. Polyakov, A.V. (2004) General theory of law: Problems of interpretation in the context of a communicative approach. *Publishing House of St. Petersburg State University*. 864 p. (In Russ.)
26. Chestnov, I. L. (2016) Postclassical ontology of law. *Aleteya*. 688 p. (In Russ.)
27. Razuvaev, N. V. (2015) Law: a socio-constructivist approach. *Jurisprudence*. No. 5. Pp. 48–98. (In Russ.)

28. Rostova, N. N. (2020) The anthropological turn in philosophy: Anthropology vs ontology. *Bulletin of the Tomsk State University*. No. 456. Pp. 93–98. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/456/10
29. Smirnov, S. A. (2017) The anthropological turn: its meaning and lessons. *Philosophy and Culture*. No. 2. Pp. 23–35. (In Russ.)
30. Stepin, V. S. (2000) Theoretical knowledge: structure, historical evolution. *Progress-Tradition*. 743 p. (In Russ.)
31. Syrykh, V. M. (2016) Materialistic philosophy of public law. *Yurlitinform*. 573 p. (In Russ.)
32. Tarasov, N. N. (2001) Methodological problems of legal science. *Publishing House of the University of Humanities*. 263 p. (In Russ.)
33. Timoshina, E. V. (2016) Classical and postclassical legal understanding as styles of philosophical and legal thinking. Postclassical ontology of law. *Aleteya*. Pp. 218–294. (In Russ.)
34. Tolstik, V. A. (2004) From pluralism of legal understanding to the struggle for the content of law. *State and Law*. No. 9. Pp. 13–21. (In Russ.)
35. Frolova, E. A. (2021) Methodological pluralism of legal understanding: problems of theory and philosophy of law. *Justice*. Vol. 3, No. 3. Pp. 17–32. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2021.3.17-32
36. Khabrieva, T. Ya. (2018) Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*. No. 9 (261). Pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_9_1
37. Khokhlov, E. B. (2004) Legal chimeras as a problem of contemporary Russian legal science. *Jurisprudence*. No. 1 (252). Pp. 4–14. (In Russ.)
38. Chestnov, I. L. (2012) Postclassical theory of law. *Alef-Press*. 650 p. (In Russ.)
39. Chestnov, I. L. (2016) Postclassical dialogical ontology of law. *Aleteya*. Pp. 60–162. (In Russ.)
40. Chestnov, I. L. (2017) Legal science in anticipation of changes. *Jurisprudence*. No. 5 (334). Pp. 6–15. (In Russ.)
41. Chupris, O. I. (2022) Changes and Additions to The Constitution of The Republic of Belarus: Embodiment of The Distinctiveness of The Fundamental Law and Updated Statehood. *Pravo.by*. No. 2 (76). Pp. 5–13. (In Russ.)
42. Shvyryov, V. S. (2003) Rationality as a cultural value. Tradition and modernity. *Progress-Tradition*. 176 p. (In Russ.)
43. Ebzeev, B. S. (2020) Updating the Constitution of Russia: the collective image of the amendments of President V. V. Putin and the new meanings of the Basic Law. *State and Law*. No. 1. Pp. 7–24. (In Russ.)

About the author:

Vadim I. Pavlov, Leading Researcher at the Institute of Legal Studies of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Law, Professor; e-mail: vadim.i.pavlov@yandex.by
ORCID: 0000-0002-2867-1039

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: HGKSSX

CC BY-SA

Дата поступления статьи: 25.07.2025
Дата поступления рецензии: 12.08.2025
Дата принятия статьи к публикации: 01.09.2025

Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов

Осветимская И. И.
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
E-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

Аннотация

Введение. Коммуникативная теория права А. В. Полякова представляет собой влиятельный постклассический, антропологический подход в современной российской теории права, который периодически подвергается критическому осмыслению в академической литературе. Однако значительная часть этой критики основывается на нецелостном восприятии теории или ошибочной интерпретации ее ключевых положений. Настоящее исследование посвящено систематическому критическому анализу наиболее репрезентативных критических замечаний в адрес теории.

Методология и материалы. В основу работы положен анализ публикаций следующих оппонентов коммуникативной теории права: В. В. Домакова, В. В. Матвеева, Л. В. Головко, О. В. Мартышина, В. И. Крусса, А. А. Егорова, М. В. Антонова, Е. Н. Тонкова. Исследование проводится с применением логических методов (анализ, синтез, обобщение, сравнение) в рамках методологии самого коммуникативного подхода, отражающего принципы постклассической научной рациональности, позволяющие учитывать сложность, нелинейность и неопределенность изучаемых феноменов, а также роль исследователя в процессе познания.

Результаты исследования и их обсуждение. Критика в адрес коммуникативной теории права была классифицирована на два типа: 1) *мнимая* критика, проистекающая из поверхностного знакомства с теорией и вырванных из контекста ее положений, часто неверно интерпретируемых; 2) *аргументированная* критика, основанная на глубоком понимании теории, но исходящая из иных методологических предпосылок (в первую очередь, позитивистских). Для каждого типа критики в статье предложены детальные контраргументы и развернутые ответы, проясняющие и защищающие основные тезисы коммуникативного подхода.

Выводы. Исследование подтверждает эвристическую ценность и методологическую состоятельность коммуникативной теории права как эффективного инструмента для решения современных научных и практических задач. Ее ключевое преимущество заключается в использовании антропологического подхода, в рамках которого человек с его правами, свободами и ответственностью помещается в центр права. Право понимается не как самореферентная система, а как конструируемый в интерсубъективной коммуникации феномен, нацеленный на обеспечение мирного сосуществования и баланса между индивидуальной свободой и общим благом, ориентированный на социально-практическую значимость.

Ключевые слова: коммуникативная теория права, постклассическая юриспруденция, антропологический подход к праву, интегральное правопонимание, критика правовых теорий.

Для цитирования: *Осветимская И. И.* Коммуникативная теория права А. В. Полякова как постклассический антропологический подход к праву: критический анализ замечаний оппонентов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 55–70. EDN: HGKSSX

© Осветимская И. И., 2025
© Osvetimskaya I. I., 2025

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование», https://rscf.ru/project/24-28-00976/.

The article was submitted: 25.07.2025
The article approved after reviewing: 12.08.2025
The article accepted for publication: 01.09.2025

The Communicative Theory of Law by A. V. Polyakov as a Post-Classical Anthropological Approach to Law: A Critical Analysis of Opponents' Remarks

Osvetimskaya I. I.
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

Abstract

Introduction. Andrey V. Polyakov's communicative theory of law is an influential post-classical, anthropological approach in modern Russian legal theory that sometimes face with critical examination in academic literature. However, a significant portion of this criticism is based on a non-systemic understanding or misinterpretation of the theory's key tenets. This study aims to conduct a systematic critical analysis of the most representative criticisms of the theory.

Methodology and materials. The research is based on a critical and systematic analysis of publications by following opponents of the communicative theory of law (V. V. Domakov, V. V. Matveev, L. V. Golovko, O. V. Martyshin, V. I. Kruss, A. A. Egorov, M. V. Antonov, E. N. Tonkov). The research employs logical methods (analysis, synthesis, generalization, comparison) within the methodological framework of the communicative approach itself, incorporating the principles of post-classical scientific rationality that emphasize complexity, non-linearity, and the role of the researcher in the process of cognition.

Results and discussion. The criticism directed at the communicative theory of law was classified into two types: 1) *apparent* criticism, stemming from a superficial engagement with the theory and interpretations of its provisions taken out of context; 2) *reasoned* criticism, based on a deep understanding of the theory but originating from different methodological premises (primarily positivism). For each type of criticism, the article provides detailed counterarguments and comprehensive responses that clarify and defend the main theses of the communicative approach.

Conclusion. The research confirms the heuristic value and methodological validity of the communicative theory of law as an effective tool for solving modern scientific and practical problems. Its key advantage is the use of anthropological approach, within which a person with his rights, freedoms and responsibilities is placed at the center of law. Law is understood not as a self-referential system, but as a phenomenon constructed in intersubjective communication, aimed at ensuring peaceful coexistence and balance between individual freedom and the commonweal, focused on social and practical significance.

Keywords: communicative theory of law, post-classical jurisprudence, anthropological approach to law, integral legal understanding, criticism of legal theories.

For citation: Osvetimskaya, I. I. The Communicative Theory of Law by A. V. Polyakov as a Post-Classical Anthropological Approach to Law: Critical Analysis of Opponents' Remarks. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 55–70. (In Russ.)

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 24-28-00976, "Law and Traditional Values: An Interdisciplinary Study", https://rscf.ru/project/24-28-00976/.

Введение

Коммуникативная теория права А. В. Полякова является постклассическим подходом к пониманию права, вобравшим в себя основные достижения как российской дореволюционной правовой мысли, так и зарубежной философии права. Она также выступает интегральной концепцией, с точки зрения которой право имеет различные грани (нормы, ценности, правоотношения, эмоции, тексты, деятельность по их интерпретации и реализации), связанные воедино коммуникацией между субъектами, основанной на принципе взаимного правового признания. Человек, автономно действующий в рамках коррелятивных прав и обязанностей, выступает активным правовым деятелем, конструирующим правовую реальность.

На страницах академических журналов можно встретить попытки критики постклассического направления в юридической науке в целом и коммуникативной теории права А. В. Полякова в частности. Иногда эта критика содержит взвешенные аргументы, иногда вызвана, как представляется, неверной интерпретацией ключевых компонентов соответствующих теорий. Автору данной статьи хотелось бы критически осмыслить некоторые замечания оппонентов коммуникативной теории права А. В. Полякова.

Методология и материалы

В силу невозможности охватить все замечания в рамках одной публикации, настоящая статья посвящена ответу на критику, представленную в работах В. В. Домакова и В. В. Матвеева (2016), Л. В. Головко (2016), О. В. Мартышина (2017), В. И. Крусса (2021), А. А. Егорова (2024), М. В. Антонова (2025) и Е. Н. Тонкова (2025). В исследованиях Н. В. Варламовой, И. Л. Честнова и Н. В. Разуваева также можно встретить важные критические замечания, но они заслуживают отдельной статьи, которая планируется в будущем.

В ходе исследования используются такие логические методы, как анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, индукция и дедукция, сравнение. Кроме этого, статья базируется на методах постклассической науки, которые учитывают сложность, нелинейность и неопределенность изучаемых явлений, а также роль самого исследователя в процессе познания. Статья написана в методологических рамках коммуникативного подхода к праву.

Результаты исследования имеют два раздела. В первом даются ответы на замечания, которые представляются результатом несистемного ознакомления с коммуникативной теорией права, рассмотрения некоторых аспектов теории без учета полного контекста, что приводит к неправильной интерпретации основных ее положений. По данной причине такая критика названа *мнимой*.

Во втором разделе даются ответы на замечания авторов, которые хорошо знакомы с коммуникативной теорией права, но не согласны с некоторыми ее положениями и выводами в силу разделяемой ими иной методологии исследования права. Такая критика названа аргументированной.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Критика *мнимая*

А. А. Егоров начинает свою критику с выражения несогласия с тем, что сторонники коммуникативной теории права считают А. В. Полякова первым, кто связал понимание права с социальной коммуникацией[1]. Здесь автору можно возразить дважды. Во-первых, сам А. В. Поляков в своих трудах всегда подчеркивает, на «плечах» каких «гигантов» он стоит: это Л. И. Петражицкий, Г. Гурвич, Л. С. Франк, В. С. Соловьев,

[1] *Егоров А. А.* Коммуникативная теория права: анализ и альтернативное прочтение основных положений // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 3 (33). С. 39. EDN: DGTUWY

П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, Н. Луман, Ю. Хабермас, Л. Фуллер[2]. Все они так или иначе связывали право с социальной коммуникацией, но либо не считали коммуникацию сутью права, либо опирались не на идею коммуникации, а на ее отдельные составные компоненты.

Во-вторых, свою задачу А. В. Поляков, судя по всему, видит не только в том, чтобы наблюдать за конкретными правовыми системами, за их основными элементами и структурой и выводить наблюдения на общетеоретический уровень (задачи общей теории права), но также в том, чтобы выявить метаюридическое значение права, добраться до его оснований и ценностей, которые право должно отстаивать, понять смысл права в контексте человека и мира (задачи философии права). Поэтому понятие коммуникации используется им в первую очередь для того, чтобы продемонстрировать, что право не является независимой от человека объективной реальностью, оно существует, «преломляясь сквозь структурированное языком человеческое сознание»[3]. «Право есть то, что интерпретировано как право»[4]. Правогенез в коммуникативной теории права объясняется процессом институционализации вырабатываемых в ходе социальной коммуникации типизированных социально значимых образцов поведения, которые, пройдя социальную легитимацию, превращаются в правила поведения (нормы), наделяющие конкретных субъектов правами и коррелятивными обязанностями[5]. Нормы права являются «результатом объективации (экстернализации), типизации, институционализации и легитимации поведения самих социальных субъектов»[6].

В свою очередь, такая трактовка права раскрывает ошибочность господствующей во время создания коммуникативной теории права (да и сейчас тоже) этатистской трактовки права как создаваемого исключительно государством. А. В. Поляков показывает, что право существует и в догосударственных обществах, а с возникновением государства лишь вступает на новый этап своего развития, приобретает новую коммуникативную форму — форму нормативно-правовых актов. Такая формализация права способствует и его универсализации в рамках общества. Но в случае государственно-организованного права правовой становится не любая законодательная норма и не сразу. Для того чтобы норма закона стала правовой, необходимо, чтобы она конституировала взаимодействие субъектов таким образом, чтобы каждый из них определял свое поведение в соответствии с установленными нормой закона правами и обязанностями[7]. В противном случае текстуальная норма закона оказывается как бы «мертвой», оторванной от тех, кому она адресовалась. Подобная ситуация была невозможна в рамках догосударственного права, или соответствующего жизненному миру людей, или не являвшегося правом фактически, а лишь надевавшим его «маску» механизмом господства, насилия и произвола.

А. А. Егоров рассуждает над следующей интерпретацией права, данной А. В. Поляковым в предисловии к его «Общей теории права» в 2004 г.:

> «...Право как тотальная и синергийная интерсубъективная социокультурная реальность рассматривается в коммуникативно-деятельном, ценностном, семиотическом и психологическом аспектах и, соответственно, онтологически интерпретируется и феноменологически описывается как многоединство, включающее в себя как нормы, так и правоотношения, как ценности, так и правосознание, как правовые тексты, так и деятельность по их интерпретации и претворению в жизнь»[8].

---

[2] См., напр.: *Поляков А. В.* Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144–155. EDN: ZDLVXB; *Поляков А. В.* Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193; *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. № 16 (6). С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov. EDN: AQDOOD; *Polyakov A. V., Osvetimskaya I. I.* Moral Foundations of Legal Communication. Kutafin Law Review. 2023. No. 10 (3). Pp. 475–494. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.475-494; *Поляков А. В.* Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193.

[3] *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 232.

[4] Там же. С. 233.

[5] Там же. С. 232.

[6] Там же. С. 245.

[7] Там же. С. 299.

[8] *Егоров А. А.* Указ соч. С. 41.

Он упрекает А. В. Полякова в логической ошибке, так как ему показалось, что автор коммуникативной теории права, называя право «тотальной реальностью», считает право единственным нормативным регулятором:

> «Закон тождества, применяемый формальной логикой и заключающийся в том, что всякое суждение влечет (имплицирует) само себя, позволяет сделать вывод, что право является единственным социальным регулятором в обществе. Это обстоятельство порождает логическую ошибку, так как наряду с правом общественные отношения регулируются обычаями, моралью, религией и иными социальными нормами. В этом контексте постулат Полякова при его буквальном истолковании (с учетом отсутствия авторских пояснений) представляет собой ярко выраженный теоретический недостаток»[9].

Остается загадкой, почему автор после приведенного определения права А. В. Полякова дает сноску на книгу Г. Ф. Шершеневича[10]. Но очевидно, что для того, чтобы понять смысл предисловия автора, следует обратиться к тексту целой книги, а не обвинять автора в отсутствии пояснений всех своих мыслей в предисловии. При последовательном ознакомлении с коммуникативной теорией права достаточно легко понять, что подразумевается под «тотальной реальностью». Эта идея коррелирует с феноменологическим понятием «жизненного мира», введенным в философию Э. Гуссерлем, который представляет собой «горизонт» возможных целей, стремлений и планов субъекта[11]. С понятием жизненного мира связано и понятие правовой жизни. «Правовая жизнь подлежит общему и основному закону духовного развития и является, подобно религии, философии, науке, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единого жизненно-духовного делания»[12]. Используя понятие «тотальной реальности», А. В. Поляков подчеркивает, что правовая жизнь не ограничивается государственно-защищенными правовыми отношениями, реальный круг субъектов правоотношений гораздо шире. «Один и тот же субъект часто выступает и субъектом государственно-защищенных правовых отношений, и субъектом непосредственно социальных правовых отношений. Например, священнослужитель, как человек и гражданин, является субъектом конституционных, гражданско-правовых и иных защищенных государством правовых отношений, а как член православного прихода вступает во внутриприходские правовые отношения, не регулируемые нормами государственного права»[13].

Вообще сочетание «тотальная и синергийная интерсубъективная социокультурная реальность» нужно толковать вместе. Это означает, что право пребывает в коммуникативном пространстве, оно не дано в готовом виде, как объективная данность, а рождается в процессе межсубъектного взаимодействия и наделения субъектами реальных отношений правовым смыслом. Но при этом право является всеобщей формой коммуникации, в которой участвуют все люди и из которой невозможно выйти, в отличие от морали, нравственности и религии, разделять которые человек может только добровольно.

Ну а наличие в обществе иных нормативных регуляторов совершенно не отрицается в коммуникативной теории права. Наоборот, А. В. Поляков демонстрирует принадлежность правовых норм к социальным нормам, наряду с моралью, нравственностью и религией, но признает у них наличие специфического, присущего только им, свойства атрибутивности[14].

Что интересно, А. А. Егоров практически дословно повторяет критические замечания О. В. Мартышина, которые тот высказал в отношении коммуникативной теории права еще в 2017 г. О. В. Мартышин (2017 г.):

> *«…Традиционное интегралистское определение, практически совпадающее с приведенным в предшествующей главе определением Г. В. Мальцева 1989 г., не претендовавшем и в то вре-*

---

[9] *Егоров А. А.* Указ соч. С. 41.

[10] *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве: лекции. М.. 1911.

[11] *Поляков А. В.* Общая теория права… 2004. С. 45.

[12] Здесь А. В. Поляков цитирует И. А. Ильина: *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М., 1994. С. 173–174. EDN: OXDKLN

[13] *Поляков А. В.* Общая теория права: курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С. 117. EDN: VWNHSD

[14] *Поляков А. В.* Общая теория права… 2004. С. 705–708 (параграф «Виды социальных норм»).

мя на новизну»[15]; *«Конечно, есть между двумя определениями и расхождения, но они не столь принципиальны. Г. В. Мальцев, еще не изживший советского нормативизма, связывал эту совокупность с властью, то есть с государством»*[16]; *«Кажется излишним и непонятным включение в приведенное определение ценностей в качестве самостоятельной категории наряду с правосознанием. Вызывает недоумение и требует пояснения определение права как тотальной реальности»*.

А. А. Егоров (2024 г.): *«Внимательный анализ части определения, выделенные курсивом, вольно или невольно отсылает нас к позиции известного отечественного правоведа Г. В. Мальцева, который еще в 1989 г. писал: „Право… есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемые средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения“. Данное традиционное интегративное понимание права как норм, идей и отношений даже в то время не могло претендовать на новизну»*[17]; *«То обстоятельство, что Мальцев связывал эту совокупность норм, идей и отношений с государственной властью, объясняется тем, что он находился под влиянием доктрины советского нормативизма. Кроме того, требует осмысления и отождествление права с тотальной реальностью»*[18].

При этом А. А. Егоров пытается некоторые высказывания А. В. Полякова перефразировать своими словами, что-то из них убирая, что-то добавляя, и утверждает, что благодаря этому они приобретают лучшее звучание. Критик убежден, что в результате такого перефразирования будет внесен вклад в развитие научного знания, что выгодно отличает его критику от критики О. В. Мартышина, который «не предлагает собственного видения постулатов этих теорий»[19]. Например, А. А. Егоров предлагает на основе использования дедуктивного мышления (!) сформулировать более лаконичное коммуникативное определение:

> «Право — это совокупность норм, идей и отношений, существующих и реализуемых в контексте социальной коммуникации»[20].

Однако остается неясным, почему сокращение авторского определения делает его более научно приемлемым.

Далее А. А. Егоров отмечает теоретический изъян всех интегральных концепций, заключающийся в соединении, на его взгляд, противоречивых положений[21]. И здесь он не оказывается первым. Например, И. Ю. Козлихин еще в 2007 г. сравнил желание интегративистов объединить все лучшие достижения основных типов правопонимания с мечтами героини из гоголевской «Женитьбы» Агафьи Тихоновны: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Ильича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...»[22].

На это хочется ответить, что, возможно, И. Ю. Козлихин и прав, и его сравнение справедливо для интегративных концепций Дж. Холла и Г. Дж. Бермана, которые действительно на основании анализа и синтеза предлагали отбросить все недостатки классических школ и объединить все их достоинства. Но к коммуникативной теории права это не имеет отношения. А. В. Поляков не стремится объединить противоречивые суждения представителей различных подходов к праву, его задача иная. И он неоднократно это пояснял, предлагая представить право как многогранник. Для первых правовых позитивистов (И. Бентам и Дж. Остин) правом являлась команда суверена, подкрепленная угрозой применения принуждения, Г. Кельзен концентрирует внимание на нормах, юснатуралисты акцентируют внимание на

---

[15] *Мартышин О. В.* Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. С. 299. EDN: XSRAZB

[16] Там же.

[17] *Егоров А. А.* Указ. соч. С. 41.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 40.

[20] Там же. С. 42.

[21] Там же. С. 41.

[22] *Козлихин И. Ю.* О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 1(264). С. 39. EDN: KXDOIB. Также см.: *Черданцев А. Ф.* Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 7. DOI: 10.12737/21518. EDN: WLUSWL

ценностях, представители социологической юриспруденции считают самым важным в праве правовые отношения, правовые реалисты — роль правоприменителей. А. В. Поляков предлагает изначально иной взгляд. Посмотреть на право в его многоединстве — это значит узреть все его грани. И такое усмотрение возможно только через идею коммуникации, которая связывает различные аспекты правовой реальности в эмерджентное целое. По этой причине и получается определение, согласно которому:

> «Право одновременно представляет собой **идею** и реальный **факт**, **нормы** и **правоотношения**, индивидуальные **эмоции** и социальные **ценности**, **текст** и деятельность по его **интерпретации** и **реализации**. Ни одно из этих положений не истинно в своей отдельности и отвлеченности, только в рамках целостного восприятия права они обретают свой смысл»[23].

И право, действительно, проявляется во всех указанных ипостасях, что исключает любые противоречия.

А. А. Егоров вслед за О. В. Мартышиным упрекает А. В. Полякова в отсутствии научной новизны в его определении права[24]. Критики полагают, что похожее определение было дано Г. В. Мальцевым еще в 1989 г. и что в целом оно традиционно для интегративного понимания права. Но и это соображение не работает. Да, в этом определении А. В. Поляков хотел подчеркнуть именно интегральный характер права, в противовес взглядам на право, выделяющим в праве только одну его грань в качестве самой главной: государственное принуждение (этатизм), нормы (нормативизм), правоотношения (социологическая юриспруденция), правосознание (психологическая теория права), ценности (юснатурализм), деятельность по интерпретации и применению в жизнь (правовой реализм). Но новизна коммуникативной теории права (как и любой другой) заключается не в определении права. Научная заслуга А. В. Полякова состоит в применении этого определения ко всей теории права и государства на основании феноменолого-коммуникативного подхода. Все общепринятые разделы разработанной им теории права и государства (общей теории права) представлены в свете интегральной концепции. Это и составляет научную новизну и заслугу его разработок.

Да, схожие определения права можно найти и у других правоведов. У Г. Гурвича, например, определение также включает в себя все перечисленные грани:

> «Право представляет собой попытку осуществить в данных социальных условиях **идею справедливости** (т. е. предварительного и по своей сущности многообразного примирения противоречивых духовных ценностей, воплощенных в данной социальной структуре) путем многостороннего **императивно-атрибутивного** регулирования, основанного на неразрывной связи между **правопритязаниями и обязанностями**; это регулирование обретает **действенность** через нормативные факты, которые придают регулированию социальную гарантию **эффективности**, и может **в некоторых случаях** обеспечивать выполнение своих требований посредством заранее установленного **внешнего принуждения**, что не предполагается как обязательное»[25].

Дж. Холл выделял ценности, нормативную установленность, социальную и процессуальную стороны права:

> «Право — тип социального действия, **процесс**, в котором **нормы**, **ценности** и **факты** срастаются и **актуализируются**»[26].

Г. Дж. Берман видел своей задачей «примирить строгое право и право справедливости, правосудие и милосердие, равенство и свободу»[27].

---

[23] *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 58. EDN: QWJKWF

[24] *Егоров А. А.* Указ. соч. С. 41.

[25] *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 608. EDN: QWHWYN

[26] *Холл Дж.* Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. С. 740.

[27] *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 64.

В. С. Соловьев и А. С. Ященко также пытались дать синтетические определения права. В. С. Соловьев давал три определения права: онтологическое, аксиологическое, интегральное[28].

Онтологическое: «Естественное право есть та общая алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права»[29].

Аксиологическое: «Право — это принудительное требование реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»[30].

Интегральное: «Право есть исторически подвижное определение равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага»[31].

А. С. Ященко в своем определении права ставил задачу сделать все остальные определения внутренне связанными:

«**Право** есть совокупность **действующих** в обществе, вследствие **коллективно-психического** переживания членами общества и **принудительного** осуществления органами власти, **норм поведения**, устанавливающих **равновесие между интересами личной свободы и общественного блага**»[32].

А. В. Поляков отмечает, что категория «многоединство» в отношении права специально разрабатывалась в русской философии, в частности В. С. Соловьевым, С. Л. Франком, Л. П. Карсавиным и др.[33] Но дело не в схожести определений. Дело в том, что никто из вышеперечисленных авторов не увидел связи этих элементов через коммуникацию. А ведь главное — определить, что собирает разнородное в единое. Таким связующим звеном является идея коммуникации.

Удивительным видится при этом замечание В. В. Домакова и В. В. Матвеева, которые нашли «огрехи» общей теории права А. В. Полякова в том, что в первом издании «Общей теории права» 2001 г. «в содержании явно описательного характера нельзя увидеть характерную для любой теории стройную структуру, включающую в себя взаимосвязанные эмпирическую, теоретическую, методологическую и практическую части и отношения между ними»[34].

Не совсем понятно, почему авторы в 2016 г. обратились к изданию 2001 г., если уже в 2004-м и при последующих переизданиях курс «Общей теории права» имел совершенно стройную для этой дисциплины структуру, освещая все «традиционные» разделы данной дисциплины, относящиеся к догме права, а также дополнительные, решающие философско-правовые задачи: проблему правопонимания в истории теоретико-правовой мысли (лекция 1); российский правовой дискурс: основные идейные доминанты (лекция 2); правогенез (лекция 3); онтологический статус права (лекция 4); право и ценности (лекция 5); правосознание: онтологический и социокультурный ракурсы (лекция 6); правовую культуру (лекция 7); право и закон (лекция 8); право и государство (лекция 9); право в государстве: структурно-функциональный аспект (лекция 10); право в государстве: концепт правовой государственности (лекция 11); действие права (пространство правовой коммуникации) (лекция 12); правовые тексты как источники права (лекция 13); нормы права (лекция 14); правовые отношения (лекция 15); применение права (лекция 16); интерпретацию (толкование) правовых текстов (лекция 17); правонарушение и правовую ответственность (лекция 18); законность и правопорядок (лекция 19).

---

[28] *Соловьев В. С.* Предварительные замечания о праве вообще // Власть и право. Л., 1990. С. 98–112.

[29] Там же. С. 98–99.

[30] Там же. С. 109.

[31] Там же. С. 112.

[32] *Ященко А. С.* Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. М.: Марийский гос. ун-т, 2012. С. 174-175. EDN: QSNMWN

[33] *Поляков А. В.* Общая теория права... 2001. С. 169.

[34] *Домаков В. В., Матвеев В. В.* Понятийные огрехи «общей теории права» А. В. Полякова и их последствия для правовой науки // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. Вып. 3 (15). С. 86. EDN: WVIMID

При прочтении замечаний В. В. Домакова и В. В. Матвеева создается впечатление, что авторам не только не удалось понять замысел автора коммуникативной теории права, но и что им чужды многие понятия теории права и государства в целом. Например, они не понимают, почему А. В. Поляков использует для своей монографии слово «теория», зачем он называет теорию «общей»[35]. Непонятным им кажется использование слов «феномен»[36] и «коммуникация», так как под коммуникацией авторы привыкли понимать «сообщение, пути, дороги, средства связи мест»[37] и недоумевают, почему А. В. Поляков предлагает понимать под коммуникацией «взаимодействие между субъектами, опосредованное некоторым знаковым объектом (текстом)».

Далее В. В. Домаков и В. В Матвеев пишут, ссылаясь на стр. 171 «Общей теории права» 2003 г. издания, что А. В. Поляков считает:

> «Право — это юридическое выражение производственных отношений в господствующих отношениях собственности; право — это специфическая форма экономических отношений, образующая юридическую надстройку над базисом классового общества; право — это средство упрочения общественных отношений, способ эмансипации производства от случая и произвола...»[38].

Но на этой странице А. В. Поляков приводит мнение Л. С. Явича по поводу тех определений права, которые могут быть научно приемлемыми и которые можно использовать для синтеза, что, в свою очередь, даст возможность составить «объемное представление о праве, кратко описать достигнутое наукой правопонимание, использовать его для дальнейшего развития науки и для решения практических вопросов»[39]. А. В. Поляков цитирует здесь суждения Л. С. Явича как пример того, что даже в советской науке с середины 1950-х гг. предпринимались попытки «узконормативному» пониманию права противопоставить его «широкую» концепцию.

Еще один момент, который свидетельствует о нежелании авторов разобраться в коммуникативной теории права, но при этом найти в ней «огрехи», следующий. Авторы пишут:

> «А. В. Поляков считает, что „правовые отношения выражаются в форме взаимных прав и обязанностей и связывают людей в коммуникативное правовое сообщество, определяя их соотнесенное друг с другом поведение, направленное на удовлетворение потребностей в разнообразных социокультурных ценностях“. В то же время общеизвестно и совершенно очевидно, что отношения превращаются в правоотношения тогда и только тогда, когда они становятся обязательными для всех во времени, в пространстве и по кругу лиц, при этом они оказываются связаны не только с правами и обязанностями, но и с ответственностью, которая возникает за неисполнение обязанностей, за ненадлежащее исполнение обязанностей и за ненадлежащую реализацию своих прав»[40].

Говоря о том, что «право понимается прежде всего как система нормативных правовых отношений, которые, выражаясь в форме взаимных прав и обязанностей, связывают людей в общество, определяя их соотнесенное друг с другом поведение, направленное на удовлетворение потребностей в разнообразных социокультурных ценностях»[41], А. В. Поляков, как он и поясняет чуть ниже, показывает, что правовая норма становится таковою, только если она интерпретируется в сознании социального субъекта как общезначимая и общеобязательная, вызывая тем самым определенную поведенческую реакцию. Поэтому в случае, когда установленные государством нормы не имеют никакого отношения к жизни общества, не претворяются в общественных отношениях, — нет оснований говорить о праве[42]. И наоборот, если члены общества пользуются социально признанными правами и исполняют корреспондирующие им

---

[35] *Домаков В. В., Матвеев В. В.* Указ соч. С. 87.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 88.

[39] *Поляков А. В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. С. 171. EDN: VWNHRT

[40] *Домаков В. В., Матвеев В. В.* Указ соч. С. 88. Предлог «во» перед «времени» пропущен авторами.

[41] *Поляков А. В.* Общая теория права... 2003. С. 726.

[42] Там же. С. 727.

обязанности, то независимо от того, что является основанием этих прав и обязанностей (закон, обычай, договор или религиозная норма), они находятся в сфере правовых отношений. И далее в этом же разделе учебника, раскрывая структуру правоотношения и описывая такой ее элемент, как субъект правовых отношений, А. В. Поляков пишет о деликтоспособности — способности субъекта правовых отношений нести ответственность за совершенное правонарушение, что означает, в частности, «выступать субъектом юридической обязанности претерпеть те юридические санкции, которые предусмотрены нормами права»[43]. Таким образом, понятие обязанности включает в себя и обязанность нести юридическую ответственность, так что авторы могут не опасаться, что в коммуникативной теории права А. В. Полякова нет места ответственности, а только праву и обязанности. И тут, наоборот, можно упрекнуть авторов в полной теоретической путанице, так как они пишут о том, что «отношения превращаются в правоотношения тогда и только тогда, когда они становятся обязательными для всех», но правоотношения не могут быть обязательными для всех, обязательной для всех является правовая норма, на основании которой возникают правоотношения. А общеобязательность и общезначимость норм права у А. В. Полякова выделяются в качестве основных признаков правовой нормы наряду с предоставительно-обязывающим характером и функциональностью (действенностью)[44].

Авторы также пишут о введении А. В. Поляковым такого термина, как нормы-принципы, в то время, когда «даже великий Хаммурапи включил принципы права не в сам текст Свода законов, а в преамбулу»[45]. Однако А. В. Поляков отмечает, что нормы-принципы как разновидности специальных норм выделяются во многих учебниках, а, по его мнению, «их вообще нельзя отнести к правовым нормам, поскольку они не определяют непосредственно права и обязанности субъектов»[46].

Критика В. И. Крусса в адрес коммуникативной теории права и постклассического подхода в юриспруденции в целом также может быть подвергнута сомнению. Говоря о «человеке конституционном», у которого права и свободы более солидарны, чем права и свободы человека, о которых пишет А. В. Поляков, так как «„человек конституционный" внутренне готов к надлежащему — конституционному — правопользованию»[47], В. И. Крусс не поясняет, почему «человек конституционный» будет к этому готов. Но ведь на самом деле к солидарности человека побуждает альтруизм, который уравновешивает эгоизм, и вместе данные начала формируют принцип взаимного правового признания, о котором пишет А. В. Поляков[48].

2. Критика *аргументированная*

Практически единственный ученый, который обосновывает свои замечания в адрес коммуникативной теории права при доскональном ознакомлении с нею, — это М. В. Антонов.

Прежде чем перейти к критическим замечаниям М. В. Антонова, хотелось бы прояснить один важный методологический момент. Основное противоречие между позитивистским и непозитивистским подходами мне представляется непреодолимым, заключается в разных способах поиска оснований действительности/валидности права. Если с точки зрения юридического позитивизма существует только юридическая и социологическая валидности, то с точки зрения непозитивистских подходов к ним добавляется валидность моральная (или аксиологическая). Юридическая валидность связана с наличием юридической силы у закона. Социологическая — с действенностью закона. А моральная валидность связана с проверкой закона на соответствие справедливости. Для позитивистов понятия право и закон совпадают. Для этатизма достаточно факта издания закона по воле суверена или государственным органом, что-

[43] Там же. С. 768.

[44] Там же. С. 706–711.

[45] *Домаков В. В., Матвеев В. В.* Указ соч. С. 90.

[46] *Поляков А. В.* Общая теория права... 2001. С. 487.

[47] *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 31. DOI: 10.12737/jrl.2021.133. EDN: GFQSIO

[48] *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 111–127 (параграф о нейробиологических предпосылках права).

бы такой закон считался правом. У Г. Кельзена кроме надлежащего издания добавляется необходимость действенности. Если люди долго не следуют каким-то нормам, то есть закон не является действенным (социологическая валидность), он лишается и своей действительности (юридическая валидность). Но для непозитивистов этого недостаточно. Яркий пример — формула Г. Радбруха: «Если законы сознательно попирают волю справедливости, например предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер»[49].

В коммуникативной теории права учитываются все три вида валидности. При этом аксиологическая валидность связывается с реализацией в праве принципа взаимного правового признания. Как справедливо отмечает М. В. Антонов, «правом для автора являются те нормы, что опосредуют аксиоматические требования взаимного признания, поскольку обязанности, соответствующие коммуникативной природе права, можно адресовать только свободной и автономной личности»[50]. И данное положение коммуникативной теории права как раз подвергается критике со стороны М. В. Антонова:

«Любая норма, устанавливающая нечто, противное принципу взаимного правового признания, — например, рабство или закрепощение человека, смертную казнь, пытки и иные формы негуманного обращения с человеком, — лишается своего правового — в данном контексте обязывающего — характера»[51].

М. В. Антонов не может согласиться с этим тезисом, так как он находится в рамках позитивистской методологии. Приведем несколько замечаний автора, а затем попытаемся их преодолеть.

> «Этот принцип (принцип взаимного правового признания. — *Прим. авт.*) не диктуется эмпирическими условиями бытия людей, их мировоззрением или лежащими в основе их поступков фактическими мотивами»[52].
>
> «Мы не можем ставить его (права. — *Прим. авт.*) действительность в зависимость от совпадения с тем нравственным идеалом, который лишь немногие люди делают руководящим принципом своих поступков»[53].
>
> «В рабовладельческих, средневековых и иных исторических правопорядках никто и не задумывался о перспективе правового равенства рабов и господ, знати и плебса, представителей прочих социальных слоев, чье неравенство считалось онтологически и аксиологически заданным природой и/или богами. Эти общества были организованы на основе противного принципа, рассматривающего принадлежащих к разным группам (сословиям и проч.) людей как юридически неравных, имеющих различную ценность в иерархии бытия»[54].

На это хочется ответить, что все перечисленные М. В. Антоновым формы организации жизни общества рухнули, изжили себя. Правовое неравенство и отсутствие взаимного правового признания ведет к краху соответствующей системы. Длительная институализация непризнания равенства в правовых отношениях приводит к радикализации борьбы соответствующих социальных групп за признание и к «отмиранию» существующего строя или режима (рабовладельческого, феодального, фашистского). Вряд ли их можно назвать правопорядками. Порядком отношения между господином и рабом можно назвать только в том случае, если раб добровольно готов считать себя рабом. Но являются ли такие отношения правовыми? Любые действия раба могут быть отменены господином, любые действия господина в отношении раба должны считаться правом. Но действия в отношении объекта никогда не

---

[49] Радбрух Г. Пять минут философии права // Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения. 2004. С. 226.

[50] *Антонов М. В.* Коммуникация и действительность права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 28. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC

[51] Там же. С. 28–29.

[52] Там же. С. 29.

[53] Там же.

[54] Там же.

могут получить правового смысла со стороны объекта. А если это субъект, то у него должны быть неотъемлемые права.

А. В. Поляков обращает внимание на то, что вся история развития человечества представляет собой борьбу эгоистических и альтруистических начал в человеке, которые призвано уравновесить право[55]. Он отмечает, что отношения господства и подчинения были преодолены в результате демократических революций. «Неравные признания хозяев и рабов были заменены признанием универсальным и взаимным»[56]. Далее принцип взаимного признания был закреплен во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 1 которой гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»[57].

Замечание М. В. Антонова о том, что принцип взаимного правового признания не диктуется эмпирическими условиями бытия людей, как раз и опровергается историческими фактами, потому что весь ход истории демонстрирует борьбу за признание и расширение присутствия этого принципа в правовых системах всех стран без исключения. Использование теста на наличие принципа взаимного признания для оценки возможности отнесения той или иной системы к правовой не откажет всем рабовладельческим и феодальным обществам в целом, а откажет в частности. Наряду с нормами, юридически закрепляющими правовое неравенство и на таком основании не являющимися правовыми в подлинном смысле, существовали нормы, устанавливающие равенство в правоотношениях между свободными людьми в греческом полисе или в Римской империи, или между белыми свободными мужчинами в Америке, или между представителями арийской нации в фашистской Германии. Но те нормы, которые закрепляли отношение к человеку как к средству, вещи, а не как к автономному свободному субъекту правоотношений, являлись разновидностью властного (государственного или социального) произвола, обеспечиваемого силой и принуждением. Принцип взаимного правового признания может иметь разную степень реализации. Но в своем историческом развитии человечество демонстрирует постепенное расширение этого принципа.

Поставив юридическую валидность в зависимость от аксиологической (зависимость обязывающей силы права от реализации в праве принципа взаимного правового признания), А. В. Поляков показал, что в основании коммуникативной теории права лежит непозитивистская методология. Никаких противоречивых сочетаний различных подходов в ней нет. И здесь можно ответить еще на одно критическое замечание, которое представляется аргументированным. Оно высказано Л. В. Головко, с точки зрения которого, главная проблема коммуникативной теории права (как и других интегративных или интегральных концепций) состоит в том, что она не дает инструмент для разрешения правовых конфликтов[58]. Он считает, что можно вынести судебное решение, руководствуясь позитивизмом (на основании толкования законов) или юснатурализмом (применяя правовые принципы). Но вынести решение на основании коммуникативной теории права судья не может. Однако именно признание равной правосубъектности всех людей позволило бы человеческому обществу избежать многих ошибок в своей истории. Если бы судьи нацистской Германии выносили решения, руководствуясь коммуникативной теорией права, в концлагеря не были бы отправлены миллионы людей. Потому что законодательство, на основании которого выносились эти решения, попирало принцип взаимного правового признания, произвольно считая одних достойными, других — нет. Это созвучно с формулой Г. Радбруха, но у А. В. Полякова справедливость имеет конкретное содержание — признание равной правосубъектности всех людей.

---

[55] *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуниктивиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 148. С. 29–158.

[56] Там же. С. 150. С отсылками к Г. Гегелю и Ф. Фукуяме.

[57] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://w ww.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.07.2025).

[58] *Головко Л. В.* Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 100–102. (С. 92–126).

Е. Н. Тонков также рассуждает над принципом взаимного правового признания. Он указывает, что:

«наряду с правилом взаимного правового признания мы испытываем действие правил непризнания, которые могут носить не только взаимный, но и односторонний характер»[59].

Непонятно, что понимается под правилом непризнания. В каком смысле непризнание может быть правилом? Руководствуясь логикой, приходим к выводу: непризнание есть отрицание признания. Значит, признание есть исходный принцип, а непризнание в этом случае лишь отрицание принципа, но не сам принцип. Так же как добросовестность есть принцип, а недобросовестность не принцип, а всего лишь отрицание принципа. Кроме того, невозможно считать одним из принципов права правило непризнания, потому что главное назначение права — это установление такой формы общежития, при которой возможно мирное сосуществование всех людей и максимальная возможность осуществления ими своих частных интересов в согласованности с частными интересами других и благом всего общества. Если возводить непризнание в принцип права, никакого мирного существования получиться не может. Будет война всех против всех. Поэтому непризнание — это нарушение принципа взаимного признания, а не правило, существующее наравне с ним.

Е. Н. Тонков также предлагает ввести термин «дискоммуникация» для описания ситуаций правового непризнания[60]. Но еще ранее мы описали возможные отклонения от подлинной коммуникации как «деформации правовой коммуникации»[61]. Сам Е. Н. Тонков указывает, что для таких отношений в литературе используется термин «коммуникативный конфликт»[62]. У А. В. Полякова есть понятия «разрыв правовой коммуникации» или «помеха в коммуникации»[63] для обозначения правового конфликта. Представляется, что дискоммуникация не всегда должна быть связана с правовым непризнанием. Она может случиться из-за непонимания субъектами друг друга, из-за сбоя в передаче информации, неверного раскодирования адресатом сообщения адресанта.

Выводы

Критика, направленная в адрес коммуникативной теории права, к сожалению, не всегда является обоснованной и соответствующей требованиям, предъявляемым к научной дискуссии. Сказанное не означает, что коммуникативная теория права (как и коммуникативная философия права) является теорией совершенной, не имеющей изъянов и не нуждающейся в критике. Если бы это было так, то она и не была бы научной теорией, а выступала бы в качестве идеологической догмы, предметом веры со стороны ее сторонников. Но формат статьи не позволяет рассмотреть все проблемные вопросы, возникающие в этой связи (особенно интересны последние размышления на этот счет И. Л. Честнова, Н. В. Разуваева, В. И. Павлова, а также соображения, ранее высказываемые сторонниками либертарно-юридической теории права).

Коммуникативный подход к пониманию права демонстрирует свою эффективность в том числе потому, что помещает в центр правовой системы человека, его права и свободы, в неразрывной связи с обязанностями и способностью нести ответственность. Правопорядок в рамках такого правопонимания не рассматривается как самоцель или самодостаточная, самореферентная система. Его предназначение заключается в обеспечении мирного сосуществования индивидов и воспроизводства социума при оптимальном балансе между индивидуальной свободой и общественным благом. Такой подход является антропологическим (человекоразмерным) и постклассическим[64], так как преодолевает «одномерность»

---

[59] *Тонков Е. Н.* Коммуникация и дискоммуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 47. (С. 44–51). DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN IOOWWU

[60] Там же. С. 47.

[61] *Осветимская И. И.* Деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России // Ideology and Politics Journal. 2021. № 2 (18). С. 292–312. DOI: 10.36169/2227-6068.2021.02.00013

[62] Там же. С. 48.

[63] *Поляков А. В.* Общая теория права… 2004. С. 619.

[64] О методологических основаниях постклассических правовых исследований см.: *Осветимская И. И.* Методологический потенциал постклассических правовых исследований // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 241–265.

классических теорий, их редукционизм (сведение права к одному основанию), объективацию права как не зависящую от человека реальность, демонстрирует право как конструируемый в интерсубъективном взаимодействии феномен, обладающий своим предназначением (сущностью, эйдосом), отличающийся от других нормативных регуляторов наличием атрибутивной составляющей наряду с императивной. Отличительной чертой такого подхода является его методологическая открытость к синкретизму, позволяющая интегрировать методы иных научных дисциплин. Это дает возможность выйти за рамки узкоспециального юридического анализа и акцентировать внимание на социально-практической ценности и значимости правовых норм.

Список источников

1. *Антонов М. В.* Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 23–33. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC
2. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. *Головко Л. В.* Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 92–126. EDN: WYHNTT
4. *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: ИД СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. 848 с. EDN: QWHWYN
5. *Домаков В. В.* Понятийные огрехи «общей теории права» А. В. Полякова и их последствия для правовой науки / В. В. Домаков, В. В. Матвеев // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. Вып. 3 (15). С. 84–92. EDN: WVIMID
6. *Егоров А. А.* Коммуникативная теория права: анализ и альтернативное прочтение основных положений // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 3 (33). С. 38–50. EDN: DGTUWY
7. *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М., 1994. EDN: OXDKLN
8. *Козлихин И. Ю.* О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 1 (264). С. 31–40. EDN: KXDOIB
9. *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 11. С. 19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133. EDN: GFQSIO
10. *Мартышин О. В.* Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. 352 с. EDN: XSRAZB
11. *Осветимская И. И.* Деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России // Ideology and Politics Journal. 2021. № 2 (18). С. 292–312. DOI: 10.36169/2227-6068.2021.02.00013
12. *Осветимская И. И.* Методологический потенциал постклассических правовых исследований // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 241–265.
13. *Поляков А. В.* Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. 642 с. EDN: VWNHSD
14. *Поляков А. В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 845 с. EDN: VWNHRT
15. *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: ИД СПбГУ, 2004.
16. *Поляков А. В.* Общая теория права: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 468 с. EDN: QWJKWF
17. *Поляков А. В.* Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144–155. EDN: ZDLVXB

18. *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov. EDN: AQDOOD
19. *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 111–127.
20. *Поляков А. В.* Право и проблемы его аксиологического толкования: введение в философскую антропологию права и морали // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 77–193.
21. *Радбрух Г.* Пять минут философии права // Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения. 2004. С. 225–228.
22. *Соловьев В. С.* Предварительные замечания о праве вообще // Власть и право. Л., 1990. С. 98–112.
23. *Тонков Е. Н.* Коммуникация и дискоммуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 44–51. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN IOOWWU.
24. *Холл Дж.* Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3. С. 739–741.
25. *Черданцев А. Ф.* Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 5–15. DOI: 10.12737/21518. EDN: WLUSWL
26. *Ященко А. С.* Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. М.: Марийский гос. ун-т, 2012. 402 с. EDN: QSNMWN
27. *Polyakov A. V., Osvetimskaya I. I.* Moral Foundations of Legal Communication. Kutafin Law Review. 2023. No. 10 (3). Pp. 475–494. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.475-494

Об авторе:

Осветимская Ия Ильинична, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

References

1. Antonov, M. V. (2025) Communication and validity of law in A. V. Polyakov's conception. *Rossiiskaya yustitsiya.* No. 5. Pp. 23–33. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23 (In Russ.)
2. Berman, G. J. (1998) Western legal tradition: the era of formation.
3. Golovko, L. V. (2016) Post-Soviet theory of law: difficulties of positioning in historical and comparative context. In: Problems of Post-Soviet theory and philosophy of law: collection of articles. *Yurlitinform*. Pp. 92–126. (In Russ.)
4. Gurvich, G. D. (2004) Philosophy and sociology of law. *Publishing House of St. Petersburg State University*, *Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University*. 848 p.
5. Domakov, V. V., Matveev, V. V. (2016) The conceptual flaws of the "general theory of law: phenomenological and communicative approach: a course of lectures" A. V. Polyakov and their implications for legal science. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie.* Iss. 3 (15). Pp. 84–92. (In Russ.)
6. Egorov, A. A. (2024) Communicative theory of law: analysis and alternative reading of the main provisions. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'.* No. 3 (33). Pp. 38–50. (In Russ.)
7. Ilyin, I. A. On the essence of justice. Collected works in ten volumes. Vol. 4. Moscow, 1994. (In Russ.)
8. Kozlikhin, I. Yu. (2006) On Unconventional Approaches to Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie.* No. 1 (264). Pp. 31–40. (In Russ.)
9. Kruss, V. I. (2021) Constitutional Legal Understanding vs "Legal Epistemology": Bjarne Melkevik and "Others". *Journal of Russian Law.* Vol. 25. No. 11. Pp. 19–35. (In Russ.)

10. Martyshin, O. V. (2017) Philosophy of Law. Textbook for Masters. *Prospect*. (In Russ.)
11. Osvetimskaya, I. I. (2021) Deformations of Communication between State Power and Society in Russia. *Ideology and Politics Journal.* No. 2 (18). Pp. 292–312. (In Russ.) DOI: 10.36169/2227-6068.2021.02.00013
12. Osvetimskaya, I. I. (2023) Methodological Potential of Postclassical Legal Research. In Postclassical Legal Research: Prospects of the Scientific and Practical Program: Collective Monograph / edited by E. N. Tonkov, I. L. Chestnov. *Aleteya.* Pp. 241–265. (In Russ.)
13. Polyakov, A. V. (2001) General Theory of Law. Lecture Course. *Legal Center Press Publishing House.* (In Russ.)
14. Polyakov, A. V. (2003) General Theory of Law: Phenomenological and Communicative Approach: Lecture Course. 2nd ed., suppl. *Legal Center Press Publishing House.* (In Russ.)
15. Polyakov, A.V. (2004) General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach: Lecture Course. *Publishing House of St. Petersburg State University.* (In Russ.)
16. Polyakov, A.V., Timoshina, E. V. (2005) General Theory of Law: Textbook. *Publishing House of St. Petersburg State University*, *Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University*. (In Russ.)
17. Polyakov, A. V. (2016) Psychological Theory of Law by Leo Petrazycki in the Light of the Communicative Approach. *Pravovedenie*. No. 5 (328). Pp. 144–155. (In Russ.)
18. Polyakov, A. V. (2021) The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian Philosophical and Legal Tradition and Communicative Approach to Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.* No. 16 (6). Pp. 39–101. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov
19. Polyakov, A. V. (2023) Postclassical Jurisprudence, Evolutionary Theory, and Neuroscience (Confession of a Communicative Scholar). In: Postclassical Legal Studies: Prospects of the Scientific and Practical Program: Collective Monograph. *Aletheia*. Pp. 111–127. (In Russ.)
20. Polyakov, A. V. (2024) Law and the Problems of Its Axiological Interpretation: Introduction to the Philosophical Anthropology of Law and Morals. In: Interpretation of Law: Classics and Postclassics: Collective Monograph. *Aletheia*. Pp. 77–193. (In Russ.)
21. Radbruch, G. (2004) Five Minutes of Legal Philosophy. In: Philosophy of Law. *International Relations*. Pp. 225–228.
22. Soloviev, V. S. (1990) Preliminary Remarks on Law in General. *Vlast' i Pravo*. Pp. 98–112. (In Russ.)
23. Tonkov, E. N. (2025) Communication and Discommunication in Russian Legal Realism. *Rossiiskaya yustitsiya*. No. 5. Pp. 44–51. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2025_05_44. EDN: IOOWWU
24. Hall, J. (1999) Integrative Jurisprudence. In: Anthology of World Legal Thought. *Mysl'*. Vol. 3, pp. 739–741.
25. Cherdantsev, A. F. (2016) Integrative Misunderstanding of Law. *Journal of Russian Law.* No. 10. Pp. 5–15. (In Russ.)
26. Yashchenko, A. S. (1912) Theory of Federalism. Experience of the Synthetic Theory of Law and State. *Izdatel'stvo Marijskij gosudarstvennogo universiteta*. Pp. 174–175. (In Russ.)
27. Polyakov, A. V., Osvetimskaya, I. I. (2023) Moral Foundations of Legal Communication. *Kutafin Law Review*. No. 10 (3). Pp. 475–494. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.475-494

About the author:

Iya I. Osvetimskaya, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; e-mail: i.osvetimskaya@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: HJXIVC

CC BY-SA

Дата поступления статьи: 18.03.2025
Дата поступления рецензии: 06.04.2025
Дата принятия статьи к публикации: 16.05.2025

Эволюция правовой мотивации к общему благу (основные формационные модели коммуникации)

Зыков Д. В.
Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)
E-mail: zyk9@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье исследуются основные вехи истории осознания возможностей феномена права как регулятора и правовых возможностей субъектов права. Цель — изучить эволюцию правовой мотивации к общему благу в связи с глобально-стадиальной интерпретацией теории общественно-экономических формаций.

Методология и материалы. Видение развития феномена права основано на телеологической гипотезе Л. И. Петражицкого о «праве как интуиции общего блага». Исследование содержит взаимодополняющее применение коммуникативно-феноменологической теории права, формационного и эволюционного подходов к изучению общества в целом, а также принципов диалектики.

Результаты исследования и их обсуждение. Показано, что нормативность сознания (конкретно-исторические мораль и право) невозможно редуцировать к общественно-экономическим условиям, поскольку в силу своей автономности многое в расставляемых сознанием приоритетах *значений* остается поистине загадочным; конструкция понятия общественно-экономической формации (сама ее «атмосфера») невозможна без конституирующей и сопровождающей ее нормативности сознания; нормативность сознания является условием и предпосылкой конкретно-исторической формационной модели правовой коммуникации в силу ее гносеологической первичности по отношению к социальной материи; именно поступательные изменения в содержании нормативности правовой коммуникации обусловливают правовой прогресс человечества в целом.

Выводы. «Нулевой цикл» правовой коммуникации возникает вместе с появлением человеческой праобщины в виде ограничителя законов социальности (иерархичности и неравенства); развивается как расширение «замиренных кругов» (через тернии собственного отрицания) в рабовладельческой формации; диалектический скачок в феодализм есть рост осознания возможностей права как личной заинтересованности субъектов права, не только властвующих, но и подвластных (отрицание отрицания); «движется» к осознанию права как личной (формальной) свободы каждого отдельного человека (исходное состояние современной нормативности сознания, находящейся в фазе отрицания).

Ключевые слова: эволюция правовой мотивации, общее благо, нормативность сознания, правовая коммуникация, общественно-экономическая формация, гносеологическая первичность сознания.

Для цитирования: *Зыков Д. В.* Эволюция правовой мотивации к общему благу (основные формационные модели коммуникации) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 71–86. EDN: HJXIVC

© Зыков Д. В., 2025
© Zykov D. V., 2025

The article was submitted: 18.03.2025
The article approved after reviewing: 06.04.2025
The article accepted for publication: 16.05.2025

Evolution of legal motivation for the common good (basic formation models of communication)

Zykov D. V.
Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)
E-mail: zyk9@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article explores the main milestones in the history of understanding the possibilities of the phenomenon of law as a regulator and the legal possibilities of legal entities. The purpose is to study the evolution of legal motivation towards the common good in relation to the global-stage interpretation of the theory of socio-economic formations.

Methodology and materials. The vision of the development of the phenomenon of law is based on L. I. Petrazhitsky's teleological hypothesis of "law as the intuition of the common good." The study contains a complementary application of the communicative-phenomenological theory of law, the formation and evolutionary approaches to the study of society as a whole, and the principles of dialectics.

Research results and their discussion. It is shown that the normativity of consciousness (specific historical moral and law) cannot be reduced to socio-economic conditions, since, by virtue of its autonomy, much of the values prioritized by consciousness remain truly mysterious; the construction of the concept of socio-economic formation (its very "atmosphere") is impossible without the normativity of consciousness that constitutes and accompanies it; the normativity of consciousness is a condition and prerequisite for a concrete historical formational model of legal communication due to its epistemological primacy in relation to social matter, and it is the progressive changes in its content that determine the legal progress of humanity as a whole.

Conclusions. The "zero cycle" of legal communication arises with the emergence of the human ancestral community as a limiter of the laws of sociality (hierarchy and inequality); it develops as an expansion of "pacified circles" (through the thorns of its own denial) in the slave-owning formation; the dialectical leap into feudalism is an increase in awareness of the possibilities of law as a personal interest of subjects of law, not only ruling, but and subordinates (denial of denial); "moving" towards the realization of law as the personal (formal) freedom of each individual (the initial state of modern normative consciousness, which is in the phase of denial).

Keywords: evolution of legal motivation, common good, normativity of consciousness, legal communication, socio-economic formation, gnoseological primacy of consciousness.

For citation: Zykov, D. V. (2025) Evolution of legal motivation for the common good (basic formation models of communication) // *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 71–86. (In Russ.)

Введение

Онтологически человеческий мозг как часть биофизического мира предшествует нашему сознанию, и последнее едва ли может существовать где-то вне мира без своего материального носителя. Если принимать во внимание, что наши материальные тела разделены в пространстве, а психические (идеальные) процессы имеют внепространственную форму, взаимосвязывая индивидов и обусловливая возможность общества, это не отменяет объективность материального носителя по отношению к сознанию, но открывает другой «горизонт событий» — существование субъективной и интерсубъективной ре-

альности, *гносеологически* предшествующей материальному миру. Иными словами: каково содержание сознания (как совокупности знания), такова и объективная реальность[1].

Представляет интерес изучение нормативности сознания как социальной воли в рамках динамики коммуникативно-мотивационного континуума исторически сменяющихся общественно-экономических формаций. «Волевая власть существует как в пределах общества в целом, так и в отдельных его ячейках, например, в семье. Но из всех видов волевой власти для общей теории общества и истории важен только один... И такого рода властная воля выражается в нормах поведения, соблюдение которых обязательно для всех носителей подвластных воль. Поэтому такого рода властную волю называют в литературе *нормативным сознанием*... Главными формами такой социальной воли являются *мораль и право*» (курсив наш. — *Д. З.*)[2]. «...идея Петражицкого об императивно-атрибутивной природе права непосредственно выводит на идею коммуникации как его (права) определяющего признака. Л. Петражицкий не только фактически признает возможность общего понимания, но и трактует поведение другого человека как текст, признавая, что этот текст обладает общим, то есть „объективным" (фактически интерсубъективным) смыслом. Но это возможно только в том случае, если субъективный смысловой контекст соответствует объективному смысловому контексту, иными словами, возникает *общий смысл* текста и вытекающего из него взаимодействия. Нормативность, таким образом, выступает коммуникативным условием существования права»[3].

Нормативность сознания как интегральный элемент правовой коммуникации (ее среда), будучи обусловленной ограниченностью исторического знания в рамках той или иной общественно-экономической формации[4], претерпела соответствующую их рамкам и темпу эволюцию. Это, в частности, проявилось в эволюции этических представлений человечества. Л. И. Петражицкий выдвинул телеологическую гипотезу, согласно которой целью социокультурной эволюции права является достижение общего блага. Одна из главных тем его размышлений «...культура, которую он понимал как эволюционный механизм адаптации мотивации и поведения человека к общему благу. <...> превосходящая эгоизм индивидов культурная интуиция общего блага загадочным образом оказывается способной регулировать человеческое поведение в сфере не только права, но и политики, науки, экономики и др.»[5]

Методология и материалы

Видение развития феномена права основано на телеологической гипотезе Л. И. Петражицкого о «праве как интуиции общего блага». Исследование содержит взаимодополняющее применение коммуникативно-феноменологической теории права, формационного и эволюционного подходов к изучению общества в целом, а также принципов диалектики.

---

[1] См.: *Лебедев С. А.* Объективная и субъективная реальность, их структура и соотношение // Журнал философских исследований. 2022. Т. 8. № 3. С. 3–7.

[2] *Семенов Ю. И.* Понятие власти и социальная воля // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 2018. № 6. С. 93.

[3] *Поляков А. В.* Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144; также по вопросу см.: *Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 27–45. Также см.: *Разуваев Н. В.* Идея правовой коммуникации как новый органон юридической науки // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 4–8; *Разуваев Н. В.* Перспективы интегративного подхода в общей теории права и отраслевых юридических науках // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 4–7.

[4] «...всемирная история не есть процесс одновременного подъема всех социоисторических организмов с одной стадии на другую, более высокую... Пройти все без исключения формации могло лишь человеческое общество в целом, но ни в коем случае не один какой бы то ни было социоисторический организм, взятый в отдельности. Формации могли быть стадиями развития отдельных обществ, но это было совершенно необязательно. Одни общественно-экономические формации могли воплощаться в одних социоисторических организмах, другие — в совсем иных. Только такая интерпретация теории общественно-экономических формаций, которая получила название глобально-стадиальной, глобально-формационной, соответствует исторической реальности». *Семенов Ю. И.* История человечества от возникновения до наших дней в предельно сжатом виде с еще более кратким прогнозом на будущее // Философия и общество. 2009. № 3. С. 22.

[5] *Тимошина Е. В.* Социология как «строгая наука»: незавершенный проект Л. И. Петражицкого // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 115. DOI: 10.31857/S013216250007745-2; *Тимошина Е. В.* Философия права Л. И. Петражицкого: право как интуиция общего блага // Право и государство. 2014. № 4 (65). С. 81–89. Также по вопросу см.: *Сорокин П. А.* Правовой прогресс человечества и основные законы развития права. Партнерство цивилизаций. 2014. № 1–2. С. 298–327; *Осветимская И. И.* Тенденции развития права и государства: к прогрессу или регрессу // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1 (11). С. 54–60. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-1-54-60.

Результаты исследования и их обсуждение

Первобытно-общинная «правовая» коммуникация

Согласно общему мнению, исходным состоянием нормативности сознания первобытных людей было архаическое право («протоправо», «мононормы»), построенное на обычной обязательности правил поведения, складывающейся в результате длительной практики многократного применения в форме поведенческой традиции (обыкновения) и вошедшей в привычку, поскольку обеспечивалось самим фактом своего существования. Однако это несколько противоречит социальному закону, что всякое длительно существующее общество подразделяется на управляющих и управляемых. Первобытная община, как представляется, не исключение. И если не брать во внимание гипотетический период существования людей в форме стада, а совершить вполне законный скачок к родоплеменной организации первых людей, то сложно представить себе отсутствие в их обществах иерархии и полное равенство прав и обязанностей, в том числе в распределении благ. К примеру, едва ли взрослые ходили всегда сытыми, а дети голодными, или дети были в большем почете, чем взрослые, и могли наказывать взрослых за провинности и т. п. Учитывая скудные и противоречивые данные о доисторических формах общежития и их правилах, следует скорее принять изначальную иерархичность любой формы социальности, что позволило бы предполагать в таких структурах взаимодействий первобытных индивидов *начало становления правовой коммуникации*. Думается, что исходное состояние нормативности сознания совмещало в себе необходимые зачатки разделения на правящих и управляемых, но в более сдержанной форме, скажем — матриархата, патриархата, совета старейшин, вождизма, и без откровенного налета алчности в присвоении себе привилегий и распределении общественного продукта в пользу своего эго и эго своих родственников, как в период последующего разложения первобытно-общинного строя, сопровождающегося стремлением к личному завладению и «официальному» возникновению частной собственности. Это утверждение в силу своей «мягкой» формы примиримо с предположением о равенстве прав и обязанностей членов одного рода-племени, его построении на началах элементарной справедливости правил общежития, поскольку иначе невозможно объяснить сам факт выживания человечества и его переход к более высоким ступеням развития.

Необычен источник обычной общеобязательности первых людей[6]. Объяснение Г. Кельзена выглядит наиболее реалистичным. Учитывая предполагаемый анимизм в своем отношении к внешнему миру древних людей, логичным выглядит их социально-нормативное истолкование природы по принципу вменения и принципу воздаяния, а не согласно принципу причинности. Анимизм означал одушевление предметов и явлений внешнего мира, их персонификацию по подобию человека, наделение их качествами характера — иными словами, предположение, что за предметами и явлениями стоят могущественные духи, с которыми возможно и необходимо общение. Такая система представлений основана на убеждении, что существует *«надчеловеческая властная инстанция»*, стоящая за формированием обычаев. Реальные причины, стоящие за благоприятными (хороший урожай, дождь во время засухи, спасение от врагов) или неблагоприятными (болезнь, неудачная охота, военное поражение и т. п.) событиями, «вменялись» (приписывались) правомерному или противоправному поведению членов группы по отношению к духам как властной инстанции и приводили, соответственно, к воздаянию в виде поощрения группы или ее наказания. Они верили, что духи посылают им в награду благоденствие, а в наказание — кару и испытания, в зависимости от поведения. Следовательно, нормативности первобытного сознания был чужд современный дуализм природы как детерминированного порядка и общества как норматив-

[6] Здесь и далее используется вместо понятия «источник права» менее метафорическое понятие «источник обязательности». К примеру: «В американской юриспруденции термин „источник права“ (source of the law) используется, как правило, для того чтобы показать, из чьей власти (authority) нормы права черпают свою обязательную силу, на основании чего приобретают обязательный характер. Не вдаваясь в сущность понимания категории „источник права“, исследователи США делят все источники в зависимости от степени обязательности (authority) на „первичные“ (primary) и „вторичные“ (secondary), что не характерно для российской доктрины». *Петрова Е. А.* Опыт сравнительного исследования правовых систем России и США // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской конференции. М.: РУДН, 2013. С. 102.

ного порядка. В их сознании не было разделения на общество и природу, было только общество как нормативный порядок *«мистической сопричастности»* (Д. Фрэзер) со всем происходящим в природе. Дальнейшее интеллектуальное развитие шло по пути освобождения от анимизма, *«расколдовывания мира»* (М. Вебер), усиления дуализма восприятия, вплоть до создания понятия природы, противопоставления ей и ее преобразования. Средством такого освобождения стал принцип причинности[7].

Экономической причиной разложения первобытно-общинного строя стал постепенный переход от присваивающего хозяйства к производящему. Производство материальной культуры ознаменовалось рождением феномена «человек» и началом создания «второй природы», искусственной ниши в мироустройстве, социальной материи преобразования окружающего мира[8]. Социальной причиной такого диалектического скачка в развитии стало появление частной (личной) собственности и семьи[9]. Но самое интересное, что по неизвестным психологическим причинам первые люди («Адамы» и «Евы») решили придать *значение*[10] совместному проживанию в «нуклеарной»[11] семье дуально-родового брака, рождению, защите и воспитанию потомства[12]. Гораздо позднее по известным причинам[13] люди уже решили *предпочесть* родоплеменным связям соседские[14].

Немаловажным является ответ на вопрос, почему из естественного состояния, характеризуемого так или иначе примитивным равенством прав и обязанностей человеческих особей одной общины, где каждый получал ему причитающееся просто за сам факт своего существования как в нормальной семье, был совершен переход к рабству, беспощадной эксплуатации себе подобных как форме общественного устройства, просуществовавшей тысячи лет. Почему, казалось бы, более «совершенная» психика вышедшего из яслей человечества была обременена таким недугом. Возможно, удовлетворяющим ответом может стать наша метафора присутствия в человеческой психике следов генетики хищничества, проявившихся в первую очередь как наиболее примитивная, неуемная и ненасытная ее часть. Разлагающееся первобытное общество состояло не просто из родоплеменных групп, но из *множества разных родоплеменных групп*, а также бродячих или полуоседлых охотников, рыболовов, собирателей, просто «охотников за головами» и банд грабителей, воинственно («агонистическое поведение») и захватнически («агрессивное поведение») настроенных друг к другу и к мирным общинам[15].

Помимо борьбы за извечные ценности в виде территории и ресурсов, важной причиной конфликтов между племенами, возможно, был *страх перед «их» непохожестью на «нас»*, а значит — непредсказуемостью и опасностью их намерений. Мы делим людей на «своих» и «чужих», и чужие невольно вызывают тревогу, особенно если представить всю ужасающую суровость условий тех времен и «полуживотную» психику наших предков. Речь идет не о каннибализме (хотя это не исключается), а скорее о метафорическом подчеркивании «видового» различия и соответствующего скотского отношения захватчиков-эксплуататоров к угнетенным эксплуатируемым подвластным (порабощенным), поскольку они — «другие». Человек — самый опасный вид на Земле, но при этом мы сильнее всех склонны к альтруизму (в те времена склонны только к альтруизму по отношению к «своим»).

---

[7] См.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. М.: АН СССР, 1987. С. 109–112.

[8] См.: *Семенов Ю. И.* Диалектический материализм: его место в истории философской мысли и современное значение // Философия и общество. 2002. № 3. С. 89–90.

[9] См.: *Энгельс Ф.* Работы по историческому материализму. М.: АСТ, 2020. С. 65–275.

[10] «Тезис о первичности природного бытия и вторичности сознания, о производности идей, теорий, взглядов условиями материальной жизни общества говорит только о *происхождении* и возникновении идей, учреждений, но вовсе не об их *значении*...». *Вышеславцев Б. П.* Философская нищета марксизма // Кризис индустриальной культуры: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2006. С. 241.

[11] Нерелевантный периоду термин «нуклеарная семья» используется намеренно, чтобы подчеркнуть роль и значение физической близости пары и любви как основы совместной жизни даже в те далекие времена, когда времени еще не существовало.

[12] «Потребности развития праобщины чем дальше, тем больше требовали усовершенствования регламентации половой сферы, однако вопрос о том, в каких формах протекал этот процесс, составляет еще одну из загадок древнейшей истории человечества». *Алексеев В. П.* История первобытного общества / В. П. Алексеев, А. И. Першиц. М.: Астрель, 2007. С. 130.

[13] «От биологической эволюции люди унаследовали законы экзистенциального эгоизма... Будучи обращены на социальную среду и благодаря сознанию, упомянутые законы принимают форму рационального расчета». *Зиновьев А. А.* Логическая социология. М.: Астрель, 2008. С. 88.

[14] См.: *Першиц А. И.* История первобытного общества. С. 294.

[15] Подробнее о теориях причин и структуре войн в ранней истории человечества см.: *Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А.* Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.

«Удивление, которым я был охвачен, увидев в первый раз кучку туземцев Огненной Земли на диком, каменистом берегу, никогда не изгладится из моей памяти, потому что в эту минуту мне сразу пришла в голову мысль: вот каковы были наши предки. Эти люди были совершенно обнажены и грубо раскрашены; длинные волосы их были всклокочены, рот покрыт пеной, на лицах их выражались свирепость, удивление и недоверие. Они не знали почти никаких искусств и, подобно диким животным, жили добычей, которую могли поймать; у них не было никакого правления, и они были беспощадны к любому, кто не принадлежит к их маленькому племени. Тот, кто видел дикаря на его родине, без особо большого стыда готов будет признать, что в его жилах течет кровь какого-нибудь более скромного существа» (Ч. Дарвин)[16].

По всей видимости, именно чувство племенного родства побуждало защищать «своих» и убивать или эксплуатировать «чужих». Родство в среде своих становится впоследствии основой формирования чувства родства с социальными группами, к которым принадлежишь (раса, нация, язык, армия, религия, профессия, должность, партия, по полу, по возрасту, по степени богатства и бедности, по месту постоянного жительства, по объему прав и обязанностей, по интересам, элита) и в которых собственное поведение становится равнодействующей их давления[17]. «Как совершалось обычно слияние групп? — Путем войн. А что такое война? — Коллективное наказание одной группы другою. Что служит ее поводом? — Ненадлежащее поведение другой группы, иначе говоря — преступное ее поведение. Это преступное поведение, выражающееся в конечном счете в том, что одна группа не исполняет того, что она должна была бы исполнять с точки зрения другой группы (не исполняет ее требований), квалифицируется как запрещенный акт и вызывает карательную реакцию, именуемую войною»[18].

Очевидно, что в те далекие времена первые люди имели «в распоряжении» представления о религиозной обязательности (анимизм, тотемизм, эндоканнибализм, ордалии); обычной обязательности (эндогамия, экзогамия, промискуитет, полигамия, полиандрия, геронтократия, геронтицид, адопция, общепринятое поведение в группе); процессуальной обязательности (ритуалы, инициации, обряды); правотворческой обязательности (сходка, собрание, харизма, шаманизм, бигмены); административной обязательности (организация власти в группе, хунта, вождизм, матриархат, патриархат, совет старейшин); уголовной обязательности (табу, кровная месть, казнь); межплеменной обязательности (война и мир, увод в рабство, истребление, договоренности о зонах влияния); причинно-следственной обязательности (с началом процесса производства рост совокупностей знаний продолжился в пользу закона причинности, в том числе развития «причинности» условной, нормативной, социальной воли); личной обязательности (обещания исполнения обязательств, возврата долга), устанавливающие и обеспечивающие определенные объемы прав и обязанностей в их взаимодействии между собой, соседями и чужаками, извлекающие порядок из первобытного хаоса.

Рабовладельческая правовая коммуникация

Разложение первобытных форм общежития есть отрицание исходного состояния коммунистической нормативности сознания наиболее активными индивидами и следующими за ними социальными группами. Увеличение в процессе борьбы противоположных воль индивидов в лице менее успешных консерваторов с более успешными новаторами и носителями новой нормативности сознания за сохранение прежнего отживающего коллективизма или допущение зарождавшейся новой нормативности сознания, основанной на появлении понятий семьи и частной собственности, привело к победе последних и разложению *(отрицанию)* первого быта людей. Процедура движения к конечной ступени развития как отрицание существующей нормативности *(отрицание отрицания)* разложившегося, ушедшего в не-

[16] Цит. по: *Саган К.* Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. СПб.: Амфора, 2005. С. 3.

[17] «Формула человеческого поведения» молодого социолога: «Множественность „душ“ индивида как отражение и результат характера социальной группировки. Поведение индивида как равнодействующая давления социальных групп, абонентом коих он состоял и состоит». *Сорокин П. А.* Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 826.

[18] *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. С. 290.

бытие первобытно-общинного сознания, с формированием исходного состояния новой нормативности сознания со своими качественными и количественными характеристиками, привела в итоге к рабовладельческой общественно-экономической формации. Количество переросло в качественно новый общественный строй. Данная процедура «движения нормативности сознания» также обусловлена экономическими, социальными и психологическими причинами.

Со временем завоеватели догадались о возможности эксплуатации наличного плененного населения «чужого» племени, а не его уничтожения; поэтому частью производительных сил были сделаны пленные, а ядром производственных отношений стало в том числе *частное право собственности на человека-раба*[19]. Вероятнее всего, одной из основных проблем тех времен было не то, что всякое население общины может быть захвачено и угнано на принудительные работы в чужие «производственные организации», а то, когда это произойдет, если не дать адекватный отпор. Поэтому определяющим фактором было не менее первостепенное обеспечение не только производства, но и безопасности территорий, на которых функционируют «свои» производящие общины. Должно быть, именно из такого *осознания* взаимной пользы и произошло разделение труда на управляющих (вождей, жрецов и воинов) и управляемых («своего» мирного производящего населения и впоследствии «приобретенных» средств производства в виде рабов).

Экономические причины вполне объясняются фундаментальным законом убывающей предельной (приростной) производительности (доходности), согласно которому увеличение затрат будет всё менее и менее эффективным с ростом масштабов производства при прочих равных условиях[20]. Закон действителен, когда изменяется один или несколько факторов при неизменности остальных (например, рост производства как фактор). Основным рычагом принуждения рабов к труду был страх физической расправы. Несмотря на то что раб, по мнению рабовладельца, не совсем полноценный человек, ему всё же полагается кров, питание, одежда, орудия труда, медицинская помощь, отдых. «Говорящее орудие», как и всякое имущество, нуждается в уходе и присмотре, хотя бы минимальном, иначе затраты на него не будут окупаться уже на старте владения. Рабский труд применялся в основном в добывающем промысле и сельском хозяйстве, где было сложно быть «нечаянно» не эффективным и где закон убывающей доходности просматривается особенно рельефно. Рост количества рабов на производстве (как фактор) приводит к обременительным издержкам по администрированию их деятельности (условия содержания, защита, контроль и надзор, подавление бунтов, поиск беглых, питание, постоянные инъекции насилия охранниками или его угрозы для стимуляции продуктивности, жалование самим охранникам), что в перспективе создает эффект уменьшения отдачи капитала, а значит, делает владение рабами как средством производства неоправданным. Как известно, именно экономическая необоснованность содержания рабов в силу неподходящих климатических условий с долгими и суровыми зимами считается ключевой причиной отсутствия рабства как способа производства у восточных славян, которое ограничивалось только домашним, патриархальным способом существования отношений рабовладения.

Но в причинах разложения рабской системы производства можно выделить и психологические моменты, связанные с исторической ограниченностью нормативности сознания рабов и рабовладельцев. С одной стороны, нормативность сознания ограничивалась лишь вспышками возмущения и протеста по поводу необходимости улучшения общих условий труда и содержания и их подавления, либо предоставления уступок, но не допускала возможности понимания неразумности рабовладельческого строя в целом, устанавливающего и защищавшего подобную эксплуатацию[21]. С другой — в силу отсутствия или неразвитости институтов эффективной организации власти фактически древние люди уподобляли устройство общества по патриархально-матриархальному принципу или принципу вождизма.

---

[19] «Среди ранних видов эксплуатации различают эксплуатацию внутриобщинную (эндоэксплуатацию) — кабальничество и зачатки феодализма и эксплуатацию межобщинную (экзоэксплуатацию) — военный грабеж, контрибуции и данничество». *Першиц А. И.* История первобытного общества. С. 266–267.

[20] См.: *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. С. 72–73.

[21] См.: *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. С. 263.

Как и сейчас (в гораздо меньшей степени), так и тогда (в гораздо большей степени) непредвиденным последствием власти и обладания материальными благами для человеческой психики оказывается существенное повышение самозначимости, вплоть до клинического нарциссизма. Сложно себе представить, как удержаться от культа собственной личности, когда у тебя в руках оказалась верховная власть над собственным населением на собственной территории и имея людей в своей личной собственности с правом казни, помилования, эксплуатации, которые «убеждены» в божественности твоего права властвовать над ними как собственностью и необходимости их подчинения тебе единственному[22].

Невероятно, до какой степени опьянения властью можно докатиться и какую мессианскую самооценку иметь, чтобы начать в честь насыщения своей гордыни и фантастически раздувшегося эго или в честь восхваляемых тобой богов возводить египетские пирамиды, грандиозные храмы и дворцы, разбивать величественные сады с газонами, фонтанами и аллеями, строить целые города, завоевывать новые территории, кладя на алтарь ради этого жизни тысяч и миллионов людей[23]. И также невероятно и удивительно, до какой степени опьянения подчинением можно докатиться и какую раболепную самооценку иметь, чтобы исполнять чьи-то фантазии, жертвуя собой беззаветно, словно вещью. Абсолютному праву определять судьбу раба противопоставлялось полное отсутствие правосубъектности последнего, его обезличивание. И здесь имело значение именно «видовое» отношение к рабу, положение которого просто «обязывало» господина к содержанию его как недееспособного и установлению его личной зависимости от хозяина. Рабовладельцы были результатом саморазвития рабов. А рабы были результатом саморазвития рабовладельцев.

Само понимание рабства, например, у древних римлян и греков было основано на расизме: раб ассоциировался с иностранцем, варваром [24]. Что в общем не означало невозможности установления между ними в процессе совместной жизни и деятельности человеческих отношений, но означало, что отношение «господин – раб» основано на обычаях и нравах, то есть на нормативности сознания. Лежащий в основе рабства расизм, думается, характерен для любого проявления экзоэксплуатации. Сложнее понять эндоэксплуатацию, загадка которой, как представляется, может быть объяснима алчной, расчетливой природой человека в его «борьбе за верховенство» (А. Адлер), то есть социально-психологически, когда один жаждет превосходства за счет другого, а тот «согласен» подчиняться, и это «освящено» и скреплено нормативностью их сознания. Поэтому не менее важным фактором, объясняющим предопределенность конфликта между людьми (особенно «чужими»), является инстинкт доминирования (самосохранения), борьба за ранг в социальной системе, который находит удовлетворение не только в победах и достижениях, но и в насилии над жертвой, всяких издевательствах, истязаниях, глумлениях.

Правовые обычаи в синкретическом смешении с религиозными верованиями и мифологией порождали, соответственно, два «высших» источника обязательности того времени. Насколько мы можем судить, единственным источником рабовладельческого права, основанном не только на обычае и религиозном сознании, но и на законе, было установленное право кредитора обращать в рабство своего должника. Такой обычай, отраженный в законах, как известно, встречается не только в античный период. Впоследствии правовые обычаи всё более поглощались нормативно-правовыми актами и требовали либо доказательства их значимости в суде, либо санкций уполномоченного должностного лица. Тем не менее основа рабства — психологическая и коммуникативная. «Прежде, в эпоху рабства, люди приписывали себе право владеть, пользоваться и распоряжаться другими людьми, рабами как предметами собственности и хозяйственной эксплуатации и считали это право вполне естественным и священным, установленным самими богами. Но теперь восстановление рабства, крепостного права и т. п. было бы

[22] Терминология известного философа используется целенаправленно, чтобы подчеркнуть человеческую эгоистичность и гносеологический солипсизм (который так и не опровергнут) как факторы жизни. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. М.: Neoclassic, 2021. 480 с. Под «единственным» нами понимаются управляющие, а под «собственностью» — управляемые.

[23] К примеру, Светоний описывал самооценку императора Домициана так: «С не меньшей гордыней он начал однажды правительственное письмо от имени прокураторов такими словами: „Государь наш и бог повелевает…“ — и с тех пор повелось называть его и в письменных, и в устных сообщениях только так». *Транквилл Г. С.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964. С. 217.

[24] «Главным источником рабов была историческая периферия, прежде всего поздняя первобытная — предклассовая, или варварская, периферия». *Семенов Ю. И.* История человечества от возникновения до наших дней в предельно сжатом виде с еще более кратким прогнозом на будущее. С. 18.

немыслимо не только потому, что нельзя было бы достигнуть соответствующей пассивно-правовой мотивации на стороне числящихся подчиненными, но и потому, что на стороне господ не было бы сознания правоты их положения и активно-этической санкции мотивации рабовладельческого владения»[25].

В рабовладельческой нормативности сознания иерархия источников обязательности была неоднозначной и изменчивой. Юридическая сила некоторых источников обязательности то становилась верховной, то занимала более скромное положение. Достаточно вспомнить значимость постановлений сената в эпоху Республики, когда он играл существенную роль в жизни всей страны, и имел локальную значимость постановлений сената в эпоху Империи, когда он превратился в совет города Рима. Интересна теоретическая иерархия источников римского права согласно Институциям Гая, который жил и творил в период расцвета эпохи Принципата, до эпохи Империи: «Право же римского народа состоит из законов, плебисцитов, сенатских постановлений, конституций принцепсов, эдиктов тех, у кого есть право издавать эдикты, и ответов юристов»[26].

Психологическими причинами постепенного исчезновения рабовладельческой системы производства стало осознание ее неэффективности с точки зрения производительности, сопровождаемое нарастающим сопротивлением со стороны рабов, выражающимся в их *незаинтересованности.* «Взятый» господами «кредит доверия» у управляемых в виде права на насилие возвращался рабам как больше не имеющий *значения долга (добра)*[27] для рабовладельца. Но взамен рабы «отдавали» новый кредит управляющим в виде делегирования им права на насилие на определенной территории (земле), к которым феодалы «уполномочивались» прикреплять рабов, «замыслив» их *для общего блага* как множество разновидностей зависимых крестьян и рабочих (холопы, смерды, чернь, рядовичи, закупы, вдачи, челядь, черносошные, вилланы, вилланы маноров, копигольды, дворецкие, камердинеры, лакеи, гайдуки, мажордомы, арапы, акробаты, вайшьи, шудры, дворня и т. д.), а себя «задумав» как множество разновидностей господ (короли, цари, султаны, падишахи, шейхи, эмиры, императоры, графы, князья, лорды, бароны, сэры, пэры, мэры, бояре, баре, помещики, сегуны, брахманы, кшатрии, знать, епископы, святые патриархи, папы римские, придворные и т. д.).

Феодальная правовая коммуникация

Эволюция нормативности сознания двигалась в направлении познания возможностей права как регулятора и правовых возможностей субъектов права. Классовая борьба рабовладельцев и рабов привела к эволюции их общего сознания, что раб может сам себя содержать своим трудом, но трудясь на земле, принадлежащей господину, и платя ему ренту (оброк, барщину, панщину, выкуп, откуп, дань, налог, сбор, повинность, тяготу и т. д.). Однако объемы прав и обязанностей незначительно, но распределились в сторону их увеличения у управляемых и постепенного уменьшения у управляющих (теперь убивать крестьян стало предосудительно, они же не рабы какие-нибудь, они тоже люди, просто зависимые от господ!). Формой принуждения к труду становится не утомительное физическое насилие, а экономические и психологические рычаги давления. Крестьянин получал свою совокупность знаний о возможностях права как регулятора и своих правовых возможностях в форме дозволенного ему режима проявления инициативы и заинтересованности в производстве материальных благ собственным трудом для личного потребления на «своей» земле с отдачей доли на кормление феодала. Вполне себе начальная форма предпринимательства. Ведь возможность личного потребления собственной произведенной

---

[25] *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 130.

[26] Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020. С. 17.

[27] «Наше право есть не что иное, как закрепленный за нами, принадлежащий нам как наше добро долг другого лица». Сущность юридических норм заключается в следующем: «...с одной стороны, они авторитетно предопределяют наше поведение, с другой стороны, они авторитетно отдают другому, приписывают как ему должное то, чего они требуют от нас». *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Теория и политика права. Избранные труды. СПб.: Университетский издательский консорциум Юридическая книга, 2010. С. 255; 256. Взаимодействие исходящих из общего сознания индивидов субъективного права одного и правовой обязанности другого порождает социальный порядок, который зиждется «...на соответствии, координации пассивной и активной правовой мотивации и подлежащих двух родов поведения». *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 131.

продукции означает и правовую возможность обмена на другие товары, продажу и, если повезет, впоследствии становление фермером, купцом, работодателем[28]. *Право начинает осознаваться в форме личного интереса (стремления к выгоде).*

Проблема длительности изживания феодализма также носила экономический и социально-психологический характер. Представим себе, что какой-нибудь помещик вдруг решил отпустить крестьян в свободную жизнь. Но возникал экономический вопрос у крестьян и рабочих: а как жить без земли и без инвентаря? Как вариант, можно было предложить крестьянам брать землю в аренду. Но опытные хозяйственники на это сразу возразили бы: а если неурожай, чем платить? Такое освобождение выглядело драматическим, поэтому всё оставалось в подвешенном состоянии многие века. Феодалы были результатом саморазвития крестьян, а крестьяне были результатом саморазвития феодалов.

Тем не менее феодальный способ производства долгими и замысловатыми путями породил саму возможность циркуляции индивидов в общественной иерархии и возможность динамики социальных статусов, ярлыков, ролей, весьма разнообразив структуру населения и сделав возможным возникновение так называемого «третьего сословия» в виде городского населения. Город стал местом роста капитала и добывания новых совокупностей знаний. Горожане — это не только откупившиеся или беглые крестьяне и простые рабочие, это все слои населения, кроме дворян и духовенства. И в первую очередь это люди свободных профессий (лекари, учителя, литераторы, ученые, купцы, юристы, специалисты, ремесленники, ростовщики, банкиры). Их непривилегированность заключалась в том, что на них возлагалась обязанность платить налоги и предполагалось полное отсутствие политических прав. Дворяне занимали политические чиновнические посты и были управляющими общества, подчеркивая свою разницу между ними и буржуа как между господином и лакеем. Да, дворянские звания, поместья и должности покупались и продавались буржуа. Однако благородное происхождение не купишь.

Феодализм как нормативность сознания был чрезвычайно устойчив, и его разложение оказалось возможным только благодаря утрате дворянами управленческих совокупностей знаний, когда их уделом окончательно стали бедность и гордость. Правящие дворяне с убылью привилегированности своих «со-знаний» оказались нарушителями социального закона, ведь не может так быть, чтобы у правящих было меньше материального богатства и знаний, чем у управляемых, за что и поплатились.

Возникновение городов положило начало формированию феномена городского права, основанного на совершенно иных принципах, отражающих потребности бюргерства, ставшие провозвестником возникновения гражданского общества и идеи верховенства права[29]. Феодализм и торгово-бюргерский способ производства были связаны симбиотическими узами. Именно развитие городского уклада с его торгово-бюргерской системой хозяйства сделало возможным появление в XVI в. капиталистической формации[30].

Переход от рабовладельческого способа производства к феодальному продолжился *от управляющих к управляющим*. Начало феодальной нормативности сознания как некоторое несоответствие (отрицание) ее исходному состоянию в виде рабовладельческого строя с нарастанием количества феодально-настроенных управляющих и управляемых произошло. Однако в период восстаний и революций буржуазии (городского населения), благодаря перехвату инициативы в овладении и приращении объемов новых совокупностей знаний и приобретению благодаря этому материальных богатств, а также росту правового и политического сознания, превосходящих дворянские богатства и их суженное политико-правовое сознание, произошло превращение обделенно-управляемых буржуа в привилегированно-правящих капиталистов, то есть переход к новой нормативности сознания произошел *от управляемых к управляющим* как результат превращения их объемов прав и обязанностей в новые источники обязательности. Процедура движения к конечной ступени развития как отрицание феодализма (отрицание

---

[28] См.: *Маркс К.* Капитал: Критика политической экономии. Т. I. М.: Эксмо, 2012. С. 723.

[29] См.: *Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 156.

[30] «Капитализм самостоятельно, спонтанно возник только в одном месте земного шара — в Западной Европе. С превращением феодально-бюргерских социоисторических организмов в капиталистические социоры на смену мировой западноевропейской феодальной системе пришла западноевропейская же, но уже капиталистическая система. Она сразу же стала центром всемирно-исторического развития и тем самым мировой системой». *Семенов Ю. И.* Указ. соч. С. 20.

отрицания) с тенденцией формирования исходного состояния новой нормативности сознания в виде капитализма была также заложена.

Буржуазно-капиталистическая правовая коммуникация

Именно в период появления и роста количества «со-знаний» класса буржуазии сыграл роль эффект трансмутации (превращения) их объемов прав и обязанностей из фантазий в реальные источники обязательности. Феодальные источники обязательности (королевские прерогативы, законы, грамоты, привилегии), напротив, превратились в фантазии отставших в развитии феодалов. Убыль «со-знаний» феодалов и нарастающее количество «со-знаний» буржуа привели в итоге к трансмутации в социальной иерархии. Как известно, наиболее пассионарные буржуазно настроенные западные общества прошли эту смену эпох в форме социальных революций. Революция вообще, как резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому, играет селекционно-экзаменационную роль реактива. Мы часто не знаем, когда наши субъективные представления соответствуют объективным обстоятельствам, поскольку наш умственный багаж состоит не только из подлинных «знаний», подтверждаемых опытом или логикой, но часто под именем «знаний» и «научных достижений» выступают теории и верования ложные, не соответствующие действительности, но принимаемые за истинные «знания», как отдельным индивидом, так и большинством общества[31]. Кроме того, в «дело вмешивается» сам по себе интеллектуально-волевой характер истины, когда признание того или иного знания истинным или ложным зависит не только от соответствия его содержания объекту, но и от общественного консенсуса по его признанию таковым.

Нарастающее количество «со-знаний» управляемых буржуа и убыль «со-знаний» управляющих феодалов оказывается неким спусковым механизмом перехода от одной нормативности сознания (общественно-экономической формации) к другой, обратным воздействием общественного сознания на общественное бытие. П. А. Сорокин показал, что причинами социальных революций выступают одновременность двух факторов: ущемление главных инстинктов (рефлексов) у подавляющего большинства населения, с одной стороны, и дегенерация официальной власти — с другой. Главные инстинкты населения совпадают с базовыми потребностями в питании, индивидуальном и групповом самосохранении, жилище, одежде и тепле, собственности, самовыражении, свободе. Социолог доказывает свою мысль о причинах революций на большом историческом материале[32]. Ущемление главных инстинктов совпадает с сужением, ограничением индивидуальных объемов прав и обязанностей, а также с моментом внутреннего протеста, возмущения, восстания, расширения «со-знаний», что так жить больше невозможно, толкающего на поиск выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации и новых форм поведения и знаний. Если такое ущемление происходит у массы лиц, наступает развал общественного порядка, начинаются волнения, смуты, революция, высвобождающие и рассыпающие огромные пласты совокупностей знаний. С одной стороны, такое расширение, «вспучивание» «со-знаний» ущемленных сопровождает убыль, сужение «со-знаний» управляющих, выражающееся в бессилии и дезорганизации, неумении или недостаточности усилий в уравновешивании возросшего давления ущемленных рефлексов масс пропорциональным встречным торможением (перенаправлением, контрдавлением, устранением или ослаблением причин ущемления, разбиванием или разделением ущемленных групп на части, противопоставлением их друг другу, канализированием выхода ущемленных инстинктов в нереволюционные формы). С другой — происходит произвольное расширение, «вспучивание» объемов прав и «сбрасывания» с себя обязанностей деградирующих феодалов и, напротив, сужение объемов прав и появление новых обязанностей у подвластных[33]. Буржуа были результатом саморазвития феодалов, а феодалы были результатом саморазвития буржуа.

---

[31] См.: *Сорокин П. А.* Социология революции. М.: Астрель, 2008. С. 279–280.
[32] См.: *Сорокин П. А.* Указ. соч. С. 371–375.
[33] См.: *Сорокин П. А.* Указ. соч. С. 382–383.

На смену партикуляризму и раздробленности феодальной правовой коммуникации пришли прогрессивные взгляды буржуазии о свободе, равенстве и братстве, гражданском обществе и правовом государстве, общественном договоре и священности частной собственности, под лозунгом которых ею свершались революции. Возможности права и правовые возможности субъектов права казались безграничными. *Право начало осознаваться в форме личной свободы (хоть и бумажной, формальной).* В любом случае буржуазная правовая коммуникация впервые, несмотря на всю ее лицемерность, предстала как самостоятельная форма эволюции правовой мотивации к общему благу. Развитие частной собственности сограждан послужило началом формирования гражданского общества, «…политической доминантой которого служит идея индивидуальной свободы и естественных неотчуждаемых прав человека-собственника»[34]. Собственность и свобода — понятия одного ассоциативного ряда. Реальная свобода обусловлена обладанием ресурсами. Главной чертой нормативности сознания буржуазии стала власть (права) собственности.

Лицемерность буржуазного либерального права проявилась в том, что фактически в лице победившей буржуазии возникали новые эксплуататоры, сменившие на этом посту отставших в развитии феодалов как класс. Новой формой экономического закрепощения стала власть обладателя средств производства в отношении «свободного» обладателя труда, который только продав его как товар капиталисту за его меньшую стоимость, прибавив таким образом ее к капиталу своего «благодетеля», может купить хлеб[35]. Страсть к обогащению заставляет капиталиста «…постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления». «Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата»[36].

Современная капиталистическая мировая система также не избавлена от склонности к долгому и мучительному разложению, а происходят эти процессы весьма изощренным способом, но вполне в согласии с описанием К. Маркса[37], как представляется, преждевременно многими из нас обесцененным[38], хотя время его основного прогноза о глобальной централизации капиталов только наступает. Капиталисты стали результатом саморазвития рабочих, а рабочие стали результатом саморазвития капиталистов. Как и при первобытно-общинном строе, проблема капиталистических обществ заключается в том, что они состоят не просто из «своих» капиталистов, отгороженных друг от друга государственными границами, но из множества разных и «чужих» капиталистов (международные фонды, транснациональные компании, банки, династии, инвесторы, спекулянты, кланы, картели, целые государства), не защищенных друг от друга никакими государственными и иными границами, а также из международных террористических организаций, пиратов, бандформирований, спецслужб государств, лоббирующих интересы отдельных капиталистов и воинственно («агонистическое поведение»), захватнически («агрессивное поведение») настроенных друг к другу. Хочется, отчаявшись, сказать, что всё движется, но пребывает в покое, и мир изменился, но остался прежним. И тем не менее, если в древние времена жизнь родоплеменных организаций характеризовалась исключительно и бескомпромиссно как борьба за существование в «животном царстве», где выживает только сильнейший и умнейший, сегодняшняя внутригосударственная (хотя бы в развитых странах) и международная жизнь (так или иначе) характеризуется «конкуренцией как процедурой открытия» (Ф. Хайек), а значит, предполагает опять же правовую коммуникацию (поиск соглашений) в масштабе всего человечества как свою необходимую форму. Иными словами, если раньше доминантой сознания была физическая ликвидация локального «врага» или его порабощение, то сегодня у проигравшего есть *право* быть хотя бы не уничтоженным, а финансовая несостоятельность индивидов, народов и государств приводит не к рабству, а к банкротству, и хоть и призрачному, но шансу на новую жизнь. К тому же за всю историю, кажется, не было такого периода в жизни человечества, когда приоритет потребностей большинства был бы основной нормой (законом)

---

[34] *Поляков А. В.* Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 255.

[35] См.: *Маркс К.* Указ. соч. С. 615.

[36] См.: *Маркс К.* Указ. соч. С. 590; 609.

[37] См.: *Маркс К.* Указ. соч. С. 739–740.

[38] См.: *Садовничий В. Н.* Игнорирование марксизма в науке и образовании недопустимо (Из выступления на форуме «Маркс-XXI». Москва, МГУ, 16 мая 2018 г.) // Альтернативы. 2019. № 1. С. 39–42.

в большинстве стран, достигших уровня осознания права как личной свободы. Такой прогресс может показаться неоднозначным. Однако это всё же прогресс[39].

Выводы

У идеи социального прогресса (равно как и у идеи правового прогресса) есть немало критиков и скептиков, давно представивших аргументы против его реальности: от обвинений в наивности его (прогресса) приверженцев в силу неподтверждаемости историей человечества, которая носит скорее циклический, а не поступательный характер, до представления апокалиптических сценариев (сбывшихся и ожидаемых), наподобие Второй мировой войны или глобальной ядерной войны, как его опровержений. Однако «всё, что не растет, то умирает». Третьего не дано. Ключевое понятие в нашей максиме — *«общее»* благо, к которому, как мы попытались показать, привел именно нелинейный прогресс в правовых и этических представлениях, а не просто автоматическая смена общественно-экономических формаций (вроде фатума). То есть мы не просто не вымерли как вид (читай: выросли и продолжаем рост), мы прогрессировали в осознании ценности человека не только как средства, но и как цели; именно количество и свойства людей стали новым капиталом и конкурентным преимуществом; общества, *не осознающие* этой максимы, обречены на деградацию и несостоятельность.

Список источников

1. *Алексеев В. П.* История первобытного общества / В. П. Алексеев, А. И. Першиц. М.: Астрель, 2007. 350 с. EDN: QOUUQD
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
3. *Вышеславцев Б. П.* Философская нищета марксизма // Кризис индустриальной культуры: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2006. 1037 с.
4. *Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 424 с. EDN: QPBMJB
5. *Зиновьев А. А.* Логическая социология. М.: Астрель, 2008. 610 с. EDN: QOIXVR
6. *Зыков Д. В.* Российская государственность в формационном спектре: власть (права) собственности или собственность (права) власти // В сборнике: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. Материалы XXI Международной научно-практической конференции. В 2 частях. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2024. С. 61–64.
7. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020. 384 с.
8. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. М.: АН СССР, 1987. 195 с.
9. *Лебедев С. А.* Объективная и субъективная реальность, их структура и соотношение // Журнал философских исследований. 2022. Т. 8. № 3. С. 3–7. EDN: YRCVQC
10. *Маркс К.* Капитал: Критика политической экономии. Т. I. М.: Эксмо, 2012. 1200 с.
11. *Осветимская И. И.* Тенденции развития права и государства: к прогрессу или регрессу // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1 (11). С. 54–60. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-1-54-60
12. *Першиц А. И.* Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1 // А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. 176 с. EDN: THZLZH
13. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань. 2000. 608 с.

[39] Социалистическая правовая коммуникация, по нашему мнению, также является самостоятельным способом эволюции правовой мотивации к общему благу, но не является предметом настоящей статьи; отдельные ее элементы рассмотрены нами в отдельной работе. См.: *Зыков Д. В.* Российская государственность в формационном спектре: власть (права) собственности или собственность (права) власти // В сборнике: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. Материалы XXI Международной научно-практической конференции. В 2 частях. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2024. С. 61–64.

14. *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Теория и политика права. Избранные труды. СПб.: Университетский издательский консорциум Юридическая книга. 1104 с.
15. *Петрова Е. А.* Опыт сравнительного исследования правовых систем России и США // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской конференции. М.: РУДН, 2013. 444 с. EDN: SYYGUR
16. *Поляков А. В.* Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 863 с.
17. *Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 27–45. EDN: OZCEBN
18. *Поляков А. В.* Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 144–155.
19. *Разуваев Н. В.* Идея правовой коммуникации как новый органон юридической науки // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 4–8. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-4-8. EDN: QMGEQW
20. *Разуваев Н. В.* Перспективы интегративного подхода в общей теории права и отраслевых юридических науках // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 4–7. EDN: OHBYYY
21. *Саган К.* Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. СПб.: Амфора, 2005. 265 с.
22. *Садовничий В. Н.* Игнорирование марксизма в науке и образовании недопустимо. (Из выступления на Форуме «Маркс-XXI». Москва, МГУ, 16 мая 2018 г.) // Альтернативы. 2019. № 1. С. 39–42. EDN: UEKPPU
23. *Семенов Ю. И.* Диалектический материализм: его место в истории философской мысли и современное значение // Философия и общество. 2002. № 3 (28). С. 74–102. EDN: WCMTOP
24. *Семенов Ю. И.* История человечества от возникновения до наших дней в предельно сжатом виде с еще более кратким прогнозом на будущее // Философия и общество. 2009. № 3. С. 12–36.
25. *Семенов Ю. И.* Понятие власти и социальная воля // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 6. С. 91–99. EDN: YSQIEX
26. *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 618 с.
27. *Сорокин П. А.* Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
28. *Сорокин П. А.* Социология революции. М.: Астрель, 2008. 784 с.
29. *Сорокин П. А.* Правовой прогресс человечества и основные законы развития права // Партнерство цивилизаций. 2014. № 1–2. С. 298–327.
30. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.
31. *Тимошина Е. В.* Социология как «строгая наука»: незавершенный проект Л. И. Петражицкого // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 115–125. DOI: 10.31857/S013216250007745-2. EDN: TYYTRH
32. *Тимошина Е. В.* Философия права Л. И. Петражицкого: право как интуиция общего блага // Право и государство. 2014. № 4 (65). С. 81–89.
33. *Транквилл Г. С.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964. 376 с.
34. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. М.: Neoclassic, 2021. 480 с.
35. *Энгельс Ф.* Работы по историческому материализму. М.: АСТ, 2020. 480 с.

Об авторе:

Зыков Дмитрий Валерьевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (Волгоград, Российская Федерация), кандидат юридических наук; e-mail: zyk9@yandex.ru

References

1. Alekseev, V. P. (2007) History of primitive society / V. P. Alekseev, A. I. Pershits. *Astrel.* 350 p. (In Russ.)
2. Blaug, M. (1994) Economic Thought in Retrospect. *Delo Ltd.* 720 p. (In Russ.)
3. Vysheslavtsev, B. P. (2006) Philosophical Poverty of Marxism // Crisis of Industrial Culture: Selected Works. *Astrel.* 1037 p. (In Russ.)
4. Gurevich, A. Ya. (2005) Individual and Society in the Medieval West. *Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).* 424 p. (In Russ.)
5. Zinoviev, A. A. (2008) Logical Sociology. *Astrel.* 610 p. (In Russ.)
6. Zykov, D. V. (2024) Russian statehood in the formation spectrum: power (rights) of property or property (rights) of power. In the collection: State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects. Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. *Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.* Pp. 61–64 (In Russ.)
7. Gaius's Institutions = Gai Institutionum commentarii quattuor: text, trans. from Latin, comment. / Under the general editorship of prof. D. V. Dozhdev. 2020. *Statut.* 384 p.
8. Kelsen, G. (1987) The Pure Doctrine of Law. *USSR Academy of Sciences*. 195 p. (In Russ.)
9. Lebedev, S. A. (2022) Objective and subjective reality, their structure and relation. *Journal of Philosophical Research.* Vol. 8. No. 3. Pp. 3–7 (In Russ.)
10. Marx, K. (2012) Capital: Critique of Political Economy. Vol. I. *Eksmo.* 1200 p.
11. Osvetimskaya, I. I. (2022) Trends in the Development of Law and the State: To Progress or to Regress? *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (11). Pp. 54–60. (In Russ.). DOI: 10.22394/2686-7834-2022-1-54-60
12. Pershits, A. I., Semenov, Yu. I., Shnirelman, V. A. (1994) War and Peace in the Early History of Mankind. Vol. 1. *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences*. 176 p. (In Russ.)
13. Petrazhitsky, L. I. (2000) Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. *Lan.* 608 p. (In Russ.)
14. Petrazhitsky, L. I. (2010) Essays on the Philosophy of Law. Theory and Politics of Law. Selected Works. *St. Petersburg: University Publishing Consortium Law Book*. 1104 p. (In Russ.)
15. Petrova, E. A. (2013) Experience of comparative study of legal systems of Russia and the USA. Methodology of comparative legal research. Zhidkov readings: materials of the All-Russian conference. *RUDN.* 444 p. (In Russ.)
16. Polyakov, A. V. (2004) General theory of law. Problems of interpretation in the context of the communicative approach. *Publishing house of St. Petersburg state University.* 863 p. (In Russ.)
17. Polyakov, A. V. (2011) Normativity of legal communication. *News of higher educational institutions. Jurisprudence.* No. 5 (298). Pp. 27–45 (In Russ.)
18. Polyakov, A. V. (2016) Psychological theory of law by L. Petrazytsky in light of the communicative approach. *News of higher educational institutions. Jurisprudence.* No. 5 (328). Pp. 144–155 (In Russ.)
19. Razuvaev, N. V. (2024) The idea of legal communication as a new organon of legal science. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (21). Pp. 4–8 (In Russ.) DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-4-8
20. Razuvaev, N. V. (2023) Prospects for an integrative approach in the general theory of law and sectoral legal sciences. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (15). Pp. 4–7 (In Russ.)
21. Sagan, K. (2005) The Dragons of Eden. Speculations on the evolution of human intelligence. *Amphora.* 265 p.
22. Sadovnichy, V. N. (2019) Ignoring Marxism in science and education is unacceptable (From a speech at the forum "Marx-XXI". Moscow, Moscow State University, May 16, 2018). *Alternatives.* No. 1. Pp. 39–42 (In Russ.)
23. Semenov, Yu. I. (2002) Dialectical Materialism: Its Place in the History of Philosophical Thought and Its Modern Significance. *Philosophy and Society*. No. 3. Pp. 74–102 (In Russ.)
24. Semenov, Yu. I. (2009) The history of mankind from its origin to the present day in an extremely compressed form with an even briefer forecast for the future. *Philosophy and Society.* No. 3. Pp. 12–36 (In Russ.)

25. Semenov, Yu. I. (2018) The concept of power and social will. *Bulletin of Moscow University. Series* "*Philosophy*". No. 6. Pp. 91–99 (In Russ.)
26. Sorokin, P. A. (2006) Crime and Punishment, Feat and Reward: A Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality. *Astrel.* 618 p. (In Russ.)
27. Sorokin, P. A. (2008) The System of Sociology. *Astrel.* 1008 p. (In Russ.)
28. Sorokin, P. A. (2008) Sociology of Revolution. *Astrel.* 784 p. (In Russ.)
29. Sorokin, P. A. (2014) Legal progress of mankind and basic laws of development of law. *Partnerstvo tsivilizatsii.* No. 1–2. Pp. 298–327. (In Russ.)
30. Syrykh, V. M. (2001) Logical Foundations of the General Theory of Law: In 2 Volumes. Volume 1: Elemental Composition. *Legal House Yustitsinform*. 528 p. (In Russ.)
31. Timoshina, E. V. (2019) Sociology as a "strict science": Leon Petrazhitsky's Unfinished Project. *Sociological studies*. No. 12. Pp. 115–125. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007745-2
32. Timoshina, E. V. (2014) Philosophy of Law of L. I. Petrazytsky: Law as an Intuition of the Common Good. *Law and State.* No. 4 (65). Pp. 81–89 (In Russ.)
33. Tranquill, G. S. (1964) The Life of the Twelve Caesars. *Science.* 376 p.
34. Stirner, M. (2021) The Only One and His Own Property. *Neoclassic.* 480 p.
35. Engels, F. (2020) Works on Historical Materialism. *AST.* 480 p.

About the author:

Dmitrii V. Zykov, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: zyk9@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: HWETUZ

CC BY-SA

Дата поступления статьи: 08.05.2025
Дата поступления рецензии: 07.06.2025
Дата принятия статьи к публикации: 16.06.2025

Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности

Оглезнев В. В.[1, 2, *]
[1] Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
[2] Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Российская Федерация)
[*] E-mail: ogleznev82@mail.ru

Аннотация
Введение. Статья посвящена анализу нормативности языка права сквозь призму теории речевых актов, с акцентом на его перформативный характер. Автор исходит из предпосылки, что язык права нельзя свести исключительно к выполнению дескриптивной функции: он не только описывает нормы, но и при его помощи осуществляются юридически значимые действия.
Методология и материалы. Работа основана на аналитическом методе и теоретической реконструкции философских подходов, в первую очередь теории перформативов Дж. Л. Остина, Г. Л. А. Харта и Дж. Сёрла. Используется также материал позитивного права для демонстрации прагматического функционирования языка права.
Результаты исследования и их обсуждение. Автор аргументирует, что нормативность языка права проявляется прежде всего в его способности порождать юридические следствия через речевые акты. Обсуждается различие между нормативными и дескриптивными высказываниями в праве, анализируется специфика юридических перформативов, таких как приказы, запреты и разрешения. Показано, что юридическая коммуникация характеризуется институциональной валидностью и контекстуальной зависимостью.
Выводы. Язык права обладает особым типом нормативности, реализуемой через перформативные речевые акты. Эта нормативность не сводится к логической импликации или моральной обязанности, а опирается на институциональные правила, определяющие юридическую силу высказываний. Таким образом, язык права — это не просто средство выражения норм, но и механизм их институционального утверждения.
Ключевые слова: язык права, перформативность, правовые высказывания, институциональные факты, правовая реальность.
Для цитирования: *Оглезнев В. В.* Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 87–98. EDN: HWETUZ

The article was submitted: 08.05.2025
The article approved after reviewing: 07.06.2025
The article accepted for publication: 16.06.2025

The Performative Nature of Legal Language and the Construction of Legal Reality

Ogleznev V. V.[1, 2, *]
[1] Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)
[2] Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation)
[*] E-mail: ogleznev82@mail.ru

© Оглезнев В. В., 2025
© Ogleznev V. V., 2025

Abstract

Introduction. The article examines the normativity of legal language through the lens of speech act theory, emphasizing its performative nature. The author argues that legal language cannot be reduced to a purely descriptive function: it not only refers to norms but actively produces legally significant actions.

Methodology and materials. The study applies an analytic method and offers a theoretical reconstruction of key philosophical approaches, primarily the performative theories of J. L. Austin, H. L. A. Hart, and J. R. Searle. Legal texts, including statutes and regulations, are used to illustrate the pragmatic functioning of legal language in institutional contexts.

Results and discussion. The article presents that the normativity of legal language manifests chiefly in its capacity to generate legal consequences through speech acts. The distinction between normative and descriptive statements in law is analyzed, along with the specific features of legal performatives such as commands, prohibitions, and permissions. Legal discourse is shown to be marked by institutional validity and contextual dependence.

Conclusions. Legal language exhibits a distinct type of normativity realized through performative speech acts. This normativity is not reducible to logical implication or moral obligation, but is grounded in institutional rules that determine the legal force of utterances. Thus, legal language is not merely a vehicle for expressing norms, but a mechanism for their institutional enactment.

Keywords: legal language, performativity, legal statements, institutional facts, legal reality.

For citation: Ogleznev, V. V. The Performative Nature of Legal Language and the Construction of Legal Reality. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 87–98. (In Russ.)

Введение

Развитие философии языка и лингвистической семантики во второй половине XX в. дало мощный импульс к переосмыслению природы языка права, его онтоэпистемологических оснований и того, как эта сложная символическая система отражает правовую реальность. Исследования в области теории речевых актов, контекстуальности и конвенциональности высказываний и прагматики позволяют взглянуть на язык права не просто как на носитель информации, но и как на средство социального действия.

Однако подобная проблематизация неизбежно приводит к фундаментальному вопросу о природе самого права. И когда речь заходит о его языковых аспектах, особенно остро встает проблема семантики — понимания значения и смысла тех слов, с помощью которых формулируются правовые высказывания и нормы. Эти вопросы не так просты, как может показаться на первый взгляд. Право оперирует словами и выражениями, заимствованными из повседневного (естественного) языка, но при этом придает им особый, строго ограниченный и нормативно значимый смысл. Закрепление такого специализированного значения в рамках юридического дискурса — одна из постоянных задач юридической науки. Но эта задача сталкивается, помимо прочего, еще с таким затруднением: естественный язык, лежащий в основании языка права, по своей природе эквивокативен — он допускает многозначность, контекстуальную гибкость, смысловую неопределенность. Даже при наличии строго определенных терминов и формализованных выражений право оказывается подверженным тем же языковым ограничениям, что и повседневная речь. Это обстоятельство влечет за собой трудности в толковании правовых норм, а в итоге и риски правовой неопределенности.

Язык, таким образом, становится для юриспруденции, стремящейся к точной экспликации содержания правовых понятий и норм, с одной стороны, сдерживающим фактором, который требуется постоянно преодолевать, а с другой — инструментом конструирования правовой реальности, наделяя лиц правами, обязанностями и статусами. Это оказывается возможным благодаря тому, что в праве реализуется уникальная функция языка — перформативная, то есть совершение действий при помощи слов. Именно в этом смысле заключение договора, оглашение завещания или вынесение приговора представляют со-

бой не просто речевые акты, а особые действия, совершаемые через говорение. Эта функция долгое время игнорировалась лингвистическим анализом, хотя и привлекала внимание философов аналитической традиции — прежде всего Дж. Л. Остина, который впервые систематически исследовал явление перформативности естественного языка. Осознание того, что нормы, юридические действия и даже правовые статусы не существуют вне языка, позволяет по-новому взглянуть на юридическую практику как на речевую практику особого рода. Такой подход неизбежно переносит исследование языка права в плоскость философии права, где прояснение речевых механизмов становится ключом к пониманию природы юридических норм, институций и самого правового действия.

Таким образом, целью настоящей статьи является философско-правовой анализ природы языка права[1] с опорой на теорию речевых актов и институциональных фактов. Основная задача состоит в том, чтобы показать, что язык права выполняет не только коммуникативную, но и онтологическую функцию, конструируя правовую реальность через институционально закрепленные речевые действия. Исходная гипотеза исследования исходит из того, что правовые нормы и статусы не предшествуют языку, а возникают в результате перформативных высказываний, обладающих нормативной силой в институциональном контексте.

Методология и материалы

Для достижения поставленной цели исследования требуется реконструировать философские подходы к теории перформативов Дж. Л. Остина, Г. Л. А. Харта и Дж. Сёрла. Особое внимание в исследовании уделяется анализу специфики перформативных правовых высказываний, а также условиям их успешности, валидности, эффективности. Через призму этих теорий анализируется, каким образом язык права не просто описывает реальность, но и активно ее конструирует, создавая юридические факты и отношения посредством речевых актов. Это позволяет выявить, как язык права выполняет не только коммуникативную, но и институциональную функцию, задавая границы юридически значимого действия.

Таким образом, исследование сочетает философско-лингвистический анализ с правовой догматикой, чтобы показать, что правовая реальность формируется как через нормы, так и через акты высказывания, обладающие силой действия. Это позволяет по-новому взглянуть на роль языка в праве, то есть не как на нейтральный инструмент описания, а как на активный механизм правотворчества и правореализации.

Результаты исследования и их обсуждение

Язык права или юридический язык?

Современная юридическая литература предлагает два основных подхода к определению языка права[2]. Первый трактует его как подсистему естественного языка[3]. В этом понимании язык права использует лексику и грамматику, заимствованные из повседневной речи, однако наполняет их специализированным, юридически значимым содержанием. Однако такой подход часто вызывает трудности, поскольку термины, заимствованные из обыденного языка, нередко оказываются многозначными и нечеткими, что, в свою очередь, сказывается на точной формализации правовых норм.

---

[1] Следует отметить, что в настоящей статье предпочтение отдается термину «язык права» по сравнению с термином «юридический язык».

[2] В современной литературе часто встречаются два термина — «язык права» и «юридический язык». Несмотря на схожесть, они отражают различные подходы. Как будет показано далее, речь идет не о синонимах, а о двух пересекающихся, но концептуально разных категориях.

[3] См., например, работу Питера Тиерсмы, одного из ведущих современных лингвистов, который описывает язык права как особую форму естественного языка, развивающуюся в специфическом профессиональном контексте: *Tiersma P.* Legal language. Chicago: University of Chicago Press, 1999; а также работу современного философа права: *Бикс Б.* Право, язык и правовая определенность. М.: Канон+, 2024.

Ярким примером является проблема «открытой текстуры» (open texture) юридических понятий и языка права в целом, подробно исследованная Г. Л. А. Хартом[4]. Он заметил, что в типичных, «стандартных» ситуациях правоприменения толкование нормы обычно не требуется, поскольку значения используемых понятий представляются ясными. Однако в пограничных, «нестандартных» ситуациях эта ясность утрачивается — установить значение правовых понятий не всегда возможно. Харт убедительно показал, что эта трудность обусловлена спецификой общих терминов, используемых в языке права: лингвистическая неопределенность их значения часто сказывается на неопределенности правовых норм, в которых они содержатся. Особенно наглядно эта проблема проявляется в ситуациях, выходящих за рамки их типичного применения. В качестве примера Харт приводит вымышленное правило «Использование средств передвижения в парке запрещено» (No vehicles in the park)[5]. Нет сомнения, что речь здесь идет о запрете автомобилей, автобусов или грузовиков («стандартная» ситуация). Но совсем не очевидно, подпадают ли под это ограничение электросамокаты или гироскутеры («нестандартная» ситуация). Это объясняется тем, что общие термины (например, «средство передвижения» или «парк») часто обладают двойственным значением: у них обнаруживается как «ядерное» значение (core meaning), когда их применение бесспорно, так и «пограничное», «полутеневое» значение (penumbral meaning), когда ясность утрачивается. Правило или норма, содержащие подобные термины, будут неизбежно неопределенными (или обладать «открытой текстурой») в том смысле, что семантическая нестабильность значения общих терминов приводит к нестабильности самого правила. Иными словами, если неопределенность является имманентным свойством слов и выражений естественного языка, то и язык права, будучи его производной, неизбежно его наследует, несмотря на все попытки юриспруденции это свойство элиминировать.

Второй подход к пониманию языка права исходит из предпосылки, что он представляет собой разновидность искусственного языка, аналогичного языкам физики, химии или математики[6]. Представители этого подхода, желая подчеркнуть специфические особенности языка права, преимущественно используют термин «юридический язык» (legal language), тем самым подчеркивая его формализованный и целенаправленный характер[7]. Такой язык создается и функционирует прежде всего для выражения и закрепления норм, что требует от него особой степени точности и упорядоченности. Многие ключевые юридические термины, такие как «право собственности», «юридическое лицо» или «законный интерес», обладают специфическим значением исключительно в рамках юридического дискурса и не поддаются адекватной интерпретации вне его. Это сближает юридический язык с другими научными или техническими языками, в которых каждое выражение должно иметь строго определенное значение, исключающее любую неоднозначность.

Преимуществом данного подхода является то, что язык права как искусственная семиотическая конструкция стремится (не без успеха) к устранению амбивалентности, типичной для естественного языка. Его структура предполагает высокий уровень системности: ключевые понятия закрепляются в нормативных актах, подвергаются доктринальному осмыслению и получают дополнительную конкретизацию в правоприменительной деятельности. Это, в свою очередь, требует того, чтобы правила употребления и интерпретации терминов были заранее заданы и поддавались рациональному контролю. В отличие от разговорной лексики, где значение слов часто определяется контекстом языковой ситуации и интуицией носителей языка, в языке права значение устанавливается нормативным порядком, а интерпретация осуществляется на основе институциональных процедур. Однако этот взгляд подвергается критике за абстрагирование от прагматического измерения права и за недооценку роли контекста в правоприменe-

[4] См.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 128–139; *Оглезнев В. В.* «Открытая текстура» языка, смутность и принцип контекстности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 25–32; *Касаткин С. Н.* Идея лингвистической «открытости» права в современном юспозитивизме: пределы юридической техники // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 3. С. 52–64.

[5] См.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 130.

[6] См., например: *Ross A.* On law and justice. Berkeley & Los Angeles: University of. California Press, 1959; *Alexy R.* Theory of legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. Oxford: The Clarendon Press, 1989.

[7] См., например: *Glogar O.* The concept of legal language: What makes legal language 'legal'? // International Journal for the Semiotics of Law. 2023. Vol. 36. Pp. 1081–1107.

нии. Преувеличение «искусственности» языка может привести к игнорированию его перформативного и институционального характера.

Тем не менее именно второй подход, где юридический язык рассматривается как особая разновидность профессионального языка, получил широкое распространение в отечественной юридической литературе. Например, А. Ю. Хворостов считает, что юридический язык «обладает определенными свойствами (признаками), которые позволяют выделить юридическую деятельность как определенный вид профессиональной деятельности»[8]. К ним, по словам автора, относятся адекватность, детерминированность, лапидарность, формальность и функциональность — признаки, которые характерны только для языка права. Это, по мнению А. Ю. Хворостова, отличает язык права от языка юриста[9], но он не раскрывает, что такое язык юриста и какова его специфика.

Кроме того, чтобы подчеркнуть специфические особенности юридического языка, российские правоведы часто используют прием противопоставления (или сопоставления) его другим смежным лингвистическим категориям. В частности, Н. А. Власенко предлагает различать термины «правовой язык» и «язык права». Под первым он понимает весь лексический массив, используемый в сфере юриспруденции: совокупность терминов, понятий и выражений, применяемых в различных правовых контекстах. Второй же термин — «язык права» — он ограничивает рамками закона, иных нормативных актов и актов официального толкования. При этом язык права, по мнению автора, включен в более широкий контекст правового языка и подпитывается его ресурсами[10]. Л. М. Базавлук также считает, что особым видом юридического языка является язык закона, под которым автор понимает «язык с его определенной терминологией, которая обозначает особые юридические понятия <...> это язык законодательного акта»[11]. Р. Г. Мельниченко допускает существование в юридическом языке «отраслевых» говоров[12] (что бы это ни значило). А. Н. Шепелёв полагает, что уникальность юридического языка заключена в его структуре, состоящей из следующих элементов: «1) язык закона; 2) язык правовой доктрины; 3) профессиональная речь юристов; 4) язык процессуальных актов; 5) язык договоров; 6) язык общения в правовой и смежной с ней сферах»[13]. Сходного мнения придерживается В. Б. Исаков, отмечающий, что язык права, будучи одним из стилей современного русского официального языка, объединяет несколько субстилей: «язык законодательства, язык подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики (который также подразделяется на несколько видов), язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др.»[14]. С. А. Белов и Н. М. Кропачев вместо термина «язык права» предпочитают использовать «государственный язык», который выступает правовой, а не лингвистической категорией, а именно как нечто обладающее особым правовым статусом, выражающимся в «нормативном закреплении положений языка, обязательности его использования в определенных сферах и правил такого использования»[15]. Причем в роли норм государственного языка, по мнению авторов, «выступают нормы современного литературного языка, формализованные юридическими средствами»[16].

Примечательно, что философы языка и лингвисты, занимающиеся анализом языка права, как правило, склоняются к первому подходу, тогда как правоведы чаще придерживаются второго, отдавая предпочтение термину «юридический язык» (legal language), который, как предполагается, подчеркивает особый статус этой семиотической системы. Тем не менее выражение «язык права», по крайней мере

---

[8] *Хворостов А. Ю.* Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 168.

[9] Там же. С. 170.

[10] *Власенко Н. А.* Язык права. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997. С. 14–15.

[11] *Базавлук Л. М.* Язык закона как особый юридический язык // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 146.

[12] *Мельниченко Р. Г.* Юридический язык: постановка проблемы // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 65.

[13] *Шепелёв А. Н.* Юридический язык: понятие и структура // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1 (14). С. 74.

[14] *Исаков В. Б.* Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64.

[15] *Белов С. А., Кропачев Н. М.* Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 10.

[16] Там же. С. 15.

в русском языке, представляется более уместным как с этимологической, так и со стилистической точек зрения. Мы ведь не говорим «математический язык» или «физический язык», предпочитая говорить о языке математики или языке физики. Впрочем, подобный выбор скорее отражает лингвистические предпочтения, нежели служит строгим критерием правильности употребления.

Однако вопрос здесь не о преимуществах или недостатках того или иного подхода или его интерпретации. Скорее важно другое: и лингвисты, и правоведы сходятся во мнении, что изучение языка права неизбежно сопряжено с вопросами о сущности права. Ведь язык — это не просто средство выражения норм или средство хранения и передачи правовой информации, а структурный элемент права. Это, как верно отмечает А. Н. Шепелёв, «уникальное правовое явление (взаимосвязь языка и права), представляющее собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях регулирования взаимоотношений субъектов в юридической жизни общества»[17]. Удачно взаимосвязь языка и права описал советский правовед и один из основателей советской юридической лингвистики А. А. Ушаков: «Язык в праве выступает как конструктивное институциональное начало самого права. Последнее живет не только в действиях людей, но и в языке: право есть языковое явление. Язык в праве используется не только для его обозначения: из языка строится само право, его структура. Язык — это плоть и кровь права»[18].

И хотя сама по себе идея об органической связи языка и права представляется интересной, некоторые сомнения тем не менее остаются. Во-первых, право здесь мыслится как нечто внешнее по отношению к языку, хотя его нормы существуют постольку, поскольку они выражаются через язык. Во-вторых, утверждение о том, что нормы апеллируют к социальному факту, а не к способу его выражения в языке, кажется спорным: ведь юридический факт — это не просто высказывание о факте, а результат институциональной квалификации, осуществляемой в языке. Однако даже при всей своей формализованности язык права остается встроенным в ткань естественного языка, на котором он базируется. Он не может полностью избавиться от присущей естественному языку многозначности и контекстуальной зависимости. Законодатель, судья, практикующий юрист — все они не только оперируют формализованными терминами, но и неизбежно вовлечены в живое языковое общение, в котором значения всегда подвержены колебаниям. Это создает определенное напряжение между стремлением к логической однозначности и необходимостью быть понятым в условиях повседневной коммуникации. Таким образом, язык права, даже в своей искусственной ипостаси, сохраняет гибридную природу: он одновременно является строго формализованной системой и подсистемой естественного языка, что делает изучение его перформативности и прагматики особенно значимым для юридической науки.

Речевые акты, институциональные факты и язык права

С учетом указанной выше проблемы лингвистической неопределенности возникает вопрос: каким образом возможно адекватное выражение правового понятия, если не существует универсального правила перевода юридического термина на более доступные формы повседневного языка? И есть ли вообще надежный механизм корреляции между юридическим выражением и обыденным речевым эквивалентом? Основное затруднение, как уже отмечалось, состоит в том, что, с одной стороны, язык права использует знакомые слова, заимствованные из повседневной речи, но с другой — эти слова включаются в строго нормативный контекст, что радикально изменяет их значение. Перевод такого языка оказывается трудно выполнимым именно потому, что «юридические» значения формируются внутри замкнутой и специализированной коммуникативной практики.

Здесь уместно обратиться к гипотезе Сепира – Уорфа, согласно которой структура языка влияет на мышление и восприятие мира. Если принять этот тезис, становится ясно, почему язык права не может быть «прозрачным» по отношению к повседневной речи: он формирует специфический способ видения социальной реальности. В правовом дискурсе слова не только описывают явления, но и участвуют в их институциональ-

[17] *Шепелёв А. Н.* Теория юридического языка // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 142–143.
[18] *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. С. 291.

ном порождении. Например, такие понятия, как «юридическая обязанность», «умысел» или «правоспособность», обретают смысл не благодаря их лексическому значению, а в силу той нормативной роли, которую они играют в правовом регулировании. Следовательно, язык права конституирует особую семантическую реальность, к которой нельзя получить доступ извне — без овладения его внутренними правилами.

Такое понимание языка права тесно связано с идеей «внутренней точки зрения» (или «внутреннего аспекта правил»), предложенной Г. Л. А. Хартом[19], и позволяет показать, почему язык права нельзя свести к дескриптивным высказываниям естественного языка. Если «смотреть» на юридические термины с внешней точки зрения (точка зрения внешнего наблюдателя), они кажутся просто словами, связанными с определенным поведением и санкциями. Например, слово «договор» может восприниматься как обозначение сделки между людьми, которая влечет за собой определенные последствия. Но такое понимание не охватывает ни структуру, ни функции этого термина в правовой системе. С этой позиции невозможно отличить легитимное юридическое высказывание от обыденного употребления. Язык права в этом случае теряет свою нормативную силу и превращается в набор слов, наблюдаемых извне. Напротив, с внутренней точки зрения участник правовой системы понимает, что термин «договор» — это не просто слово, а юридическая конструкция, порождающая субъективные права и юридические обязанности. Это понимание предполагает принятие норм, которые устанавливают, какой договор считается действительным, какие условия его оформляют, какие последствия он влечет и т. д. Поэтому только тот, кто принимает правовые нормы в качестве обязательных и действует в соответствии с ними, способен интерпретировать юридические термины корректно.

Таким образом, язык права следует понимать не как набор технических терминов, а как часть нормативной практики, организованной через правила, санкции и институциональные процедуры. При таком подходе язык права представляет собой институционализированную систему действий, совершаемых при помощи языка (речевых актов), доступную только тем, кто принимает нормы как обязательные. Этот тематический сдвиг в праве произошел благодаря развитию теории речевых актов, сформировавшейся в середине XX в. как реакция на ограниченность доминировавшего в философии логико-семантического подхода к языку. В условиях разочарования в сциентизме и растущего интереса к повседневным формам коммуникации аналитические философы, прежде всего Дж. Л. Остин, Г. Л. А. Харт и Дж. Сёрл, начали рассматривать язык как инструмент действия. Их внимание сместилось с того, что высказывание обозначает, на то, что с его помощью делается. Они заметили, что значительная часть высказываний в повседневной речи не описывает мир, а производит социальные последствия. Так, выражение «Объявляю заседание открытым» не описывает факт, а делает его таковым. Эти «перформативные» высказывания положили начало новой парадигме, в которой язык рассматривается как совокупность речевых актов — действий, совершаемых при помощи слов[20]. Ведь говорящий не просто выражает мысль — он совершает поступок, встраиваясь в институциональный контекст, где определенные слова, произнесенные в определенной ситуации, создают новые социальные состояния. Более того, в каждом речевом акте обнаруживается не один, а несколько уровней, поскольку кроме совершения самого акта высказывания (локутивный уровень) мы нечто делаем посредством этого акта (иллокутивный уровень) и при этом както оцениваем последствия его совершения и степень воздействия на того, к кому обращаемся (перлокутивный уровень)[21]. И именно иллокутивный уровень, как мы далее увидим, имеет важное значение для выделения особого класса юридических речевых актов.

Однако, как считал Дж. Сёрл, сущность речевого акта заключается не просто в побуждении адресата к действию или в производстве определенного эффекта, но прежде всего в передаче двух взаимосвязанных компонентов: пропозиционального содержания (того, о чем говорится) и иллокутивной силы (того, что делается посредством высказывания — утверждение, приказ, обещание и пр.). Таким обра-

[19] См.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 63.

[20] См. *Оглезнев В. В.* Дж. Л. Остин и Г. Л. А. Харт о совершении действий при помощи слов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 147–148.

[21] См. особенно: *Остин Дж. Л.* Как совершать действия при помощи слов? Лекция VIII // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 84–93.

зом, речевое действие, по Сёрлу, — это не произвольный акт, а нормативно структурированное поведение, регулируемое правилами. Он предлагает различать два вида правил — регулятивные и конститутивные[22]. Первые упорядочивают уже существующие формы поведения (например, «Не перебивай собеседника»), тогда как вторые создают новые формы социальной активности, определяя, что вообще считается действием данного типа. Так, например, правила шахмат не просто регулируют игру, они порождают (конституируют) саму возможность играть в шахматы, определяя, что такое «шах» или «мат».

Именно конститутивные правила, имея форму «X считается Y в контексте C», по мнению Сёрла, лежат в основе институциональных фактов, то есть таких фактов, которые существуют только в силу того, что они признаны и закреплены в рамках определенных конститутивных правил[23]. Примеры таких фактов — деньги, гражданство, собственность, брак или юридическая ответственность. Их существование невозможно без социального признания и языковой фиксации. Они порождаются высказываниями, сделанными в определенном контексте, определенным институтом и по определенным правилам[24]. Так, фраза «Вы признаны виновным» — это не описание состояния дел, а действие, совершаемое судьей в рамках определенной институциональной процедуры; это перформатив, который конституирует институциональный факт виновности при соблюдении определенных правил. Без этого институционального контекста и без системы правил, определяющих, кто и при каких условиях может так говорить, такое высказывание лишается силы. Иными словами, перформативный акт — это языковой механизм создания институционального факта.

В отличие от обыденных речевых актов, юридические перформативы всегда институционально опосредованы: их успешность зависит не только от интенции говорящего, но и от нормативно определенного статуса субъекта, процедуры и контекста. Это делает юридические речевые акты особой разновидностью перформативов — с высокой степенью формализации и нормативной нагрузки.

Перформативность языка права

Язык права представляет собой одну из наиболее развитых и нормативно насыщенных форм применения конститутивных правил. Он не просто описывает или регулирует поведение, но создает правовую реальность, формируя институциональные факты, действующие в рамках признанных норм. Именно поэтому в праве невозможно отделить значение от процедуры: то, что выражается в юридическом высказывании, неотделимо от его иллокутивной функции и институционального статуса. Ведь право, как уже говорилось, существует не наряду с речью, а внутри нее, как особый режим действия, основанный на признании, фиксации и воспроизводстве институциональных фактов с помощью формализованного языка. Анализ юридического дискурса невозможен без учета его иллокутивной структуры — той силы, с которой произносятся высказывания, и тех социальных эффектов, которые они вызывают.

Язык права также характеризуется перформативной природой, поскольку в нем активно используются речевые акты, направленные на исполнение, запрещение и принуждение, — всё это служит поддержанию социального порядка. Как верно отмечает А. Б. Дидикин, «для перформативных выражений в юридическом языке характерны речевые стереотипы из-за повторяющихся процедур (например, процессуальных действий в уголовном процессе или проведения судебных заседаний)»[25]. В актах применения права эта особенность выражается особенно ярко: с точки зрения речевого действия они имеют декларативную форму, поскольку содержат нормативные предписания и обязательства. В этом контексте их иллокутивная функция состоит в формировании уважения к установленным нормам, тогда как перлокутивный эффект направлен на их соблюдение.

Примечательно, что изначально именно юридические высказывания (например, «Объявляю заседание открытым», «Вы признаны виновным») рассматривались как ключевые примеры перформативных

---

[22] См.: *Сёрл Дж.* Что такое речевой акт? // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 59.

[23] См.: *Юрьев Р. А.* Теория речевых актов в аналитической философии и источник институционального факта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология. 2016. № 2 (34). С. 200.

[24] См.: *Searle J.* The Construction of Social Reality. New York: The Free Press, 1995. P. 28.

[25] *Дидикин А. Б.* Речевые акты и действия в юридическом языке: способы интерпретации // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь / под ред. И. Д. Невважая. Саратов: СГЮА, 2019. С. 184.

актов. Г. Л. А. Харт заметил это одним из первых, показав, что именно в юридическом дискурсе наиболее заметно противоречие между дескриптивными высказываниями, задача которых — описывать факты, подтверждаемые наблюдаемыми действиями, и аскриптивными произнесениями, направленными на установление и приписывание правовых последствий, но не подлежащими оценке в терминах истины или ложности[26]. В частности, Харт понял, что высказывания вроде «Это сделал он» не поддаются анализу в дескриптивных терминах, фиксирующих индивидуальные факты. Всё дело в том, что подобного рода анализ стремится определить понятие человеческого действия через установление необходимых и достаточных условий его применения. С этой точки зрения утверждение «X совершил действие A» (ошибочно) сводится к категорическому суждению, описывающему либо физические движения тела X, либо его психическое отношение к содеянному.

Однако такой анализ, по мнению Харта, вводит в заблуждение, поскольку допускает, что значение недескриптивных высказываний, вроде «Это сделал он», в которых приписывается ответственность, тождественно фактам, которые якобы подтверждают или обосновывают это приписывание[27]. Факты соотносятся с правовыми выводами не так, как это предполагает дескриптивная логика: утверждение о факте может подтверждать дескриптивное высказывание, но не влечет за собой вывод о юридической ответственности. Правовой вывод носит вневременной характер и не следует непосредственно из утверждения о конкретном факте, зафиксированном во времени. Кроме того, невозможно провести четкую грань между утверждением «Его тело столкнулось с другим телом» и «Он его ударил» без обращения к недескриптивному языку, посредством которого осуществляется приписывание ответственности. Описание человеческого действия — это не просто фиксация телодвижений или внутренних мотиваций; оно всегда включает элемент нормативной оценки.

Логико-семантические особенности подобных высказываний становятся особенно заметны в юридической практике, а не в теоретических рассуждениях о праве. Именно в правоприменении различие между описанием и приписыванием приобретает фундаментальное значение. Суждения о фактах не тождественны суждениям о правах и обязанностях. В одних случаях для интерпретации действий достаточно зафиксировать физическое поведение человека — и тогда утверждение носит дескриптивный характер. Однако в правовом контексте этого недостаточно: даже при наличии необходимых и достаточных условий юридическая квалификация может быть пересмотрена в свете новых обстоятельств. Именно поэтому, по Харту, аскриптивные высказывания не описывают ситуацию, а придают ей определенный юридический статус через апелляцию к понятийному аппарату права, таким как «обязанность» и «право»[28].

При рассмотрении перформативной природы языка права необходимо, таким образом, различать два уровня: онтологический, на котором правовые статусы возникают в результате совершенных речевых актов, и нормативный, на котором оценивается корректность и допустимость таких актов. Хотя правовые высказывания могут создавать институциональные факты, они не произвольны: их валидность (юридическая сила) зависит от соблюдения норм более высокого порядка. Таким образом, юридический перформативный акт может быть неудачным (при нарушении процедурных условий), так и по причине его несоответствия внешней нормативной системе, регулирующей основания его действительности. Это позволяет избежать лингвистического редукционизма (сведения правовой реальности к языку) и подчеркивает необходимость учитывать институциональный контекст, в рамках которого перформативный акт становится юридически эффективным.

Выводы

Теория речевых актов, возникшая в аналитической философии середины XX в. как альтернатива традиционным (зачастую редукционистским) представлениям о значении, со временем утратила прежнее влияние.

---

[26] См.: *Оглезнев В. В.* Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 81–82.
[27] См.: *Харт Г. Л. А.* Приписывание ответственности и прав // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 27–28.
[28] См.: *Оглезнев В. В.* Юридический язык, аскриптивные высказывания и правоприменение // Право и политика. 2016. № 9. С. 986–992.

Первоначально широкое внимание философов привлекла идея, что значение слова определяется его употреблением, в частности, как речевым актом определенного типа. Так, произнесение «Это — благо» рассматривалось как акт одобрения (Р. Хэар), «У него есть права и обязанности» — как акт приписывания (Г. Л. А. Харт), «Это истинно» — как акт утверждения (П. Ф. Стросон). Однако подобный подход столкнулся с концептуальными трудностями. Если значение выражения отождествляется с конкретным речевым актом, возникает вопрос: как объяснить употребление того же выражения в иных синтаксических и прагматических контекстах? Условное высказывание «Если это — благо, то я его покупаю» не содержит одобрения. Вопрос «Есть ли у него права?» сам по себе ничего не приписывает. Восклицание «Если бы только это было правдой!» не утверждает истины. Эти примеры показывают, что значение не может быть сведено к речевому акту — это лишь один из его аспектов. Связь между значением и действием, конечно, существует, но одно не исчерпывает другого.

Тем не менее теория речевых актов радикально изменила взгляд на язык: она представила его как институциональный механизм, способный формировать, изменять и поддерживать социальную реальность. Именно поэтому ее влияние на философию права оказалось настолько глубоким. Правовые высказывания в этом контексте стали пониматься не просто как описания норм, но как действия, совершаемые в соответствии с нормами. Действительно, фразы вроде «Объявляю заседание открытым», «Вы признаны виновным», «Договор считается заключенным» не описывают, а изменяют правовую реальность, они вступают в силу в момент произнесения и обладают нормативной значимостью. Вот почему, несмотря на свои недостатки, теория речевых актов стала важным аналитическим инструментом в философии права, позволив понять, что язык права не просто сопровождает право, а участвует в его создании и воспроизводстве.

Список источников

1. *Базавлук Л. М.* Язык закона как особый юридический язык // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 145–148. EDN: ZVZSTV
2. *Белов С. А.* Понятие государственного языка / С. А. Белов, Н. М. Кропачев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 4–21. DOI: 10.21638/spbu09.2020.101. EDN: GMPTGZ
3. *Бикс Б.* Язык, право и правовая определенность / Б. Бикс. М.: Канон+, 2024.
4. *Власенко Н. А.* Язык права / Н. А. Власенко. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997.
5. *Дидикин А. Б.* Речевые акты и действия в юридическом языке: способы интерпретации // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции. Саратов, 27–29 июня 2019 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 181–187. EDN: MECGNE
6. *Исаков В. Б.* Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–79. EDN: WDLKDF
7. *Касаткин С. Н.* Идея лингвистической «открытости» права в современном юспозитивизме: пределы юридической техники // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 3 (4). С. 52–64.
8. *Мельниченко Р. Г.* Юридический язык: постановка проблемы // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 62–67. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9. EDN: LVOZBX
9. *Оглезнев В. В.* Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права / В. В. Оглезнев. Томск: Издательство Томского ун-та, 2012. EDN: QSTQBJ
10. *Оглезнев В. В.* Дж. Л. Остин и Г. Л. А. Харт о совершении действий при помощи слов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 147–153. EDN: OYHZLX
11. *Оглезнев В. В.* Юридический язык, аскриптивные высказывания и правоприменение // Право и политика. 2016. № 8 (200). С. 986–992. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.8.19753. EDN: WMOTTN

12. *Оглезнев В. В.* «Открытая текстура» языка, смутность и принцип контекстности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 25–32. DOI: 10.17223/1998863X/44/3. EDN: UYPPKU
13. *Остин Дж. Л.* Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.
14. *Сёрл Дж.* Что такое речевой акт? // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 56–74.
15. *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык / А. А. Ушаков. М.: РАП, 2008.
16. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / Г. Л. А. Харт. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
17. *Харт Г. Л. А.* Приписывание ответственности и прав // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 27–52.
18. *Хворостов А. Ю.* Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 168–170. EDN: WKGXWL
19. *Шепелёв А. Н.* Теория юридического языка // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 137–144. EDN: UGTFT
20. *Шепелёв А. Н.* Юридический язык: понятие и структура // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1 (14). С. 73–76. EDN: SGJEEX
21. *Юрьев Р. А.* Теория речевых актов в аналитической философии и источник институционального факта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 196–201. DOI: 10.17223/1998863X/34/23. EDN: WIMWAZ
22. *Alexy R.* (1989) A theory of legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. *The Clarendon Press*.
23. *Glogar O.* (2023) The concept of legal language: What makes legal language 'legal'? *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 36. Pp. 1081–1107.
24. *Ross A.* (1959) On law and justice. *Berkeley & Los Angeles: University of. California Press*.
25. *Searle J.* (1995) Construction of social reality. *New York: The Free Press*.
26. *Tiersma P.* (1999) Legal language. *Chicago: University of Chicago Press*.

Об авторе:

Оглезнев Виталий Васильевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Российская Федерация); e-mail: ogleznev82@mail.ru

References

1. Bazavluk, L. M. (2017) Language of law as a special legal language. *Scientific Journal of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. No. 4 (73). Pp. 145–148 (In Russ.)
2. Belov, S. A., Kropachev, N. M. (2020) The notion of state language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. Vol. 17, No. 1. Pp. 4–21 (In Russ.)
3. Bix, B. (2024) *Law, language, and legal determinacy*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
4. Vlasenko, N. A. (1997) The language of law. *Irkutsk: West-Siberian Publishing House* (In Russ.)
5. Didikin, A. B. (2019) Speech acts and actions in the legal language: forms of interpretation. *The Human World: Normative Dimension — 6* / edit. by I. D. Nevvazhay. Saratov: Publishing house of SSLA. Pp. 181–187 (In Russ.)
6. Isakov, V. B. (2000) The language of law. *Jurislinguistics*. No. 2. Pp. 64–79 (In Russ.)

7. Kasatkin, S. N. (2023) Idea of linguistic "openness" of law in modern legal positivism: limits of legal technics. *Journal of Legal Anthropology and Conflictology.* No. 3 (4). Pp. 52–64 (In Russ.)
8. Melnichenko, R. G. (2021) Legal language: The problem statement. *Legal Concept.* Vol. 20, No. 1. Pp. 62–67 (In Russ.)
9. Ogleznev, V. V. (2012) H. L. A. Hart and the formation of analytic legal philosophy. *Tomsk: Tomsk State University Press* (In Russ.)
10. Ogleznev, V. V. (2012) J. L. Austin and H. L. A. Hart about doing things with words. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 2 (18). Pp. 147–153 (In Russ.)
11. Ogleznev, V.V. (2016) Legal language, ascriptive utterances, and law enforcement. *Law and Politics*. No. 8 (200). Pp. 986–992 (In Russ.) DOI: 10.7256/1811-9018.2016.8.19753
12. Ogleznev, V. V. (2018) The „open texture" of language, vagueness, and context principle. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 44. Pp. 25–32 (In Russ.)
13. Austin, J. L. (1999) How to do things with words? Austin J. L. Selected Papers. *Moscow: Idea-Press*. Pp. 13–138.
14. Searle, J. (2010) What is a speech act? Philosophy of Language / edit. by J. Searle. *Moscow: Editorial URSS*. Pp. 56–74.
15. Ushakov, A. A. (2008) Essays on Soviet legislative stylistics. Law and language. *Moscow: RAP* (In Russ.)
16. Hart, H. L. A. (2007) The concept of law. *Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press*.
17. Hart, H. L. A. (2017) The ascription of responsibility and rights. In: Hart H. L. A. Philosophy and Language of Law. *Kanon+.* Pp. 27–52.
18. Khvorostov, A. J. (2007) Legal language and language of lawyers. *Jurislinguistics*. No. 8. Pp. 168–170 (In Russ.)
19. Shepelyov, A. N. (2015) The theory of legal language. *Legal Politics and Legal Life*. No. 2. Pp. 137–144 (In Russ.)
20. Shepelyov, A. N. (2013) Legal language: the notion and the structure. *Journal of the Humanitarian Institute of Togliatti State University*. No. 1 (14). Pp. 73–76. (In Russ.)
21. Yuriev, R. A. (2016) Theory of speech acts and the source of institutional fact. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 2 (34). Pp. 196–201 (In Russ.)
22. Alexy, R. (1989) A theory of legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. *The Clarendon Press*.
23. Glogar, O. (2023) The concept of legal language: What makes legal language 'legal'? *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 36. Pp. 1081–1107.
24. Ross, A. (1959) On law and justice. *Berkeley & Los Angeles: University of. California Press*.
25. Searle, J. (1995) Construction of social reality. *New York: The Free Press*.
26. Tiersma, P. (1999) Legal language. *Chicago: University of Chicago Press*.

About the author:

Vitaly V. Ogleznev, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor; Leading Research Fellow of the Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation); e-mail: ogleznev82@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: ICFKCK

Дата поступления статьи: 23.07.2025
Дата принятия статьи к публикации: 15.09.2025

CC BY-SA

Тезисы о структуре правовых норм[1]

Мюллер Ф.[2]
Фрайбургский университет имени Альберта и Людвига (Фрайбург-им-Брайсгау, Германия)

Аннотация

Проблема «сущего» и «должного» больше не рассматривается как общее философско-правовое затруднение, а как вопрос о структуре правовых норм в процессе их практического применения. При этом выясняется, что в различных типах норм решающее значение имеет не только приказ долженствования («программа нормы»), но и фактическая структура той части социальной действительности, которая стоит за нормой («сфера нормы»). Разделение «права» и «реальности» уступает место более тщательному анализу директивных и формирующих социальную реальность элементов нормативности. Это было особенно подробно рассмотрено на примере основных прав и других положений конституционного права. Однако подобная задача стоит и перед всеми другими областями права: необходимо найти новую форму взаимодействия между применением права на практике (law in action) и результатами социальных наук. Для юридических наук в целом это ставит задачу по-новому осмыслить свое научное и познавательное назначение.

Ключевые слова: теория права, структурирующее учение о праве, норма, правовая норма, герменевтика права, нормативность, структура правовой нормы, программа нормы, сфера нормы.

Для цитирования: *Мюллер Ф.* Тезисы о структуре правовых норм / пер. с нем. Й. Шнайдер. Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 99–109. EDN: ICFKCK

Благодарность: редакция выражает признательность переводчику Йоханну Шнайдеру[3] за выполнение работы по переводу статьи Фридриха Мюллера и введение ключевых категорий его структурирующей теории права в российский научный оборот. Особая благодарность — за ценные консультации и разрешение на публикацию, любезно предоставленные профессором Мюллером.

[1] *Müller F.* (1970) Thesen zur Struktur von Rechtsnormen // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. No. 4. Pp. 493–509.

[2] Фридрих Мюллер (род. 22.01.1938, Эггенфельден, Бавария) — выдающийся немецкий правовед, специалист в области теории права, конституционного права и юридической лингвистики. Подробнее с информацией о Ф. Мюллере можно ознакомиться в предисловии к данной статье по ссылке: https://www.taljournal.ru/jour/manager/files/%D0%92%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F%D0%BA%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%9C%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0.pdf

[3] Йоханн Шнайдер — магистрант кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация (https://orcid.org/0009-0002-5654-6320, e-mail: schneider.johann@bk.ru).

© Мюллер Ф., 2025
© Müller F., 2025
© Шнайдер Й., перевод, 2025
© Schneider J., translation, 2025

The article was submitted: 23.07.2025
The article accepted for publication: 15.09.2025

Theses on the Structure of Legal Norms[4]

Mueller F.[5]
The University of Freiburg (Freiburg, Germany)

Abstract
The problem of „is" and „ought" is no longer treated as a general philosophical-legal difficulty, but as a question of the structure of legal norms in the process of their practical application. It becomes clear that in different types of norms, the decisive factor is not only the imperative of obligation (the „norm programme") but also the factual structure of that part of social reality which underlies the norm (the „norm sphere"). The separation of „law" and „reality" gives way to a more thorough analysis of the directive and social reality-shaping elements of normativity. This has been examined in particular detail using the example of fundamental rights and other provisions of constitutional law. However, a similar challenge faces all other areas of law: to find a new form of interaction between the law in action and the findings of the social sciences. For legal sciences as a whole, this poses the task of rethinking their scientific and epistemological purpose.
Keywords: legal theory, structuring theory of law, norm, legal norm, legal hermeneutics, normativity, structure of legal norm, norm programme, norm sphere.
For citation: Mueller F. (2025) Theses on the Structure of Legal Norms / transl. from German by J. Schneider. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 99–109

Acknowledgments: The editorial board is grateful to the translator Johann Schneider[6] for his work in translating Friedrich Müller's article and introducing the key concepts of his structuring theory of law into Russian academic discourse. Special thanks are due to Professor Müller for his kind provision of valuable consultations and publication permission.

I

1. Строение правовых норм во взаимосвязи между «правом» и «действительностью» — в поле «реальных» и «нормативных» элементов — до сих пор рассматривалось как вопрос философии права, а не как проблема практического применения права. Ни взгляды, придерживающиеся канонов юридической методологии Савиньи[7], ни новые попытки развить традиционное учение о методах юридической науки[8] не учитывали материальную связь правовой нормы с той частью действительности, которая ею регулируется. Настоящее исследование призвано способствовать такой рефлексии. Вместо противопоставле-

[4] *Mueller F.* (1970) Thesen zur Struktur von Rechtsnormen. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. No. 4. Pp. 493–509.

[5] Friedrich Mueller (born January 22, 1938, Eggenfelden, Bavaria) is an outstanding German legal scholar, specializing in legal theory, constitutional law, and legal linguistics. For more information about F. Mueller, please refer to the preface to this article at the link: https://www.taljournal.ru/jour/manager/files/%D0%92%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F%D0%BA%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%9C%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0.pdf

[6] Johann Schneider is a Master's student at the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (https://orcid.org/0009-0002-5654-6320, e-mail: schneider.johann@bk.ru).

[7] См., напр.: *Форстхофф Э.* Die Umbildung des Verfassungsgesetzes. Festschrift für Carl Schmitt. 1959. S. 35; тот же автор: Zur Problematik der Verfassungsauslegung, 1961.

[8] См., напр.: *Эссер*. Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts. 2-е изд. 1964; тот же автор: Zur Methodenlehre des Zivilrechts // Studium Generale. 1959. S. 97; тот же автор: Wertung, Konstruktion und Argument im Zivilurteil. 1965; *Лерхе*. Stil, Methode, Ansicht. Polemische Bemerkungen zum Methodenproblem. *DVBl*. 1961. S. 690; *Эмке*. Prinzipien der Verfassungsinterpretation. VVDStRL 20. 1963. S. 53; *Фивег*. Topik und Jurisprudenz. 3-е изд. 1965; *Криле*. Theorie der Rechtsgewinnung. 1967.

ния «нормы и факта» здесь рассматривается структура правовой нормативности — так, как она проявляется в практическом применении права.

2. Тезисы разрабатываются на основе анализа конституционной юрисдикции. Именно в области конституционного права вопрос о нормирующем праве и нормируемой действительности осознается с особой остротой. Уже первый взгляд показывает, что именно здесь судебная практика часто вынуждена подкреплять интерпретацию правовых предписаний опорой на эмпирически устанавливаемые факты социальной среды или даже определять их содержание исходя из этих фактов[9]. При этом речь идет не о фактических особенностях конкретного случая, подлежащего решению, а о составляющих самой правовой нормы. Соответствующие детали конкретного случая должны во всех юридических дисциплинах исследоваться на предмет того, подпадают ли они — в смысле «субсумпции» — под элементы состава соответствующего предписания. Однако те факторы нормируемой действительности, которые подлежат анализу здесь, различаются по своему происхождению, определенности и степени насыщенности в различных отраслях права и по-разному влияют на содержание правовых правил. То, что разрабатывается здесь для конституционного права, может представлять интерес как постановка вопроса и для других областей права, но не может быть непосредственно и без методологической или догматической адаптации перенесено на другие отрасли.

3. Соотношение между действительностью и правом не может быть адекватно понято ни в контексте общей философско-правовой постановки вопроса, ни только на уровне частных методических приемов разрешения отдельных дел. Обе эти перспективы должны быть соединены герменевтически. При этом «герменевтика» понимается не в смысле общей теории интерпретации, а как технический термин — как рассмотрение основных условий, в которых осуществляется юридическое толкование; как учение о предпосылках юридической методики и догматики, всегда с учетом роли нормируемой действительности для действительности правовой нормы. Таким образом, здесь не предлагается всеобъемлющая теория или полное учение о методологии юриспруденции, а проводится исследование одного из ее основных элементов.

4. Для правоведения, традиционно понимаемого как нормативная гуманитарная наука, обращенная к действительности[10], вопрос о ее объективности и общезначимости предстает в особом свете. От «объективности» естественных наук она отличается своим «историческим» наполнением, а от подхода «понимающих» гуманитарных наук — привязанностью к «действующим» правовым нормам. Однако традиционные критерии противопоставления естественных и гуманитарных наук с точки зрения современных научно-методологических исследований оказались несостоятельными как чрезмерные упрощения[11]. Даже точные дисциплины не обходятся без качественных предпосылок. И в них формирование понятий зависит от постановки проблемы и систематического предварительного замысла объекта исследования. Последний становится «объектом» естественной науки только благодаря понятийной схематизации, выступая как бы совместно конституированным результатом исследовательской деятельности ученого. Вместо традиционного поиска абсолютных критериев акцент теперь смещается на более тщательное выявление степеней различий.

Это ставит перед юриспруденцией задачу не столько отграничиваться от способов обращения к действительности, присущих естественным наукам, сколько самостоятельно анализировать специфику правовых норм и выяснять, каким образом элементы социальной действительности становятся актуальными на различных этапах конкретизации права. Требование юридической объективности, таким образом, уже не может выдвигаться в смысле «абсолютного» идеального представления, но вполне уместно как требование проверяемой, обсуждаемой рациональности применения права и его практической обоснованности, то есть связи содержания правовых предписаний с реальностью.

5. Было бы ошибкой обобщать различные типы правовых предписаний в единую «правовую норму» и выводить из такого абстрактного понятия практические следствия. Напротив, нормативность, присущая всем юридическим предписаниям, служит критерием, к которому могут быть соотнесены различ-

---

[9] См., напр., решения, проанализированные у Ф. Мюллера: Normstruktur und Normativität. 1966. С. 114 и далее; а также у того же автора: Normbereiche von Einzelgrundrechten in der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts. 1968.

[10] См.: *Фивег*. Zur Geisteswissenschaftlichkeit der Rechtsdisziplin. Studium Generale. 1958. S. 334, 338, 340; *Холлербах*. Auflösung der rechtsstaatlichen Verfassung? AöR 85. 1960. S. 241, особо — 260.

[11] См., например: *Гейзенберг*. Wandlungen in den Grundlagen der Naturwissenschaft. 7-е изд. 1947; *Поппер*. The Logic of Scientific Discovery. 1959; нем. пер.: Logik der Forschung. 1966.

ные направления в методологии права. При этом становится очевидно, что правовой позитивизм — со своим пониманием права как замкнутой, непротиворечивой системы, решения как строго логической субсумпцией и устранением всех элементов социальной действительности, не отраженных непосредственно в тексте нормы, — фактически апеллирует к практически не осуществимой фикции. Еще в утверждении Кельзена о том, что норма и нормируемая действительность существуют совершенно раздельно[12], проявляется заблуждение подхода, безусловно переносящего на право научное понятие, уже устаревшее и для естественных наук, вместо исследования особенностей правовой нормативности на основе конкретной практики применения норм. Такое исследование показывает, что правовую норму, вопреки исходным посылкам позитивизма, нельзя понимать ни как абстрактный приказ должного, ни как гипотетическое суждение, ни как лишенный содержания акт воли. Аксиома о том, что юридические решения могут быть полностью выведены из норм исключительно на основе формальной логики, то есть из языковых конструкций, на самом деле приводит к неявному введению предпосылок, которые становятся неконтролируемыми источниками ошибок — и вследствие этого подрывают не только формалистическую самодостаточность позитивистского идеала применения права, но и рациональность и методическую прозрачность юридической науки в целом. Анализ юридической практики демонстрирует, что, например, грамматическое и системное толкование вынуждены тем или иным образом выходить за пределы текста нормы и его контекста. Далее необходимо отметить, что Савиньи разрабатывал свои правила интерпретации вовсе не применительно к конституционному праву. Конституционная юрисдикция показывает, что подлежащие конкретизации нормы зачастую абсолютно не отвечают тем требованиям, которые формальная логика предъявляет к предпосылкам для проведения силлогистических рассуждений. Конституционные нормы на практике предстают не как «логизированные» гипотетические суждения и не как приказы, полностью совпадающие со своим словесным выражением, а как предписания, для толкования которых требуются многочисленные элементы, заимствованные из нормированной социальной действительности и невыводимые при помощи классических правил толкования ни из самой нормы, ни из ее истории, ни из систематического контекста.

6. Тот факт, что юридическая практика зависит от нормированных частей действительности и, следовательно, необходим дифференцированный подход к этим частям действительности с нормативной точки зрения, закономерно не учитывается позитивистскими и неопозитивистскими направлениями правовой теории. Это ускользает даже и там, где различие между содержательной правильностью и компетенцией к принятию решения доводится до противопоставления субъекта и содержания решения, когда содержимое нормы подменяется самим актом решения, и тем самым связанная с предметом нормативность подменяется исторической властью существующей воли[13]. Подобное также остается вне поля зрения социологической концепции, которая, по сути, отрицает любую самостоятельную нормативность юридических предписаний, ведь рассматривает нормы исключительно как выражение социальной предзаданности[14]. Нормативная сила права, однако, — это не просто выбирающая и обобщающая формулировка социально «действующих» смыслов. Нормативная проблема соотношения права и действительности может быть постигнута только в рамках теории правовой (здесь — конституционной) практики, которая задается вопросом об основных условиях осуществления права и не замыкается на анализе только технических подробностей методики.

Поскольку даже общий гуманитарно-научный подход к теории права не способен в полной мере охватить соотношение права и действительности по уже названным причинам, даже если акцентируется принципиальная взаимосвязь нормативности и фактичности[15]. Даже в подобных междисциплинарных теориях социологическое и телеологическое содержание остается лишь предпосылкой и предметом правовой нормы, но еще не рассматривается как составляющая самой нормативности. Эти теории позволяют навязать себе основные установки крайних позиций — таких как правовой позитивизм, децизионизм, нормологизм

[12] См. также: *Кельзен*. Was ist juristischer Positivismus? JZ.1965. S. 465; тот же автор: On the Pure Theory of Law. Israel Law Review. 1966. P. 1.

[13] Напр., у *К. Шмитта*. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. 2-е изд. 1934. Напр., с. 42.

[14] См., например: *Эрлих*. Grundlegung der Soziologie des Rechts. 1913. Новое издание — 1929.

[15] См.: *Смend*. Verfassung und Verfassungsrecht. Staatsrechtliche Abhandlungen. 2-е изд. 1968. S. 119; *Хеллер*. "Staatslehre", 1934; *Шиндлер*. Verfassungsrecht und soziale Struktur. 3-е изд. 1950; *Лайбхольц*. Verfassungsrecht und Verfassungswirklichkeit. Strukturprobleme der modernen Demokratie. 1958. S. 277; *Хессе*. Die normative Kraft der Verfassung, 1959; *Холлербах*. AöR 85. 1960. S. 24.

или социологизм, — прежде всего выражающиеся в неадекватном для практики правоприменения противопоставлении «сущего» и «должного». Лишь позднее они стремятся перевести изначально введенные абстракции в «коррелятивные», «диалектические» либо «полярные» отношения между собой. Между тем важно не противопоставлять право и «ту одну» действительность в общем виде, а, во-первых, рассмотреть социальную действительность как пространство действия права в целом, во-вторых — как именно ту часть действительности, которая предполагается, воспринимается или создается каждой конкретной правовой нормой. Общая до сих пор в правовой теории постановка вопроса о «норме и факте» в корне меняется, если анализировать соотношение и роль этих элементов в процессе конкретизации права.

7. Учение о «нормативной силе фактического»[16], предложение соединить юридическую социологию и технику юридического решения дел вне герменевтической связи[17], попытки идеологической критики[18] и правовой феноменологии[19] — всё это также не выходит за рамки дуализма «сущего» и «должного» в его неокантианской редакции применительно к структуре применения права в конкретном случае, хотя сам неокантианизм с категориями взаимодействия обеих сфер Ласка и трактовкой юридической действительности как направления уже сделал первый теоретический шаг за пределы спекулятивной абстракции[20].

С герменевтической точки зрения дело состоит не в том, чтобы субстанциализировать «суть» и затем соотносить ее с некой субстанциальной или логически автономной «нормой», а в том, чтобы изначально рассматривать ее как конституирующую часть правовой нормативности. Отрицательный вывод поэтому справедлив и для всех прежних попыток рационального постижения «сути дела»[21]. Результат этих попыток, заключающийся в том, что «суть дела» как объективно устанавливаемый фактор порядка в существенной степени определяет право, еще не дает ответа на вопрос, каким образом с учетом этого общего положения должна практически меняться конкретизация правовых предписаний и где проходят правовые границы включения «дела» в юридическое мышление. Поэтому неудивительно, что и Федеральный конституционный суд, как это можно увидеть на примере его практики, использует «суть дела» лишь как вспомогательный критерий для конкретизации запрета произвола и системного согласования законодательных норм[22].

8. Уже в силу специфики конституционного права и без того ограниченные возможности юридической формальной логики здесь оказываются еще более суженными. Структура нормы и нормативность в различных юридических дисциплинах проявляются по-разному в зависимости от типа нормы. Конституционное право регулирует государственный строй и структуру сообщества в целом. Его предписания не подкрепляются более высокостоящими нормами позитивного права. Структурная открытость многих его правовых положений соответствует широте и динамичности сферы регулирования; общий конституирующий замысел конституционного права, например, находит отражение в основных правах и свободах человека, которые, в отличие от специально-технических законов, не подлежат прямому применению. Уже по этим причинам конституционная герменевтика не может быть адекватно охвачена средствами даже развитой методики гражданского и уголовного права. В целом классические правила толкования оказываются не общезначимыми методами, а вспомогательными ориентирами различной эффективности в зависимости от специфики подлежащих конкретизации правовых положений. Они не поддаются формально-логической систематизации и на практике часто используются неявно, как соби-

---

[16] *Еллинек Г.* Allgemeine Staatslehre. 3-е изд., 7-й репринт. 1960. Главным образом с. 332 и далее, 337 и след.

[17] См.: *Луман*. Grundrechte als Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie. 1965. Напр., с. 39.

[18] См., например: *Топич*. Sachgehalte und Normsetzungenю ARSP XLIV. 1958. S. 189.

[19] См. по этому поводу: *Лайбхольц*. Zur Begriffsbildung im öffentlichen Recht. Strukturprobleme der modernen Demokratie. 1958. S. 262; там же, S. 277: Verfassungsrecht und Verfassungswirklichkeit.

[20] См.: *Ласк*. Rechtsphilosophie. Gesammelte Schriften. Vol. I, 1923. S. 275; тот же автор: Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. Gesammelte Schriften. Vol. II, 1923. S. 1.

[21] См., например: *Майхофер*. Die Natur der Sache. ARSP XLIV. 1958. S. 145; *А. Кауфманн*. Analogie und ‚Natur der Sache'. Zugleich ein Beitrag zur Lehre vom Typus. 1965; *Стратенверт*. Das rechtstheoretische Problem der ‚Natur der Sache'. 1957; *Вельцель*. Naturrecht und materiale Gerechtigkeit. 4-е изд. 1962; а также ранее: *Радбрух*. Die Natur der Sache als juristische Denkform. Festschrift für Laun. 1948. S. 157 и след.; *Балльвег*. Zu einer Lehre von der Natur der Sache. 1960; *Шамбек*. Der Begriff der, Natur der Sache'. Ein Beitrag zur rechtsphilosophischen Grundlagenforschung. 1964.

[22] См., например: BVerfGE 1, 141; 1, 246 и след.; 6, 77, 84; 7, 153; 9, 349; 11, 318 и след.; 324 и след.; 292 и след.; 318 и след.; 362 и след.; 12, 349; 13, 331. К этому дальше: *Ринк*. Gleichheitssatz, Willkürverbot und Natur der Sache.

рательные понятия для аспектов самого разного происхождения. Сам Савиньи справедливо разработал свои каноны не как «виды толкования», а как «элементы» единого процесса толкования, взаимное соотношение которых нельзя установить без учета особенностей конкретного случая по существу[23].

9. Теоретизация результатов анализа судебной практики позволяет прояснить специфику юридической нормативности более адекватно, чем простое перенесение философской герменевтики на юриспруденцию, даже если в таких подходах, где через призму «аппликации» и вовлеченного «предварительного понимания» интерпретатора юриспруденция выступает как образцовая отрасль знания[24]. Вопрос о специфически юридической объективности, о ее условиях и границах встает при этом как вопрос о практическом соответствии нормативности и структуры нормы в каждой конкретной дисциплине, определяемой по существу иначе. То же относится и к юридической топике, достоинство которой до сих пор обсуждалось преимущественно в отношении гражданского права, однако и там ее значимость оказывается весьма ограниченной[25]. В силу связи между правовой теорией и судебной практикой проблемный и дедуктивно-понятийный подходы должны дополнять друг друга. Во имя рациональности и надежности юридической догматики «открытая» проблематика гражданского права не может обходиться без определенной, пусть и ограниченной по содержанию, системы логических выводов. Еще в большей мере в конституционном праве, ввиду повышенных требований к обязательности, необходимо сохранять примат конкретизируемой нормы. Ввиду специфики конституции как фундаментального нормативного акта топический подход, предполагающий выход за пределы нормы и последовательный отход от нее, если она, по-видимому, больше не может служить отправной точкой для разумного решения проблемы[26], применим к конституционному праву лишь с существенными оговорками. Это следует подчеркнуть и в отношении тех теоретических попыток, которые ставят своей задачей придать нормативности конституции принципиально динамический, подвижный исторический характер[27]. Здесь акцент должен быть поставлен именно на нормативности конституции; а при исследовании соотношения права и действительности в конституционном толковании — на вопросе о структуре и содержании соответствующих правовых предписаний. Положения топики об относительности системы юридических логических выводов в таком контексте сохраняют значение вспомогательных ориентиров, как и результаты философской герменевтики об эффективности предварительного понимания. Однако философская герменевтика сталкивается с серьезными ограничениями при попытке адаптировать ее к юриспруденции, поскольку применение права — благодаря императивам позитивного права о юридической определенности, ясности и прозрачности методов — предъявляет особые требования к раскрытию неизбежных ценностных решений и выборов, которые по законным и юридически самостоятельным причинам могут прервать герменевтический круг.

II

1. Разработанная постановка вопроса о соотношении права и действительности в конституционной герменевтике оказывается плодотворной основой для всестороннего анализа судебной практики[28].

---

[23] См.: *Савиньи Ф.* System des heutigen Römischen Rechts. Vol. I. 1840. S. 212, 213, 215; см. также там же, с. 320. То, что каноны не были разработаны для государственного права, ясно вытекает из тех же т. I, S. 2, 23, 39, а также из: *Савиньи Ф.* Juristische Methodenlehre / под ред. Весенберга. 1951. S. 13.

[24] См.: *Гадамер*. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 1960. Особенно с. 280, 290 и след., 307 и след.; см. также с. 315, 323.

[25] См. в общем, например: *Фивег*. Topik und Jurisprudenz; *Боймлин*. Staat, Recht und Geschichte. Eine Studie zum Wesen des geschichtlichen Rechts, entwickelt an den Grundproblemen von Verfassung und Verwaltung, 1961, особенно с. 26 и след., 33 и след.; *Хеннис*. Politik und praktische Philosophie. Eine Studie zur Rekonstruktion der politischen Wissenschaft. 1963. S. 89 и след.; *Ларенц*. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. 1960. S. 133 и след.; *Эмке*. VVDStRL 20. 1963. S. 53, напр., 55 и след., 60. С оговоркой о необходимости дополнения топического и догматико-системного мышления: *Эссер*. Grundsatz und Norm, напр., S. 7, 24, 45 и след., 85 с прим., 244, 239, 307 и след.; также там же, с. 193 и след.; тот же автор: Wertung, Konstruktion und Argument im Zivilurteil. S. 21 и след.; *Дидерихсен*. Topisches und systematisches Denken in der Jurisprudenz. NJW. 1966. S. 697.

[26] См. по этому вопросу: *Боймлин*. Staat, Recht und Geschichte. S. 26 и след.; *Эмке*. VVDStRL 20. 1963. S. 54 и след., 60, 61 и след., 99; *фон Песталоцца*. Kritische Bemerkungen zu Methoden und Prinzipien der Grundrechtsauslegung in der BRD, Der Staat 2. 1963. S. 425, 429.

[27] См. у Боймлина: Staat, Recht und Geschichte, passim.

[28] См. примеры у Ф. Мюллера: Normstruktur und Normativität, главным образом с. 114 и далее; а также у того же автора, Normbereiche von Einzelgrundrechten in der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts, passim.

Результаты такого анализа извлекаются из изучения отдельных судебных решений; здесь они могут быть представлены лишь в обобщенной форме. Ни традиционные правила толкования, к которым Федеральный конституционный суд в своей постоянной практике формально апеллирует, но которые на деле также регулярно преодолевает, ни «суть дела», ни иные аспекты правовой теории недостаточны для подобного анализа. Напротив, необходимо выявлять то нормативное звено, которое определяет исход конкретного дела — зачастую вопреки формулировкам мотивировочной части судебного решения — и без которого принятая позиция принципиально не может быть обоснована. При этом становится очевидно, что под поверхностью традиционной юридической методики действуют многочисленные дополнительные нормативные факторы. Они во многом происходят из той сферы, которую обычно без разбора противопоставляют правовой норме под названием «действительность», но которая в реальном процессе осуществления права должна рассматриваться как элемент определяющей решения нормы. Нормопротивные, неправильные решения здесь не имеются в виду. Также, как уже отмечалось ранее, те элементы действительности, которые рассматриваются как нормативные, не совпадают с признаками конкретного фактического состава; они находятся на уровне более высокой обобщенности, позволяя типизировать обстоятельства отдельного дела и вместе с тем участвовать в определении содержания общего конституционного закона. Такие элементы решения включают, например, осознанное отступление от буквального понимания нормы, обращение исключительно к субъективным представлениям законодателя в рамках устоявшейся методики, а также прямое введение политологических, экономических, социологических, статистических и других фактов и структур в ключевые для решения логические связи и выводы[29]. Подобные — и аналогичные — соображения пронизывают решения различного рода на всем протяжении практики Федерального конституционного суда. В качестве примера можно упомянуть решения по поводу общего принципа равенства как генеральной оговорки, отсылающей к фактическим обстоятельствам; по специальным конституционным предписаниям о равенстве и запрете дискриминации — таким как принципы равенства избирателей, равных шансов для партий, равноправия, справедливости налогообложения и т. п.; по вопросам изменения норм и конституции в связи со структурными изменениями в соответствующей части действительности; по конкретизации основных норм, например, основного права на свободное развитие личности, понимаемого как общая свобода действий; по вопросам догматического обоснования институциональных гарантий; взаимосвязь гражданско- и уголовно-правового порядка с конституционным правом; принцип соразмерности при реализации и ограничении основных прав законодателем; по особенности структуры партийной демократии; по наполнению оценочных формулировок смыслом на основе конституционно значимых эмпирических данных; по пределам и способам разграничения компетенций, предусмотренных Основным законом; по конкретизации конституционных норм в условиях признанного несоответствия традиционных правил толкования; по нормативной значимости либо незначимости политических соображений и теоретических позиций; по вопросам рационализации сопоставления конституционных благ; по предметной дифференциации, если речь идет о, возможно, положенной в основу Основного закона «объективной системе ценностей»; и, наконец, по предпосылкам конституционно-теоретических подходов к конституционному судопроизводству.

В обобщенном виде анализ случаев позволяет выявить следующие основные черты конституционной герменевтики.

2. С точки зрения практического применения права между «правом» и «действительностью» не существует в общих терминах формулируемого «соотношения» независимых друг от друга сущностей. Напротив, предписание и упорядочиваемое им образуют действенные моменты правовой конкретизации, обладающие лишь относительной самостоятельностью. То, что имеет юридическую нормативную силу, оказывается в каждом конкретном случае результатом взаимодействия факторов, которые в правовой теории предстоят как абстрактные метафоры вроде «норма» и «факт» и столь же абстрактное их «соотношение». Социальные отношения, подлежащие регулированию законом и неизменно становящиеся

[29] См. напр.: BVerfGE 1, 144, 148 f.; 1, 208, 209; 1, 264, 275; 1, 351, 366 f.; 2, 266, 276; 2, 347, 374 f.; 3, 58, 85; 4, 299, 304 f.; 4, 322, 328 f.; 5, 85, 129 ff.; 6, 132; 6, 309, 349 ff.; 7, 377, 397; 9, 305, 323 f.; а также по вопросам отступления от текста нормы: BVerfGE 8, 210, 221; 9, 89, 104 ff.; 13, 261, 268.

частью судебной интерпретации, через особенности своей структуры оказывают влияние и на нормативное содержание предписания. В той мере, в какой они входят в сферу нормы, они герменевтически становятся составляющей правового регулирования. Как общая правовая норма, она не может быть «автоматически» применена к реальной ситуации. Превращаясь в директивную норму, она регулирует каждый конкретный случай особым, приложимым именно к нему способом. Директивная норма — лишь конкретная форма выражения данной правовой нормы, а не отдельная самостоятельная правовая категория.

3. Сфера нормы проявляется как для общей правовой нормы, так и для директивной нормы не как простая сумма фактов, а только в перспективе того вопроса, который задается правовым предписанием, программой нормы. Поэтому суды, которые на практике рассматривают сферу нормы как нормативную, не впадают в апокрифическую нормативность фактического; поэтому их подход, как и подчеркивает Федеральный конституционный суд, не имеет ничего общего с ненаучной методикой или социологизмом.

Возражение о том, что часть герменевтического подхода уже может быть реализована при помощи традиционных методов, упускает из виду, что на практике каноны постоянно вынуждены лингвистически охватывать материальные элементы сферы нормы, которые выходят за пределы их методических возможностей, и потому простое следование исключительно правилам Савиньи зачастую оказывается фикцией. К тому же «телеологический метод» не входит в число тех правил, что были разработаны Савиньи. В действительности этот метод представляет собой неопределенное собирательное понятие для самых разных материальных аспектов, которые нельзя получить ни из самого текста нормы, ни из ее правового контекста, ни из истории ее возникновения, ни из ее системного положения. Уже ради требования методической ясности, выдвигаемого правовым государством, здесь необходима герменевтическая дифференциация. Каждая норма касается определенных фактических обстоятельств социальной жизни, предполагает их, стремится их подтвердить или изменить. Из всей совокупности реальных обстоятельств, затронутых предписанием, из той части действительности, которую оно призвано регулировать — так называемой предметной сферы, — предписание, истолковываемое преимущественно с опорой на традиционные средства («программа нормы»), выделяет сферу нормы как интегральную часть самого предписания. Следовательно, сфера нормы — это не конгломерат материальных обстоятельств, а формулируемая как реалистически возможная взаимосвязь структурных элементов, которые подбираются и оцениваются программой нормы из социальной реальности и зачастую оказываются уже юридически преобразованными. Таким образом, различие между предметной сферой и сферой нормы исключает возможность появления «нормативной силы фактического» как узурпации нормативного значения самими обстоятельствами дела.

4. Содержательные элементы, коренящиеся в действительности, входят в сферу нормы лишь постольку, поскольку при конкретизации нормы для определенного казуса они оказываются необходимыми составляющими конкретной нормативности. Таким образом, правовая норма понимается как сориентированная на содержание модель порядка, как обязательный проект частичного порядка в правовом сообществе, который языковыми средствами той или иной степени полноты выражается в правовом предписании, где упорядочивающее и упорядочиваемое обязательно связаны друг с другом и на практике реализации права многократно друг друга дополняют. В процессе реализации права норма проявляется как обязательная модель порядка, обусловленного содержанием, хотя и не сводимого полностью к фактическим данным. Такие различения как предметная сфера, сфера нормы, программа нормы, как части сферы нормы, созданной правом, и не созданной правом, — это терминологические сокращения, отражающие развитую концепцию.

5. Эти дополняющие традиционные «методы» и вспомогательные соображения порождают в зависимости от области права различные проблемы. Нормативно значимые данные семейной или экономической социологии, социально-исторически и социологически обоснованная правовая история и сравнительное правоведение в рамках конкретизации положений гражданского права смещают герменевтические и методологические акценты иначе, чем, скажем, интерпретация уголовно-правовых сфер норм с опорой на криминологию и сравнительное правоведение или участие административной

науки, политологии, политической социологии и истории конституционного права в области публичного права, учения о государстве и теории конституции. Различия между дисциплинами в конечном счете обусловлены в том числе и различной степенью содержательной самостоятельности доминирующих в них типов сфер нормы. Сферы нормы во многих случаях не обнаруживаются как самостоятельные элементы, поскольку сами созданы правом — как, например, в случае процессуальных, организационных, отсылочных и компетенционных предписаний, легальных определений или многочисленных норм сугубо праводогматического или понятийного содержания. В этих случаях сфера нормы, которая, впрочем, даже будучи созданной правом, всё равно остается частью социальной действительности, в процессе правоприменения отступает на второй план перед программой нормы; она не способна предложить практике дополнительную опору. Однако, чем в большей степени предписание связано с конкретным содержанием, тем более оно нуждается в опоре на аспекты своей сферы нормы. В положениях конституционного права сферы нормы особенно богаты и зачастую имеют решающее значение для конкретизации. В этом отношении практика конституционной юрисдикции представляет собой пример особой познавательной ценности для выявления основ юридической герменевтики, которые могут быть выражены в меньшей степени в других отраслях права. На основе конституционно-правовой судебной практики можно проследить ту значимость, которую элементы сферы нормы могут приобретать как для конкретного правового познания, так и для развития конституционно-правовой догматики. На этой практике можно при помощи предложенных структурных понятий также точнее установить, в какой степени суды при обращении к фактическим обстоятельствам действительно опирались на элементы сферы нормы или же привлекали лишь элементы предметной сферы — и, следовательно, выносили решения допустимо, то есть с опорой на норму, либо недопустимо — без таковой.

6. Судебное решение без опоры на норму („*normloses Judizieren*“) может быть налицо, именно в силу герменевтической взаимосвязи между программой нормы и сферой нормы, даже в тех случаях, когда суд, вопреки результатам толкования программы нормы, стремится напрямую положить в основу решения структурные элементы сферы нормы. В конституционном праве особенно важно подчеркнуть незаменимую, проясняющую и стабилизирующую роль словесной формулировки нормы с точки зрения верховенства права, особенно в противоположность топическому подходу к правоприменению, который склонен рассматривать норму, вместе с установленными ее текстом пределами, лишь как отправную точку для решения проблемы, границы которой в конкретном случае могут быть произвольно преодолены, если они не соответствуют восприятию сути дела. Однако именно текст нормы очерчивает внешние границы допустимых смысловых интерпретаций. За эти границы не должны выходить элементы сферы нормы, которые в конституционно-правовых положениях часто лишь схематично обозначены с помощью ключевых слов (например, «брак и семья» — статья 6, абзац 1 Основного закона; «искусство и наука, исследования и преподавание» — статья 5, абзац 3, предложение 1; «объединения и общества» — статья 9, абзац 1; «собственность», «наследование» — статья 14, абзац 1, предложение 1 и т. д.). Элементы за границами сферы нормы не могут превращаться в решающий фактор правоприменения. Иное возможно лишь тогда, когда сам нормотекст явно ошибочен, неудачен или вызывает недоразумения.

7. В целом различение предметной сферы, сферы нормы и программы нормы, их дальнейшая дифференциация в конкретных случаях и работа с этими структурными понятиями не могут гарантировать правильность правовых решений как таковых и не призваны заменить ни традиционные, ни новейшие «методы» правоприменения. Тем не менее они предоставляют дополнительные ориентиры, усиливают рационализирующую составляющую и обоснованную аргументацию, а также накладывают более строгие требования к степени обоснованности и разъяснения, что подтверждается их практической полезностью в конституционном праве при анализе множества судебных решений[30]. Эти понятия могут

[30] Подходы, в рамках которых отобранные с позиции программы нормы структурные элементы социальной действительности в процессе конкретизации права трактуются как нормативные, особенно четко выражены — по вполне убедительным содержательным причинам — в судебной практике по основным правам; ср. на этот счет: *Мюллер Ф.*, прим. 22. Путь поступательной конкретизации от герменевтики через методологию к догматике (в т. ч. основных прав и свобод) прослеживается у того же автора в работах: Die Positivität der Grundrechte, 1969 и Freiheit der Kunst als Problem der Grundrechtsdogmatik, 1969.

быть с пользой применены, например, в административном праве — в вопросах признания судебной практикой «изменения нормы» или «изменения фактической основы», при определении таких понятий, как «пропорциональность» и «общественное пользование», а также для обоснования содержания дискреционных понятий и «неопределенных правовых понятий». Как фундаментальный герменевтический подход с методическими последствиями в частных случаях, эта концепция претендует на значимость и в других догматически-систематических дисциплинах, особенно в уголовном и гражданском праве. Она требует, чтобы история, социология, экономические и социальные науки, криминология и смежные исследовательские области более не рассматривались лишь как «вспомогательные науки», поставляющие «сырой материал», а включались в качестве источника проблематизации и частичных результатов в направлении (частичных) синтезов. Эти синтезы должны черпать свою нормативную направленность и нормативную легитимацию своего формирования из отбирающей перспективы программы нормы как одного из существенных элементов юридической интерпретации.

Список источников / References

1. Ballweg, O. (1960) Zu einer Lehre von der Natur der Sache. *Basler Studien zur Rechtswissenschaft*. No. 57. Basel, *Helbig & Lichtenhahn.* 75 p.
2. Bäumlin, R. (1961) Staat, Recht und Geschichte. Eine Studie zum Wesen des geschichtlichen Rechts, entwickelt an den Grundproblemen von Verfassung und Verwaltung. Zürich, *EVZ-Verlag*. 68 p.
3. Diederichsen, U. (1966) Topisches und systematisches Denken in der Jurisprudenz. *Neue Juristische Wochenschrift*. P. 697.
4. Ehmke, H. (1963) Prinzipien der Verfassungsinterpretation. *Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer*. No. 20. 288 p.
5. Ehrlich, E. (1913) Grundlegung der Soziologie des Rechts. München, *Duncker & Humblodt*. 409 p.
6. Esser, J. (1959) Zur Methodenlehre des Zivilrechts. *Studium Generale.* No. 12. P. 97.
7. Esser, J. (1964) Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts. Tübingen, *Mohr Siebeck*. 394 p.
8. Esser, J. (1965) Wertung, Konstruktion und Argument im Zivilurteil. Karlsruhe, *C. F. Müller*. 28 p.
9. Forsthoff, E. (1959) Die Umbildung des Verfassungsgesetzes. *Festschrift für Carl Schmitt*. H. Barion et. al. (eds). Berlin, *Duncker & Humblodt.* P. 35ff.
10. Forsthoff, E. (1961) Zur Problematik der Verfassungsauslegung. Stuttgart, *W. Kohlhammer.* 40 p.
11. Gadamer, H.-G. (1960) Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, *Mohr Siebeck*. 514 p.
12. Heisenberg, W. (1947) Wandlungen in den Grundlagen der Naturwissenschaften. Stuttgart, *S. Hirzel.* 98 p.
13. Heller, H. (1934) Staatslehre. Tübingen, *Mohr Siebeck*. 338 p.
14. Hennis, W. (1963) Politik und praktische Philosophie. Eine Studie zur Rekonstruktion der politischen Wissenschaft. Berlin, *Luchterhand*. 131 p.
15. Hesse, K. (1959) Die normative Kraft der Verfassung. Tübingen, *Mohr Siebeck.* 24 p.
16. Hollerbach, A. (1960) Auflösung der rechtsstaatlichen Verfassung? *Archiv des öffentlichen Rechts.* No. 3. Pp. 241–270.
17. Jellinek, G. (1960) Allgemeine Staatslehre. Darmstadt, *Wissenschaftliche Buchgesellschaft*. 837 p.
18. Kaufmann, A. (1965) Analogie und „Natur der Sache" — zugleich ein Beitrag zur Lehre vom Typus. Heidelberg, *Decker.* 88 p.
19. Kelsen, H. (1965) Was ist juristischer Positivismus? *JuristenZeitung*. No. 15/16. Pp. 465–469.
20. Kelsen, H. (1966) On the Pure Theory of Law. *Israel Law Review*. No. 1. Pp. 1–7.
21. Kriele, M. (1967) Theorie der Rechtsgewinnung entwickelt am Problem der Verfassungsinterpretation. *Schriften zum Öffentlichen Recht*. No. 41. 367 p.
22. Lask, E. (1923) Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. *Gesammelte Schriften. II. Band.* Tübingen, *Mohr Siebeck*. 463 p.

23. Lask, E. (1923) Rechtsphilosophie. *Gesammelte Schriften. I. Band.* Tübingen, *Mohr Siebeck.* 356 p.
24. Leibholz, G. (1958) Verfassungsrecht und Verfassungswirklichkeit. *Strukturprobleme der modernen Demokratie*. Karlsruhe, *C. F. Müller*. 304 p.
25. Lerche, P. (1961) Stil, Methode, Ansicht. Polemische Bemerkungen zum Methodenproblem. *Deutsches Verwaltungsblatt.* No. 76. Pp. 690–701.
26. Luhmann, N. (1965) Grundrechte als Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie. *Schriften zum Öffentlichen Recht*. No. 24. 232 p.
27. Maihofer, W. (1958) Die Natur der Sache. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie.* No. 44. Pp. 145–174.
28. Müller F. (1970) Thesen zur Struktur von Rechtsnormen. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*. No. 4. Pp. 493–509.
29. Müller F., Christensen R. (2013) Juristische Methodik. Band I: Grundlegung für die Arbeitsmethoden der Rechtspraxis. Berlin, *Duncker & Humblot.* 701 p.
30. Müller, F. (1966) Normstruktur und Normativität. *Schriften zur Rechtstheorie*. No. 8. 232 p.
31. Müller, F. (1968) Normbereiche von Einzelgrundrechten in der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts. *Schriften zum Öffentlichen Recht*. No. 82. 34 p.
32. Müller, F. (1969) Die Positivität der Grundrechte. Fragen einer praktischen Grundrechtsdogmatik. *Schriften zum Öffentlichen Recht.* No. 100. 151 p.
33. Müller, F. (1969) Freiheit der Kunst als Problem der Grundrechtsdogmatik. *Schriften zum Öffentlichen Recht*. No. 102. 161 p.
34. Popper, K. (1959) The Logic of Scientific Discovery. London, *Hutchinson & Co.* 513 p.
35. Radbruch, G. (1948) Die Natur der Sache als juristische Denkform. *Festschrift zu Ehren von Rudolf Laun anlässlich der Vollendung seines 65. Lebensjahres am 1. Januar 1947.* G. C. Hernmarck (ed). Hamburg, *Toth*. 315 p.
36. Rinck, H. J. (1963) Gleichheitssatz, Willkürverbot und Natur der Sache. *JuristenZeitung*. No. 17/18. Pp. 521–527.
37. Pestalozza, C. G. von (1963) Kritische Bemerkungen zu Methoden und Prinzipien der Grundrechtsauslegung in der BRD. *Der Staat*. No. 4. Pp. 425–449.
38. Savigny, F. C. von (1840) System des heutigen Römischen Rechts. Berlin, *Veit & Comp.* 489 p.
39. Savigny, F. C. von (1951) Juristische Methodik. G. Wesenberg (ed.). Stuttgart, *Koehler.* 73 p.
40. Schambeck, H. (1964) Zum Begriff der „Natur der Sache". Ein Beitrag zur rechtsphilosophischen Grundlagenforschung. Wien, *Springer.* 153 p.
41. Schindler, D. (1950) Verfassungsrecht und soziale Struktur. Zürich, *Schulthess & Co.* 162 p.
42. Schmitt, C. (1934) Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. München, *Duncker & Humblodt.* 84 p.
43. Smend, R. (1968) Verfassung und Verfassungsrecht. Berlin, *Duncker & Humblodt.* 178 p.
44. Stratenwerth, G. (1957) Das rechtstheoretische Problem der „Natur der Sache". *Recht und Staat in Geschichte und Gegenwart.* No. 204. 31 p.
45. Topitsch, E. (1958) Sachgehalte und Normsetzungen. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie.* No. 44. 16 p.
46. Viehweg, Th. (1958) Zur Geisteswissenschaftlichkeit der Rechtsdisziplin. *Studium Generale*. No. 11. Pp. 334, 338, 340.
47. Viehweg, Th. (1965) Topik und Jurisprudenz. München, *C. H. Beck.* 75 p.
48. Welzel, H. (1962) Naturrecht und materiale Gerechtigkeit. Göttingen, *Vandenhoeck Ruprecht.* 200 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GNESMC

BY-SA

Дата поступления статьи: 17.06.2025
Дата поступления рецензии: 11.07.2025
Дата принятия статьи к публикации: 06.08.2025

Основные аспекты методологии исследования прав человека в публичных отношениях

Попондопуло В. Ф.
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
E-mail: v.popondopulo@spbu.ru

Аннотация

Введение. Вопросы методологии исследований редко являются предметом научного обсуждения в юриспруденции. Вместе с тем переоценить значение методологии исследований трудно, она составляет основу для научной оценки и решения частных научных вопросов, задает вектор целостного научного восприятия предмета исследования. В науке публичного права не часто обращается внимание на истинное предназначение публичного (нормативно-властного) регулирования, заключающегося не только в публичной организации общества, но и в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека. Целью статьи является рассмотрение проблем, связанных с определением надлежащих *цели и средств публичного регулирования* общественных отношений применительно к обеспечению прав человека.

Методология и материалы. В основу исследования положены постулаты общей теории человеческой деятельности и теории дуализма регулирования общественных отношений, позволяющие провести четкое различие между правом как сферой саморегулирования и законом как средством публичной организации общества. При таком понимании регулирования общественных отношений, основанном на разделении частных и публичных отношений, основным бенефициаром является человек, его личные, экономические и политические права. Используются не только специфические юридические методы исследования, но и такие методы науки о человеческой деятельности, как *методологический индивидуализм* и *методологическая единичность,* в соответствии с которыми последовательность научного исследования предполагает сначала познание природы человека и его деятельности, а затем, как следствие, — познание общества, как формы человеческого сотрудничества, с его институтами, включая государство.

Результаты исследования и их обсуждение. Методология науки публичного права должна базироваться на общей методологии исследования человеческой деятельности с учетом особенностей, выделяющих ее в системе юридических наук. В статье дается общая характеристика прав человека в публичных отношениях как объекта и предмета правового исследования. Обосновывается положение о том, что предназначение публичного (нормативно-властного) регулирования заключается не только в публичной организации общества как самоцели, но и в обеспечении прав человека. Следовательно, исследования в области публичного права должны изучать отношения «человек – государство», в котором обеспечение государством основных прав и свобод человека является основным функциональным назначением, а устройство государственной власти — средством надлежащего обеспечения прав человека.

Выводы. Методология исследования прав человека в публичных отношениях позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы науки публичного права, которые должны решаться с позиции правового содержания публичной власти, ее цели и предназначения. В основе методологии исследования прав человека должна быть теория *дуализма регулирования общественных отношений*, осно-

© Попондопуло В. Ф., 2025
© Popondopulo V. F., 2025

ванная на принципиальном различии *права* и *закона.* Являясь субсидиарными, публичные средства регулирования должны использоваться по принципу минимальной необходимости. Такой подход приведет к сокращению институциональных издержек свободной деятельности частных лиц.

Ключевые слова: права человека, публичные отношения, методология исследования, объект правового исследования, предмет правового исследования, предмет и метод нормативного регулирования.

Для цитирования: *Попондопуло В. Ф.* Основные аспекты методологии исследования прав человека в публичных отношениях // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 110–123. (In Russ.) EDN: GNESMC

The article was submitted: 17.06.2025
The article approved after reviewing: 11.07.2025
The article accepted for publication: 06.08.2025

Fundamental Principles of the Research Methodology on Human Rights in Public Relations

Popondopulo V. F.
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: v.popondopulo@spbu.ru

Abstract

Introduction. Research methodology issues are rarely the subject of scientific discussion in jurisprudence. At the same time, it is difficult to overestimate the importance of research methodology, it forms the basis for scientific assessment and solution of private scientific issues, sets the vector of holistic scientific perception of the subject of research. In the science of public law, attention is not often paid to the true purpose of public (normative-authoritative) regulation, which consists not only in the public organization of society, but also in the recognition, observance and protection of human rights and freedoms. The purpose of the article is to consider the problems associated with determining the appropriate goals and means of public regulation of social relations in relation to ensuring human rights.

Methodology and materials. The study is based on the basic postulates of the general theory of human activity and the theory of dualism of regulation of social relations, which make it possible to draw a clear distinction between law as a sphere of self-regulation and law as a means of public organization of society. With this understanding of the regulation of social relations, based on the separation of private and public relations, the main beneficiary is a person, his personal, economic and political rights. Not only specific legal methods of research are used, but also such methods of the science of human activity as methodological individualism and methodological uniqueness, according to which the sequence of scientific research first involves the knowledge of the nature of man and his activities, and then, as a consequence, the knowledge of society as a form of human cooperation, with its institutions, including the state.

Research results and their discussion. The methodology of the science of public law should be based on the general methodology of studying human activity, taking into account that it is distinguished in the system of legal sciences. The article provides a general description of human rights in public relations as an object and subject of legal research. The position is substantiated that the purpose of public (normative-authoritative) regulation is not only in the public organization of society as an end in itself, but also, above all, in ensuring human rights. Therefore, research in the field of public law should aim to study the relationship “man – state”, in which the provision of fundamental human rights and

freedoms by the state is the main functional purpose, and the structure of state power is a means of properly ensuring fundamental human rights.

Conclusions. The methodology of studying human rights in public relations allows us to take a new look at many problems of public law science, which should be solved from the position of the legal content of public power, its purpose and purpose. The methodology of studying human rights should be based on the theory of dualism in regulating social relations, based on the fundamental difference between law and law. Being subsidiary, public means of regulation should be used according to the principle of minimum necessity. Such an approach will lead to a reduction in the institutional costs of the free activity of individuals.

Keywords: human rights, public relations, research methodology, object of legal research, subject of legal research, subject and method of normative regulation.

For citation: Popondopulo, V. F. (2025) Fundamental Principles of the Research Methodology on Human Rights in Public Relations. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 110–123. (In Russ.)

Введение

Вопросы методологии исследований редко являются предметом научного обсуждения в юриспруденции. Обычно юридические исследования носят прикладной характер, за рамками которого остаются проблемы философских основ предмета исследования. Вместе с тем переоценить значение методологии исследований трудно: она составляет основу для научной оценки и решения частных научных вопросов, задает вектор целостного научного восприятия предмета исследования.

Так, наука публичного права не часто обращает внимание на истинное предназначение публичного (нормативно-властного) регулирования, заключающееся не только в публичной организации общества, но и в том, чтобы обеспечивать (защищать) интересы прав и свобод частных лиц, а также и публичных интересов, являющихся в конечном счете всё теми же интересами частных лиц.

Категория прав и свобод человека имеет смысл только *в отношениях человека с другими* членами общества и обществом в целом в лице уполномоченных им представителей, прежде всего, органов публичной власти. Поэтому исследование положения человека в его разнообразных отношениях, включая публичные отношения, имеет определяющее значение для понимания его прав и свобод и их защиты.

Применительно к публичному праву требуют прояснения две основных проблемы: а) проблема, связанная с *целями публичного регулирования* — признанием, соблюдением и защитой прав и свобод частных лиц и публичных интересов средствами государственной власти, и б) проблема, связанная с обеспечением системы *средств регулирования публичных отношений.*

В связи с изложенным нуждаются в разъяснении такие дискуссионные вопросы, как понятие и система публичных отношений, выступающих предметом регулирования, методы их регулирования, защита интересов частных лиц и общества в целом, т. е. того, ради чего, собственно, и существует государство. Дискуссии нередко базируются на еще сохраняющихся с советских времен патерналистских (нормативистских) представлениях о праве и роли государства в регулировании общественных отношений[1], что не способствует прояснению научных проблем[2].

Необходимо различать *право*, как понятие, связанное с проявлением воли индивида, и *закон*, как понятие, соединенное с волей государства, ограниченной компетенцией органов публичной власти. В связи с этим необходимо согласиться с предложениями об отказе от дифференциации права на отрасли[3], включая также его деление на частное и публичное право, поскольку такая дифференциация отражает деление норм (внешних форм выражения права), регулирующих частные и публичные отно-

[1] Например, на Международной конференции «Диалог выдающихся российских и китайских правоведов», состоявшейся 25 ноября 2024 г. на юридическом факультете МГУ, отмечалось, что «с позиции современного российского предпринимательского права на первое место следует поставить интересы государства, поскольку государство защищает права субъектов экономической деятельности».

[2] См.: *Попондопуло В. Ф.* Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичной организации. М., 2021. С. 420–635. EDN: NVXSFX

[3] *Антонов М.* О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3. С. 56.

шения. Как верно отмечает А. В. Поляков, «право имеет собственную структуру, в которой выражается его эйдетический смысл. В этом своем аспекте право, как и любая идеальная сущность, вневременно и внепространственно»[4]. Структура же законодательства — субъективна, задана законодателем, руководствующимся политическими и иными конъюнктурными соображениями.

Полагаем, что понятие дуализма права, его деление на частное и публичное, означающее лишь дифференциацию норм (но не права и закона), должно быть заменено (или, по крайней мере, истолковано) на понятие *дуализма регулирования общественных отношений*, означающего дифференциацию регулирования на правовое и нормативное. Это положение имеет принципиальное значение. Термины «частное право» и «публичное право» некорректны. Словосочетание «частное право» является тавтологией, поскольку *право* реализуется только в частной сфере жизни общества; частное право — это и есть право индивидов, проявляющееся в их волевых действиях, признаваемых другими членами общества. Словосочетание «публичное право» некорректно, поскольку в публичной сфере жизни общества реализуется не право, а политическая власть, выражающаяся в нормативных требованиях, ограничениях, запретах, обращенных как к индивидам (частной жизни общества), так и к органам публичной власти (политической жизни общества). Публичное право — это не право, а *публичная власть*, область науки государствоведения, а не правоведения. Публичная сфера жизни общества изучается указанными науками как внешние основания права, как его среда.

В основе дифференциации системы права и законодательства, правового и нормативного регулирования общественных отношений, положения участников общественных отношений, режимов их деятельности и т. д. лежит дифференциация общественных отношений на частные и публичные. Она предполагает необходимость уточнения всего терминологического ряда правоведения и государствоведения: механизмов регулирования общественных отношений, принципов их регулирования, оснований динамики и т. д.

Методология и материалы

Вопрос о соотношении права и закона (и непосредственно связанный с ним вопрос об обеспечении прав человека) не до конца решен в российской правовой науке. И если в теории права и частно-правовых науках по этому вопросу, как правило, есть понимание, его активно обсуждают, то в науке публичного права довольно часто понятия права и закона смешиваются, что не может не влиять на юридическую практику обеспечения прав человека. Доминирование в российской юриспруденции легистских представлений о праве не ведет к реализации содержащейся в Конституции РФ идеи приоритета прав человека.

Решению указанной проблемы способствует такое понимание соотношения права и закона, которое основано на общей теории человеческой деятельности (праксеологии[5]) и отстаиваемой автором исследования теории дуализма регулирования общественных отношений[6], в соответствии с которой проводится четкое различие между правом, как сферой частной жизни, сферой саморегулирования, и законом, как средством публичной организации общества. При таком понимании регулирования общественных отношений, основанном на разделении частных и публичных отношений, основным бенефициаром является человек, его личные, экономические и политические права.

Юриспруденция — это одна из наук о человеческой деятельности, поэтому, изучая право, необходимо оперировать не только специфическими юридическими методами исследования, но и иными методами науки о человеческой деятельности, как то: *методологический индивидуализм* и *методоло-*

---

[4] См.: *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 279. EDN: QWKHTF

[5] Праксеология — название концепции, претендующей на создание общей теории эффективности человеческой деятельности (URL: https://bigenc.ru/c/prakseologiia-4236ae).

[6] Подробнее о теории дуализма регулирования общественных отношений см.: *Попондопуло В. Ф.* Дуализм регулирования общественных отношений (правовое и нормативное регулирование) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 7–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-3-7-16. EDN: SVVADG

гическая единичность[7]. В соответствии с этими методами последовательность научного исследования предполагает сначала познание природы человека и его деятельности, а затем, как следствие, — познание общества, как формы человеческого сотрудничества, с его институтами, включая государство и его нормативные акты. При этом научное исследование должно начинаться не просто с деятельности индивида, а с отдельного действия индивида, как основной категории общей теории человеческой деятельности. Обозначенные методы исследования позволяют выявить необходимые связи и зависимости тех или иных правовых форм и типов человеческой деятельности, как то: частноправовые формы осуществления человеческой деятельности и публичные формы организации такой деятельности, а также соответствующие им формы защиты прав и интересов участников общественных отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

Публичные отношения как объект и предмет правового исследования. Следует различать правовую и нормативную оценку состояния общества.

Если исходить из постулата о том, что закон должен быть правовым, то *правовая оценка* состояния общества должна осуществляться вне влияния институциональной среды, т. е. как оценка результатов заинтересованного поведения индивидов, таких, какие они были бы, если бы не было публичного влияния на это поведение[8]. Классик науки административного права А. И. Елистратов писал в своей работе «Основные начала административного права»: «Одухотворяющей идеей нашего исследования является непреходящая ценность Человека. Идея человеческого достоинства, возвышающаяся над условными и преходящими ценностями обладания и господства, служит при установлении основных начал административного права руководящим критерием этической оценки юридических норм и теорий»[9].

Публичное регулирование общественных отношений — это внешняя форма выражения права, более или менее точно отражающая заинтересованное взаимодействие индивидов. Являясь субсидиарными, публичные средства регулирования должны использоваться по принципу минимальной необходимости. Это приведет к сокращению институциональных издержек свободной деятельности частных лиц. Такой подход соответствует основным постулатам общей теории человеческой деятельности (праксеологии) и теории дуализма регулирования общественных отношений. В соответствии с последней правовое регулирование — это саморегулирование в рамках, предписанных нормативными актами, которые включают нормы (властные предписания и пр.), регулирующие как частные, так и публичные отношения.

Нормативная оценка состояния общества — это оценка его состояния под влиянием *институциональной среды*[10], включающей законодательство и практику его применения, создающих определенные издержки для свободной деятельности индивидов и тем самым порой существенно искажающих естественное развитие общества по сравнению с тем, каково оно было бы вне влияния *институциональной среды.*

В отличие от правового регулирования частных отношений, основанного на принципе свободы способного к самоопределению субъекта[11] и предполагающего минимальное их нормирование, регулирование публичных отношений должно достаточно детально регулировать взаимоотношения между органами публичной власти и частными лицами, а также между самими органами публичной власти (разделение различных ветвей власти по горизонтали и каждой из них по вертикали). Государственное вмешательство в общественную жизнь (законодательное, административное, судебное) должно быть минимально необходимым, используемым лишь в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасно-

[7] См.: *Мизес Л фон.* Человеческая деятельность: трактат об экономической теории. Челябинск. 2005. С. 43–46.

[8] *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат об экономической теории. Челябинск. 2005. С. 656–666.

[9] *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. Изд. 2-е. М., 1917. Предисловие.

[10] В теории институционализма — совокупность политических, социальных и юридических правил. Институты существуют и функционируют в общественной системе, сферу их существования выделяют в особую среду, которую принято называть институциональной.

[11] *Степанов Д. И.* Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // Закон. 2012. № 5. С. 97–98.

EDN: OXNVKD

сти государства и осуществляться только на основании федерального закона (п. 3 ст. 55 Конституции РФ, абзац 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Методология науки публичного права должна базироваться на общей методологии исследования человеческой деятельности и общей теории права с учетом особенностей ее предмета.

Так, общая теория права, обобщая знания отраслевых юридических наук и тем самым создавая системную картину правовой реальности, выступает для отраслевых юридических наук методологической основой, на которой каждая отраслевая юридическая наука исследует свой специфический предмет как часть юридического целого. Отраслевые юридические науки изучают особенности регулирования тех или иных общественных отношений, обращаясь при этом к общим понятиям, разработанным общей теорией права.

Объектом науки публичного права выступают публичные отношения, как реальные социальные явления, изучаемые в целях познания предмета науки публичного права, т. е. закономерностей формирования и реализации прав человека в отношениях с органами публичной власти (публичных отношениях). Иначе говоря, речь идет об изучении как *самих прав человека в публичных отношениях,* особенностях их образования и реализации, выражающихся в волевых действиях человека, признаваемых другими в качестве правовых (т. е. порождающих правовые последствия), так и той *политической среды*, под влиянием которой такие права образуются и реализуются (форма правления в государстве, форма государственного устройства, политический режим в государстве, некоторые другие элементы политической организации общества).

В соответствии с общей теорией человеческой деятельности свободное взаимодействие людей само по себе *упорядочивает всю общественную систему* и придает ей смысл и значение. Отношения, основанные на свободном взаимодействии людей, являются *частными отношениями.* Они являются также *правовыми отношениями, даже не будучи урегулированы законодательством*[12]. Таким образом, общественный процесс целиком и полностью является равнодействующей *человеческих действий*. Причину любого явления общества можно отыскать в конкретном выборе, сделанном людьми. Общественное сотрудничество свободных индивидов, действующих в своих интересах, является причиной и основой правопорядка.

В то же время для установления и сохранения общественного сотрудничества необходимы меры, препятствующие антисоциальным индивидам делать то, что может разрушить такое сотрудничество, как то меры законодательной, административной и судебной власти, являющиеся непременным атрибутом общества. Задача государственной власти состоит в том, чтобы она не ограничивала свободу индивида (свободу выбора) сильнее, чем она ограничивается законами самой человеческой деятельности, и в то же время принуждала тех индивидов, которые своими действиями разрушают общество, наносят вред самим себе и всем остальным людям.

Нельзя согласиться с тем, что человек не свободен в выборе и действии, что различные *явления* частной общественной жизни определяются не субъективными оценками индивидов, а взаимодействием властных сил. Разумеется, человек подчиняется естественным условиям среды, приспосабливается к внешним факторам, в том числе к законодательству и практике его применения, однако в рамках этих условий человек *сам выбирает цели и средства своей деятельности.*

Следует опираться на такие основополагающие начала, как самоценность индивида (человекоцентризм) и его ответственность за свои действия; *частная собственность, как необходимое условие индивидуальной свободы; принципы свободного рынка, конкуренции и предпринимательства, равенства возможностей*[13]. Гарантиями указанных начал, т. е. прав и свобод человека, выступают публичные

[12] В практике общественной жизни достаточно часто возникают правоотношения, которые не нашли или еще не нашли нормативного урегулирования. Это относится исключительно к частной сфере жизни общества, но не к публичной, где отношения (властеотношения) должны быть всегда основаны на норме.

[13] Поскольку частные отношения возникают и реализуются в институциональной среде, исследовать права человека в публичных отношениях без анализа частных отношений объективно невозможно.

(политические) начала, как то: самоопределение гражданского общества; формирование правового государства; разделение и взаимный контроль властей; всеобщее избирательное право.

Опираясь на представленные теоретические положения общей теории человеческой деятельности, общей теории права, следует определять также права человека в публичных отношениях, в том числе с учетом особенностей видов публичной деятельности и продуцируемых ими актов власти (законодательной, административной, судебной) для обеспечения и защиты прав человека как основной цели деятельности государства. В связи с этим уместно рассмотреть основные постулаты организации публичной власти.

Публичная власть должна быть основана на законе, поддерживаться силой принуждения, распространяться на определенную территорию и главное — выражать интересы населения данной территории[14]. Публичная власть проявляет себя в таких элементах ее организации, как *форма правления, форма государственного устройства и политический режим*. При этом здесь важна не только формальная характеристика указанных элементов публичной власти, сколько ее содержание, цель и предназначение: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ). Соответственно, названные элементы публичной власти должны выражать ее средства, направленные на обеспечение правовой цели публичной власти.

Применительно *к форме правления* это означает, что нельзя ограничиваться ее формальной характеристикой (характеристикой положения органов публичной власти), поскольку такая характеристика не отражает *цели их деятельности и предназначения*. Государственная власть — это *средство* защиты прав и свобод человека как высшей ценности в обществе. То, насколько она соответствует такому своему предназначению, является критерием определения правомерности деятельности органов публичной власти.

Проблемы *формы государственного устройства* должны рассматриваться не только с точки зрения интересов того или иного уровня власти и их взаимоотношений, а как *средство* обеспечения основного предназначения государственной власти — признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, федеративное устройство государства должно выражать меру свободы самостоятельных территориальных образований в целях удовлетворения интересов людей, проживающих на территории этих образований. Иначе говоря, главным содержанием взаимоотношений различных уровней власти является человек[15].

Для устройства публичной власти по вертикали в соответствии с ее предназначением она должна быть организована на началах *субсидиарности властных (законодательных, административных и судебных) полномочий* региональных органов власти по отношению к местным органам власти, а также центральных (федеральных) органов власти по отношению к региональным. Принцип субсидиарности означает определенный способ построения пирамиды власти, противоположный принципу централизма. Этот принцип предполагает, что принятие политических решений должно быть максимально приближено к гражданам.

Демократический *политический режим* обеспечивается следованием *конституционным целям* (защита прав и свобод человека) и *средствам* их достижения: подлинным разделением власти по горизонтали и вертикали. Такое построение государственной власти позволяет обеспечить политический и идеологический плюрализм, выборность и сменяемость власти, подотчетность власти народу, равенство граждан перед законом и судом, независимость суда, неприкосновенность личности, презумпцию невиновности и т. п., а в конечном счете — защиту прав и свобод человека. Разумеется, всегда существует опасность имитации демократического политического режима, когда существуют все его формальные гарантии, предусмотренные конституцией, но в реальности институты власти базируются на порочном принципе персонификации власти, прежде всего, власти главы государства, определяющей все аспекты жизни общества. Предпосылки для имитации конституционализма кроются в отсутствии зрелого гра-

[14] *Кушхова Б. З.* Понятие и сущность публичной власти // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 1. С. 184.
[15] *Элейзер Д. Д.* Сравнительный федерализм // Полис (политические исследования). 1995. № 5. С. 108. EDN: EQVSDP

жданского общества, призванного осуществлять контроль за деятельностью политических институтов, призванных обслуживать общество.

Публичные отношения как предмет регулирования. Общественные отношения являются следствием человеческой деятельности, которая по своему характеру подразделяется на два основных типа: частную (свободную, основанную на собственном интересе индивида, свободе его воли, возможности выбора цели, средств ее достижения и порядка осуществления) и публичную (несвободную, основанную на определенных нормой цели, средств ее достижения и порядка осуществления).

В отличие от частных отношений, которые определяются самим характером человеческой деятельности индивида как самостоятельной деятельности, осуществляемой им на свой риск для удовлетворения своих потребностей посредством выбора подходящего варианта поведения (отношения между индивидами основаны на взаимной оценке и признании каждым из них интересов другого), характер публичных отношений определяется непосредственно законом, административной и судебной практикой, а в конечном счете — публичными интересами, в том числе связанными с обеспечением и защитой прав частных лиц (как критерием правомерности публичного регулирования).

Природа частных и публичных отношений, являющихся предметом регулирования, определяет методы их регулирования, соответственно, метод равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников (ст. 2 ГК РФ) и субсидиарно метод власти и подчинения (когда для обеспечения нормальной реализации правоотношения необходимо привлечь аппарат государственного принуждения — ст. 11–13, 15–16.1 ГК РФ). Характер принципиальных различий частных и публичных отношений проявляет себя во всех их элементах: субъектах, основаниях возникновения, содержании и объектах.

Особенности публичных отношений, как предмета регулирования, определяют характер публичного регулирования, как *нормативного* (властного) регулирования, и его отличие от правового регулирования, как саморегулирования в пределах, установленных законом и практикой его применения.

Предметное единство разнообразных публичных отношений предполагает также их дифференциацию, в основе которой лежит деление властной деятельности на законодательную, административную и судебную, каждая из которых характеризуется своей целью, методами (средствами) деятельности и порядком (процедурой) осуществления.

Деятельность органов публичной власти является юридической как по форме, так и по содержанию, поскольку осуществляется на основе и во исполнение закона. Вместе с тем вопрос о понятии юридической деятельности является дискуссионным, его обычно сводят к деятельности органов публичной власти, к профессиональной деятельности юристов различных профессий и т. п.[16] Однако следует иметь в виду, что юридическая деятельность осуществляется также частными лицами[17], продуцирующими и реализующими свое право в рамках заданных законом границ. Это важно подчеркнуть в доказательство того, что индивид в ходе осуществления своей деятельности сам продуцирует свое право и реализует его, разумеется, в рамках, предписанных публичными установлениями.

Например, локальные нормативные акты коммерческих организаций являются частными правоприменительными актами, результатами правотворческой деятельности учредителей (участников таких организаций). Третейские суды, не являясь государственными, осуществляют частную юридическую деятельность. Юридическая деятельность пронизывает повседневную жизнь частных лиц, которые, совершая сделки и другие юридически значимые действия, самостоятельно формируют свои субъективные права и юридические обязанности. В этом смысле *юридическая деятельность — это деятельность любого субъекта права, поскольку она влечет юридические последствия.*

Не вдаваясь в детали дискуссии по вопросу классификации юридической деятельности[18], отметим, что, прежде всего, следует придерживаться укрупненной классификации юридической деятельности на

---

[16] *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 1; *Арзамасов Ю. Г.* Природа юридической деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 33. EDN: LOYISV

[17] *Чуфаровский Ю. В.* Юридическая деятельность: понятие и структура, ее ценность и значимость // Юрист. 1999. № 4. С. 13; Социология права / Под ред. В. М. Сырых. М., 2001. С. 177–178.

[18] *Беляев В. П.* О классификации юридической деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 185. EDN: MTVZFH

частную и публичную, а в рамках последней группы — на законодательную, административную и судебную. При этом каждый вид юридической деятельности обусловлен необходимостью удовлетворения строго определенных общественных потребностей и, следовательно, характеризуется спецификой целей, субъектов, их действий, процедур и других ее свойств. Оставляя в стороне характеристику частной юридической деятельности, которой, как и любой деятельности частных лиц, присущи такие качества, как самостоятельность, рисковый характер, направленность на удовлетворение собственного интереса в рамках, предписанных законом, остановимся на кратком описании публичной юридической деятельности.

Законодательная деятельность является основой административной и судебной деятельности, а также сама должна быть основана на законе. Качество законодательной деятельности в значительной мере предопределяет эффективность административной и судебной деятельности. *Нормотворческую деятельность* следует определить как властную юридическую деятельность, осуществляемую в рамках определенных процедур и направленную на создание, изменение и прекращение юридически обязательных правил поведения (нормативных актов). Такая деятельность осуществляется органами публичной власти в рамках их нормотворческой компетенции: федеральные законы принимают федеральные законодательные органы, региональные акты принимают уполномоченные органы субъектов РФ, акты муниципальных образований — их уполномоченные органы.

Административная и судебная деятельность является нормоприменительными (не правоприменительными) видами деятельности, поскольку административные органы и суды рассматривают подведомственные им дела на основе нормативных актов[19]. Исключением является допускаемая мера судебного усмотрения. Применение нормативных актов не является непосредственной формой реализации права, а представляет собой субсидиарное средство властной реализации норм права, необходимое в тех случаях, когда участники непосредственной реализации права не могут по тем или иным причинам осуществить свое право собственными действиями[20].

Законодательная, административная и судебная деятельность осуществляются в строгих нормативно-регламентированных *процедурных формах*, отличающихся своими особенностями, определяемыми целями и средствами деятельности. Так, деятельность по разработке и принятию законодательных актов регулируется регламентами законодательных органов. Административные процедуры регулируются законодательными актами и принимаемыми в их развитие административными регламентами. Деятельность по отправлению правосудия осуществляется в процедуре судопроизводства, регламентируемой процессуальными кодексами.

Содержание терминов «процедура», «процесс», «производство» нормативно не определено, поэтому они часто используются как синонимы, тогда как процедура — это понятие более широкое, чем юридический процесс, она «может быть и при ведении неюридических дел, носить разовый характер (например, регламент собрания акционеров) и т. д. Юридическая процедура, являясь разновидностью социальных процедур, отличается тем, что она урегулирована законодательством, направлена на юридический результат»[21]. Особенно выделяется судебная процедура (судопроизводство), поскольку она представляет собой развернутую регламентацию всех стадий деятельности системой процессуальных норм[22].

По характеру отношения, опосредуемого юридической процедурой, юридические процедуры подразделяются на регулятивные и охранительные, материальные и процессуальные. Так, для материальной процедуры в качестве основного отношения выступает материальное регулятивное отношение,

---

[19] Широко распространено мнение, что суды занимаются *право*применительной деятельностью, что правоприменение является одной из форм реализации *права.* (См., например: *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. 5-е изд., М., 2022. С. 322–339). Представляется, что суды, как одна из ветвей государственной власти, должны *защищать* право человека. Это прямо следует из ст. 2 Конституции РФ.

[20] *Сапун В. А.* Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 185–186. EDN: MTVZFR

[21] *Протасов В. Н.* Юридическая процедура. М., 1991. С. 7.

[22] *Бахрах Д. Н.* Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 8, 13. EDN: RJUSQB

в котором осуществляется обычное, позитивное поведение участников, или материальное охранительное отношение — при наличии спора; для процессуальной процедуры основным отношением выступает материальное охранительное отношение — при наличии спора, переданного на рассмотрение суда.

Обратимся к предмету и методам публичного регулирования, которые по-особенному проявляются в публичных отношениях, опосредующих законодательную, административную и судебную деятельность. Так, по особенностям предмета регулирования публичные отношения подразделяются: на отношения, опосредующие законодательную деятельность (законотворческие отношения); отношения, опосредующие исполнительную деятельность (административные отношения); отношения, опосредующие судебную деятельность (процессуальные отношения). Соответственно, по особенностям метода регулирования публичные отношения подразделяются на отношения, связанные с реализацией властных полномочий: по разработке и принятию законодательных актов; по применению законодательных актов; по разрешению общественных конфликтов (различные виды судопроизводства).

В рамках отраслевых подразделений, регулирующих законодательные, административные и судебные отношения с определением присущих им методов реализации публичной власти, выделяются различные подотрасли и институты властной деятельности и опосредующих их публичных отношений. Например, в рамках судебной деятельности выделяются такие виды властной деятельности (публичных отношений), как конституционное, гражданское, уголовное и административное судопроизводство, а в рамках каждого из них — институты, как более мелкие подразделения публичного регулирования, отражающие своеобразие стадий судопроизводства.

В науке публичного права ведется дискуссия о предмете регулирования соответствующих подразделений публичного права. Так, в науке административного права спорят об объеме предмета административного регулирования[23], о соотношении административного материального права и административно-процессуального права: одни авторы считают, что административно-процессуальное право является самостоятельной отраслью права в правовой системе[24], а другие отрицают существование такой отрасли и включают соответствующие нормы в массив норм административного законодательства[25]. По всей видимости, представители второй точки зрения не различают административно-процедурные нормы, неотделимые от материальных норм административного права и входящие в него, и административно-процессуальные нормы, регулирующие судопроизводство по административным делам.

В науке уголовного права также ведется дискуссия об объеме предмета уголовного права[26]: одни авторы включают в него не только охранительные отношения по применению уголовных санкций, но и охраняемые ими регулятивные отношения, другие — ставят под сомнение существование предмета публичного регулирования, пишут либо о предмете публичной охраны, либо вообще отрицают самостоятельность уголовного права как отрасли, поскольку оно состоит сплошь из запретительных норм.

Для определения предмета административного регулирования рассматриваемая проблема стоит менее остро, так как среди норм административного законодательства есть не только запретительные нормы, имеющие своим предметом охрану правопорядка, но и регулятивные нормы, связанные с регламентацией процедур реализации тех или иных прав граждан и организаций. Например, для реализации права на лицензируемый вид деятельности необходимо получить лицензию, выдаваемую по строгим правилам, установленным законодательством о лицензировании. В то же время последствия нарушения лицензионных требований предусмотрены административными и уголовными запретительными нормами (ст. 14.1 КоАП РФ, ст. 172 УК РФ).

Представляется, что решение вопросов предмета регулирования, как отмечалось выше, должно базироваться не на делении права на публичное и частное или более дробные отрасли, а на дуализме

---

[23] См.: *Вельский К. С.* К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 14–21; *Бахрах Д. Н.* О предмете административного права в России // Государство и право. 2003. № 10. С. 31–38; *Тихомиров Ю. А.* Современная теория административного права // Государство и право. 2004. № 11. С. 10–18. EDN: OQDJFH

[24] *Сорокин В. Д.* Административный процесс и административно-процессуальное право. М., 2002. С. 343–363; *Слепченко Е. В.* Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации. СПб., 2011. С. 103–122. EDN: QFWGYV

[25] *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право. 2-е изд. М., 2005. С. 582–585. EDN: WCJOAI

[26] См.: *Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 29–60. EDN: SFVPRX

регулирования общественных отношений: правовом регулировании (саморегулировании) и нормативном регулировании, осуществляемом нормами гражданского, административного, уголовного, процессуального законодательства.

Правовое регулирование при необходимости (т. е. по запросу частного лица) или в случаях, прямо установленных законодательством, в целях его обеспечения (защиты прав частных лиц от нарушений) *дополняется* соответствующим нормативным регулированием. Из этого следует, что предметом нормативного регулирования являются как частные регулятивные и охранительные отношения (правоотношения), так и публичные регулятивные и охранительные отношения (властеотношения). Иначе говоря, административное и уголовное законодательство имеют своим предметом не только отношения по применению санкций (охранительные отношения), но и охраняемые ими регулятивные правоотношения и властеотношения.

Публичные отношения выступают в качестве субсидиарного средства охраны *частных* регулятивных отношений (правоотношений). В зависимости от характера нарушения оно может повлечь возникновение и реализацию различных охранительных форм, дополняющих друг друга: частного охранительного отношения (например, деликтного обязательства), соответствующего материального публичного охранительного отношения (например, административной или уголовной ответственности), соответствующего процессуального публичного охранительного отношения (например, административного или уголовного судопроизводства).

Публичные отношения выступают также в качестве средства охраны *других публичных* отношений. Например, в соответствии с п. 2 ст. 11 ГК РФ: «Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде». Гарантией обеспечения правомерности деятельности органов публичной власти является также инстанционность судебной власти, контролирующей не только законодательную и исполнительную власть, но и правомерность решений нижестоящих судебных инстанций.

Нарушение публичных регулятивных отношений (властеотношений) влечет применение санкций, предусмотренных административным или уголовным законодательством, которые реализуются в рамках соответствующих публичных охранительных отношений (властеотношений): материального публичного охранительного отношения (например, отношения по привлечению виновного лица к административной ответственности за нарушение лицензионных требований — ст. 14.1 КоАП РФ), материального публичного охранительного отношения (например, отношения по привлечению виновного лица к уголовной ответственности за нарушение лицензионных требований — ст. 172 УК РФ), процессуального публичного охранительного отношения (соответственно, в форме административного или уголовного судопроизводства).

Важно подчеркнуть, что в основании динамики публичной охранительной формы (административной ответственности, уголовной ответственности, судопроизводства) всегда лежит не только соответствующее нарушение, но и то охраняемое нормами гражданского, административного и уголовного законодательства регулятивное отношение (правоотношение или властеотношение), которое нарушено (оно описывается в характеристике объективной стороны состава нарушения, проступка, преступления).

Необходимо также отметить, что предметом публичного регулирования выступают не только частные отношения, в отношении которых публичное регулирование выступает субсидиарным средством регулирования, но и публичные отношения, формой регулирования которых выступает нормативное регулирование. Нормативное регулирование публичных отношений определяет систему и статус органов публичной власти, взаимоотношения между ними, средства осуществления ими соответствующей власти. При этом оно не является самоцелью, поскольку в конечном счете является субсидиарным средством регулирования частных отношений, определяется тем, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ).

Иначе говоря, разделение единой публичной власти на законодательную, исполнительную и судебную предназначено для обеспечения правовой законности, но в конечном счете бенефициаром такой

правовой законности выступает человек, его права и свободы. Исследуя указанные формы публичного регулирования, необходимо исходить прежде всего из этого конечного предназначения публичной власти.

Выводы

Подытоживая проведенное исследование, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, изложенная в статье методология исследования прав человека в публичных отношениях позволяет прояснить многие проблемы науки публичного права: понятие и природу компетенции органов публичной власти; ее соотношение с понятием правосубъектности; положение органов публичной власти, их систему, методы деятельности и многие другие. Все эти вопросы должны рассматриваться не только с формальной стороны, но, прежде всего, с позиции правового содержания публичной власти, ее цели и предназначения. Публичная власть не является самоцелью, поскольку в конечном счете является субсидиарным средством регулирования частных отношений, определяется тем, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ). Смешение права и закона не может не влиять на юридическую практику обеспечения прав человека. Доминирование в российской юриспруденции легистских представлений о праве не ведет к реализации содержащейся в Конституции РФ идеи приоритета прав человека.

Во-вторых, в основе методологии исследования прав человека лежит принципиальное различие понятий *права*, связанного с проявлением воли индивида, и *закона*, как акта, соединенного с волей государства, ограниченной компетенцией органов публичной власти. Следует исходить из того, что законодательство и его структура субъективны, поскольку законодатель руководствуется политическими и иными конъюнктурными соображениями. Отсюда понятие дуализма права, его деление на частное и публичное, означающее дифференциацию законодательных норм (но не права и закона), должно быть заменено (или, по крайней мере, истолковано) на понятие *дуализма регулирования общественных отношений*, означающего дифференциацию регулирования на правовое и нормативное. Это положение имеет принципиальное значение. В основе дифференциации системы права и законодательства, правового и нормативного регулирования общественных отношений, положения участников общественных отношений, режимов их деятельности и т. д. лежит дифференциация общественных отношений на частные и публичные. Она предполагает необходимость уточнения всего терминологического ряда правоведения и государствоведения: механизмов регулирования общественных отношений, принципов их регулирования, оснований динамики и т. д.

В-третьих, публичное регулирование общественных отношений представляет собой внешнюю форму выражения права, которая более или менее точно отражает заинтересованное взаимодействие индивидов. Являясь субсидиарными, публичные средства регулирования должны использоваться по принципу минимальной необходимости. Это приведет к сокращению институциональных издержек свободной деятельности частных лиц. Такой подход соответствует основным постулатам общей теории человеческой деятельности и теории дуализма регулирования общественных отношений. При таком понимании регулирования общественных отношений, основанном на разделении частных и публичных отношений, основным бенефициаром становится человек, его личные, экономические и политические права.

Список источников

1. *Антонов М.* О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3. С. 53–58.
2. *Арзамасов Ю. Г.* Природа юридической деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3 (9). С. 33–52. EDN: LOYISV
3. *Бахрах Д. Н.* Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9 (46). С. 8–15. EDN: RJUSQB

4. *Бахрах Д. Н.* Административное право: учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. 2-е изд. М.: Норма, 2005. 800 с. EDN: WCJOAI
5. *Беляев В. П.* О классификации юридической деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 175–185. EDN: MTVZFH
6. *Вельский К. С.* К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 14–21.
7. *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. Изд. 2-е. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 294 с.
8. *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 41 с.
9. *Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 262 с. EDN: SFVPRX
10. *Кушхова Б. З.* Понятие и сущность публичной власти // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 1. С. 179–184.
11. *Матузов Н. И.* Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 5-е изд. М.: ИД «Дело», РАНХиГС, 2022. 528 с.
12. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. и комм. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
13. *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник для студентов университетов, обучающихся по направлению (специальности) «Юриспруденция». СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 863 с. EDN: QWKHTF
14. *Попондопуло В. Ф.* Дуализм регулирования общественных отношений (правовое и нормативное регулирование) // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 7–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-3-7-16. EDN: SVVADG
15. *Попондопуло В. Ф.* Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация. М.: Проспект, 2021. 736 с. EDN: NVXSFX
16. *Протасов В. Н.* Юридическая процедура. М.: Юридическая литература, 1991. 79 с.
17. *Сапун В. А.* Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 185–191. EDN: MTVZFR
18. *Слепченко Е. В.* Гражданское судопроизводство (проблемы единства и дифференциации): специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: дисс. ... д-ра юрид. наук / Слепченко Елена Владимировна. Санкт-Петербург, 2012. 484 с. EDN: QFWGYV
19. *Сорокин В. Д.* Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб.: Издательство Юридического института, 2002. 474 с. EDN: TQCPZR
20. *Степанов Д. И.* Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // Закон. 2012. № 5. С. 97–110. EDN: OXNVKD
21. Социология права: учебник для вузов / Под ред. В. М. Сырых. М.: Юстицинформ, 2001. 446 с.
22. *Тихомиров Ю. А.* Современная теория административного права // Государство и право. 2004. № 11. С. 10–18. EDN: OQDJFH
23. *Чуфаровский Ю. В.* Юридическая деятельность: понятие и структура, ее ценность и значимость // Юрист. 1999. № 4. С. 13–18.
24. *Элейзер Д. Д.* Сравнительный федерализм // Полис. Политические исследования. 1995. № 5. С. 106–115. EDN: EQVSDP

Об авторе:

Попондопуло Владимир Федорович, заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; e-mail: v.popondopulo@spbu.ru

References

1. Antonov, M. (2011) On the system and branches of legislation. *Law and Economics*. No. 3. Pp. 53–58. (In Russ.)
2. Arzamasov, Yu. G. (2007) Nature of Legal Activity. *Leningrad Law Journal*. No. 3. Pp. 33–52. (In Russ.)
3. Bakhrakh, D. N. (2000) Legal Process and Administrative Proceedings. *Journal of Russian Law*. No. 9. Pp. 8–15. (In Russ.)
4. Bakhrakh, D. N., Rossinsky, B. V., Starilov, Yu. N. (2006) Administrative Law: textbook. 2nd ed. 800 p. (In Russ.)
5. Belyaev, V. P. (2005) On the Classification of Legal Activity. *Leningrad Law Journal*. No. 3 (4). Pp. 175–185. (In Russ.)
6. Velsky, K. S. (1997) On the Subject of Administrative Law. *State and Law*. No. 11. Pp. 14–21. (In Russ.)
7. Elistratov, A. I. (1917) Basic Principles of Administrative Law. 2nd ed. 294 p. (In Russ.)
8. Kartashov, V. N. (1990) Legal Activity: Theoretical and Methodological Problems. Abstract of Doctor of Law Dissertation. 41 p. (In Russ.)
9. Kropachev, N. M. (1999) Criminal-Law Regulation. Mechanism and System. 262 p. (In Russ.)
10. Kushkhova, B. Z. (2009) The concept and essence of public authority. *Leningrad Law Journal*. No. 1. Pp. 179–184. (In Russ.)
11. Matuzov, N. I., Malko, A. V. (2022) Theory of State and Law: textbook. 5th ed. 528 p. (In Russ.)
12. Mises, L. von. (2005) Human activity: a treatise on economic theory. 878 p.
13. Polyakov, A. V. (2004) General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach. 863 p. (In Russ.)
14. Popondopulo, V. F. (2021) Dualism of Public Relations Regulation (Legal and Regulatory Regulation). *Theoretical and Applied Law*. No. 3. Pp. 7–16. (In Russ.)
15. Popondopulo, V. F. (2021) Human activity: legal forms of implementation and public organization. *Prospekt*. 736 p. (In Russ.)
16. Protasov, V. N. (1991) Legal procedure. 79 p. (In Russ.)
17. Sapun, V. A. (2005) Law enforcement activity: features and structure. *Leningrad Law Journal*. No. 3. Pp. 185–191. (In Russ.)
18. Slepchenko, E. V. (2012) Civil proceedings: problems of unity and differentiation. 484 p. (In Russ.)
19. Sorokin, V. D. (2002) Administrative process and administrative-procedural law. *Izdatel'stvo Yuridicheskogo Instituta*. 474 p. (In Russ.)
20. Stepanov, D. I. (2012) Draft Civil Code: from Soviet-style paternalism to true private law. *Law*. No. 5. Pp. 97–110. (In Russ.)
21. Syrykh, V. M. (ed.) (2001) Sociology of Law. 446 p. (In Russ.)
22. Tikhomirov, Yu. A. (2004) Modern Theory of Administrative Law. *State and Law*. No. 11. Pp. 10–18. (In Russ.)
23. Chufarovsky, Yu. V. (1999) Legal Activity: Concept and Structure, Its Value and Significance. *Jurist*. No. 4. Pp. 13–18. (In Russ.)
24. Eleyzer, D. D. (1995) Comparative Federalism. *Polis (political studies)*. No. 5. Pp. 106–115. (In Russ.)

About the author:

Vladimir F. Popondopulo, Head of the Commercial Law Department at the Faculty of Law of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Law, Professor; e-mail: v.popondopulo@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GNGOUJ

Дата поступления статьи: 01.07.2025
Дата поступления рецензии: 21.07.2025
Дата принятия статьи к публикации: 11.08.2025

BY-SA

Естественно-правовое учение Лона Л. Фуллера в контексте постклассического правопонимания[1]

Виноградов С. В.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
E-mail: svinogradov@hse.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается специфика формирования постклассической естественно-правовой мысли в англо-американской философии права середины XX в. Раннее теоретическое наследие Лона Л. Фуллера изучается через оптику постклассического понимания: анализируется критика методологических оснований классического юридического позитивизма и предлагается интегративный подход, преодолевающий строгое разграничение сущего и должного в праве.

Методология и материалы. Исследование выполнено в рамках концептуальной схемы «классика — постклассика», используемой для интерпретации стилей правового мышления. Использованы методы герменевтического анализа, историко-философской реконструкции и сравнительного подхода. В центре анализа — ранние тексты Лона Л. Фуллера, опубликованные в 1940–1950-е гг.

Результаты исследования и их обсуждение. Показано, что идеи Фуллера — критика юмовской «гильотины», акцент на цели права, проект эвномики — стилистически соответствуют постклассическому типу рациональности. Философско-правовой проект Фуллера предлагает восстановление связи между описанием и оценкой в праве, соединяет моральную нормативность с социальной реальностью. Интерпретация Фуллера в рамках постклассической парадигмы позволяет в новом свете осмыслить его вклад в дискуссии о природе права, легитимности и справедливости.

Выводы. Статья демонстрирует эвристическую ценность концепции постклассического правопонимания для анализа англо-американской юриспруденции. Подход позволяет углубить интерпретацию ключевых теоретических работ прошлого и выявить новые связи между историей юридической мысли и современными вызовами философии права.

Ключевые слова: постклассическое правопонимание, Лон Фуллер, естественное право, юридический позитивизм, англо-американская политико-правовая мысль, эвномика.

Для цитирования: *Виноградов С. В.* Естественно-правовое учение Лона Л. Фуллера в контексте постклассического правопонимания // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 124–137. EDN: GNGOUJ

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

© Виноградов С. В., 2025
© Vinogradov S. V., 2025

The article was submitted: 01.07.2025
The article approved after reviewing: 21.07.2025
The article accepted for publication: 11.08.2025

Natural-Law Doctrine of Lon L. Fuller in the Context of Postclassical Understanding of Law[2]

Vinogradov S. V.
National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
E-mail: svinogradov@hse.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the specifics of the formation of postclassical natural law thought in the Anglo-American philosophy of law of the mid-twentieth century. The early theoretical heritage of Lon L. Fuller is examined through the optics of postclassical understanding: the critique of the methodological framework of classical legal positivism and the author's attempt to propose an integrative approach that overcomes the distinction between morality and law are analysed.

Methodology and materials. The research is carried out within the framework of the conceptual scheme "classics-postclassics" used to interpret the styles of legal thinking. The methods of hermeneutic analysis, historical-philosophical reconstruction and comparative approach were used. The analysis is centred on L. L. Fuller's early texts published in the 1940s–1950s.

Results. It is demonstrated that Fuller's ideas — criticism of Hume's "guillotine", emphasis on the purpose of law, the project of eunomics — stylistically correspond to the postclassical type of rationality. Fuller's philosophy of law project proposes a restoration of the connection between description and evaluation in law, and connects moral normativity to social reality. Interpreting Fuller within a postclassical paradigm allows to rethink his contribution to debates on the nature of law, legitimacy and justice.

Conclusion. The article demonstrates the heuristic utility of the concept of postclassical legal understanding for analysing Anglo-American philosophy of law. The approach provides a deeper interpretation of key theoretical works of the past and reveals new connections between the history of legal thought and contemporary issues in the philosophy of law.

Keywords: postclassical understanding of law, Lon L. Fuller, natural law, legal positivism, Anglo-American legal thought, eunomics.

For citation: Vinogradov, S. V. Natural-Law Doctrine of Lon L. Fuller in the Context of Postclassical Understanding of Law. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 124–137. (In Russ.)

Введение

В начале XXI в. на постсоветском пространстве оформились сразу несколько оригинальных правовых учений, сходных своим «стилем мышления»[3] и стремлением к методологическому обновлению домини-

[2] Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

[3] Термин *«стиль мышления» (Denkstil)* используется Карлом Маннгеймом для описания социально сконструированных подходов к аргументации, восходящих к определенным социальным группам и их стремлению повлиять на общественную интерпретацию реальности (*Mannheim K.* Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge. New York, London: Harcourt, Brace, Routlage & Kegan Paul, 1954. P. 3, 58, 111, 276–277). В похожем ключе Тимошина Е. В. обращается к данной категории, соотнося ее с типами правопонимания. (*Тимошина Е. В.* Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 9–13). Что касается данной статьи, здесь и далее термин «стиль мышления» используется в значении, близком к указанным теориям, однако дополняется идеей Людвика Флека о соотнесении «стиля мышления» с конкретным *«мыслительным коллективом» (Denkkollektiv)*, члены которого разделяют общий язык описания и категоризации фактов, заданные им критерии истины и границы мышления (*Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 64–66, 88–89, 121–134).

рующей юридической теории[4]. Общеупотребимой в научных публикациях стала концептуальная схема, в которой *классической* теории права противопоставляется новая — *постклассическая*, отстаивающая «идею междисциплинарности и взгляд на право как на явление многоаспектное, интерсубъективное»[5]. Группа авторов, активно взаимодействующих в академической среде, сформировала общее понятийное поле, а их постклассические теории рассматриваются как единое направление — *динамическое правопонимание*[6]. Научная коммуникация этого «мыслительного коллектива» выражается в совместных проектах, конференциях и коллективных монографиях, посвященных постклассическому подходу к праву[7].

Вместе с тем дихотомия «классика — постклассика» оказалась полезна не только для самопрезентации оформившейся научной школы теории права — она активно используется и для классификации других правовых учений, систематизации многочисленных идей, теорий и течений юридической мысли. Данное теоретическое деление обрело важное значение как для истории юридической науки[8], так и для истории политико-правовой мысли в целом[9]. В основании концептуальной схемы лежит разграничение типов научной рациональности и определяемых ими типов мышления (в том числе правового): некоторые исследователи рассматривают эти типы как сменяющие друг друга *парадигмы научного знания*[10], другие авторы характеризуют их как *стили мышления*, которые могут хронологически сосуществовать и взаимно дополнять друг друга[11].

Обращение к схеме «классическая — постклассическая юриспруденция» может быть полезным не только для макроисторических исследований, но и для анализа отдельных идей и теорий конкретных авторов. При этом более продуктивным кажется не поиск «предвестников» постклассики, что опасно избирательным подходом к подбору фактов (cherry-picking)[12], а сопоставление исследуемых идей с постклассической рамкой именно в целях обогащения интерпретации текстов и встраивания их в общую историю правовой мысли[13]. Такой подход согласуется с постклассической установкой на интегративность и диалогичность познания.

---

[4] А. В. Стовба называет в числе таковых феноменолого-коммуникативную теорию права А. В. Полякова, диалогический подход к праву И. Л. Честнова, концепцию правовой реальности С. И. Максимова, либертарно-институциональную концепцию В. А. Четвернина и собственную темпоральную онтологию права (*Стовба А. В.* Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве // Антиномии. 2021. Т. 21. № 2. С. 78–81).

[5] *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права. Перспективы научно-практической программы. СПб.: Алетейя, 2023. С. 95.

[6] *Стовба А. В.* Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве // Антиномии. 2021. Т. 21. № 2. С. 85. Автор указывает на коренное отличие динамического правопонимания от традиционных типов — за счёт «новой правовой онтологии». Дискуссию о классической и постклассической правовой онтологии см.: Постклассическая онтология права / А. С. Александров, И. А. Александрова, Н. В. Андрианов [и др.]. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с. (Толкование источников права). EDN: WMYBQJ; *Беляев М. А.* Какая проблематизация неклассической теории права нам нужна? Рецензия на коллективную монографию «Постклассическая онтология права» (под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.) // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 3. № 1 (10). С. 253. EDN: ZTCYQN.

[7] Из недавнего см., например: Постклассические исследования права. Перспективы научно-практической программы. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с.; Антропология права. Постклассическая научно-исследовательская программа. СПб.: Алетейя, 2025. 612 с.

[8] Профессор Н. В. Разуваев предлагает рассматривать эволюцию юридической науки в контексте смены стадий общего эпистемологического процесса: дорациональной (мифо-ритуальной) стадии, стадии доклассической рациональности, стадии классической рациональности и стадии постклассической рациональности (*Разуваев Н. В.* История юридической науки в контексте эволюции правового мышления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 45–46).

[9] *Сизова Н. М.* Классическое и постклассическое правопонимание: онтологические, гносеологические, аксиологические и эпистемологические критерии соотношения // Философия права. 2014. № 1 (62). С. 88–91; *Луковская Д. И.* Постклассические теории естественного права: являются ли они теориями естественного права? // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 47–55. EDN: JNDXKE

[10] *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153.

[11] *Тимошина Е. В.* Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 18–20. Как отмечает профессор Тимошина Е. В.: «Выделение классического и постклассического правопонимания является не столько периодизацией истории правовой мысли, сколько ее концептуализацией» (Там же. С. 18). О ключевых характеристиках возникшего на рубеже XIX–XX вв. постклассического правопонимания см.: Там же. С. 21–23.

[12] Квентин Скиннер предостерегает от подобной «мифологии анахронизма», так как ей свойственно смешение ретроспективно приписываемой *значимости* исследуемых текстов и их *значения* для самого автора (*Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 76–77).

[13] Отметим методологическую позицию Ричарда Рорти: «…я полагаю, что безликая объективность познания — это не то, к чему мы должны стремиться. Я исхожу из иной предпосылки и утверждаю, что нам следует искать не объективности, а новых оригинальных способов описания прошлого, которые позволили бы сделать наш разговор с философами-предшественниками более насыщенным и полнозначным» (*Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // *Джохадзе И. Д.* Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 196).

В рамках обозначенного выше подхода в данной статье анализируется «возрождение» естественно-правовой традиции в англо-американской мысли второй половины XX века, начавшееся с теории Лона Л. Фуллера (1902–1978). Цель данной статьи — обозначить историческую и теоретическую значимость идей Фуллера в контексте постклассического правопонимания. Ключевые труды Фуллера — «Мораль права» (1964) и «Анатомия права» (1968) — хорошо известны в России[14], поэтому в статье акцент сделан на его ранних работах 1940–1950-х годов, предшествующих знаменитым дебатам с Г. Хартом. Эти тексты позволяют отчетливо проследить характерные особенности стиля мысли и «основополагающий мотив»[15] философии права Фуллера. Их соотнесение с постклассическим подходом важно как для понимания специфики «возрождения» естественного права, так и для актуальных методологических вопросов теории права.

Методология и материалы

Статья выполнена в рамках методологической рамки, предложенной Д. И. Луковской, и задействует конкретно-исторический, портретно-индивидуализирующий и синхронный сравнительный методы[16]. Исследование опирается на методологическую установку Р. Дж. Коллингвуда о значимости рассмотрения тезисов и суждений автора в контексте *конкретных вопросов*, на которые они являются ответами[17]. В работе используются методологические идеи К. Маннгейма и Л. Флека: понятия *«основополагающий мотив» (Grundintention)*[18] и *«стиль мышления» (Denkstil)*[19]. Основными источниками исследования являются ранние академические тексты Лона Л. Фуллера[20], вспомогательными — ключевые работы более позднего периода[21].

Результаты исследования и их обсуждение

1. Развитие постклассического правопонимания и «возрождение» естественного права: случай англо-американской юриспруденции

На рубеже XIX–XX вв. происходит «радикальная трансформация образа социального мира» и отказ от классического правопонимания с его объективистским подходом к праву[22]. Критике подвергается классический юридический позитивизм (И. Бентам, Дж. Остин), занявший к середине XIX века

---

[14] *Фуллер Л. Л.* Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.; *Фуллер Л. Л.* Анатомия права // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. С. 204–319.

[15] Термин *«основополагающий мотив» (Grundintention)* используется Карлом Маннгеймом в рамках его исследовательского подхода к интеллектуальной истории для указания на структурный замысел, главную направленность мысли, которая, даже приводя к разным по содержанию интеллектуальным построениям, может совпадать у группы авторов одной социальной группы. См.: *Mannheim K.* Conservatism: A Contribution to the Sociology of Knowledge. London: Routledge Kegan & Paul, 1986. P. 36–42.

[16] *Луковская Д. И.* Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия Высших Учебных Заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 207–211. EDN: MVXZEJ

[17] *Коллингвуд Р. Дж.* Автобиография // *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 343–346, 356–361. EDN: SZGSLV

[18] *Mannheim K.* Conservatism: A Contribution to the Sociology of Knowledge. London: Routledge Kegan & Paul, 1986. P. 36–42.

[19] *Mannheim K.* Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge. New York, London: Harcourt, Brace, Routlage & Kegan Paul, 1954. P. 3, 58, 111, 276–277. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 64–66, 88–89, 121–134.

[20] *Fuller L. L.* The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940. 147 p. *Fuller L. L.* Reason and Fiat in Case Law // Harvard Law Review. 1946. Vol. 59. No. 3. P. 376–395. *Fuller L. L.* American Legal Philosophy at Mid-Century // Journal of Legal Education. 1954. Vol. 6. No. 4. P. 457–485. *Fuller L. L.* Human Purpose and Natural Law // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. No. 22. P. 704–705. *Fuller L. L.* Means and Ends // The Principles of Social Order. Durham: Duke University Press, 1981. P. 47–64.

[21] *Фуллер Л. Л.* Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с. *Фуллер Л. Л.* Анатомия права // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. С. 204–319. *Фуллер Л. Л.* Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2024. С. 281–333.

[22] *Тимошина Е. В.* Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 15, 20–21.

доминирующее положение и вытеснивший идеи естественного права[23]. Характерную для юрпозитивизма *этатистски-приказную* форму легитимности права[24] по мере развития методологии философии права предлагается заменить *критической* легитимацией права со ссылкой на *справедливость*[25]. Выделяются две стратегии: позитивное право критикуется за несоответствие либо социокультурной *реальности*[26], либо нравственному *идеалу*[27].

В континентальной правовой мысли появляются новаторские теории, бросающие вызов догмам классического позитивизма. В рамках первой стратегии критикуется недостаточное внимание правовых позитивистов к *эмпирическим фактам* социальной реальности — к *дескриптивным* аспектам реального существования правовых норм в обществе, их понимания и применения. Альтернативой становятся новые подходы: психологическая теория Л. И. Петражицкого, фокусирующаяся на правосознании[28]; «живое право» О. Эрлиха, возникающее без государства[29]; концепция множественности правопорядков С. Романо, подрывающая правовой монизм[30]. Вторая стратегия критики позитивизма, напротив, указывает на недостаточное внимание к *моральным ценностям*, то есть к *прескриптивным* аспектам теории права: целям юридических процессов как социальных практик, вопросам нравственного идеала правопорядка и моральных принципов в праве. В конце XIX века начинается «возрождение естественного права», связанное с неокантианством: Р. Штаммлер предлагает концепции «правильного права» и «естественного права с меняющимся содержанием»[31], а П. И. Новгородцев развивает эти идеи в своем учении об общественном идеале[32].

В то же время в странах общего права в начале XX века развивалась только первая стратегия критики классического позитивистского правосознания: под влиянием прагматизма в США возникли социологическая юриспруденция Р. Паунда, сместившая акцент исследований с «права в книгах» на «право в жизни»[33], и правовой реализм К. Ллевеллина, считавшего правом всё «то, что официальные лица решают в процессе [судебного] обсуждения»[34], и Дж. Фрэнка, объяснявшего судебные решения уникальными особенностями характера и привычек судей[35]. Вторая стратегия получила распространение лишь к середине XX века: активный интерес к соотношению морали и закона, проблемам несправедливого права и политического обязательства появился в англо-американской юриспруденции только после окончания Второй мировой войны.

Нужно отметить, что с окончанием войны принято связывать общую «активизацию естественно-правового мышления»[36] — в мысли послевоенного Запада ужасы тоталитарного правопорядка, исторический опыт формально узаконенных, но антигуманных и аморальных практик национал-социализма и фашизма простимулировали в 1940–1950-е гг. уже вторую волну возрождения естественного права[37].

---

[23] Хотя «классика» в юридической теории в XVII–XIX вв. не была столь гомогенной, как в естественных науках (*Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153), постепенно правовой позитивизм становится настолько доминирующим, что можно констатировать «смерть» естественного права в европейской мысли (*Поляков А. В.* Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 8. EDN: VZVOPN).

[24] *Луковская Д. И.* Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. 2021. Т. 65. № 4. С. 486–487. DOI: 10.21638/spbu25.2021.407. EDN: STUUYU

[25] Там же. С. 489.

[26] Например, интуитивному праву — справедливости в сознании граждан. См.: *Тимошина Е. В.* Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л. И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 179–195.

[27] Например, рационально выводимым естественным правам и принципам справедливости. См.: *Луковская Д. И.* Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций? // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 237–238. DOI: 10.17223/15617793/456/28. EDN: BEAESO

[28] *Петражицкий Л. И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 800 с.

[29] *Эрлих О.* Основоположение социологии права. СПб.: Алеф-Пресс, 2024. 458 с.

[30] *Romano S.* The Legal Order. London, New York: Routledge, 2018. 179 p.

[31] *Stammler R.* The Theory of Justice. New York: The Macmillan Company, 1925. 591 p.

[32] *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. Выпуск 1. Киев: Летопись, 1919. 343 с.

[33] *Pound R.* Law in Books and Law in Action // American Law Review. 1910. Vol. 44. No. 1. P. 12–36.

[34] *Llewellyn K. N.* The Bramble Bush: On Our Law and Its Study. Dobbs Ferry (NY): Oceania Publications, 1977. P. 12.

[35] *Frank J.* Law and the Modern Mind. New York: Anchor Books, 1963. P. 127–128.

[36] *Четвернин В. А.* Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. С. 3.

[37] Николай Шавеко настаивает на том, что, говоря о «ренессансе» естественного права после Второй мировой войны, корректнее выделять самостоятельное «второе возрождение», а не считать его продолжением тенденции начала XX века: *Шавеко Н. А.* Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века. 2-е изд. М.: Проспект, 2021. С. 11–12.

Источником вновь оказалась континентальная традиция мысли: неокантианские идеи Г. Радбруха о ценностях права, законном неправе и надзаконном праве нашли отражение в послевоенном правосудии в Германии[38], а неотомисткое учение Ж. Маритена о достоинстве личности и естественных правах оказало влияние на разработку текста Всеобщей декларации прав человека[39].

Это второе «возрождение» простимулировало развитие естественно-правовой дискуссии уже и в странах общего права: первые шаги в этом направлении предпринял гарвардский профессор Лон Л. Фуллер (1902–1978). Так, в 1954 г. Фуллер пишет, что образ мысли Радбруха близок к образу мысли, характерному для общего права, а его философия последних лет достойна внимательного изучения[40]. Фуллер сетует, что англоязычный перевод «Философии права» Радбруха не был дополнен приложением с его послевоенными заметками и игнорирует призыв «возродить в сознании многовековую мудрость, которая была общей для античности, христианского Средневековья и Просвещения» — учение о естественном праве и неправовом законе[41]. В конце своей статьи Фуллер приводит развернутую цитату Радбруха из статьи 1946 г., которая хорошо описывает движущую силу исследовательских поисков самого американского правоведа в последующие десятилетия: «…право, включая и позитивное, нельзя определить иначе чем порядок и совокупность законов, призванных по сути своей служить справедливости»[42].

Осмысление показного легализма и идеологизации правовой системы Третьего Рейха, а равно послевоенного «правосудия победителей» стало отправной точкой для современной дискуссии о границах между правом и моралью в англо-американской философии права. В 1957 г. британский профессор Г. Харт, выступая в США с программной лекцией о разграничении права и морали, предложил развернутую критику как теории Радбруха, так и озвученных Фуллером симпатий к юснатурализму[43]. Харт защищал в своей лекции предложенный еще классическими утилитаристами «тезис о разграничении» — идею, что правовые стандарты не имеют необходимой связи с моральными стандартами и принципами справедливости. Вслед за этой лекцией развернулись первые знаковые дебаты в рамках аналитической философии права — спор между Фуллером и Хартом: его центральными элементами стали проблема осуждения доносчиков в Германии и вопрос о характере нацистского права. Именно эти дебаты популяризируют идеи Фуллера в академической юриспруденции — его тезисы стали «каноном» англоязычных учебников по философии права именно в качестве ответа на тезис Харта о разграничении моральной несправедливости и юридической действительности законов Третьего Рейха.

2. Классическая рациональность и мейнстрим англо-американской юриспруденции: диагноз Лона Фуллера

Анализ возрождения естественно-правовой традиции на Западе в контексте перехода к постклассическому правопониманию демонстрирует специфику англо-американской правовой мысли, не перенявшей интеллектуальные тренды континентальной философии права в начале XX века. Почему же постклассическая естественно-правовая традиция в США оформилась лишь в середине XX века и какие черты политико-правовой мысли определяли неблагоприятный для этого интеллектуальной фон? Говоря о характерных чертах англо-американского стиля мысли, влиявших на мейнстрим юридической теории и ограничивавших распространение естественно-правовых идей, можно выделить несколько ключевых факторов.

Во-первых, следует отметить влияние философской традиции *эмпиризма* на классическую рациональность в Великобритании и США: она закрепила за чувственным опытом роль основного источника

[38] *Radbruch G.* Legal Philosophy // The Legal Philosophies of Lask, Radbruch, and Dabin. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1950. P. 43–224.; *Paulson S. L.* On the Background and Significance of Gustav Radbruch's Post-War Papers // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. No. 1. P. 17–40.

[39] *Маритен Ж.* Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.

[40] *Fuller L. L.* American Legal Philosophy at Mid-Century // Journal of Legal Education. 1954. Vol. 6. No. 4. P. 485.

[41] Ibid. P. 484.

[42] Ibid. P. 485.

[43] *Харт Г. Л. А.* Позитивизм и разграничение права и морали // *Харт Г. Л. А.* Философия и язык права. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2024. С. 197–208.

научного знания и легла в основу позитивистских представлений о контрасте между научным и этическим рассуждением[44]. Оформилась ориентация на идеал естественных наук: анализ общественных институтов объективен лишь при описании их как социальных фактов — без моральной оценки цели и ценности этих практик. В юридической теории это выразилось сперва в акценте на изучении судебных решений и статутов как фактических проявлений правовой воли суверена, а затем стало основой для реалистической критики и эмпирических исследований процесса принятия судебных решений. Наследие эмпиризма способствовало развитию социологической критики в период «постклассики», в то время как юснатурализм отвергался как ненаучный из-за своей оценочности.

Во-вторых, следует отметить развившиеся под влиянием британского эмпиризма течения моральной философии. Нонкогнитивистские теории этики, наиболее популярной из которых в первой половине XX века становится *эмотивизм* (А. Айер, Ч. Стивенсон), стремились обосновать неприменимость к суждениям о ценности, благе и долге никаких объективных стандартов истинности и ложности. Суждения о должном признаются не более чем риторическим выражением личного отношения субъекта высказывания — его эмоций одобрения или осуждения. Как отмечает А. Макинтайр, в период между 1903 и 1939 гг. в Англии наблюдался невероятный расцвет эмотивистских теорий этики, влияние которых на определение места морали в англо-американской интеллектуальной культуре исследователь оценивает как несомненное «вырождение, смертельную культурную потерю»[45]. Хотя Г. Харт отделял юспозитивизм от нонкогнитивизма в этике[46], слабая совместимость последнего с юснатурализмом ограничивала влияние естественного права в англо-американской мысли того времени.

Наконец, следует отметить и положение дел в политической философии, где на базе эмпиризма к XIX в. оформилась традиция *утилитаризма* (И. Бентам, Дж.Ст. Милль), ставшая к началу XX в. ведущей моделью обоснования государственной политики в Великобритании и США. Классические утилитаристы подчинили публичную философию и политику права не поиску глубинных принципов справедливости или естественных и неотъемлемых прав — этой «чепухи на ходулях» (nonsense upon stilts)[47], а максимизации государством общей полезности — коллективного благосостояния общества. Утилитаризм способствовал развитию дескриптивного неопозитивизма и экономического анализа права, ориентированного не на справедливость, а на эффективность.

По описанным выше причинам интеллектуальный фон англо-американской юриспруденции первой половины XX в. не был особенно благоприятен для возникновения влиятельных юснатуралистских теорий — первым заметным успехом постклассической естественно-правовой мысли в США и Британии станет учение Л. Фуллера, предложившего новые ответы на морально-правовые вопросы, волновавшие западную академию после Второй мировой войны. Американскому правоведу удалось «диагностировать» ключевые черты того стиля мышления, который восходит к философии Д. Юма и подкрепляет в юридической науке разграничение права и морали — уже в ранних лекциях Фуллер обращается к анализу этих ограничений классической рациональности.

В серии из трех лекций, прочитанных в Северо-Западном университете Чикаго и изданных под названием «Право в поисках самого себя» (1940), Фуллер выступил с критикой современной ему позитивистской традиции правовой мысли[48]. Он рассматривает методологические предпосылки философии Т. Гоббса и последовательно продвигается в своем анализе от англосаксонской традиции, связанной с именем Дж. Остина, и новой континентальной школы Г. Кельзена[49] к течению американского правового реализма. Этот критический анализ наглядно проявляет симпатии Фуллера к естественно-правовой

---

[44] *Mousourakis G.* Legal Empiricism, Normativism, and the Institutional Theory of Law // Philosophia: International Journal of Philosophy. 2008. Vol. 37. No. 2. P. 139–148.

[45] *Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали. М.: Канон-Плюс, 2022. С. 29, 39. EDN: BBWJHJ

[46] *Харт Г. Л. А.* Позитивизм и разграничение права и морали // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2024. С. 208–211.

[47] *Bentham J.* Anarchical Fallacies. Being An Examination of the Declarations of Rights Issued During the French Revolution // The Works of Jeremy Bentham. Vol. II. Edinburgh, London: Wiliam Tait, 1843. P. 501.

[48] *Fuller L. L.* The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940. 147p.

[49] Отметим, что австрийский правовед в этом же 1940 году эмигрировал в США, где его учение набирало популярность.

традиции и исходные посылки его взглядов на цели правопорядка и роль справедливости в правовой системе.

Основной мыслью, связывающей между собой отдельные лекции, можно считать смелое утверждение Фуллера, что вся юриспруденция, как бы ни стремилась она к научной «чистоте» своих методов, основывается на фундаментальных моральных и метафизических предположениях[50]. Основные теоретические разногласия между утвердившим свои позиции юридическим позитивизмом и более ранними учениями юснатуралистов, как заявляет Фуллер, наиболее понятны, если смотреть на них с учетом различия метафизических подходов к фактам и ценностям в правовой теории. Сторонники позитивного метода в юриспруденции последовательно постулируют резкое различие между законом каков он «есть» и законом каким он «должен быть», в то время как сторонники теорий естественного права защищают ту или иную связь между этими сферами[51].

Фуллер закономерно возводит данное разграничение к проблеме перехода от «есть» к «должно» (is–ought problem), изложенной Д. Юмом в третьей книге «Трактата о человеческой природе»:

> «Я заметил, что в каждой этической теории <…> вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* или *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. <…> этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом»[52].

В русле эмпиристской философии Юм заявляет, что предмет человеческой морали (благо, добродетели, пороки и т.д.) является объектом не разума, а страстей — практический разум, до этого традиционно ассоциируемый с моральным рассуждением, признается пригодным лишь для открытия фактической информации об эмпирически переживаемом мире и нравственных чувствах человека в нем. Таким образом, моральное суждение, руководящее действиями человека, не может быть логически выведено из предложения, содержащего простое утверждение факта. Мир сущего оказывается непреодолимо отделен от мира должного — именно уверенность в непроницаемости данной границы подпитывает на протяжении последующих веков доминирующие черты английской (а затем американской) философской мысли: эмпиризм в социальных науках, утилитаризм в политической философии, позитивизм в праве. Этому status quo англо-американской мысли середины XX века Лон Фуллер бросает теоретический вызов.

3. Призыв к пересмотру метафизических оснований теории права: эвномика Лона Фуллера в контексте постклассического правопонимания

Интеллектуальный ландшафт США и Великобритании, сложившийся на основе скептицизма в отношении целеполагающего морального разума, вызывает явное неудовольствие молодого гарвардского профессора Лона Фуллера, который не был готов согласиться с господством нонкогнитивизма в этике и инструментального подхода к анализу законов и политических институтов. Фуллер видел своей главной задачей переопределение отношений между средствами и целями в анализе правовых явлений и восстановление утраченной к XX веку единой интеллектуальной перспективы человеческого сообщества[53]. Классическая традиция философии естественного права привлекает его именно разработанностью философских методов правового анализа, связывающих различные области юриспруденции, истории, экономики, социологии и этики[54]. Фуллер констатирует необходимость «некоторой

---

[50] Ibid. P. 5.

[51] Ibid. P. 5–6.

[52] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // *Юм Д.* Сочинения в 2-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1996. С. 510–511.

[53] См.: *Fuller L. L.* Means and Ends // The Principles of Social Order. Durham: Duke University Press, 1981. P. 47–64.

[54] *Fuller L. L.* The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940. P. 22.

меры симпатии к основным целям школы естественного права» для возобновления прерванной работы прошлых поколений по анализу и обсуждению форм социального порядка — правовед призывает к «совместной артикуляции разделяемых целей» при обсуждении социального порядка в целом и правопорядка в частности[55]. В этом призыве можно разглядеть как коммуникативность его подхода к праву, так и уверенность в практической направленности юридического познания — теория права рассматривается Фуллером в контексте совместно обсуждаемых общих целей социального проекта.

Не оспаривая естественно-научные подходы к объяснению природы, Фуллер резко критикует позитивистов за уверенность в применимости характерных для естественных наук понятий и методов для анализа социальной сферы: права и государственных институтов[56]. Право является социальной практикой — оно не может быть понято без анализа прямо декларируемых или имплицитно признаваемых целей социального порядка — по этой причине центральный предмет юридической теории требует такого интегративного метода анализа, который объединил бы *описание* и *оценку*[57]. Для выработки подобного метода необходим пересмотр метафизических оснований юриспруденции: обращение к устраненному из научной картины мира понятию *цели*, позволяющему примирить элементы описания и оценки в языке права. Адекватное описание права не может быть отделено от оценки целей, которым оно служит, так как право — это форма целенаправленной человеческой деятельности[58]. Процессуальность правопонимания во многом определила «основополагающее намерение» философии Фуллера — поиск целей права.

Теории классических позитивистов были направлены на описание правовой реальности как факта, они игнорировали неустранимо интерпретативный характер их языка описания. Уже определяя, что *относится* к праву, а что — нет, эти теории формировали образ того, каким право *должно быть*, выражая в самом определении независимые ценности вроде всеобщности закона, верховенства права и равенства перед законом. В погоне за «чистой», этически нейтральной теорией права позитивисты отделили аналитическое описание права от критической оценки его целей. Отказавшись от оценки права через соответствие норм общим целям правопорядка, позитивисты исключили важный этический аспект нормативной системы — право из науки по достижению добра и справедливости было низведено до выявления воли суверена или признанной социальной практики.

Серьезные проблемы классического юридического позитивизма, на которые верно указывает Фуллер, проистекают из декларируемой этим учением ценностной нейтральности: позитивистские теории не могут обосновать моральный или политический статус тех правовых принципов, что ограничивают осуществление государством своих суверенных полномочий, и не могут убедительно описать феномен пробелов в праве, вынужденно прибегая к конструкции судебного усмотрения[59]. Как отметит Фуллер уже в послевоенной статье, политико-правовой мысли США необходимо обновление метафизических оснований. Право следует рассматривать во всей его полноте — как комплексную систему социального порядка. Это позволило бы теоретикам не просто делать выводы о действительности тех или иных норм как фактов, но и видеть цели, стоящие за ними:

«Если и есть какая-то необходимость, то она заключается в том, чтобы избавиться от остаточных следов философии, которая, как мне кажется, по сути чужда американскому духу. Это философия, которая, лишая право и этику разумного элемента антиномии разума и приказа, оставляет им для опоры только элемент приказа. <…> я считаю, что обращение к тому, что я назвал целостным взглядом на право, не только поможет нам прийти к правильному решению наших проблем, но и создаст дух компромисса и терпимости, без которого невозможно демократическое общество»[60].

---

[55] *Fuller L. L.* Human Purpose and Natural Law // The Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. No. 22. P. 704–705.

[56] Стоит провести параллель с историей европейской мысли и упомянуть позицию Е. В. Тимошиной, что одним из «рубежных событий» для перехода к постклассическому правопониманию в XX в. стало именно «осознание в неокантианстве предметно-методологического своеобразия социально-гуманитарных наук» (*Тимошина Е. В.* Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 17).

[57] *Fuller L. L.* The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940. P. 50.

[58] Ibid. P. 45.

[59] *Fuller L. L.* The Law in Quest of Itself. Chicago: The Foundation Press, 1940. P. 96.

[60] *Fuller L. L.* Reason and Fiat in Case Law // Harvard Law Review. 1946. Vol. 59. No. 3. P. 394–395.

В контексте анализа постклассического правопонимания следует отметить, что Фуллер защищает свой взгляд на право как более «целостный», интегрирующий моральное измерение права — юридическую теорию он воспринимает не как способ обретения объективного знания, а как способ коммуникации о целях социального порядка «в духе компромисса и термимости».

Возглавив кафедру общей юриспруденции имени Картера в Гарварде, Фуллер в 1950-е годы активно берется за проект новой философии, порывающей с критикуемым им наследием юмовской традиции. Американский профессор заявляет:

> «Из-за путаницы, которую вносит термин „естественное право", я считаю, нам нужно новое название для той области исследований, которую я рекомендовал выше. Я предлагаю термин *эвномика* [eunomics], который можно определить как науку, теорию или исследование хорошего порядка и работоспособных механизмов»[61].

Главной задачей эвномики, по мысли Фуллера, должно стать изучение внутреннего функционирования и базовой структуры основных правовых процессов с целью выявления «фундаментальных и всепроникающих принципов социального порядка»[62]. Эвномика, основанная на философии цели, должна была обеспечить такое объяснение системы права и отдельных правовых институтов, которое не опиралось бы на юмовское разграничение между описанием и оценкой. Она была призвана обосновать принципы социального порядка, являющиеся «справедливыми, честными, осуществимыми, эффективными и уважающими человеческое достоинство»[63].

Подобно другим «социальным артефактам»[64] политическое сообщество и государство воплощают в себе конкретные моральные цели и ценности, воплощающиеся в социальных практиках. Основа конституционного правления США — верховенство права — не является ценностно нейтральной чертой правовой системы. Анализируя ценностную основу и цель социального порядка, Фуллер вновь утверждает первенствующую роль человеческого разума в разработке и анализе функционирования правовых институтов: юридические практики должны оцениваться не на основе случайных пристрастий демократического большинства или декларируемой цели максимизации общественного благосостояния, а с опорой на внутренне присущую им моральную цель.

Проблема справедливости в праве не является для Лона Л. Фуллера производной от моральных эмоций большинства граждан или их произвольных пристрастий политического рода — она отражает вопрос о ценностях и цели существующих институтов, в том числе конституционно закрепленных. Стремление использовать категорию *цели* для преодоления юмовского разделения суждений о сущем и должном (и позитивистского разграничения морали и права), как было показано выше, и является «основополагающим намерением» стиля мышления Фуллера — движущей силой основных его теоретических рассуждений. Эти особенности стиля мышления Фуллера делают возможной продуктивную теоретическую интерпретацию его идей через оптику постклассического правопонимания.

Выводы

В статье проанализировано возрождение естественного права в англо-американской политико-правовой мысли в контексте особенностей перехода от классического к постклассическому правопониманию. Исследованы ранние работы американского философа права Л. Фуллера, посвященные методологической критике стиля мышления, характерного для классического юридического позитивизма. Стремление Фуллера преодолеть разрыв права и морали, его акцент на целенаправленности и интерсубъективности права рассматриваются через призму постклассического правопонимания. В условиях доминирования

---

[61] *Fuller L. L.* American Legal Philosophy at Mid-Century // Journal of Legal Education. 1954. No. 6. P. 477.

[62] Ibid. P. 478.

[63] Ibid.

[64] Подробнее о разграничении Фуллером фактов природы и артефактов (созданных человеком искусственных фактов) см.: *Архипов В. В.* Postmortem: Анатомия права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. С. 188–189. EDN: WLEXEZ

эмпиризма, нонкогнитивизма и утилитаризма в академической мысли США и Великобритании середины XX века Фуллер предложил альтернативную интеллектуальную стратегию: эвномику как науку о хорошем порядке и процессуальный взгляд на право как на целенаправленное предприятие.

В завершение отметим сходство идей Л. Фуллера с тезисами современной постклассической теории права. Размышляя о справедливости в праве, А. В. Поляков — ведущий коммуникативист и автор самого термина «постклассическая юридическая наука»[65] — обращается к критике нонкогнитивизма (начиная с аргумента Д. Юма), указывает на значение цели права как важнейшей категории юридической теории и на невозможность права вне ценностей, наконец, отстаивает взгляд на право как на коммуникацию, построенную на принципе взаимного признания[66]. Схожий стиль мышления виден в идеях Фуллера о сложности проведения «четкой грани между порядком и хорошим порядком»[67] и его призыве смотреть на право как на «целенаправленное предприятие», подчиняющее человеческое поведение руководству и контролю общих правил — право, согласно Фуллеру, строится на «взаимности ожиданий между законодателем и подданным», позволяющей говорить о нем как о «продукте взаимодействия целевых ориентаций гражданина и государства»[68]. Подобные параллели не свидетельствуют о прямом влиянии Фуллера на современные постклассические теории права или «предвосхищении» им современных тенденций, но они открывают новые возможности для интерпретации его идей в контексте актуальных теоретико-правовых дискуссий и позволяют стимулировать «насыщенный и полнозначный разговор с философами-предшественниками»[69].

Список источников / References

1. Антропология права. Постклассическая научно-исследовательская программа. СПб.: Алетейя, 2025. 612 с. / Tonkov, E. N., Chestnov, I. L. (eds) (2025) Anthropology of Law: A Post-Classical Research Programme. *Aletheya*. 612 p. (In Russ.)
2. *Архипов В. В.* Postmortem: Анатомия права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. С. 186–203. EDN: WLEXEZ / Arkhipov, V. V. Postmortem: The Anatomy of Law by Lon L. Fuller. *Russian Yearbook of Legal Theory.* No. 2-2009. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. Pp. 186–203. (In Russ.)
3. *Беляев М. А.* Какая проблематизация неклассической теории права нам нужна? Рецензия на коллективную монографию «Постклассическая онтология права» (под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.) // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 3. № 1 (10). С. 253–258. EDN: ZTCYQN /*Belyaev, M. A.* What Problematisation of the Non-classical Theory of Law Do We Need? Review of the Collective Monograph 'Postclassical Ontology of Law' (ed. by I. L. Chestnov. Saint Petersburg: Aletheya, 2016. 688 p.). *Russian Journal of Legal Studies*. 2017. Vol. 3. No. 1 (10). Pp. 253–258. (In Russ.)
4. *Коллингвуд Р. Дж.* Автобиография // *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 321–417. EDN: SZGSLV / Collingwood, R. G. Autobiography // Collingwood, R. G. (1980) The Idea of History. Autobiography. Moscow: *Nauka*. P. 321–417. (In Russ.)
5. *Луковская Д. И.* Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия Высших Учебных Заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 197–211. EDN: MVXZEJ / Lukovskaya, D. I. (2007) The Subject and Methodology of History of Political and Legal Teachings. *Pravovedenie*. No. 3 (272). Pp. 197–211. (In Russ.).
6. *Луковская Д. И.* Постклассические теории естественного права: являются ли они теориями естественного права? // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный

[65] *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права. Перспективы научно-практической программы. СПб.: Алетейя, 2023. С. 29–30.

[66] *Поляков А. В.* Справедливость как следование принципам права // Жива ли справедливость в праве? Коллективная монография. СПб.: Алетейя, 2022. С. 46–47, 48, 64, 67. EDN: QEBJEX

[67] *Фуллер Л. Л.* Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // *Харт Г. Л. А.* Философия и язык права. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2024. С. 298.

[68] *Фуллер Л. Л.* Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 147, 174–176, 248, 242.

[69] *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 196.

опыт: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 47–55. EDN: JNDXKE / Lukovskaya, D. I. (2020) Postclassical Theories of Natural Law: Are They Theories of Natural Law? Legal Communication of the State and Society: Domestic and Foreign Experience: Proceedings of the International Scientific Conference. *NAUKA-UNIPRESS*. Pp. 47–55. (In Russ.)

7. *Луковская Д. И.* Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций? // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/456/28. EDN: BEAESO / Lukovskaya, D. I. (2020) Postclassical Theories of Natural Law: Are They Theories of Natural Law? Legal Communication of the State and Society: Domestic and Foreign Experience: Proceedings of the International Scientific Conference. *NAUKA-UNIPRESS*. Pp. 47–55. (In Russ.)
8. *Луковская Д. И.* Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 484–498. DOI: 10.21638/spbu25.2021.407. EDN: STUUYU / Lukovskaia, D. I. (2021) Legitimacy of Law as a Dialogue Between the Legislator and His Addressees About Law And Justice. *Pravovedenie*. Vol. 65. No. 4. Pp. 484–498. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu25.2021.407
9. *Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали. М.: Канон-Плюс, 2022. 368 с. EDN: BBWJHJ / Macintyre, A. (2022) After Virtue: A Study in Moral Theory. *Kanon-Plus*. 368 p. (In Russ.)
10. *Маритен Ж.* Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с. / Maritain, J. (2000) Man and the State. *Idea-Press*. 196 p.
11. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. Выпуск 1. Киев: Летопись, 1919. 343 с. / Novgorodtsev, P. I. (1919) On the Social Ideal. Issue 1. *Letopis*. 343 p. (In Russ.)
12. *Петражицкий Л. И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 800 с. / Petrażycki, L. I. (2010) Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morals. *Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya* (ROSSPEHN). 800 p. (In Russ.)
13. *Поляков А. В.* Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 6–16. EDN: VZVOPN / Polyakov, A. V. (2015) Is Revival of the Natural Law in Russia Possible? *Pravovedenie*. No. 5 (322). Pp. 6–16. (In Russ.)
14. *Поляков А. В.* Справедливость как следование принципам права // Жива ли справедливость в праве? Коллективная монография. СПб.: Алетейя, 2022. С. 40–82. EDN: QEBJEX / Polyakov, A. V. (2022) Justice as Adherence to the Principles of Law. In: Is Justice Alive in Law? *Aletheya*. Pp. 40–82. (In Russ.)
15. *Поляков А. В.* Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права. Перспективы научно-практической программы. СПб.: Алетейя, 2023. С. 29–157 / Polyakov, A. V. (2023) Postclassical Jurisprudence, Evolutionary Theory and Neuroscience (Confession of a Communicativist). In: Postclassical Studies of Law: Prospects of Scientific and Practical Programme. *Aletheya*. Pp. 29–157. (In Russ.)
16. Постклассическая онтология права / А. С. Александров, И. А. Александрова, Н. В. Андрианов [и др.]. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с. (Толкование источников права). EDN: WMYBQJ / Aleksandrov, A. S., Aleksandrov, I. A., Andrianov, N. V. [et al.] (2016) Postclassical Ontology of Law: A Monograph. *Aletheya*. 688 p. (In Russ.)
17. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / И. В. Боровцов, Я. И. Гилинский, Л. А. Голубева [и др.]. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с. EDN: KLUMOD / Postclassical Studies of Law: Prospects of Scientific and Practical Programme. Saint Petersburg: *Aletheya*, 2023. 500 p. (In Russ.)
18. *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153. EDN: TJXIPF / Razuvaev, N. V. (2014) The Modern Theory of Law in Search of Post-Classical Paradigm of Knowledge. *Pravovedenie*. No. 5 (316). Pp. 136–153. (In Russ.)
19. *Разуваев Н. В.* История юридической науки в контексте эволюции правового мышления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 41–51. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.041-051. EDN: VUZABY / *Razuvaev, N. V.* (2021) History of Legal Science in the Context of the Evolution of

Legal Thinking. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 5 (81). Pp. 41–51. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.041-051

20. *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // *Джохадзе И. Д.* Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 180–198 / *Rorty, R.* (2001) The Historiography of Philosophy: Four Genres. In: Richard Rorty's Neopragmatism. *Editorial URSS*. Pp. 180–198. (In Russ.)
21. *Сизова Н. М.* Классическое и постклассическое правопонимание: онтологические, гносеологические, аксиологические и эпистемологические критерии соотношения // Философия права. 2014. № 1 (62). С. 88–91. EDN: SKFAIX / Sizova, N. M. (2014) Classical and Post-Classical Legal Thinking: Ontological Gnoseological, Axiological and Epistemological Relation Criteria. *Philosophy of Law*. No. 1 (62). Pp. 88–91. (In Russ.)
22. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122 / Skinner, Q. (2018) Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: Cambridge School: The Theory and Practice of Intellectual History. *Novoe literaturnoe obozrenie*. Pp. 53–122. (In Russ.)
23. *Стовба А. В.* Неклассическая правовая мысль на постсоветском пространстве // Антиномии. 2021. Т. 21. № 2. С. 73–89. DOI: 10.17506/26867206_2021_21_2_73. EDN: SQIVSF / Stovba, A. V. (2021) Non-Classic Legal Thought in the Post-Soviet Space. *Antinomies*. Vol. 21. No. 2. Pp. 73–89. (In Russ.) DOI: 10.17506/26867206_2021_21_2_73
24. *Тимошина Е. В.* Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л. И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 179–195. EDN: ODBJRP / Timoshina, E. V. (2010) Law as Equity: The Concept of Intuitive Law in School of l. Petrazycki. *Pravovedenie*. No. 6 (293). Pp. 179–195. (In Russ.)
25. *Тимошина Е. В.* Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 6–29. EDN: UNDZXP / Timoshina, E. V. (2014) Classics, Postclassics… Neoclassics: To the Substantiation of Counter-Postmodern Program in the Legal Theory. *Pravovedenie*. No. 4 (315). Pp. 6–29.
26. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с. / Fleck, L. (1999) Genesis and Development of a Scientific Fact. *Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi*. 220 p.
27. *Фуллер Л. Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. Изд. перераб. и доп. М.: ИРИСЭН, 2007. (Серия: Право). EDN: QWPKHJ / Fuller, L. L. (2007) The Morality of Law. *IRISEN*. 308 p.
28. *Фуллер Л. Л.* Анатомия права // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. С. 204–319. EDN: YPKNFH / Fuller, L. L. (2011) The Anatomy of Law. *Russian Yearbook of Legal Theory*. No. 2-2009. Pp. 204–319.
29. *Фуллер Л. Л.* Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // *Харт Г. Л. А.* Философия и язык права. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2024. С. 281–333 / Fuller, L. L. (2024) Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart. In: Philosophy and the Language of Law. *Kanon+ ROII "Reabilitatsija"*. Pp. 281–333.
30. *Харт Г. Л. А.* Позитивизм и разграничение права и морали // *Харт Г. Л. А.* Философия и язык права. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2024. С. 168–214 / Hart, H. L. A. (2024) Positivism and the Separation of Law and Morals. In: Philosophy and the Language of Law. *Kanon+ ROII "Reabilitatsija"*. Pp. 168–214.
31. *Четвернин В. А.* Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. 144 с. / Chetvernin, V. A. (1988) Contemporary Concepts of Natural Law. *Nauka*. 144 p.
32. *Шавеко Н. А.* Правовой идеал: кантианская традиция в учениях о справедливости XX века. 2-е изд. М.: Проспект, 2021. 368 с. EDN: GWSSIJ / Shaveko, N. A. (2021) The Ideal of Law: Kantian Tradition in the Doctrines on Justice of the XXth Century. 2nd ed. *Prospekt*. 368 p.
33. *Эрлих О.* Основоположение социологии права. СПб.: Алеф-Пресс, 2024. 458 с. / Ehrlich, E. (2024) Fundamental Principles of the Sociology of Law. *Alef-Press*. 458 p.

34. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // *Юм Д.* Сочинения в 2-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1996. С. 53–655. *Hume, D.* A (1996) Treatise of Human Nature. Works in 2 vol. Vol. 1. *Mysl*. Pp. 53–655.
35. Bentham, J. (1843) Anarchical Fallacies. Being An Examination of the Declarations of Rights Issued During the French Revolution. In: The Works of Jeremy Bentham. Vol. II. *Edinburgh, London: Wiliam Tait*. Pp. 489–534.
36. Frank, J. (1963) Law and the Modern Mind. *Anchor Books*. 368 p.
37. Fuller, L. L. (1940) The Law in Quest of Itself. *The Foundation Press*. 147 p.
38. Fuller, L. L. (1946) Reason and Fiat in Case Law. *Harvard Law Review*. Vol. 59. No. 3. Pp. 376–395. DOI: 10.2307/1335588
39. Fuller, L. L. (1954) American Legal Philosophy at Mid-Century. *Journal of Legal Education*. Vol. 6. No. 4. Pp. 457–485.
40. Fuller, L. L. (1956) Human Purpose and Natural Law. *The Journal of Philosophy*. Vol. 53. No. 22. Pp. 704–705. DOI: 10.2307/2022413
41. *Fuller, L. L.* (1981) Means and Ends. In: The Principles of Social Order. *Duke University Press*. Pp. 47–64.
42. Llewellyn, K. N. (1977) The Bramble Bush: On Our Law and Its Study. *Dobbs Ferry (NY): Oceania Publications*. 160 p.
43. Mannheim, K. (1954) Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge. *Harcourt, Brace, Routlage & Kegan Paul*. 318 p.
44. Mannheim, K. (1986) Conservatism: A Contribution to the Sociology of Knowledge. *Routledge Kegan & Paul*. 256 p.
45. Mousourakis, G. (2008) Legal Empiricism, Normativism, and the Institutional Theory of Law. *Philosophia: International Journal of Philosophy*. Vol. 37. No. 2. Pp. 139–148.
46. Paulson, S. L. (2006) On the Background and Significance of Gustav Radbruch's Post-War Papers. *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 26. No. 1. Pp. 17–40. https://doi.org/10.1093/ojls/gqi043
47. Pound, R. (1910) Law in Books and Law in Action. *American Law Review*. Vol. 44. No. 1. Pp. 12–36.
48. Radbruch, G. (1950) Legal Philosophy. In: The Legal Philosophies of Lask, Radbruch, and Dabin. *Harvard University Press*. Pp. 43–224.
49. Romano, S. (2018) The Legal Order. *Routledge*. 179 p.
50. Stammler, R. (1925) The Theory of Justice. *The Macmillan Company*. 591 p.

Об авторе:

Виноградов Сергей Валерьевич, преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения, стажер-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация), аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); e-mail: svinogradov@hse.ru

About the author:

Sergey V. Vinogradov, Lecturer of the School of Theory of Law and Comparative Law, Research Assistant of Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects of Centre for Basic Research Higher School of Economics University (Moscow, Russian Federation), Doctoral Student of the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Moscow, Russian Federation); e-mail: svinogradov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: GTKVLO

BY-SA

Дата поступления статьи: 21.04.2025
Дата поступления рецензии: 11.06.2025
Дата принятия статьи к публикации: 05.08.2025

Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация

Новиков П. Д.
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Российская Федерация)
E-mail: pnovikofff@yandex.ru

Аннотация

Введение. Функциональный подход представляется эффективным эвристическим инструментом познания механизмов действия правовой доктрины. Особенную актуальность выбор функционального подхода приобретает в силу аутопоэтической природы правовой коммуникации. Однако функции правовой доктрины еще недостаточно концептуализированы в рамках постнеклассической парадигмы. В статье проанализированы и обобщены трактовки функций правовой доктрины в отечественной науке, установлена структура и уточнен состав функций правовой доктрины в контексте постнеклассической парадигмы. Функционирование доктрины как доктринального фактора правовой коммуникации показано на примере средневековой доктрины *Jus commune*.

Методология и материалы. Исследование опирается на постнеклассическую парадигму и коммуникативную теорию права А. В. Полякова, системный, структурно-функциональный подходы, сравнительный, формально-логический методы. Материалы исследования включают специальные научные публикации по проблематике правовой доктрины, общие работы по теории систем и методологии научного исследования, фактический материал из истории права.

Результаты исследования и их обсуждение. Структура функций правовой доктрины включает субъект (осуществляет деятельность), объект (испытывает воздействие), деятельность (процессы в рамках деятельности) и цель такой деятельности. Функционирование доктрины в правовой коммуникации происходит в форме доктринального фактора через четыре функции, воздействующие на разные объекты правовой реальности: 1) селективная (отбор и наделение определенных социальных фактов статусом юридической релевантности), 2) смыслообразующая (обуславливание процессов легитимации и интерпретации, происходящих в сознании субъектов), 3) прескриптивная (установление доктриной правил поведения), 4) конститутивная (организация и развитие — конструирование — правовой системы).

Выводы. В исследовании сформулированы общие параметры доктринального фактора правовой коммуникации: функционирование доктрины кумулятивное, объединяет три аспекта объективации доктринального фактора (текстуальный, когнитивный и праксиологический), носит циклический и возобновляемый характер. Возможность инструментального применения структуры функций определяет практическую значимость исследования. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом действия других правовых текстов через функциональный подход.

Ключевые слова: правовая доктрина, функциональный подход, системно-структурный подход, функции правовой доктрины, постнеклассическая парадигма, коммуникативная теория права, доктринальный фактор, *Jus commune*.

Для цитирования: *Новиков П. Д.* Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 138–148. EDN: GTKVLO

© Новиков П. Д., 2025
© Novikov P. D., 2025

The article was submitted: 21.04.2025
The article approved after reviewing: 11.06.2025
The article accepted for publication: 05.08.2025

Functions of Legal Doctrine: Communicative-Legal Interpretation

Novikov P. D.
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)
E-mail: pnovikofff@yandex.ru

Abstract

Introduction. The functional approach is an effective heuristic tool for understanding the mechanisms of legal doctrine. The choice of a functional approach is of particular relevance due to the autopoietic nature of legal communication. However, the functions of legal doctrine are not yet sufficiently conceptualized within the framework of the post-neoclassical paradigm. The article analyzes and summarizes the interpretations of the functions of legal doctrine in domestic science, establishes the structure and clarifies the composition of the functions of legal doctrine in the context of the post-non-classical paradigm. The functioning of the doctrine as a doctrinal factor of legal communication is shown on the example of the medieval doctrine of *Jus commune*.

Methodology and materials. The study is based on the post-non-classical paradigm and the communicative theory of law by A. V. Polyakov, systemic, structural-functional approaches, comparative, formal-logical methods. The research materials include special scientific publications on the problems of legal doctrine, general works on the theory of systems and methodology of scientific research, and actual material from the history of law.

Results and discussion. The structure of the functions of legal doctrine includes the subject (carries out activities), the object (experiences the impact), the activity (processes within the activity) and the purpose of such activity. The functioning of the doctrine in legal communication occurs in the form of a doctrinal factor through four functions that affect different objects of legal reality: 1) selective (selection and endowment of certain social facts with the status of legal relevance), 2) meaning-forming (conditioning the processes of legitimation and interpretation occurring in the minds of subjects), 3) prescriptive (establishment of rules of conduct by the doctrine), 4) constitutive (organization and development - construction - of the legal system).

Conclusions. The study formulates the general parameters of the doctrinal factor of legal communication: the functioning of the doctrine is cumulative, combines three aspects of the objectification of the doctrinal factor (textual, cognitive and praxiological), is cyclical and renewable. The possibility of instrumental application of the structure of functions determines the practical significance of the study. Prospects for further research are related to the analysis of the action of other legal texts through a functional approach.

Keywords: legal doctrine, functional approach, system-structural approach, functions of legal doctrine, postnon-classical paradigm, communicative theory of law, doctrinal factor, *Jus commune*.

For citation: Novikov, P. D. (2025) Functions of Legal Doctrine: Communicative-Legal Interpretation. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 138–148. (In Russ.)

Введение

В современных исследованиях правовой доктрины уделяется внимание в том числе аспекту ее функций[1]. Эта сторона вопроса представляется особенно актуальной, ибо задача моделирования

[1] *Чашин А. Н.* Правовая доктрина как источник (форма) российского права. М.: ИНФРА-М, 2023; *Зозуля А. А.* Доктрина в современном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2006; *Любитенко Д. Ю.* Правовая доктрина Конституционного суда Российской Федерации: общетеоретический аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2011; *Разуваев Н. В.* Юридическая доктрина как средство конструирования

доктринального фактора (то есть действия правовой доктрины) в правовой коммуникации решается, как представляется, предпочтительнее именно на основе функционального подхода. Такой выбор обусловлен тем, что одна из основных постнеклассических теорий в отечественном правоведении — коммуникативная теория права А. В. Полякова — наделяет правовую систему свойством аутопоэзиса. В трактовке немецкого социолога Н. Лумана это означает способность к «воспроизводству посредством репродукции своих элементов, из которых они (системы. — *Прим. авт.*) состоят»[2], то есть самовоспроизводству. А. В. Поляков, хотя и не заостряет на этом внимание и не говорит об аутопоэзисе правовой системы напрямую, тем не менее ссылается на известных чилийских биологов У. Р. Матурану и Ф. Х. Варелу — авторов теории аутопоэзиса, чьи идеи повлияли также и на Н. Лумана. Полагаем, что идея самовоспроизводства права (правовой системы) имманентна концепции правовой коммуникации и логически из нее следует. Очевидно, что коммуникативная модель отношений идеальна — в «живой реальности» права невозможно говорить об абсолютном взаимопонимании субъектов коммуникации, поскольку даже один и тот же текст каждым человеком толкуется по-своему. Но как раз в результате этой незавершенности, в определенной степени неполноты коммуникации происходит ее развитие и самосовершенствование. Передавая каждый раз новое правовое сообщение, субъект провоцирует в сознании другого субъекта ответную реакцию интерпретации этого сообщения (текста). Сам А. В. Поляков об этом пишет так: «…Коммуникация определенным образом перестраивает сознание коммуникантов, адаптирует их друг к другу»[3]. Подобным образом можно наблюдать становление и усложнение системы правовой коммуникации, которое происходит в результате своих же собственных действий. Описанные процессы, как показывает С. В. Тихонова, охватываются используемым в системной теории понятием «самореференции», означающим самообоснование системы через ссылки на саму себя же[4].

Философ Э. Г. Юдин подчеркивал, что целесообразность, присущая большому множеству (в том числе аутопоэтических) систем, не может быть объяснена в рамках одних только причинных взаимосвязей[5]. Согласимся с теми исследователями, которые полагают, что когда мы имеем дело с подобными системами, то наиболее наглядным и эффективным способом объяснения происходящих в них процессов будет объяснение функциональное, в большей степени свойственное именно системному анализу, нежели причинно-следственному[6]. Поскольку в качестве объекта моделирования, основанного на функциональном подходе, должна выступать функциональная структура исследуемого процесса[7], за основу построения модели доктринального фактора следует взять функции правовой доктрины. Далее мы проанализируем и обобщим трактовки функций доктрины в отечественной юридической науке и определим главные контуры функционального действия правовой доктрины — доктринального фактора правовой коммуникации.

Методология и материалы

Исследование проблемы концептуализации функций правовой доктрины в контексте постнеклассической парадигмы осуществлено на основе коммуникативной теории права в том ее варианте, который предложен А. В. Поляковым. Для достижения задач исследования использованы формально-логический метод, сравнительный метод (для сопоставления научных позиций по проблеме), системный и струк-

правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1; *Михайлов А. М.* Юридическая доктрина и правовая идеология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022.

[2] *Luhmann N.* (1984) Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. *Frankfurt*. S. 555.

[3] *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 11.

[4] *Тихонова С. В.* Коммуникативная теория права А. В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 1. С. 40.

[5] *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 141. EDN: TDGBUZ

[6] *Бочаров А. В.* Основные научные методы в историческом исследовании: учеб. пособие. Томск, 2006. С. 126–127.

[7] *Рой О. М.* Исследования социально-экономических и политических процессов: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 260.

турно-функциональный методы, позволившие разработать структуру функций правовой доктрины и их состав.

Материалы исследования включают специальные научные публикации по проблематике правовой доктрины, общие работы по теории систем и методологии научного исследования. Действие доктринального фактора правовой коммуникации через функции доктрины проиллюстрировано на фактическом материале из истории средневековой правовой доктрины *Jus commune*.

Результаты исследования и их обсуждение

В целом в отечественной юриспруденции обнаруживается недостаточная философская и теоретико-правовая проработка функций правовой доктрины как юридической категории. До сих пор остается актуальным мнение, высказанное еще В. С. Нерсесянцем, о том, что в отечественной литературе преобладают позитивистские подходы к исследованию проблематики правовой доктрины[8], что заметно и в случае с ее функциями. Такие авторы, как А. А. Зозуля, Д. Ю. Любитенко, А. Н. Чашин, исследуя функции правовой доктрины, рассуждают в позитивистском и догматическом ключе: подчеркивается ведущая роль закона и государства, от которых правовая доктрина наряду с иными источниками права получает свою юридическую силу[9]; роль доктрины сводится к «адаптации содержания властных предписаний к изменяющимся общественным отношениям, не получающим должного правового регулирования»[10]; аргументация строится на понимании статуса доктрины в текущей правовой системе Российской Федерации[11]. Полагаем, в аспекте изучения функций правовой доктрины возможности позитивистской методологии уже исчерпаны. Базисные положения постнеклассической парадигмы обнаруживаются при рассмотрении работ Н. В. Разуваева и А. М. Михайлова, которые отмечают роль доктрины в конструировании правовой реальности, способствующую непрекращающемуся развитию и обновлению последней[12]. Этими авторами предлагаются и перечни функций правовой доктрины, что представляет интерес для настоящего исследования.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что ученые, предлагающие свое видение функций правовой доктрины, не раскрывают при этом их понятие и структуру. Функции приписываются доктрине как бы априори. Восполнение этого пробела позволило бы более фундаментально обосновать учение о функциях доктрины и дальнейшее моделирование доктринального фактора правовой коммуникации на основе функционального и коммуникативного подходов. В этом контексте интересно замечание С. Н. Туманова, который заостряет внимание на проблеме терминологической путаницы, иногда приводящей к отождествлению «функций государства» с такими понятиями, как «цель», «задачи», «деятельность», «действие», «результат» и проч.[13] Это лишний раз подчеркивает, что и теория функций правовой доктрины нуждается в тщательной проработке, одним из шагов которой должно стать уяснение структуры функций, поскольку она могла бы стать важнейшим средством анализа и сравнения различных позиций относительно конкретного состава функций доктрины. На данный момент следует констатировать отсутствие каких-либо предложений на этот счет в юридической литературе, например, в отличие от проблематики, связанной со структурой функций государства, разработанной значительно подробнее.

Так, Н. Н. Вопленко и А. В. Козлов, усовершенствовав сформулированную А. П. Глебовым идею о структуре функции государства, выделили в ее составе объект, субъект, деятельность государства и цель такой деятельности[14]. Полагаем, что указанный подход допустимо адаптировать применительно к теоретической дискуссии о структуре функции правовой доктрины, определив для последней следую-

---

[8] *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 386.

[9] *Чашин А. Н.* Указ. соч. С. 254; *Зозуля А. А.* Указ. соч. С. 7.

[10] *Любитенко Д. Ю.* Указ. соч. С. 79.

[11] *Чашин А. Н.* Указ. соч. С. 254; *Зозуля А. А.* Указ. соч. С. 9, 11, 27–28; *Любитенко Д. Ю.* Указ. соч. С. 80.

[12] Разуваев Н. В. Указ. соч. С. 5; Михайлов А. М. Указ. соч. С. 522.

[13] Туманов С. Н. К вопросу о понятии и структуре функции государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2012. № 4. С. 33–34.

[14] Вопленко Н. Н., Козлов А. В. К вопросу о структуре государственной функции // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 2-13. С. 18–19. EDN: NUKTDT

щие элементы: субъект (не стоит путать с субъектом права — в данном случае имеется в виду тот элемент социальной системы, который осуществляет целенаправленную деятельность), объект (элемент социальной системы, испытывающий воздействие, в котором происходят изменения), деятельность (процессы, происходящие в рамках осуществления функции) и цель такой деятельности.

Оправданность перенесения такого подхода для разработки функций доктрины обусловлена тем, что «функция» представляет собой общетеоретическое понятие, описывающее деятельность различных социальных систем — как государства, так и доктрины, представленной в виде системы социальных практик, в силу которых авторитетное сообщество юристов имеет возможность конструировать правовую систему («доктринальный фактор правовой коммуникации»). Основу такого понимания можно найти, в частности, в работах известного американского социолога, одного из авторов структурно-функциональной теории Т. Парсонса, утверждавшего принцип «действие есть система» (*action is system*)[15]. Вследствие выявления такой связи становится возможным (и оправданным) функциональный анализ разнообразных социальных систем.

Используя установленную структуру, проанализируем с этой точки зрения функции правовой доктрины, выделенные Н. В. Разуваевым и А. М. Михайловым. Сделаем оговорку: будем считать, что субъект функций правовой доктрины условно везде один и тот же — авторитетное сообщество ученых-юристов[16].

У Н. В. Разуваева декларируются следующие функции правовой доктрины: селективная, прескриптивная, смыслообразующая, конститутивная и динамическая[17]. В результате анализа авторской позиции можно заметить, что конститутивная и динамическая функции в значительной степени пересекаются и даже дублируются в объекте, деятельности и цели. Так, правовая реальность как объект обеих функций представляет уже организованное множество юридически релевантных фактов, но деятельность по их организации происходит постоянно; описание фактов и выявление закономерных причинно-следственных связей как виды деятельности в структуре конститутивной функции являются, по существу, разновидностями методов получения нового знания, что отличает динамическую функцию; в ходе непрерывной организации правовой реальности происходит и ее трансформация (цели). В результате динамическая функция с точки зрения объекта и цели охватывается конститутивной, и наоборот, — функциональные процессы динамической функции оказываются шире, чем у конститутивной. Полагаем, что объединение этих функций в одну — конститутивную (с соответствующим ее расширением путем добавления динамического аспекта) — логичнее с точки зрения их структуры.

Что касается смыслообразующей функции, то в ее прочтении, предложенном Н. В. Разуваевым, она видится также включенной в объем конститутивной, поскольку совпадает с ней почти полностью: объект (правовая реальность), деятельность (смысловое наполнение феноменов, которое невозможно без признанных методов получения научных результатов) и цель (организация правовой реальности). Для того чтобы смыслообразующая функция обрела самостоятельное значение в контексте коммуникативной теории права, предлагаем в качестве ее объекта определить правосознание. Как отмечает А. В. Поляков, «человеческое сознание всегда опосредует правовую реальность. Только через свое когнитивное осмы-

---

[15] *Parsons T.* (1968) The Position of Identity in the General Theory of Action. In: The Self in Social Interaction, Ed. C. Gordon, K. J. Gerden. Vol. 1. *New York: Wiley*. Pp. 11–24; Цит. по: *Луман Н.* Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера. М.: Логос, 2007. С. 19.

[16] Заметим, что в среде исследователей не сложилось единодушия относительно вопроса о том, кого можно считать субъектами (носителями) правовой доктрины — на этот статус, помимо представителей юридической науки (*Разуваев Н. В.* Указ. соч. С. 7–8.), могут потенциально претендовать также и авторы, занимающиеся как вопросами догматики, так и идеологии (*Михайлов А. М.* Указ. соч. С. 426.). Наиболее же широкое понимание относит к доктрине результаты (а значит, и соответствующих субъектов) «судебной, политико-правовой, правотворческой и правоприменительной, научной деятельности…» (*Бошно С. В.* Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. № 2-3. С. 45). В свою очередь, подобные рассуждения тянут за собой и такой малоприятный для юристов разговор, как обсуждение статуса научности юридического знания: ответ на него во многом зависит от выбранной научно-исследовательской программы (парадигмы). Так, с точки зрения т. н. «натуралистической» программы (Социальные знания и социальные изменения / под ред. В. Г. Федотовой. Ин-т философии РАН. М., 2001. С. 57 и далее. EDN: SUQAEB) научность юриспруденции крайне сомнительна, тогда как постнеклассический подход (выраженный, в частности, в «антинатуралистической» (по-другому называемой «культуроцентристской») программе) значительно расширяет допустимые рамки научности, которая, таким образом, может проявляться и в юриспруденции. В данной работе мы не ставили перед собой задачи ответить на подобного рода вопросы, которые, несмотря на всю важность, должны в силу своей значительности стать предметом отдельного исследования.

[17] *Разуваев Н. В.* Указ. соч. С. 8–9.

сление и ценностную интерпретацию правовые тексты получают правовую легитимацию и трансформируются в нормативные установления, способные воздействовать на волю и соответственно на поведение субъектов, определяя его как правовое»[18]. Правовая доктрина при помощи смыслообразующей функции воздействует на правосознание субъекта коммуникации, чем обуславливает переживаемые им процессы интерпретации и легитимации правовых установлений. Отсюда, помимо прочего, следует вывод о двойственной природе доктрины в контексте коммуникативной теории — и как правового текста, и как средства легитимации (двух разных компонентов правовой системы).

Прескриптивную функцию, полагаем, также следует уточнить с учетом анализа ее структуры в контексте коммуникативной теории права. Во-первых, Н. В. Разуваев ведет речь о пробелах в позитивном праве, которые восполняет доктрина. В таком прочтении не совсем ясен объект данной функции, особенно если учесть, что результатом должно стать «замещение» того же позитивного права. Поэтому необходимо понять, что в принципе является объектом правового регулирования — с тем, чтобы определить корректный объект для рассматриваемой функции. А. В. Поляков указывает, что предметом правового регулирования выступают общественные отношения, но непосредственное воздействие оказывается на поведение субъектов[19]. Таким образом, объектом данной функции, по нашему мнению, будет именно поведение субъектов.

Теперь аналогичным образом рассмотрим функции правовой доктрины, предложенные А. М. Михайловым[20], и сравним их с теми, которые разработал Н. В. Разуваев. Обращает на себя внимание казуистичный, лишенный абстрактного начала характер двух выявленных А. М. Михайловым функций — «обеспечение конкурентоспособности и распространения влияния правовой системы» и «противостояние кризису западной традиции права». Они, как представляется, в большей степени привязаны к конкретному историческому периоду, нежели к доктрине как таковой. К тому же сомнительным представляется «доминирование» *Jus commune* после XVII–XVIII вв., когда практически повсеместно было ограничено цитирование римского права, место которого заняло разросшееся позитивное законодательство национальных государств. Помимо вышеописанных функций, А. М. Михайлов вывел следующие: 1) «оптимизация юридической практики, формирование и обеспечение качества иных источников права», 2) «обеспечение автономии и внутренней интеграции права», 3) «нормирование юридического мышления».

Раскрывая содержание деятельности в рамках первой функции, А. М. Михайлов указывает на процессы, присущие различным функциям, выделенным Н. В. Разуваевым, — вполне ясно, что как селективная, так и смыслообразующая функции (и не только они, поскольку язык, догматика — это инструменты деятельности доктрины в целом) воплощаются посредством оперирования юридическим языком, понятиями норм и институтов, приемами толкования права и т. д. Юридическая практика как объект и оптимизация практики как цель функции представляются нам частными случаями выделенных нами объектов и целей функций, предложенных Н. В. Разуваевым.

Переходя ко второй функции в трактовке А. М. Михайлова, следует отметить, что как интеграция, так и автономия права являются неотъемлемыми частями общей цели конститутивной функции (по версии Н. В. Разуваева), поскольку составляют общий вектор, направленный на организацию и трансформацию правовой реальности: достижение этих целей невозможно как без утверждения обособленного значения права, так и без выстраивания системно-структурных связей между различными элементами правовой реальности.

Наконец, функция нормирования юридического мышления, исходя из своей структуры, также полностью может быть включена в описанную Н. В. Разуваевым (с учетом нашего уточнения в объекте) смыслообразующую функцию: юридическое мышление, или «сознание юристов», — это всего лишь часть общего правосознания (объект); содержание деятельности, отраженное в этой функции, может быть выражено и как «смысловое наполнение феноменов правовой реальности»; преследуемая цель также

[18] *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 372.
[19] *Поляков А. В.* Указ. соч. С. 609.
[20] *Михайлов А. М.* Указ. соч. С. 499–599.

включается в общую направленность смыслообразующей функции, то есть оптимизацию и опосредование процессов интерпретации и легитимации правовых текстов субъектом (которым, очевидно, может выступать не только профессиональный юрист).

В результате анализа и сравнения структуры функций правовой доктрины, предложенных Н. В. Разуваевым и А. М. Михайловым, мы выявили и попытались устранить путем уточнения логические недостатки в содержании структурных элементов функций — объекте, деятельности, цели. Обобщая две авторские концепции, получаем в итоге четыре функции правовой доктрины в контексте постнеклассической парадигмы: смыслообразующая, прескриптивная, селективная и конститутивная. Именно в таком виде функции доктрины охватывают все основные компоненты социальной реальности (системы социальной коммуникации) — сознание субъектов (смыслообразующая), их поведение (прескриптивная) и факты (селективная), а конститутивная функция, объединяя их, организует и развивает модель правовой системы (реальности).

Для наглядности продемонстрируем действие уточненных нами функций правовой доктрины на примере из истории права — средневековой доктрины *Jus commune*.

Нередко у средневековых судей возникала проблема отсутствия необходимых для разрешения дела правил в современном для них позитивном праве. В таких ситуациях помощь оказывали ученые-юристы из университетов, составлявшие экспертные заключения *(consilia)*, которые содержали предложения правоведов по надлежащему решению спора. Практика предоставления подобных заключений была распространена, в частности, во многих итальянских городах-коммунах[21], которые прописывали в своих статутах порядок запроса судьями или самими тяжущимися *consilia* у юристов при университетах. Одним из актов, подразумевавших необходимость в определенных случаях обращаться к ученым-юристам, стали «Мельфийские конституции» 1231 г. императора Фридриха II *(Liber Augustalis)*, изданные им для Сицилийского королевства, входившего на тот момент в состав Священной Римской империи. В титуле LXII, содержащем описание клятв, приносимых королевскими судьями, имеется следующий фрагмент: «Кроме того, они должны дать клятву, что будут судить согласно нашим конституциям, а в их недостатках — согласно утвержденным обычаям и, наконец, согласно общим законам, ломбардским и римским, как того потребуют тяжущиеся»[22]. Университетские правоведы в этих ситуациях привлекались для того, чтобы дать разъяснение казуса с точки зрения римского права, которое, впрочем, было в значительной степени переработано усилиями многих поколений схоластов — глоссаторов и комментаторов[23]. Это привело к появлению самостоятельной правовой доктрины *(Jus commune)* — корпуса текстов, а также самих ученых (носителей доктринального знания), обладавших серьезным авторитетом в средневековом обществе.

Каким же образом в практике предоставления *consilia* проявляются функции правовой доктрины?

Селективная функция. Советуя по не урегулированному позитивным правом случаю, правоведы проводят границу между правом и неправом, указывают на релевантные для разрешения спора факты, осуществляют юридическую квалификацию (так, в 1354 г. суд венецианского дожа, следуя сформулированной юристами позиции, указал: «…преступление отличают воля и трезвый расчет»[24]).

Смыслообразующая функция. Воздействует на правосознание субъектов (например, стороны спора и судью), сообщая им смысл тех или иных юридических фактов, ситуаций, правил и т. д.; *consilia* авторитетно указывают, какие тексты подлежат легитимации (например, в деле, последовавшем за провалом заговора Пацци против Лоренцо Медичи, юристы указали, что папа римский посягнул на нормы, выводимые из естественного права[25]).

---

[21] Среди них можно упомянуть статут 1434 г. аббатства Сан-Сальваторе в республике Сиена и статут 1448 г. коммуны Рокка-де-Бальди (*Kirshner J.* (1999) Consilia as Authority in Late Medieval Italy: The Case of Florence. Studies in Comparative Legal History. *Berkeley, CA: Robbins Collection*. P. 107).

[22] *Powell J. M. (trans.)* (1971) The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231. *Syracuse University Press*. P. 38.

[23] *Dean T.* (2007) Crime and Justice in Late Medieval Italy. *Cambridge University Press*. Pp. 95–96.

[24] *Dean T.* Op. cit. P. 97.

[25] *Pennington K.* (1998) Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudiciarius. *Revista internazionale di diritto commune,* no. 9, pp. 9–47. P. 32.

Прескриптивная функция. В отсутствие тех или иных установлений в позитивном праве доктрина в форме *consilia* способна предоставить соответствующее правило (в одном из дел, находившемся на рассмотрении главы *(podesta)* Пармы, ученый-юрист, руководствуясь принципом точности доказательств, рассудил, что если не ясно, кто из нападавших нанес смертельный удар, то все нападавшие могут быть только оштрафованы, но ни один не казнен[26]).

Конститутивная функция. В своих советах ученые выводят правило, следующее из логики сконструированной ими правовой системы, и тем самым способствуют организации и развитию этой самой системы.

Переходя к описанию сущности функциональной модели доктринального фактора правовой коммуникации, отметим, что, по нашему мнению, функции правовой доктрины не действуют все одновременно. По отношению друг к другу они образуют кумулятивный (нарастающий) эффект, который в конечном счете отражается и на самой доктрине. Схематично это можно представить следующим образом. Доктринальные тексты имеют в качестве объекта функционального воздействия, прежде всего, правосознание (условно разделяемое в рамках соответствующей правовой системы) — именно на него будет воздействовать смыслообразующая функция, определяя процессы легитимации и интерпретации субъектов. Далее прескриптивная функция через установление правил поведения влияет на поведение субъектов коммуникации. При этом авторы доктринальных текстов также рефлексируют относительно многочисленных социальных фактов и того, какие из них должны обладать релевантностью для права, — так проявляется селективная функция, которая выделяет такие факты, а конститутивная функция организует их на основе методов научного познания, создавая тем самым модель правовой реальности. Несомненно, что данная модель, в свою очередь, становится сама по себе объектом исследования для доктрины — объектом, необходимым для беспрерывной трансформации правовой реальности.

Выводы

На основе применения понятийного аппарата и основных положений коммуникативной теории права А. В. Полякова, функционального и системно-структурного подхода к осмыслению права, а также благодаря анализу научных позиций отечественных авторов по проблеме доктрины и ее функций, мы получили структуру функций доктрины, которую составляют такие компоненты, как субъект, объект, деятельность и цель. Приложение данной теоретической конструкции к идеям Н. В. Разуваева и А. М. Михайлова позволило сравнить те перечни (составы) функций доктрины, которые они предлагают, и в конечном счете получить новый, несколько скорректированный состав, учитывающий необходимость более четкого (с логической точки зрения) разграничения отдельных функций. Уточненный состав функций, по нашему мнению, должен выглядеть так:

- селективная функция (отбор юридически значимых фактов из общей массы социальных фактов);
- смыслообразующая функция (воздействие на процессы интерпретации и легитимации);
- прескриптивная функция (установление доктриной правила поведения);
- конститутивная функция (конструирование и развитие доктриной представлений о правовой системе).

Предпринята попытка описать функциональную модель доктринального фактора правовой коммуникации, главные особенности которой:

- не одновременное, а нарастающее (кумулятивное) действие функций;
- связанность трех уровней объективации фактора — текстуального (то есть доктрины как правового текста), психологического (порожденные текстом процессы интерпретации и легитимации, происходящие в правосознании) и праксиологического (поведение субъектов права как результат когнитивных процессов в правосознании). Это, в свою очередь, подтверждает идею А. В. Полякова о трех аспектах социальной коммуникации[27];

[26] *Dean T.* Op. cit. P. 101.

[27] *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права… С. 11.

- циклический, возобновляемый характер (в результате воздействия доктрины на коммуникацию уже сама доктрина впоследствии испытывает воздействие от изменившейся правовой системы).

Представляется, что на основе полученных в ходе нашего исследования результатов возможно логически вывести и функции иных правовых текстов в правовой коммуникации (для построения в том числе аналогичных функциональных моделей). Указанная задача не стояла в данном исследовании, но ее значимость вряд ли может быть преувеличена, в связи с чем перспективы дальнейших разработок по этой теме более чем осязаемы.

Практическая же значимость изложенных выводов заключается в возможности их инструментального применения субъектами правовой коммуникации (в том числе законодателями и правоприменителями) для целей эффективного конструирования правовой реальности — понимание системно-функционального действия доктрины в правовой коммуникации, и в особенности структуры каждой из функций, потенциально позволит разработать соответствующие постнеклассической парадигме и адекватные поставленным задачам меры по совершенствованию правового регулирования.

Список источников

1. *Бочаров А. В.* Основные научные методы в историческом исследовании. Учебное пособие. Томск, 2006. 190 с.
2. *Бошно С. В.* Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. № 2-3. С. 35–45.
3. *Вопленко Н. Н.* К вопросу о структуре государственной функции / Н. Н. Вопленко, А. В. Козлов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 18–22. EDN: NUKTDT
4. *Зозуля А. А.* Доктрина в современном праве. Дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 232 с.
5. *Луман Н.* Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера. М.: Логос, 2007. 360 с.
6. *Любитенко Д. Ю.* Правовая доктрина конституционного суда Российской Федерации: общетеоретический аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2011. 233 с.
7. *Михайлов А. М.* Юридическая доктрина и правовая идеология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 711 с.
8. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
9. *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 7–11.
10. *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с.
11. *Пономарева А. И.* Моделирование как метод научного познания: содержание и типология // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12-2 (70). С. 233–237.
12. *Разуваев Н. В.* Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 5–22. EDN: NPOJNT
13. *Рой О. М.* Исследования социально-экономических и политических процессов: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 331 с.
14. Социальные знания и социальные изменения / В. Г. Федотова, В. Б. Власова, Н. Н. Лебедева [и др.]; отв. ред.: В. Г. Федотова; Российская академия наук, Институт философии. М.: Институт философии РАН, 2001. 285 с. EDN: SUQAEB
15. *Тихонова С. В.* Коммуникативная теория права А. В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 1. С. 37–44.
16. *Туманов С. Н.* К вопросу о понятии и структуре функций государства // Право и его реализация в XXI в.: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 29–30 сентяб-

ря 2011 г. / под общ. ред. С. Н. Туманова. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. С. 53–56. EDN: SYVZNM
17. *Чашин А. Н.* Правовая доктрина как источник (форма) российского права. М.: ИНФРА-М, 2023. 293 с.
18. *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с. (Философы России XX века). EDN: TDGBUZ
19. *Dean T.* (2007) Crime and Justice in Late Medieval Italy. *Cambridge University Press*, 226 p.
20. *Kirshner J.* (1999) Consilia as Authority in Late Medieval Italy: The Case of Florence. In: Studies in Comparative Legal History, Ed. M. Ascheri, I. Baumgartner, J. Kirshner. *Berkeley, CA: Robbins Collection,* pp. 107–140.
21. *Luhmann N.* (1984) Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. *Frankfurt*. 674 s.
22. *Parsons T.* (1968) The Position of Identity in the General Theory of Action. In: The Self in Social Interaction, Ed. C. Gordon, K. J. Gerden. Vol. 1. *New York: Wiley*. Pp. 11–24.
23. *Pennington K.* (1998) Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudiciarius. *Revista internazionale di diritto commune,* no. 9, pp. 9–47.
24. *Powell J. M. (trans.)* (1971) The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231. *Syracuse University Press*.

Об авторе:
Новиков Петр Дмитриевич, ассистент Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Российская Федерация), аспирант; e-mail: pnovikofff@yandex.ru

References

1. Bocharov, A. V. (2006) Basic scientific methods in historical research. *Tomsk*. 190 p. (In Russ.)
2. Boshno, S. V. (2022) The concept of legal doctrine. Law and Modern States. No. 2-3, pp. 35–45. (In Russ.)
3. Voplenko, N. N., Kozlov, A. V. (2010) On the issue of the structure of the state function. Science Journal of Volgograd State University. No. 2-13, pp. 18–22. (In Russ.)
4. Zozulya, A. A. (2006) Doctrine in modern law. Candidate of Legal Sciences Dissertation: 12.00.01. *St. Petersburg*. 232 p. (In Russ.)
5. Luhmann, N. (2007) Introduction to Systems Theory / ed. by D. Becker. *Logos Publishing House*. 360 p. (In Russ.)
6. Lyubitenko, D. Yu. (2011) Legal doctrine of the Constitutional Court of the Russian Federation: general theoretical aspect. Candidate of Legal Sciences Dissertation: 12.00.01. *Volgograd*. 233 p. (In Russ.)
7. Mikhaylov, A. M. (2022) Legal doctrine and legal ideology: textbook for universities. *Yurait Publishing House*. 711 p. (In Russ.)
8. Nersesyants, V. S. (2012) General theory of law and state. *Norma: INFRA-M*. 560 p. (In Russ.)
9. Polyakov, A. V. (2016) General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: textbook. *Prospect*. 832 p. (In Russ.)
10. Polyakov, A. V. (2014) Communicative concept of law. Communicative legal understanding. Selected works. *Alef-Press*. P. 9. (In Russ.)
11. Ponomareva, A. I. (2020) Modeling as a method of scientific knowledge: content and typology. *Economics and Business: Theory and Practice*. No. 12-2 (70), pp. 233–237. (In Russ.)
12. Razuvaev, N. V. (2019) Legal doctrine as a means of constructing legal reality. *Theoretical and Applied Law*. No. 1. Pp. 5–22. (In Russ.)
13. Roy, O. M. (2024) Research of socio-economic and political processes: textbook for universities. *Yurait*. 331 p. (In Russ.)
14. Fedotova, V. G. (eds.) (2001) Social knowledge and social changes. *Institute of Philosophy RAS*. Moscow. 285 p. (In Russ.)

15. Tikhonova, S. V. (2023) Communicative theory of law by A. V. Polyakov in the context of media turn: structural points of growth. *Russian Journal of Legal Studies.* Vol. 10, no. 1, p. 40. (In Russ.)
16. Tumanov, S. N. (2011) On the question of the concept and structure of the state function. *Saratov State Law Academy*. Pp. 53–56. (In Russ.)
17. Chashin, A. N. (2023) Legal doctrine as a source (form) of Russian law. *INFRA-M*. 293 p. (In Russ.)
18. Yudin, E. G. (1997) Methodology of science. Systemicity. Activity. *Editorial URSS*. 444 p. (In Russ.)
19. Dean, T. (2007) Crime and Justice in Late Medieval Italy. *Cambridge University Press*. 226 p.
20. Kirshner, J. (1999) Consilia as Authority in Late Medieval Italy: The Case of Florence. In: Studies in Comparative Legal History / Ed. M. Ascheri, I. Baumgartner, J. Kirshner. *Berkeley, CA: Robbins Collection*. Pp. 107–140.
21. Luhmann, N. (1984) Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. *Frankfurt*. 674 s.
22. Parsons, T. (1968) The Position of Identity in the General Theory of Action. In: The Self in Social Interaction. Vol. 1. *Wiley.* Pp. 11–24.
23. Pennington, K. (1998) Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudiciarius. *Revista internazionale di diritto commune*. No. 9. Pp. 9–47.
24. Powell, J. M. (trans.) (1971) The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231. *Syracuse University Press*.

About the author:

Petr D. Novikov, Assistant at the Higher School of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation), PhD student; e-mail: pnovikofff@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: DWUPBX

CC BY-SA

Дата поступления статьи: 19.07.2025
Дата поступления рецензии: 18.08.2025
Дата принятия статьи к публикации: 16.09.2025

«Четыре могилы современной философии права»: рефлексия на взгляды Бъярна Мелкевика

Поцелуев Е. Л.
Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
E-mail: elp777@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена рассмотрению четырех тезисов известного ученого Бъярна Мелкевика. Отношение к его идеям исследователей полярное: от признания его выдающимся мыслителем до жесткой критики его воззрений. Мы приведем их точки зрения и изложим свой взгляд на воззрения этого норвежско-канадского мыслителя. Избранная нами тема не была предметом специального анализа.

Методология и материалы. При написании текста использованы логические приемы анализа и синтеза, методологический прием доктринального толкования четырех тезисов Бъярна Мелкевика из его работы «Философия права в потоке современности». Нами изучены следующие публикации ученого: «Почему нужно изучать философию права?», «Легитимность и права человека», «Марксизм и философия права: случай Пашуканиса», «Почему свобода индивида и автономия права существуют и исчезают одновременно» (соавтор — О. Мелкевик), «Сильное правовое государство: как противостоять современной разрушительной авторитарности», «Юридическая эпистемология и уже-право», «Юрген Хабермас и коммуникативная теория права», «Хабермас и Ролз» и др. В работе использованы труды М. В. Антонова, В. И. Крусса, В. В. Оглезнева, А. В. Полякова и др. Полагаем, что имеющаяся у нас информация позволяет делать определенные выводы.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализированы четыре тезиса Б. Мелкевика: освободиться от задачи диктовать правила доктринального творчества, философия права должна освободиться от плена этатизма, относиться серьезно к автономии индивидов, философия права должна отказаться от любых попыток фундирования. В конце статьи сделаны выводы, сформулирована авторская позиция.

Выводы. То, что Б. Мелкевик называет могилами для современной философии права, мы бы назвали рисками. Его концепция — понимание права через коммуникацию индивидов, интерсубъективные отношения при их свободе и при соблюдении демократических процедур и процессуальных ограничений. Право по Б. Мелкевику — искусство, применяемое на практике. Индивиды должны быть хозяевами права.

Ключевые слова: философия права, Бъярн Мелкевик, доктринальное правотворчество, плен этатизма, автономия права, автономия индивида, отказ от фундирования.

Для цитирования: *Поцелуев Е. Л.* «Четыре могилы современной философии права»: рефлексия на взгляды Бъярна Мелкевика // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 149–161. EDN: DWUPBX

© Поцелуев Е. Л., 2025
© Potseluev E. L., 2025

The article was submitted: 19.07.2025
The article approved after reviewing: 18.08.2025
The article accepted for publication: 16.09.2025

"Four Graves of Modern Philosophy of Law": Reflection on the Views by Bjarne Melkevik

Potseluev E. L.
Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
E-mail: elp777@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the consideration of four theses of the famous scientist B. Melkevik. The attitude of researchers to his ideas is polar: from recognition of him as an outstanding thinker to harsh criticism of his views. We will discuss their points of view and present our view on the ideas of this Norwegian-Canadian thinker. The chosen topic has not been the subject of a special analysis.

Methodology and materials. When writing this text, logical methods of analysis and synthesis, methodological methods of doctrinal interpretation of Melkevik's four key propositions and his work "Philosophy of law in the current of modernity" are used. We also studied the following works by the scholar: "Why is it necessary to study the philosophy of law?", "Legitimacy and Human rights", "Marxism and the philosophy of law: Bazukanis as a model", "Why Individual Freedom and the Autonomy of Law Stand or Fall Together" (co-author — O. Melkevik, "The strong rule of law state: how to resist modern destructive authoritarianism", "Legal epistemology and already-law", "Jurgen Habermas and the Theory of communicative action", "Habermas and Rolls", etc. We used the works by M. V. Antonov, V. I. Kruss, V. V. Ogleznev, A. V. Polyakov and others. We believe that the information we have allows us to draw certain conclusions.

Research results and their discussion. Four propositions by B. Melkevik are analyzed: to free oneself from the task of dictating the rules of doctrinal creativity; the philosophy of law must free oneself from the trap of statism; it is necessary to take seriously the autonomy of individuals; the philosophy of law must refuse from funding. At the end of the article, conclusions are drawn and the author's position is formulated.

Conclusions. The main result is that what B. Melkevik calls graves for the modern philosophy of law, we would call risks. His concept is the understanding of law through the communication of individuals, intersubjective relations with their freedom and in compliance with democratic procedures and procedural restrictions. Law according to B. Melkevik is an art applied in practice. Individuals should be the masters of law.

Keywords: philosophy of law, Bjarne Melkevik, doctrinal law-making, trap of statism, autonomy of law, autonomy of the individual, refusal of funding.

For citation: Potseluev, E. L. "Four graves of modern philosophy of law": Reflection on the views by Bjarne Melkevik. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 149–161. (In Russ.)

Введение

Б. Мелкевик получил степень доктора права в Университете Пантеон-Ассас (Париж II)[1], он титулярный профессор юридического факультета Университета им. Лаваля (Квебек, Канада), один из наиболее интересных мыслителей современности[2, 3], «известный сторонник коммуникативной теории

[1] См.: *Мелкевик Б.* Юридическая эпистемология и уже-право. Пер. с фр. В. А. Токарева. Науч. ред. пер. М. В. Антонов. Париж: Buenos Book International, 2017. С. 2.

[2] См.: *Антонов М. В.* Философия права Бъярна Мелкевика. Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Quebec Les Presses de L'Universite Laval, 2010. Vol. 1. 649 p. // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 3. С. 260.

[3] См.: *Поляков А. В.* Предисловие научного редактора. Ю. Хабермас и Б. Мелкевик: вызов юридической науке // Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / пер. с фр. Е. Г. Самохиной / науч. ред. А. В. Поляков. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 9.

права»[4], «выдающийся специалист в области философии и теории права, юридической методологии и юридической аргументации»[5]. А. В. Поляков констатирует, что Б. Мелкевик «хорошо известен российскому читателю», его статьи регулярно публиковались в «Российском ежегоднике теории права», в журнале «Известия вузов. Правоведение»[6], других отечественных журналах[7], сборниках научных трудов и материалах научных конференций[8]. А. В. Поляков описывает четыре научные статьи Б. Мелкевика на страницах вышеуказанного журнала за относительно короткий период времени: 2012–2015 гг.[9] Работы Б. Мелкевика печатались и в виде книг[10]. На русском языке статьи ученого публиковались также в журнале «Право и государство» (Казахстан)[11].

Философско-правовые взгляды Б. Мелкевика анализировались М. В. Антоновым в рецензиях на книги Б. Мелкевика[12], к совместной статье М. В. Антонова и Е. А. Патрикеевой[13], в предисловии А. В. Полякова[14], совместной статье Д. А. Артаманова и С. В. Тихоновой о юридическом осмыслении «коллективной памяти, исторической ответственности и коллективной вины»[15], а также В. И. Круссом[16] и др. Он весьма критично с позиций конституционного правопонимания оценивает эпистемологию Б. Мелкевика, его идеи о классической и современной философии права. Мы же рассматриваем четыре тезиса Б. Мелкевика из его работы «Философия права в потоке современности»[17] в контексте других его научных публикаций прежде всего с позиций теории права.

---

[4] *Антонов М. В.* Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Volume 2. Quebec: Presses de L'Universite Laval, 2014. 592 p. // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 6. С. 221.

[5] *Мелкевик Б.* Сильное правовое государство: как противостоять современной разрушительной авторитарности / пер. с англ. Е. Г. Самохиной // Право и государство. 2018. № 1-2. С. 35, примеч.

[6] См.: *Поляков А. В.* Предисловие научного редактора. С. 5.

[7] См.: *Мелкевик Б.* «Я есть естественное право»: критика интеллектуальной ловушки / пер. с фр. Е. Г. Самохиной // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12. № 4. С. 11–34; Мелкевик Б. Право между экологией и ойкуменой: доводы в пользу публичной нормативности // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 6. С. 71–93; и др.

[8] См.: *Мелкевик Б.* Почему нужно изучать философию права? // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самар. гуманит. акад, 2010. С. 231–241; *Мелкевик Б.* Суд царя Соломона: справедливость, сострадание и интересы ребенка / пер. с фр. Е. Г. Самохиной // Право и государство в их соотношении: теоретическое наследие исторической школы права: к 200-летию «Журнала исторического правоведения»: сб. науч. тр. / общ. ред. В. Г. Графского, Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой. СПб.: ФГБУ «Президентская библиотека», 2016. С. 208–237; *Мелкевик Б.* Трюизм права, понимаемого через категорию нарушения / пер. с фр. Е. Г. Самохиной // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности и справедливости: сб. тр. междунар. конф. (Воронеж, 2–4 июня 2016 г). Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 107–130; *Мелкевик Б.* Воздавая должное Бейлю: к вопросу терпимости и права // Право, религия и социальные трансформации XX–XXI вв.: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 19–22 окт. 2016 г. / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 413–431; и др.

[9] См.: *Мелкевик Б.* Говорите на языке «нового нарратива о праве», или о том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя / пер. с фр. М. В. Антонова, Е. А. Патрикевой // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 1. С. 37–56; *Мелкевик Б.* Ответственность перед лицом смерти. Дело Сью Родригез, рассмотренное Верховным Судом Канады / пер. с фр. В. А. Токарева // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 2. С. 161–171; *Мелкевик Б.* Легитимность и права человека / пер. с фр. В. А. Токарева // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 6. С. 55–65; *Мелкевик Б.* Юридическая эпистемология и «уже-право» // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 4. С. 6–49; См.: *Поляков А. В.* Предисловие научного редактора. С. 5.

[10] См.: *Мелкевик Б.* Марксизм и философия права: случай Пашуканиса / пер. с фр. Т. А. Живова. Науч. ред. пер. — М. В. Антонов. Париж: Buenos Book International, 2016. 98 с.; *Мелкевик Б.* Юридическая эпистемология и уже-право. Пер. с фр. В. А. Токарева. Науч. ред. пер. — М. В. Антонов. Париж: Buenos Book International, 2017. 135 с.; *Мелкевик Б.* Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / пер. с фр. Е. Г. Самохиной / науч. ред. А. В. Поляков. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. 95 с.; *Мелкевик Б.* Хабермас и Ролз. Рассуждения о демократии. Науч. ред. д-р юрид. наук И. Л. Честнов. Пер. Е. Г. Самохина. М.: РГ-Пресс, 2024. 136 с.; и др.

[11] См.: *Мелкевик Б., Мелкевик О.* Почему свобода индивида и автономия права существуют и исчезают одновременно / пер. с англ. Е. Г. Самохиной // Право и государство. 2017. № 1-2. С. 26–34; *Мелкевик Б.* Сильное правовое государство: как противостоять современной разрушительной авторитарности. С. 35–42.

[12] См.: *Антонов М. В.* Философия права Бъярна Мелкевика. Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Quebec Les Presses de L'Universite Laval, 2010. Vol. 1. 649 p. // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 3. С. 260–268; *Антонов М. В.* Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Epistémologie juridique et déjà-droit. Paris: Buenos Books International, 2014. 121 p. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2. С. 252–259; *Антонов М. В.* Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Volume 2. Quebec: Presses de L'Universite Laval, 2014. 592 p. // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 6. С. 221.

[13] См.: *Антонов М. В., Патрикеева Е. А.* Критика нарративной юриспруденции в работах Б. Мелкевика // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 1. С. 33–36.

[14] См.: *Поляков А. В.* Предисловие научного редактора. Ю. Хабермас и Б. Мелкевик: вызов юридической науке. С. 5–9.

[15] См.: *Артаманов Д. С., Тихонова С. В.* «Безжалостная милостивая Лета» Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2. С. 15–21. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21

[16] См.: *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание и вызовы инструментально-юридической эпистемологии // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 46–57. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7; *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание vs Бъярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133

[17] См.: *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности. С. 528–545.

Методология и материалы

При написании статьи использованы логические приемы анализа и синтеза, проведена интерпретация ключевых тезисов Б. Мелкевика в его работе «Философия права в потоке современности» и ряде других научных публикаций этого исследователя. В работе показано, как воспринимаются исследования и философско-правовые взгляды Б. Мелкевика отечественными учеными-юристами.

Результаты исследования и их обсуждение

Четыре могилы современной философии права во имя освобождения

Первый тезис: «Освободиться от задачи диктовать правила доктринального творчества»

Б. Мелкевик утверждает, что «необходимо освободить философию права от какой бы то ни было роли „сторожевого пса" по отношению к доктринальному юридическому творчеству», то есть перестать контролировать и определять правовую доктрину, догматику или даже «теорию» права. Слово «теория» автор берет в кавычки. Возможно, он делает это потому, что в XX и XXI вв. продолжается торжество юридического позитивизма над естественно-правовыми концепциями[18].

Б. Мелкевик с уважением и даже восхищением относится, например, к Г. Кельзену[19] и А. Россу и др., но при этом довольно критично оценил как прошлое, так и современное состояние философии права. В. И. Крусса впечатлил «список авторов „иррациональных заблуждений" о праве: от Канта до позитивистов, затем — до Кельзена и Лумана, скандинавских и американских реалистов и далее»[20]. Б. Мелкевик убежден, что задачей философии права не является поиск ответов на вопросы «действительного права», «понятия права» и т. п. Ученый объясняет свою точку зрения: правовая доктрина «не имеет единого волшебного ответа на эти вопросы». По его мнению, философия права должна заняться критикой, разоблачением «научного» самозванства и развитием иных альтернатив. При этом «никогда не нужно отказываться от рассмотрения вопроса о праве как о феномене, интеллектуально неразрывно связанном с практикой и самоопределением индивидов в рамках концепции юридической современности»[21]. Б. Мелкевик утверждает, что «проблема заключается в том, что сегодня „теория" стала независимой от практики»[22].

Позиция ученого очевидна: если теория не учитывает правовые реалии, то таковой она не является. Главным вопросом для Б. Мелкевика является не та или иная проблема юридической теории и практики, а «состояние интеллектуального здоровья» юристов и правоведов в XXI в.[23]

М. В. Антонов разъясняет, что право по Мелкевику — это «прежде всего автономный порядок самообязывания», «то, что создается в рамках коммуникативного дискурса на основе демократических процедур»[24]. В условиях идеологического, теоретико-методологического научного плюрализма «волшебного», единственно правильного ответа, понятия, концепции, учения и т. п. нет и не предвидится. Если мы правильно поняли мысль Б. Мелкевика, то он призывает каждого исследователя (или каждого интеллектуала — юриста?) к научному поиску, к созданию альтернативных теорий, что мы приветствуем, но и здесь есть риски «научного» самозванства, о которых пишет Б. Мелкевик. Ученый связывает право с практикой. Под юридической практикой мы понимаем, во-первых, деятельность в сфере права; во-вторых, опыт, который накапливается в процессе этой деятельности; в-третьих, юридически значимый результат. Акторы — это все участники правовых отношений, все, кто реализует (осуществляет) нормы права, в том числе правоприменители, например судьи, если они не создают прецедент. Таким

[18] Там же. С. 528.
[19] См.: Там же. С. 533.
[20] *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание vs Бьярн Мелкевик и «другие». С. 23.
[21] *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности. С. 530–531.
[22] *Мелкевик Б.* Юридическая эпистемология и уже-право. С. 11.
[23] *Антонов М. В.* Философия права Бьярна Мелкевика. С. 261.
[24] *Антонов М. В.* Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. С. 222.

образом, в концепции Б. Мелкевика есть признаки социологического подхода к праву. Одну из своих статей Б. Мелкевик заканчивает следующими примечательными словами: «...Мы надеемся соединить практическую сторону права с перспективной стороной философии. Мы желаем в некоторой степени примирить юридический проект с идеей философии, рассмотренной как демократическая практика»[25].

Акцентируем внимание на двух важных, по нашему мнению, моментах: первый — Б. Мелкевик последовательно выступает за прагматизм философии права. Второй момент — ученый имеет в виду не любую юридическую практику, а правовую практику, когда неуклонно, неукоснительно соблюдаются все демократические процедуры.

М. В. Антонов пишет, что Б. Мелкевик «апологизирует автономию субъектов, которые в рамках дискурсивной легитимации могут принимать решения о своих и чужих правах, — такие решения будут правовыми, если основаны на демократичном публичном обсуждении и открытой коммуникации»[26]. По оценке М. В. Антонова, Б. Мелкевик занимает двусмысленную позицию: «С одной стороны, „юридическое Мы“ не играет решающей роли в его объяснении процесса правогенеза — в конце концов, все зависит от действий и настроений отдельных лиц». А с другой — «речь идет о примате коллективного начала („юридического Мы“), но при условии обеспечения известных процедурных правил и господства особого рода идеологии демократической автономии»[27].

В. И. Крусс весьма критично оценивает взгляды Б. Мелкевика[28]. Ученый не согласен с предельной концентрацией внимания на субъекте — субъектной составляющей правовой действительности, «погружение... в феноменологическое восприятие социального...»[29]. В. И. Крусс пишет, что «объявить онтологические поиски права „научной ересью“ (Б. Мелкевик) — равносильно провозглашению юридического атеизма»[30]. На самом деле задачей Б. Мелкевика является как раз десакрализация, расколдовывание (по М. Веберу) права.

В. И. Крусс отмечает алогичность позиции Б. Мелкевика в работе «Философия права в потоке современности»: юридическая современность — это лабиринт, «в котором мы оказались без карты и компаса», а выход из него — полная автономия и взаимное доверие «друг другу в качестве авторов и адресатов их законов, их норм, их институтов и их права»[31].

По нашему мнению, мы вполне можем исходить из презумпции доверия и взаимного признания огромного количества лиц в качестве правотворцев и всех — адресатов норм права, носителей юридических прав и реальных или потенциальных юридических обязанностей. Совершенно очевидно, что несовершеннолетние, психически больные, лица, которые приговорены к лишению свободы и отбывают это наказание, правотворцами не являются.

Второй тезис. Философия права должна освободиться от плена этатизма

Б. Мелкевик объясняет свою позицию: «Философия права до сих пор неспособна рассматривать вопрос о праве, не затрагивая при этом, прямо или косвенно, понятие государства. Вездесущая неспособность рассматривать „право“ вне государства, без опоры на идеологический „костыль“ этатистской идеологии, затрудняет развитие философии права и понимание растущей сложности вопроса о праве в юридической современности и даже препятствует им. С этой точки зрения получает объяснение наш второй тезис о том, что философия права должна избавиться от всякой одержимости этатизмом»[32].

Далее Б. Мелкевик критикует кельзеновское понимание государства как правопорядка. Он пишет, что такой подход уместен лишь тогда, «когда современное государство утверждается в рамках центра-

---

[25] *Мелкевик Б.* Почему нужно изучать философию права? С. 241.
[26] *Антонов М. В.* Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. С. 220.
[27] Там же. С. 226.
[28] См.: *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание и вызовы инструментально-юридической эпистемологии. С. 48.
[29] Там же. С. 48–49.
[30] Там же. С. 52.
[31] Цит. по: Конституционное правопонимание vs Бърн Мелкевик и «другие». С. 23.
[32] *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности. С. 531.

лизованной и огосударствленной администрации»[33], то есть в западных странах, начиная с XIX в., что понимал и сам Г. Кельзен. Б. Мелкевик считает, что «произошедшее в ходе истории „завладение" государства юристами в настоящее время уже является анахронизмом». По его мнению, в начале нынешнего столетия уже не юристы, а другие специалисты «характеризируют аппарат западных стран»[34].

Во-первых, полагаем, что в обозримом будущем часть как отечественных, так и зарубежных философов права сохранит верность этатизму: командной теории Дж. Остина, еще больше нормативной теории права Г. Кельзена и аналитической юриспруденции Г. Харта или инклюзивной теории права Е. Булыгина и др. Во-вторых, в юснатурализме, возрожденном естественном праве, в том числе Г. Радбруха, либертарной теории В. С. Нерсесянца, коммуникативной теории права А. В. Полякова, в диалоговой концепции понимания права И. Л. Честнова приоритет явно отдается праву, а не государству. А. В. Поляков, и не он один, понимает государство как правовой институт. В-третьих, вызывает все-таки сомнение полное изгнание, игнорирование государства философами права. Юристы знают, что государство и в современный период остается важным правотворцем в лице парламента, главы государства в президентских и президентско-парламентских республиках, а также интерпретатором юридических норм в лице законодателей и судов, особенно высших, и одним из главных правоприменителей. Конечно, Б. Мелкевик прав в том, что у государства нет монополии на правотворчество.

Б. Мелкевик полагает, что «энергия правовой культуры людей и защита ими своих прав и свобод — основа сильного правового государства»[35]. Нам импонирует идея Р. Иеринга борьбы за права и свободы человека, хотя бы по той причине, что она подтверждена многочисленными историческими фактами и призывает всех индивидов к активному правомерному поведению.

Третий тезис. Относиться серьезно к автономии индивидов

Выбор в пользу автономии права представляется Б. Мелкевику «конструктивным и существенным для понимания юридической современности». Он продолжает защиту автономии на другом уровне — уровне индивидов. По его мнению, «философия права должна полностью уважать автономию индивидов (субъектов права) во всем, что касается вопросов права»[36]. На взгляд Б. Мелкевика, в современной философии права «такая автономия была необоснованно предана забвению или, точнее, утоплена в системе „реификации", предполагавшей представить „право" с точки зрения позитивизма, объективизма или естественного права. Но, проткнув мыльный пузырь этатизма, мы, как раз наоборот, можем вернуть право его носителям, то есть индивидам»[37].

Во-первых, в настоящее время, к примеру, в отечественной и белорусской теоретико-правовой и философско-правовой науке существует антропология права. Она представлена такими именами, как, например, А. И. Ковлер[38], В. И. Павлов[39] и др.

Считается, что взгляды Б. Мелкевика вписываются в коммуникативную теорию права или, по крайней мере, коррелируют с ней. И для этого есть аргументы, однако, как отмечает С. И. Архипов, субъект права в коммуникативной теории выводится как за рамки системы права (права в узком смысле), так и за рамки правовой системы, то есть в широком (нестрогом) смысле слова[40]. А у Б. Мелкевика индивид, субъект права — это центральная фигура права.

Б. Мелкевик довольно резко протестует против того, что современная философия права разделяет понятия «индивид» и «субъект права», отдавая явно приоритет последнему. В результате «всё, касаю-

---

[33] Там же. С. 533.

[34] Там же, примеч.

[35] *Мелкевик Б.* Сильное правовое государство... С. 41.

[36] *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности. С. 534.

[37] См.: Там же. С. 534–535.

[38] См.: *Ковлер А. И.* Антропология права: учебник для вузов. М.: Норма, 2019. 480 с.

[39] См.: *Павлов В. И.* К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 4. С. 71–97; *Павлов В. И.* От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права: [монография]; Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. Мин-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Акад. МВД, 2011. Гл. 7. Синергийная антропология как возможность неклассического юридического дискурса: на пути к синергийно-антропологической концепции права. С. 270–302.

[40] *Кожевников В. В.* Коммуникативный тип правопонимания // Кожевников В. В. Философия права: учебник. М.: Проспект, 2022. С. 566.

щееся конкретного индивида, во плоти и крови становится чуждым и несущественным для философии права (так же как и для догматического/доктринального творчества)»[41].

Отметим, что термин «субъект права» намного более емкий, чем индивид, поскольку субъектами права могут быть и юридические лица, государство, а в международном праве, например, современные ученые выделяют первичных и производных субъектов. К первым относят государства и «народы, государственность которых, находясь в процессе становления, достигла степени, позволяющей им участвовать в межгосударственных отношениях», а ко вторым «обычно относят межправительственные организации»[42]. В словаре-справочнике «Международное право» первичными субъектами названы «*государства, народы* и нации, в том числе ведущие борьбу за независимость и создание собственного национального государства»[43]. Кроме того, теория права, а тем более философия права предполагают определенный уровень абстрагирования, чтобы дать определение, понятие, категорию какого-то феномена, поэтому странно видеть упрек современным ученым, что они забыли про конкретного индивида. Судьба конкретного индивида, например, выдающегося ученого, его трудов, много раз уже была и будет предметом научных, в том числе диссертационных исследований. Историками изучается повседневная жизнь людей в разные времена и в разных странах. Но для догмы права, понятийно-категориального аппарата нужно абстрагирование. Для нас это аксиоматично. Полагаем, что понятие «индивид» как синоним понятия «физическое лицо» вполне корректно использовать как в теории права, так и в философии права.

По мнению Б. Мелкевика, «искажение права не сводится лишь к догматике, но касается также (всё в большей степени) роли судьи». Он пишет, что в Северной Америке благодаря Рональду Дворкину и его последователям из судьи делают «нового епископа», полубога, исповедника публичной совести, руководителя данной «общности принципов»[44].

Б. Мелкевик справедливо полагает, что роль судьи «может иметь смысл исключительно в свете его отношений с носителями права, то есть его роль как стороннего арбитра обнаруживается только в процедурном плане, через наделение индивидов процессуальными правами в свете оспариваемого права»[45].

Далее ученый пишет то, с чем мы можем согласиться лишь частично: «В принципе только индивиды могут решать вопрос об обращении к стороннему арбитру для разрешения их вопроса, что понимается как продолжение их автономии и свободы»[46]. Совершенно очевидно, что это относится к спорам гражданско-правового характера лишь между физическими лицами, но, например, юридическое лицо может обратиться за защитой своего нарушенного права, если индивид не оплачивает счета за коммунальные услуги, электроэнергию и т. п. В арбитражные суды обращаются в основном хозяйствующие субъекты, а это, как правило, юридические лица и государственные и муниципальные органы. Если брать уголовный процесс, то, конечно, есть дела частного обвинения (соответственно, частный обвинитель, он же потерпевший), но, опять же, преобладает рассмотрение уголовных дел публичного характера, и все их рассматривают судьи от имени государства. Правда, в любом процессе участвуют стороны, которые представлены индивидами, обладающими определенным процессуальным статусом.

Посмотрим на дальнейшую аргументацию Б. Мелкевика. Он утверждает, что в подобных делах «автономия судьи никогда не будет неограниченной, но, наоборот, окажется процессуально подчиненной индивиду и его вопросам о праве. Судье надлежит лишь выслушать аргументы сторон процесса и взвесить их, тогда как он никогда не должен взвешивать что-либо другое, исходящее либо от него самого, либо откуда-то извне. Если результат разбирательства будет приемлемым для обеих сторон, то для них

---

[41] *Мелкевик Б.* Философия в потоке современности. С. 535.

[42] *Черниченко С. В.* Понятие, особенности и система международного права // Международное право: учебник / отв. ред. А. А. Данельян, С. А. Егоров. М.: Проспект, 2023. С. 25.

[43] Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцев О. Г. Международное право. Словарь-справочник / под общ. ред. д-ра юрид. наук В. Н. Трофимова. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 307.

[44] *Мелкевик Б.* Философия в потоке современности. С. 536–537.

[45] Там же. С. 537.

[46] Там же.

это будет правом. Если же результат неприемлем, то решение суда окажется в мусорной корзине, а стороны будут заинтересованы в том, чтобы найти более смышленого стороннего арбитра»[47].

Безусловно, автономия судьи не безгранична, так как он находится в правовом поле и должен руководствоваться действующими нормами и принципами права на данной территории, учитывать судебную практику высших судов страны, их правовые позиции. Юристам известно, что существует свобода судейского (судебного) усмотрения. К примеру, одно и то же деяние может быть квалифицировано поразному: как убийство, превышение пределов необходимой обороны и необходимая оборона. Судьи руководствуются также своим внутренним убеждением. Если бы решениями по всем делам стороны были довольны, то производство по ним завершалось бы в первой инстанции, но практика говорит об обратном. Постановление или приговор нередко обжалуют обе стороны. К примеру, вынесен обвинительный приговор по конкретному делу, но обвиняемый этот приговор обжалует, так как считает себя невиновным, а прокурор (государственный обвинитель) обжалует, поскольку считает наказание излишне мягким. Индивиды, чьи права, как они полагают, нарушены на территории стран Совета Европы, как известно, в конечном счете могут обратиться в Европейский суд по правам человека. В целом ряде случаев петиционеры выигрывают процесс против того или иного государства, но далеко не в каждом случае. Если решение не устроило индивида, то получается, что и судьи высших судов государств, международных региональных организаций, международных организаций, Международного уголовного суда поступили неправильно, несправедливо?.. Рациональное зерно в размышлениях Б. Мелкевика видим в том, что компромисс возможен по спорам частноправового характера как в судах общей юрисдикции, так и в третейских судах, при использовании примирительных процедур, медиации в публичном и частном праве. А приговор и постановление должны быть законными, обоснованными, справедливыми и т. п.

Невозможно согласиться и с другим утверждением Б. Мелкевика: только индивиды решают, что есть право и что не право. Это ведет почти к абсолютному субъективизму, отсылает нас к психологической теории права Л. И. Петражицкого. Мы ценим в этой теории то значение, которое придается правосознанию индивидов. Действительно, от правосознания и, как следствие, правовой культуры зависят результаты правотворчества, интерпретации норм права и реализации этих норм, в том числе и правоприменения.

Индивидов Б. Мелкевик называет одновременно авторами и адресатами права. По его мнению, «право может существовать только на благо индивидов, но никоим образом не на благо судьи, государства, нации, системы либо какого-либо еще абстрактного монстра. Право принадлежит собственно только его носителям...»[48] По его мнению, субъекты права должны иметь возможность и хотеть реально и взаимно утвердиться в качестве авторов юридических и политических норм, прав и институтов[49]. Общеизвестно, что совершеннолетние граждане (подданные) могут быть на референдумах и плебисцитах правотворцами. Для написания конституций, кодексов и других законов, а также подзаконных актов требуются юридические знания, чтобы сформулировать нормы и принципы права, юридические конструкции, правильно использовать способы изложения моделей поведения, их структуры, способы и методы правового регулирования и т. п. Совершенно очевидно, что нужны профессиональные знания юридической техники, если точнее, то правотворческой, еще конкретнее — законодательной. Доктор юридических наук, профессор, известный современный российский теоретик права В. М. Баранов предлагает готовить в юридических вузах и на юридических факультетах норморайтеров[50], то есть правотворцев, и мы видим в этом рациональное зерно. Если взять прецедентное право XX–XXI вв. (административное и судебное) и его наиболее важную часть — судебные прецеденты, то все они созданы исключительно юристами, причем юридической элитой. Известен престиж судьи в Англии, США, ФРГ и ряде других государств, а тем более судей высших судебных инстанций. Кроме того, государства — субъекты

[47] Там же.

[48] Там же. С. 537.

[49] См.: *Мелкевик Б.* Легитимность и права человека // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 6. С. 55.

[50] См.: *Баранов В. М.* Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29; Норморайтер как профессия. Материалы дискуссии / сост. В. М. Баранов. 2-е изд. М.: Проспект, 2019. 376 с. и др.

международного права, и у них, конечно, есть права и юридические обязанности. В настоящее время существуют коллективные права (третье поколение прав человека), в том числе у народов и наций, поэтому абсолютизация роли индивида как единственного субъекта права не соответствует современным правовым реалиям. Не можем мы согласиться и с тем, что государство, нация, система — это всегда монстр...

Б. Мелкевик и О. Мелкевик[51] рассматривают право как искусство, применяемое на практике, «которое должно быть автономным для того, чтобы наилучшим образом выполнять свои главные задачи, сводящиеся к разрешению конфликтов — как в зале суда, так и за его пределами»[52]. Жизнь пронизана юридическими конфликтами, и их превенция и разрешение имеют огромное значение. Есть типичные юридические ситуации и, например, типовые договоры, и их составление — это ремесло, а не искусство. Или, к примеру, мы называем искусством толкования только юридическую герменевтику, а далеко не любое разъяснение, в том числе профессиональное (специальное) и доктринальное (научное, теоретическое).

Вывод Б. Мелкевика категоричен и однозначен: «Та философия права, которая не признает полностью и безоговорочно автономию и свободу носителей права, ничего не стоит. ...В нашей юридической современности правовая возможность осуществляется (или теряется) в соответствии с автономией и свободой индивидов»[53]. Поскольку утверждается полная, безоговорочная автономия и свобода индивидов, то это напоминает отчасти либертарное правопонимание (свобода).

Четвертый тезис. Философия права должна отказаться от любых попыток фундирования

У Б. Мелкевика фундирование — «эпистемологическая теория, которая исходит из того, что в основе человеческого знания лежат базовые верования, воспринимаемые как самоочевидные и обосновывающие все остальные верования, представления, идеи»[54]. Ученый объясняет свое негативное отношение к фундирующим рассуждениям двумя причинами: во-первых, присутствует «факт мобилизации (сознательной или нет) воли к „основанию“ дискурса через отсылку к сознанию, разуму, рациональности, априори, апостериори и т. п.»; во-вторых, «факт придания „объективности“ <...> или признака „конкретности“ понятиям», например «справедливости», «благу» и др.[55] Поскольку в начале XX в. споры в североамериканской философии права велись между сторонниками фундирования права на «справедливости» Джона Роулза и сторонниками фундирования на «благе» Джона Финниса, то Бъярн Мелкевик критически анализирует обе доктрины, причем оба термина берет в кавычки[56].

Б. Мелкевик приходит к выводу, что попытки фундирования того или иного понятия, как и селекция модных (или «симпатичных») понятий, фундирующих концепций, — это бесплодная борьба, лишь ловушка для ума[57].

Наверное, следует согласиться с древним постулатом, применимым к науке: всё подвергай сомнению. Действительно, исследователь должен мыслить критически, не принимать на веру те или иные взгляды, теории и т. п. Будем последовательны, и тогда это в полной мере относится и к трудам Б. Мелкевика. Сделаем все-таки оговорку: референтная группа ученых пришла к консенсусу и договорилась о том, что необходимо понимать под нормой права, юридическим фактом, правоотношением и т. п., тогда, наверное, не нужно всякий раз подвергать сомнению или тем более отрицанию содержание догмы права, пока не появится новый взгляд, например, на санкции в праве и институт юридической ответственности. Пожалуй, следует согласиться с позицией двух известных российских правоведов М. В. Антонова

[51] О. Мелкевик — научный сотрудник в Королевском университете Онтарио (Канада), научный сотрудник Центра этики Эдмонда Сафры при Гарвардском университете. См.: *Мелкевик Б., Мелкевик О.* Почему свобода индивида и автономия права существуют и исчезают одновременно. С. 26.

[52] *Мелкевик Б., Мелкевик О.* Почему свобода индивида и автономия права существуют и исчезают одновременно. С. 26.

[53] *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности. С. 538.

[54] Там же. Прим. пер. С. 538.

[55] Там же.

[56] См.: Там же. С. 540–542.

[57] См.: Там же. С. 544.

и В. В. Оглезнева, что «задачей теории права является не оправдание существующих в правопорядке языковых конвенций, а прояснение значения понятий, используемых в рамках этих конвенций»[58].

В. И. Крусс находит идеологическую подоплеку (идентичность) «юридической эпистемологии» Б. Мелкевика — классический либерализм с его мультикультурностью и плюрализмом. «Из-за кулис риторического негодования по поводу *любых* попыток фундинирования... выглядывает лицо, вполне узнаваемое даже под макияжем современности. Персонаж этот — *классический либерализм*... „Нелегитимная легитимность“ у Б. Мелкевика вполне определена в призывах обеспечить триумф плюралистического и мультикультурного»[59].

Еще в начале XXI в. А. В. Поляков справедливо, на наш взгляд, отмечает, что в настоящее время «любая правовая концепция может рассматриваться лишь в контексте других концепций, как текст о текстах», что «не исключает самого стремления к всеобщности и интеграции». По его мнению, «реальная интеграция научного знания возможна только через диалог различных концепций, школ и направлений»[60].

Выводы

Б. Мелкевик последовательно выступает с позиций антиэтатизма, за отказ от монополизации истины, за демократизацию общества, за либеральные ценности (свободу индивида), антропоцентризм права, против абсолютизации, фетишизации роли судьи в процессе, судебном разбирательстве. Его либеральные представления вплетены в канву коммуникативной теории права.

Подведем итог:

1. Благодаря своим докладам на научных конференциях в Иванове, Воронеже, Минске и особенно в Санкт-Петербурге Бъярн Мелкевик известен научной общественности России, Республики Беларусь и других постсоветских стран на протяжении примерно последних десяти-пятнадцати лет.

2. М. В. Антонов, А. Н. Остроух, Е. Г. Самохина, В. А. Токарев и другие ученые перевели на русский язык научные труды Б. Мелкевика, предварили их вступительными словами, а главные редакторы (А. В. Поляков, С. Ф. Ударцев и др.) ведущих юридических журналов нашей страны и Казахстана опубликовали их на русском языке, снабдив предисловием (А. В. Поляков и др.). Статьи ученого вошли в сборники научных статей и материалы международных научных конференций, изданные, соответственно, в Воронеже, Самаре и Иванове. Всё это сделало идеи, мысли ученого доступными уже для широкой отечественной аудитории, и они стали предметом специального анализа (М. В. Антонов, В. И. Крусс, Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова). Работы Б. Мелкевика публикуются на французском, английском, испанском и других языках, поэтому он становится ученым с мировым именем.

3. То, что Б. Мелкевик называет могилами для современной философии права, мы бы назвали рисками.

4. В условиях рыночной экономики, идеологического плюрализма, академической свободы неизбежно будут существовать различные взгляды на право, различные типы правопонимания, а следовательно, юснатуралистская, этатистская (позитивистская), интегральная (или интегративная) философия права, причем с различными вариациями. Эти типы правопонимания некоторые исследователи (В. В. Кожевников) не без оснований называют классическими. Есть сомнения, что интегративный или интегральный тип правопонимания стал классическим, так как, если относить к нему коммуникативную теорию права А. В. Полякова и понимание права как диалога И. Л. Честнова, то в их концепциях налицо влияние так называемых новых теорий, постмодерна, постклассики и т. п. Но мы поддерживаем позицию тех авторов, которые считают интегративный (интегральный) тип правопонимания одним из основных в конце XX — первой четверти XXI в. Существует конкуренция идей, теорий, взглядов на право, и доктрины могут быть как доминирующими, так и маргинальными.

---

[58] *Антонов В. В., Оглезнев В. В.* Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 4. С. 43.

[59] *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности. С. 50.

[60] Вступительное слово А. В. Полякова // Коммуникативная концепция права: вопросы теории. Обсуждение монографии А. В. Полякова. СПб.: Питер, юридический факультет СПбГУ, 2003. С. 8.

5. Для нас очевидно, что абсолютизировать роль государства, государственных органов в сфере права ошибочно, так как это не соответствует правовым реалиям, но мы выступаем против принижения этих акторов в сфере правотворчества, интерпретации и правоприменения, поскольку это диссонирует с юридической действительностью.

6. Нам импонирует антропоцентристский подход Б. Мелкевика и его единомышленников, последователей; акцент на субъективных правах индивида, демократический, свободолюбивый настрой автора, его неприятие автократии и т. п. Но если порядок, как справедливо пишет А. В. Поляков, одна из основных эйдетических ценностей, то он невозможен без режима законности, без реализации принципа законности, а это подразумевает своевременное и неукоснительное выполнение всеми субъектами права, в том числе и индивидами, своих юридических обязанностей: соблюдение запрещающих норм и исполнение обязывающих.

7. Не разделяем критический подход ученого к догматике права, поскольку понятийно-категориальный аппарат нужен, по крайней мере, студентам, чтобы овладеть знаниями о праве, ученым, законодателям, особенно в странах романо-германской правовой семьи, еще больше при создании принципов и норм международного права.

8. Заслуживает внимания призыв Б. Мелкевика к практикализации философии. Существует, например, теоретическая физика, поэтому и философия может быть доктринальной, отвечающей на глубинные вопросы: бытие права, его сущность, природа и т. п. Если возможна прикладная философия права, то это, на наш взгляд, замечательно, так как она будет давать ответы практикующим юристам, например, об истине, фактах, доказательствах, правосудии и др. Наверное, здесь могут внести и уже вносят, как мы уже отмечали, свой вклад представители отраслевых юридических наук[61], теоретики права и философы права — практикующие юристы, в том числе адвокаты.

9. Концепция Б. Мелкевика — это довольно оригинальная версия коммуникативного осмысления права, заслуживающая пристального внимания и вдумчивого анализа.

10. Отметим богатый, яркий, образный, метафоричный и провокативный язык произведений ученого и постановку им острых, актуальных и важных в доктринальном и практическом плане проблем современной юриспруденции, в особенности — философии права.

Список источников

1. *Антонов М. В.* Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du droit. Volume 2. Québec: presses de l'Université Laval, 2014. 592 p // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 6 (323). С. 220–229.
2. *Антонов М. В.* Философия права Бъярна Мелкевика Рецензия на книгу: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Quebec: Les Presses de L'Université Laval, 2010. Vol. 1. 649 p. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3 (302). С. 260–268.
3. *Антонов В. В.* Юридический позитивизм и истина в праве / В. В. Антонов, В. В. Оглезнев // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 4. С. 42–61. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-4
4. Вступительное слово А. В. Полякова // Коммуникативная концепция права: вопросы теории: обсуждение монографии А. В. Полякова, Санкт-Петербург, 16 апреля 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. С. 6–18.
5. *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание и вызовы инструментально-юридической эпистемологии // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 46–57. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7
6. *Крусс В. И.* Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бъярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133

[61] См., напр.: *Александров, А. С.* Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // Российский ежегодник права. № 1. 2008 / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Полякова. СПб., 2009. С. 473–497; *Александров А. С., Александрова И. А., Терехин В. В.* Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 561–684.

7. *Мелкевик Б.* Почему нужно изучать философию права? // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. С. 231–241.
8. *Мелкевик Б.* Сильное правовое государство: как противостоять современной разрушительной авторитарности // Право и государство. 2018. № 1-2 (78-79). С. 35–42.
9. *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности / пер. с фр. М. В. Антонова, А. Н. Остроух // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Полякова. СПб.: Юридическая книга, 2009. С. 527–545.
10. Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и уже-право. Пер. с фр. В. А. Токарева. Науч. ред. пер. – М. В. Антонов. Париж: Buenos Book International, 2017. 135 с.
11. *Мелкевик Б., Мелкевик О.* Почему свобода индивида и автономия права существуют и исчезают одновременно / пер. с англ. Е. Г. Самохиной // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). С. 26–34.
12. *Поляков А. В.* Предисловие научного редактора. Ю. Хабермас и Б. Мелкевик: вызов юридической науке // Мелкевик Бъярн «Юрген Хабермас и коомуникативная теория права» / пер. с фр. Е. Г. Самохиной / науч. ред. А. В. Поляков. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 5–9.

Об авторе:

Поцелуев Евгений Леонидович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета Ивановского государственного университета (Иваново, Российская Федерация); кандидат исторических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации; e-mail: elp777@yandex.ru

References

1. Antonov, M. V. (2015) Book review: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Volume 2. Quebec: Presses de L'Universite Laval, 2014. 592 p. *Izvestiya vuzov.* Law studies. No. 6 (323). Pp. 220–229.
2. Antonov, M. V. (2012) Philosophy of law by Bjarne Melkevik. Book review: Bjarne Melkevik. Philosophie du Droit. Quebec Les Presses de L'Universite Laval, 2010. Vol. 1. 649 p. *Izvestiya vuzov*. Law studies. No. 3. Pp. 260–268.
3. Antonov, V. V., Ogleznev, V. V. (2020) Legal positivism and truth in law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.* Vol. 15. No. 4. Pp. 42–61. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-4
4. Preface by A. V. Polyakov (2003). The communicative concept of law: issues of theory. Discussion of A. V. Polyakov's monograph. *Faculty of Law of St. Petersburg State University*. Pp. 6–18.
5. Kruss, V.I. (2020) Constitutional legal understanding and challenges of instrumental legal epistemology. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University.* Vol. 7. No. 3. Pp. 46–57. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7
6. Kruss, V.I. (2021) Constitutional legal understanding vs Bjarne Melkevik and "others". *Russian Law Journal*. Vol. 25. No. 11. Pp. 19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133
7. Melkevik, B. A. (2018) The strong rule of law state: how to resist modern destructive authoritarianism. *The Law and State Journal*. No. 1-2, pp. 35–42.
8. Melkevik, B. (2010) Why is it necessary to study the philosophy of law? Jurisprudence in search of identity: a collection of articles, translations, and abstracts. Edited by S. N. Kasatkin. *Samara humanitarian academy*. Pp. 231–241.
9. Melkevik, B. (2008) Philosophy of law in the current of modernity. Translated from French by M. V. Antonov, A. N. Ostroukh. *Russian Yearbook of Legal Theory.* No. 1. Edited by A. V. Polyakov. *University Publishing Consortium "Yuridicheskaya kniga"*. Pp. 527–545.
10. Melkevik, B. (2017) Legal epistemology and already-law. Translated from French by V. A. Tokarev. Scientific editor V. Antonov. *Buenos Book International.* 135 p.

11. Melkevik, B., Melkevik, O. (2017) Why Individual Freedom and the Autonomy of Law Stand or Fall Together. Translated from English by E. G. Samokhina. Law and State. No. 1-2. Pp. 26–34.
12. Polyakov, A. V. (2018) Preface by the scientific editor. J. Habermas and B. Melkevik: a challenge to legal science. Melkevik Bjarn. Jurgen Habermas and the communicative theory of law. Translated from French by E. G. Samokhina. Scientific editor A. V. Polyakov. *Alef-Press Publishing House*. Pp. 5–9.

About the author:

Yevgeny L. Potseluev, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights of the Faculty of Law, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation); PhD in History, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Russian Federation; e-mail: elp777@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: DZKMWG

BY-SA

Дата поступления статьи: 21.07.2025
Дата поступления рецензии: 07.08.2025
Дата принятия статьи к публикации: 16.09.2025

Право: коммуникация или автокоммуникация?

Рааб Р. С.
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
E-mail: belchikroma@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена рассмотрению права с точки зрения двух типов коммуникации — коммуникации по типу «я — другой» и коммуникации по типу «я — я», также именуемой автокоммуникацией.

Методология и материалы. Исследование отталкивается от работ отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих право как проявление коммуникации, а также от работ теоретика коммуникации Ю. М. Лотмана. Метод исследования основан на выделении «идеальных типов» коммуникации, позволяющих рассматривать право как их частное проявление, анализировать признаки права как типические характеристики того или иного «идеального типа» коммуникации.

Результаты исследования и их обсуждение. С целью рассмотрения права в свете идеально-типических характеристик различных типов коммуникации было раскрыто три вопроса: 1) понимание права как коммуникации по типу «я — другой», составляющее основу значительного числа современных исследований; 2) сущность автокоммуникации «я — я» как такого типа коммуникации, который приводит к появлению новой информации без непосредственного взаимодействия одного индивида с другим и в этом смысле противостоит коммуникации «я — другой»; 3) применение идеи автокоммуникации по типу «я — я» для объяснения характерных черт права как механизма нормативной регуляции социального порядка.

Выводы. Как показало исследование, несмотря на распространенную тенденцию рассматривать право с точки зрения коммуникации по типу «я — другой», именно автокоммуникация «я — я», казалось бы, далекая от правовой регуляции, оказывается довольно близкой к сущности права с точки зрения ряда своих идеально-типических проявлений. В той мере, в которой право является важнейшим механизмом стабилизации социальных процессов, одним из важнейших факторов стабилизации и развития самого права будет его осмысление в терминах автокоммуникации по типу «я — я».

Ключевые слова: теория коммуникации, коммуникация «я — другой», автокоммуникация «я — я», субъект права, инфляция права.

Для цитирования: *Рааб Р. С.* Право: коммуникация или автокоммуникация? // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 162–174. EDN: DZKMWG

© Рааб Р. С., 2025
© Raab R. S., 2025

The article was submitted: 21.07.2025
The article approved after reviewing: 07.08.2025
The article accepted for publication: 16.09.2025

Law: Communication or Self-Communication?

Raab R. S.
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: belchikroma@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the consideration of law from the point of view of two types of communication — communication of the type «From Me — to an Other» and communication of the type «From Me — to Me», also called «self-communication».

Methodology and materials. The research is based on the works of russian and foreign scientists who consider law as a manifestation of communication, as well as the work of communication theorist Yu. M. Lotman. The research method is based on the identification of «ideal types» of communication, which make it possible to consider law as their manifestation, to analyze particular features of law as typical characteristics of a particular «ideal type» of communication.

Results and discussion. In order to consider law in the light of the ideal-type characteristics of various types of communication, three issues were elaborated: 1) understanding of law as a «From Me — to an Other» type of communication, which forms the basis of a significant number of modern studies; 2) the essence of self-communication as a type of communication that leads to the appearance of new information without direct interaction of an individual with another one and in this sense opposes to communication of «From Me — to an Other» type; 3) the application of the idea of self-communication to explanation of the characteristic features of law as a mechanism of normative regulation of social order.

Conclusions. As the study showed, despite the widespread tendency to consider law from the point of view of the «From Me — to an Other» type of communication, it is self-communication of «From Me — to Me» type, seemingly far from legal regulation, that turns out to be quite close to the essence of law in terms of its ideal-type manifestations. As far as law is the most important mechanism for stabilizing social processes, one of the most important factors for stabilization and development of law itself will be its interpretation in terms of self-communication.

Keywords: theory of communication, communication «From Me — to an Other», communication «From Me — to Me», subject of law, inflation of law.

For citation: Raab, R. S. Law: communication or self-communication? *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 162–174. (In Russ.)

Введение

В отечественной науке все большее распространение получает коммуникативный подход к изучению права. Данный подход воспринимается по-разному: кто-то его защищает и развивает, кто-то придерживается нейтральной позиции. Как это часто бывает, не обходится и без критики. И тем не менее даже критически настроенные авторы признают, что категория коммуникации отражает важные аспекты правовой действительности[1]. Особенно значимыми эти коммуникативные аспекты права являются в современных условиях[2]. С ростом динамичности и неопределенности общественной жизни правоведам приходится обращаться к категориальному аппарату коммуникативной теории.

[1] Например: *Графский В. Г.* Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 35. EDN: SAMBSF. Указание на значимость коммуникативного измерения права как показателя его фактической валидности: *Антонов М. В.* Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 31. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC

[2] *Денисенко В. В.* Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. № 3. С. 233. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238. EDN: AFEYBH

Одним из тех, чья теория коммуникации может представлять интерес для юристов, является Ю. М. Лотман. В частности, любопытным кажется его различение двух типов коммуникации: 1) «я — другой»; 2) «я — я»[3]. Первый тип — коммуникация «я — другой» — представляет собой передачу информации от одного субъекта к другому. Такая передача возникает лишь между двумя и более субъектами. Второй тип — коммуникация «я — я» — представляет собой передачу информации от субъекта к нему же самому, а потому для своего осуществления *не требует наличия второго субъекта*. Такая моносубъектная передача информации самому себе не охватывается понятием коммуникации по типу «я — другой», ввиду чего для ее обозначения может быть использован отдельный термин — «автокоммуникация».

Несмотря на то, что оба типа коммуникации играют важную роль в функционировании социокультурных систем, в правовых исследованиях лишь первый тип коммуникации — обмен информацией в системе «я — другой» — получил достаточно полное рассмотрение. Не будет ошибкой сказать, что именно понимание коммуникации как взаимодействия двух и более субъектов находится в центре внимания большей части коммуникативно-правовых исследований[4]. Гораздо реже в этих исследованиях мы видим попытки учесть не только коммуникативные, но и автокоммуникативные аспекты права[5]. По нашему мнению, рассмотрение права как автокоммуникативной системы не лишено смысла, ввиду чего мы попытаемся обосновать аналогию между некоторыми идеально-типическими чертами, с одной стороны, права, а с другой — автокоммуникации.

Для достижения данной цели мы в первую очередь коснемся взгляда на право как на коммуникацию по типу «я — другой». Далее раскроем сущность автокоммуникации как процесса порождения новой информации, а также попробуем провести аналогию между автокоммуникацией и правом. Согласно гипотезе настоящего исследования право, вопреки возможному впечатлению, по ряду признаков гораздо ближе к автокоммуникации по типу «я — я», нежели к коммуникации «я — другой».

Материалы и методы

Ключевыми источниками, на материале которых осуществляется настоящее исследование, являются работы зарубежных и отечественных ученых, затрагивающие вопросы теории права в связи с проблематикой коммуникации. Также важным источником исследования являются работы Ю. М. Лотмана, посвященные теории автокоммуникации и связанным с ней вопросам. Основным методом исследования является метод формирования и применения «идеальных типов». На основе идеально-типических характеристик различных типов коммуникации осуществляется анализ права как частного проявления одного из них.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Право как коммуникация по типу «я — другой»

Пусть целью нашей статьи и является дополнение взгляда на право как на коммуникацию «я — другой» взглядом на него как на автокоммуникацию по типу «я — я», будет не лишним предварительно рассмотреть, в чем состоит взгляд на право как на коммуникацию по типу «я — другой». Как уже было

[3] *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Том I. Избранные статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 76–78.

[4] См., например: *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 58. EDN: FRRXDA; *Хук М.* Право как коммуникация. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С. 102; *Попов В. И.* Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 45. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5. EDN: BJRZVF

[5] Лишь иногда в теоретико-правовых исследованиях можно увидеть ссылку не только на «внешний диалог» с другим, но и на «„внутренний диалог“ — ответ себе как Другому»: *Честнов И. Л.* Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 37. EDN: TJXIMD

отмечено, данный тип коммуникации основан на взаимодействии двух и более лиц и нередко описывается с опорой на модель Р. О. Якобсона[6]. Согласно данной модели коммуникация происходит в системе следующих элементов: адресант — контекст — сообщение — код — контакт — адресат. Ключевым моментом здесь является передача сообщения от адресанта (отправителя) адресату (получателю) при помощи кода (языка). В той степени, в которой код хотя бы частично известен не только адресанту, использующему его для создания сообщения, но и адресату, дешифрующему сообщение адресанта с учетом определенного контекста, использование общего кода-языка позволит адресату получить от адресанта необходимую информацию. Так, в самом общем виде, происходит коммуникация по типу «я — другой».

С точки зрения данного типа коммуникации право можно представить в виде общего кода-языка, при помощи которого двое и более субъектов обмениваются информацией о своем поведении с целью его координации[7]. Для «вертикальной» координации поведения, при которой один субъект приказывает другому, используется та часть юридического кода, которая отвечает за различение статуса субъектов и определение сфер их компетенции. Для «горизонтальной» координации, основанной, например, на договорах, используется та часть общего кода правовой системы, которая отвечает за идентификацию равноправных субъектов и установление между ними взаимных прав и обязанностей. По аналогии можно представить и другие аспекты социальной координации в их соотнесении с правом как общим кодом межиндивидуальной коммуникации, охватывающей всех членов общества[8].

Поскольку юристы действительно смогли усовершенствовать право за счет рассмотрения его как «общего кода коммуникации», эффективность которого зависит от ясности и универсальности передаваемых между субъектами «правовых сообщений»[9], мы не можем не признать того положительного влияния, которое идеал коммуникации по типу «я — другой» оказал на право. С другой стороны, такое внимание к коммуникации «я — другой» несколько оттеняет свойства права, связанные с другим типом коммуникации — коммуникацией «я — я». Последняя описывает общение человека не с кем-то другим, но с *самим собой*, чем и объясняет природу «возрастания»[10] в человеческом мышлении *принципиально новой информации*, не полученной от кого-либо другого. На наш взгляд, это объяснение позволяет лучше понять природу юридического мышления, а вместе с ним и права как такового. Однако перед тем как коснуться теоретико-правовых следствий идеи автокоммуникации, необходимо дать ее краткую общетеоретическую характеристику.

2. Сущность автокоммуникации

Формальное определение автокоммуникации сводится к идее общения человека с самим собой. Каждый, кто имел опыт дневниковых записей или мысленного повторения одного и то же сообщения с целью его запоминания, без труда поймет, что представляет собой коммуникация такого рода. Трудности в понимании природы автокоммуникации возникают лишь в тот момент, когда мы пытаемся рассмотреть ее не просто как некое когнитивное упражнение, но как источник принципиально новой информации. Каким образом *новая* информация может быть передана не от одного субъекта к другому, но от субъекта как носителя новой информации — к нему же самому? Разве сообщение самому себе *уже известной* информации может содержать элементы новизны? Таковы вопросы, от ответа на которые

---

[6] См.: *Белов С. А.* Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 845. DOI: 10.21638/spbu14.2022.40. EDN: ZGZSAM

[7] *Потемкина О. С.* Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 45. EDN: TYNUID

[8] *Архипов С. И.* Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 7. EDN: JVTHNP

[9] Так как эффективность любого обмена информацией определяется степенью однозначности кода, его надежностью и универсальной распространенностью среди как можно большего числа людей, развитие права также будет ассоциироваться с как можно более унифицированным распространением простых и однозначных правил поведения, формирующих единое правовое поле. См., напр.: *Осветимская И. И.* Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 123. EDN: UNEAGV

[10] *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 87.

зависит понимание сущности автокоммуникации как подлинно коммуникативного феномена, порождающего новую информацию.

С точки зрения Ю. М. Лотмана, появление принципиально новой информации при автокоммуникативном общении человека с самим собой действительно возможно, если на его внутренний монолог, отражающий ход его мышления, начинает воздействовать по меньшей мере один «добавочный код» (язык), чья сущность «инородна» исходному коду (языку) соответствующего внутреннего монолога[11]. В качестве элементарного примера такого инородного добавочного кода-языка можно привести музыкальный ритм, вторгающийся в естественно-языковой внутренний монолог.

Очевидно, что музыкальный ритм как код-язык, определяющий правила сочетания звуков и пауз, сильно отличается от естественного языка как кода-языка, определяющего правила сочетания букв и слов. В той мере, в которой именно правила сочетания букв и слов определяют обычный ход внутреннего монолога, любое вторжение в этот монолог правил сочетания звуков и пауз, образующих музыкальный ритм, будет представлять собой «инородное вмешательство», нарушающее нормальный ход мышления. С другой стороны, даже будучи «инородным нарушителем», музыкальный ритм все еще остается кодом-языком, чьи правила сочетаемости звуковых элементов, будучи крайне абстрактными, *довольно легко могут перенестись на любые другие немузыкальные элементы*. Например, движения тела в танце или ход речи в процессе внутреннего монолога, когда человек пытается мыслить на фоне определенной мелодии и, под воздействием последней, начинает мыслить *не так, как мыслил до ее влияния*. Очень часто такое фоновое воздействие правил одного абстрактного кода-языка на элементы другого, приводящее к *случайной* перестройке внутренней речи, происходит бессознательно[12], в силу «беспорядочно»[13] формирующихся ассоциативных связей, и *никак не контролируется самим субъектом*. Скорее наоборот: сам субъект с точки зрения своего информационного своеобразия полностью зависит от спонтанной сцепки различных элементов мышления и поведения с инородными для них абстрактными кодами, неосознанное воздействие которых порождает принципиально новые сочетания уже имеющихся элементов опыта, возникающие как бы «сами собой», а потому опознаваемые субъектом как «нечто новое» в его же собственном сознании[14].

Эта новая информация возникает в сознании субъекта не только в результате смешения естественно-языкового кода с музыкальным, но и в целом при смешении влияний *любых* кодов-языков, в любом количестве и в любой пропорции. Всё достаточно структурированное, начиная от простого орнамента, обладающего «ритмически» повторяющимся рисунком, и заканчивая сложнейшими естественными и искусственными языками, является разновидностью кода, а потому может «сцепляться» с доминирующим в тот или иной момент кодом мышления и «творчески искажать» его в сторону новых сочетаний. Согласно теории автокоммуникации эти новые сочетания, возникающие из стихийного взаимовлияния несовпадающих кодов-языков, являются единственным источником внутренней активности, посредством которой человек превращается из предсказуемого объекта в непредсказуемого субъекта, мышление и поведение которого не может быть полностью предопределено ни кем-то другим со стороны, ни даже им самим[15]. Поскольку источником «непредопределенности» субъекта является лишь происходящее внутри него «творческое» столкновение несовпадающих кодов-языков, мы можем считать автокоммуникацию *единственным источником индивидуальной субъективности*.

Из этого следует, что субъект формируется не только за счет взаимодействия с другими посредством общего для двух и более людей кода-языка, но и посредством взаимодействия двух и более кодов-языков в общем для них человеческом сознании[16]. В этом заключается одновременно и сходство, и отличие

---

[11] *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 80.

[12] *Там же.* С. 82.

[13] Там же. С. 83.

[14] Как сказал бы Мишель Монтень, «*звучание* моего голоса извлека[ет] из моего ума больше, чем я мог бы обнаружить в себе, занимаясь самоисследованием или употребляя его на потребу себе самому (курсив наш. — *Прим. авт.*)»: *Монтень М.* Опыты. М.: АСТ, 2023. С. 64.

[15] Представляется, что такой «стохастический» взгляд на субъекта согласуется с общими тенденциями современной науки. См., напр.: *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 149–150. EDN: TJXIPF

[16] См.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 77–78.

автокоммуникации «я — я» от коммуникации по типу «я — другой». Как и коммуникация «я — другой», коммуникация «я — я» не может обойтись без определенного «общего элемента», некоего поля, на котором сталкиваются двое и более носителей информации. Однако, если в коммуникации «я — другой» этими носителями информации оказываются *двое и более субъектов общения*, а «общим местом» их встречи — *единый для всех код-язык*, то в коммуникации «я — я» единым для всех участников коммуникации оказывается именно *субъект общения*, его сознание, в то время как теми «двумя и более», кто сталкивается на едином поле, оказываются *сами коды-языки*. Общение двух и более кодов, а не двух и более людей, составляет главную структурную особенность автокоммуникации.

Именно потому, что автокоммуникацию можно объяснить в терминах «общения» двух и более разнородных кодов-языков, мы рассматриваем автокоммуникацию не просто как процесс мышления, имеющий внекоммуникативную или докоммуникативную природу, но как процесс коммуникации, обмена информацией между двумя и более носителями данных. Это позволяет не только объяснить природу появления принципиально новой информации, в последующем передаваемой субъектом творчества по каналу «я — другой», но и сделать это в коммуникативной парадигме, с опорой на категории «адресанта», «сообщения», «кода», «контекста» и т. д. Пока мы задействуем эти категории, применение теории автокоммуникации к праву будет представлять собой рассмотрение права с точки зрения коммуникативного подхода.

3. Автокоммуникация и право

Может сложиться впечатление, что для междисциплинарных правовых исследований идея автокоммуникации, как она описана выше, является не очень подходящей. Если право стремится нивелировать различия между субъектами и привести их к взаимопониманию за счет некоего общего кода, общей нормы, то автокоммуникация, будучи источником не всегда предсказуемых информационных изменений индивидуального сознания, лишь увеличивает пропасть между субъектами, делает их максимально уникальными, различными. Возникающие в силу этих различий конфликты составляют прямой антипод того, к чему стремится право как коммуникативная система. С этой точки зрения для права гораздо более предпочтительной будет *унифицирующая* коммуникация по типу «я — другой», нежели *дифференцирующая* автокоммуникация по типу «я — я».

Такая неприспособленность автокоммуникации для решения правовых задач проявляется не только в ее общей природе, но и в некоторых характерных особенностях автокоммуникативных текстов. Будучи адресованными не другому, но своему же собственному отправителю, эти «монологические» тексты не всегда обладают свойствами, способствующими их пониманию широким кругом адресатов. Более того, именно непонятность текста для широкого круга людей нередко выступает важным атрибутом автокоммуникативного текста, полного различных сокращений, субъективных символов и ситуативных отсылок, известных лишь автору или узкому кругу приближенных к нему лиц[17]. Столь личный язык, подменяющий общеупотребительные знаки импровизированными условными обозначениями, нередко навеянными спонтанной ассоциацией, удобен для сокращенной мнемонической записи, саморефлексии, аутопсихотерапии и тайнописи[18], однако едва ли может служить основой координации правового поведения двух и более лиц. С этой точки зрения право кажется плохо совместимым с автокоммуникативными процессами.

Впрочем, есть такие черты автокоммуникации, которые не отдаляют ее от права, но, наоборот, сближают два этих явления. Например, присущая как праву, так и автокоммуникации *нормативность*, требование привести «сущее» в согласие с «должным». В чем бы ни заключалось данное требование, составляющее содержание нормативности как одного из ключевых аспектов права, очевидно, что его основа — различение между должным и недолжным — возникает лишь тогда, когда на упорядочение одного и того же типа элементов претендуют как минимум две несовпадающие системы правил.

[17] *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 80–81.
[18] См.: Там же. С. 82–84.

Там, где, подобно миру физических явлений, только одна система правил определяет способ упорядочения элементов, возможно лишь должное, автоматически совпадающее с сущим, а потому полностью к сущему сводимое и в этом смысле концептуально неразличимое. В данном случае сама постановка вопроса о должном, как если бы мы, например, спросили, должен ли камень падать вниз или вверх, представляется абсурдной. Долженствование в том смысле, в котором мы говорим о нем применительно к человеческому поведению, в условиях присутствия лишь одного возможного способа упорядочивания элементов, представить трудно. Возможность долженствования в том значении этого слова, которое используется в области морали и юриспруденции, появляется лишь тогда, когда однотипные элементы (например, человеческие действия) в одно и то же время могут быть упорядочены двумя и более *не совпадающими* системами правил. Именно из несовпадения *двух и более* систем правил, претендующих на контроль *одних и тех же* элементов поведения, рождается, во-первых, различие между должным и недолжным, а во-вторых — требование к сущему отринуть недолжный способ упорядочивания в пользу должного. Последнее конституирует осмысленное различение между сущим и должным как основу нормативности.

В той мере, в которой нормативность является продуктом несовпадения двух и более систем правил упорядочения однотипных элементов поведения, она, как кажется, обнаруживает свою близость к феномену автокоммуникации, также возникающему благодаря столкновению в одном и том же сознании двух и более несовпадающих кодов-языков. Можно даже предположить, что лишь при таком автокоммуникативном столкновении кодов-языков возникает рефлексия о правилах поведения, переживание их нормативного характера. Едва ли мы сможем пережить нормативность правил как их специфическую характеристику, если в нашем сознании есть только один код-язык, оказывающий на мышление и поведение упорядочивающее воздействие. Подобное моноязыковое сознание просто воспроизводило бы определенный образ действий и не задавалось вопросом о нормативности альтернативных правил поведения, подобно тому, как современный человек не задается вопросом о том, какое нормативное значение для него имеет поведение камня или стрекозы. Только тогда, когда это моноязыковое сознание будет автокоммуникативно «потревожено» упорядочивающим воздействием по меньшей мере одного инородного кода-языка — «добавочного кода» по терминологии Ю. М. Лотмана, — субъект сможет поставить вопрос о том, какой из них является источником правил должного поведения, не предзаданного неким природным или иным априорным путем[19]. Так, автокоммуникативное столкновение двух и более несовпадающих кодов-языков оказывается предпосылкой различения должного и недолжного, лежащего в основе нормативности.

При этом нормативность, как и автокоммуникация в целом, порождается не тем, что носитель определенного кода-языка просто *узнаёт* о существовании иного кода-языка, требующего иного поведения, но тем, что этот инородный код-язык начинает оказывать на узнавшего о нем субъекта такое упорядочивающее воздействие, которое обусловлено *внутренним настроем самого субъекта*[20]. До тех пор пока субъект сам, как бы изнутри своей психики, не придаст инородному коду-языку *значение потенциальной нормы*[21], ни один код-язык, кем бы он ни был сообщен моноязыковому субъекту, не активирует в его сознании автокоммуникативного процесса, а следовательно, не приведет к постановке вопроса о должном. С этой точки зрения переживание должного, будучи продуктом внутреннего настроя субъекта, *не может быть передано ему по каналу коммуникации «я — другой» вместе с информацией о содержании инородного кода-языка*, как если бы мы, например, могли передать человеку сообщение вместе с нужным *отношением* к данному сообщению. Ни одна, даже самая эффективная коммуникация по типу

---

[19] Данное обстоятельство, помимо прочего, подкрепляет тезис, согласно которому «свойства правовых норм … не должны рассматриваться через тот язык, который используется в этих нормах, поскольку тогда их мысленная структура предполагается как заранее заданная»: *Громицарис А., Кравиц В., Федделер К.* Правовая коммуникация в современной правовой системе // Правоведение. 2013. № 6. С. 75. EDN: SIZUET

[20] Ю. М. Лотман описывает это как способность субъекта воспринимать один и тот же текст, с одной стороны, как источник добавочного кода (автокоммуникация), а с другой — как сообщение на известном ему языке (коммуникация). Переключаясь между этими двумя режимами, субъект является одновременно участником как коммуникации, так и автокоммуникации. См. подробнее: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 84.

[21] О связи автокоммуникации с переводом одного и того же текста из статуса описания факта в статус предписания поведенческого образца см.: Там же. С. 85.

«я — другой», не гарантирует, что полученный субъектом код-язык будет *пережит* как потенциальная норма его собственного поведения. Такое нормативное переживание, необходимое для поддержания любой эффективно действующей правовой системы, всегда индуцируется внутренней активностью субъекта, ввиду чего и связывается нами не с коммуникацией по типу «я — другой», но с *автокоммуникацией*, то есть коммуникацией человека с самим собой.

Наряду с нормативностью, целый ряд иных характерных черт права как культурной системы может быть рассмотрен в перспективе автокоммуникации. Например, изложение правовых норм в официальных текстах, утверждаемых особым ритуалом. С точки зрения теории Ю. М. Лотмана[22], сообщение правовых норм через высокоранговые тексты позволяет не только эффективно донести некие правила до населения, но и оказать воздействие на самих авторов текста — законодателей. Помещая свое юридическое сообщение в «высокоранговый контекст», законодатель отделяет это сообщение от своего сознания, утрачивает над ним контроль и, как следствие, начинает переживать его как внешнее по отношению к нему самому явление. Такая трансформация текста закона из сообщения, еще недавно полностью подчиненного воле законодателя, в код-язык, теперь уже сам обладающий для законодателя упорядочивающей силой, превращает текст закона из коммуникативного («я — другой») в автокоммуникативный («я — я»), способный *непредсказуемо* влиять на образ мысли своего же создателя. Нюансы незапланированной интеллектуально-психологической трансформации законодателя в результате автокоммуникативного воздействия созданных им же самим «высокоранговых» текстов, как кажется, не сводятся к проблематике коммуникации по типу «я — другой», а потому, будучи небезынтересным сюжетом с точки зрения междисциплинарных исследований права, достойны рассмотрения в терминах теории автокоммуникации.

Аналогичным образом теория автокоммуникации может быть полезна при рассмотрения структурных особенностей правовых текстов и содержащихся в них сообщений. В качестве примера можно взять широкое использование в правовых текстах типовых речевых конструкций (клише). С точки зрения теории автокоммуникации, последние могут быть оценены не только как элементы юридической техники или особенности юридического языка, но и как элементы автокоммуникативной психотехники, позволяющей правовому тексту оказывать более сильное упорядочивающее воздействие на сознание субъекта. Это воздействие, взятое само по себе, будет связано не с конкретным содержанием текста, передаваемым по каналу коммуникации «я — другой», но *с самим фактом его многократного повторения*[23]. Таковое, будучи *бесполезным* с точки зрения коммуникации «я — другой» (для передачи информации достаточно одного повторения), полезно именно с точки зрения автокоммуникации, поскольку, по мере укоренения многократно повторяемой текстуальной формулы в сознании субъекта, превращает ее из отдельно взятого сообщения в *структурный образец кода* для восприятия и построения любых других «менее повторяемых» юридических сообщений[24].

В процессе развития права наиболее значимые образцы такого рода приобретают статус и форму канона, что, согласно теории Ю. М. Лотмана, также составляет специфику текстов, ориентированных на автокоммуникацию[25]. Усилению автокоммуникативного потенциала правовых текстов служит и характерная для них гиперструктурированность, задающая дисциплинирующий ритм их восприятия[26]. Подобно зацикленной мелодии, этот ритм способен оказать на мысль упорядочивающее автокоммуникативное воздействие, *не зависящее даже от самого содержания* идущих друг за другом глав,

---

[22] Подробнее об автокоммуникативном значении перевода текста в более высокий ранг см.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 77.

[23] *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 86. О морально-нормативной функции автокоммуникативного повторения см.: там же. С. 85.

[24] Как отмечает Ю. М. Лотман, именно ориентация на передачу кода, а не сообщения составляет специфическую черту текстов, наиболее пригодных для стимуляции автокоммуникативных процессов. Передаваемые таким образом «инородные» добавочные коды всегда представляют собой *системы абстрактных правил сочетаемости определенных элементов*, а потому несут в себе *нормативный посыл* («так можно сочетать элементы, а так — нельзя»), требование соблюдать определенные правила. Подобное требование, как нам кажется, можно сравнить с содержанием абстрактной юридической нормы, не сообщающей никаких конкретных фактов, но лишь указывающей на то, какими факты должны быть. См. подробнее: Там же. С. 77.

[25] См.: Там же. С. 88.

[26] Там же. С. 84.

параграфов, пунктов и т. д.[27] Такое воздействие охватывает не только правосознание как особый тип сознания, сформированный автокоммуникативными эффектами юридических текстов, но и сознание человека в целом. Достаточно вспомнить Стендаля, который «настраивал» себя на написание романов путем перечитывания параграфов французского Гражданского кодекса 1804 г.[28] Этот и подобные ему примеры указывают на то, что не только ряд характерных черт права может быть рассмотрен с точки зрения их автокоммуникативных эффектов, но и сама теория автокоммуникации может почерпнуть немало интересного за счет изучения права. Последнее оказывается как коммуникативным, так и автокоммуникативным феноменом.

По нашему мнению, признание автокоммуникативных свойств права, равно как и некоторой «юридичности» самой автокоммуникации, нередко индуцируемой текстами и способами их восприятия, характерными для юриспруденции, может привести к коррекции ряда представлений о том, к чему должна стремиться правовая система, в чем состоят ее достоинства и недостатки. Взять хотя бы часто критикуемую сложность юридического языка, препятствующую эффективной передаче содержания правовых норм по каналу коммуникации «я — другой». С точки зрения теории автокоммуникации эти проблемные черты права могут быть истолкованы как полезное свойство, превращающее юридический текст из простого сообщения в своеобразный добавочный код, *одной лишь своей формой* вынуждающий приостановить привычный ход обыденного мышления и тем самым перенастроить субъекта на восприятие подчас достаточно далеких от обыденного сознания юридических конструкций. Пусть содержание этих конструкций и передается по каналу коммуникации «я — другой», что, безусловно, требует коммуникативной ясности правового текста, определенная *неясность* правового текста, обусловленная, например, специфической или архаичной терминологией, позволит передать не только его содержание, но и *сигнал* о том, что данное содержание требует иного, нежели обыденное, отношения к тексту. И речь здесь идет не о банальной суггестивности юридического языка, способного произвести некоторое впечатление на своего адресата, но о более фундаментальной способности самой формы правового текста перенастраивать код-язык, доминирующий в мышлении субъекта, и тем самым быть автокоммуникативной структурой. Именно через автокоммуникативное, а не просто коммуникативное воздействие правовой текст, в дополнение к трансформации *знаний* субъекта, трансформирует его *отношение* к этому знанию. В той мере, в которой отношение к праву не менее важно, чем знание его содержания, мы можем признать сложность и архаичность юридического языка не только известным препятствием, но и по-своему полезным свойством.

И наоборот, те свойства права, которые нередко опознаются как признак его развития, с точки зрения теории автокоммуникации могут оказаться спорными. Например, рост влияния нормативно-правовых актов по сравнению с более традиционными источниками права наподобие обычаев или прецедентов. С одной стороны, как канал передачи информации по типу «я — другой», нормативно-правовой акт, очевидно, превосходит и прецеденты, и тем более обычаи. Он позволяет оперативно формировать и передавать юридические сообщения от адресанта к адресату, обеспечивая тем самым решение частных коммуникативных задач. С другой стороны, решая эти частные задачи за счет постоянного изменения существующих правовых текстов, введения новых текстов и удаления старых, производитель нормативно-правовых актов разрушает целый ряд важных предпосылок автокоммуникативного воздействия права, позволяющих последнему оказывать глубокое трансформирующее влияние на своих адресатов и тем самым поддерживать социальный порядок.

В качестве примера можно взять такую значимую для социального порядка предпосылку автокоммуникации, как высокий «социальный ранг» текста. Несмотря на то, что исторически в случае правовых

---

[27] В этом контексте нам представляется заслуживающим внимания тезис Ю. Ю. Ветютнева, согласно которому «правовая коммуникация — это не столько конкретные тексты с их исторически изменчивым и часто случайным содержанием, сколько общий режим отчетливой определенности речи и поведения людей». См.: *Ветютнев Ю. Ю.* Морфологические аспекты правовой коммуникации // Правоведение. 2014. № 6. С. 115. EDN: UNEAGL

[28] Так, в частности, это описывает А. И. Ковлер: «Стендаль, когда у него возникало желание придать своему стилю больше краткости и выразительности, обращался к Гражданскому и Семейному кодексам Наполеона». (*Ковлер А. И.* Антропология права. М.: Норма, 2002. С. 7. EDN: YTRLLH)

текстов этот ранг всегда был довольно высоким, в современную эпоху он подвергся некоторой эрозии из-за «инфляции права»[29], вызванной беспорядочным умножением все менее качественных нормативно-правовых актов. Это умножение, составляющее, по нашему мнению, один из признаков часто констатируемого в современной науке кризиса права[30], является закономерным следствием отсутствия у нормативно-правовых актов автокоммуникативного начала[31], характерного для тех же прецедентов или правовых обычаев.

Если, например, правовой обычай адаптируется к новым обстоятельствам за счет того, что его неизменная текстуальная форма прирастает новым способом ее восприятия, производимым как бы *изнутри* субъекта интерпретации, то нормативно-правовой акт в гораздо меньшей степени «полагается» на новую интерпретацию и в гораздо большей степени адаптируется к новым обстоятельствам за счет *внешнего* изменения его текстуальной формы. Если *текстуально изменчивый* нормативно-правовой акт, не требующий столь же изощренной интерпретации, как это имеет место быть в случае обычая, не требует серьезной внутренней трансформации субъекта восприятия, позволяя ему *внутренне оставаться практически неизменным*[32], то правовой обычай может позволить себе оставаться *текстуально неизменным* лишь за счет способности быть источником *постоянной автокоммуникативной трансформации самого субъекта восприятия*.

Трансформируя себя ради нового восприятия внешне неизменного правового обычая, субъект не только развивает право как таковое, но и *со-развивается вместе с ним*, приобретает *«выстраданное»* личное качество в борьбе с *«сопротивлением формы»* правового текста, который, таким образом, становится частью его личной истории и, возможно, даже *субъективной идентичности*. Подобное переживание своей идентичности в связи с правовым текстом не происходит, если, как в случае нормативно-правового акта, реакцией на новые обстоятельства существования является не творческое изменение субъекта, но практически беспрепятственное изменение правового текста механическим образом. Как и в любом творчестве, инновационное преобразование субъективного видения нередко требует «творческого препятствия» — например, механической неизменяемости текста, — которое одним лишь фактом своего существования вынуждает мышление искать обходные пути и в ходе этих рискованных блужданий открывать такие вещи, о которых в обычной ситуации никто бы и не подумал. Не конкретная инновация, но *общая способность* к юридическим инновациям является главным следствием механической неизменности текста правового обычая.

Именно эта текстуальная неизменность правового обычая (как и в чем-то схожего с ним судебного прецедента), помимо всего прочего, способствует снижению инфляции права и тем самым позволяет поддерживать высокий социальный ранг правовых текстов, что, в свою очередь, лишь еще полнее реализует заложенный в обычае автокоммуникативный потенциал. И наоборот, исходный недостаток автокоммуникативности, компенсируемый внешним изменением текста, делает нормативно-правовые акты источником значительной инфляции права, способствующей понижению социального ранга правовых текстов, теряющих, таким образом, и без того ограниченные автокоммуникативные свойства. В той мере, в которой эти свойства, связанные с внутренней активностью адресатов правовых текстов, играют определенную роль в воспроизводстве нормативности и тем самым в сохранении социально-правового порядка, мы, опираясь на теорию автокоммуникации, можем поставить под сомнение тот оптимизм,

---

[29] Данное явление также называют «правовым взрывом», «правовым наводнением» и т. д. Об этом см.: *Денисенко В. В.* Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 316. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045. EDN: OAHWHS

[30] См., например: *Кравиц В.* Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 13. EDN: OZCEBD

[31] О том, что быстрый прирост текстов является признаком не автокоммуникации, но именно коммуникации по типу «я — другой», см.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 88.

[32] О большей пассивности субъекта восприятия в системе коммуникации «я — другой» по сравнению с автокоммуникацией см., напр.: там же. С. 89. Об аналогичной проблеме пассивности реципиентов правовой информации в континентальных правовых системах, основанных на преобладающей роли нормативно-правового акта, писал, в частности, Фридрих Хайек. См.: *Hayek F. A.* Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order. London: Routledge, 1982. P. 87.

который связан с растущей ролью нормативно-правовых актов по сравнению с более традиционными источниками права.

Аналогичным образом теория автокоммуникации позволяет поставить под сомнение ту критику, которая нередко адресуется более традиционным источникам права при рассмотрении их с точки зрения коммуникации по типу «я — другой». Данный тип коммуникации, как мы уже отмечали, требует максимальной однозначности и универсальности юридического языка, добиться которых гораздо проще в случае нормативно-правовых актов, нежели разрозненных и неупорядоченных обычаев и прецедентов. Последние, напоминая не единый универсальный код-язык, но, скорее, собрание неоднородных языков и диалектов, едва ли соответствуют стандарту коммуникации по типу «я — другой», утвердившемуся в современном сознании, а потому воспринимаются как нечто менее эффективное и прогрессивное. Не отрицая проблем коммуникативной недостаточности прецедентов и обычаев, отличающихся неопределенностью и неформализованностью, нельзя не признать, что именно *благодаря* этим проблемам они оказывают на своих адресатов более сильное автокоммуникативное воздействие.

Так, поскольку это воздействие предполагает внутреннее изменение субъекта, по-новому воспринимающего текст обычая и тем самым адаптирующего его к новым обстоятельствам, возникает потребность в известной *неопределенности* текста обычая, за счет которой создается *пространство* для внутреннего движения сознания. Такое движение сознания, индуцируемое изнутри субъекта, будет нести на себе отпечаток его *индивидуальности*, а потому может быть опосредовано *менее формализованными текстами*, имеющими тем не менее юридическое значение. Наконец, автокоммуникация, проистекая из *субъекта*, а не из кода-языка, в той мере, в которой она значима для права, ставит право *в большую зависимость от состояния сознания конкретных людей как представителей определенных интерпретативных традиций*. При всей проблематичности этих особенностей традиционных источников права с точки зрения коммуникации «я — другой», с точки зрения автокоммуникации «я — я» они представляются по меньшей мере не бесполезными. Таким образом, теория автокоммуникации позволяет взглянуть на недостатки традиционных источников права под необычным углом и обнаружить их позитивные эффекты именно с коммуникативно-теоретической, а не с какой-то иной точки зрения.

Выводы

Как показало исследование, право может быть рассмотрено не только по аналогии с коммуникацией по типу «я — другой», но и по аналогии с автокоммуникацией «я — я». Пусть последняя и обладает рядом черт, идущих вразрез с отдельными тенденциями современного развития права, нельзя не признать, что есть и такие ее свойства, которые могут иметь немалое значение. Главным из них является нормативность, составляющая важный аспект сущности права и, как показало исследование, индуцируемая в сознании субъекта через автокоммуникативное столкновение двух и более несовпадающих когнитивно-поведенческих кодов. Содержащие эти коды тексты порождают автокоммуникативные процессы не только в силу внутреннего настроя воспринимающих субъектов, но и благодаря ряду идеально-типических черт, характерных, в частности, для правовых текстов. К таковым можно отнести высокий социальный ранг текста, многоуровневую и детальную структурацию, широкое использование устоявшихся речевых форм и т. д. Эти черты правовых текстов оказывают автокоммуникативное воздействие не сами по себе, но в комбинации с установкой субъекта на их реализацию в собственном поведении, что, в свою очередь, предполагает их более глубокое переживание, не гарантированное одной лишь передачей правовой информации по каналу коммуникации «я — другой». В той мере, в которой теория автокоммуникации позволяет лучше понять нормативно-психологическое действие права, а также по-новому взглянуть на некоторые недостатки его традиционных форм, мы можем признать данную теорию продуктивной в контексте междисциплинарных правовых исследований.

Список источников

1. *Антонов М. В.* Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 23–33. DOI 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC
2. *Архипов С. И.* Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 7–17. EDN: JVTHNP
3. *Белов С. А.* Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 841–859. DOI: 10.21638/spbu14.2022.401. EDN: ZGZSAM
4. *Ветютнев Ю. Ю.* Морфологические аспекты правовой коммуникации // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 110–117. EDN: UNEAGL
5. *Графский В. Г.* Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 25–36. EDN: SAMBSF
6. *Громицарис А.* Правовая коммуникация в современной правовой системе / А. Громицарис, В. Кравиц, К. Федделер // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 58–77. EDN: SIZUET
7. *Денисенко В. В.* Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. № 3 (89). С. 231–238. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238. EDN: AFEYBH
8. *Денисенко В. В.* Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 311–321. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045. EDN: OAHWHS
9. *Ковлер А. И.* Антропология права. М.: Норма, ИНФРА-М, 2002. 480 с. EDN: YTRLLH
10. *Кравиц В.* Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 8–26. EDN: OZCEBD
11. *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Том I. Избранные статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 76–89.
12. *Монтень М.* Опыты. М.: АСТ, 2023. 1216 с.
13. *Осветимская И. И.* Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 118–127. EDN: UNEAGV
14. *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с. EDN: FRRXDA
15. *Попов В. И.* Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 43–50. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5. EDN: BJRZVF
16. *Потемкина О. С.* Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 240 с. EDN: TYNUID
17. *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153. EDN: TJXIPF
18. *Хук М.* Право как коммуникация. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 288 с.
19. *Честнов И. Л.* Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 31–41. EDN: TJXIMD
20. *Hayek F. A.* Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order. London: Routledge, 1982. 180 p.

Об авторе:

Рааб Руслан Султанович, старший преподаватель кафедры истории и философии факультета экономики и управления Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: belchikroma@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5506-152X

References

1. Antonov, M. V. (2025) Communication and validity of law in A. V. Polyakov's Conception. *The Russian Justice*. No. 5, pp. 23–33. (In Russ.) DOI 10.52433/01316761_2025_05_23
2. Arkhipov, S. I. (2008) Conception of the legal communication. *Russian juridical journal*. No. 6 (63), pp. 7–17. (In Russ.)
3. Belov, S. A. (2022) Characteristic of legal communication: addressees of legal acts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. No. 4 (13), pp. 841–859. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2022.401
4. Vetyutnev, Yu. Yu. (2014) The morphological aspects of legal communication. *Pravovedenie*. No. 6, pp. 110–117. (In Russ.)
5. Grafsky, V. G. (2013) Legal communication and legal intercourse. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. No. 4, pp. 25–36. (In Russ.)
6. Gromitsaris, A., Krawietz, W., Veddeler, K. (2013) Legal communication in the modern legal system. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij*. *Pravovedenie*. No. 6, pp. 58–77.
7. Denisenko, V. V. (2022) The communicative function of law. *Academic Law Journal*. No. 3 (89), pp. 231–238. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238
8. Denisenko, V. V. (2022) Legal communication: theory of law and implementation in legal relations. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. No. 1 (48), pp. 311–321. (In Russ.) DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045
9. Kovler, A.I. (2002) Anthropology of law. *Norma*. 480 p. (In Russ.)
10. Krawietz, W. (2011) Juridical communication in modern legal systems from the perspective of the legal theory. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij*. *Pravovedenie*. No. 5, pp. 8–26.
11. Lotman, Yu. M. (1992) On the two models of communication in the system of culture. In: Selected works on semiotics and typology of culture. *Alexanra*, pp. 76–89. (In Russ.)
12. Montaigne, M. (2023) Essays. *AST*. 1216 p.
13. Osvetimskaya, I. I. (2014) Communication as a constitutive feature of the state (in the context of globalisation). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij*. *Pravovedenie*. No. 6 (317), pp. 118–127. (In Russ.)
14. Polyakov, A. V. (2016) General theory of law: the problems of interpretation in the context of communicative approach: a textbook. *Prospect*. 832 p. (In Russ.)
15. Popov, V. I. (2022) Law as a means to ensure communicative practices of the state and civil society in the context of a socio-axiological approach to legal understanding. *Bulletin of the Law faculty, SFEDU*. Vol. 9, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.) DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5
16. Potemkina, O. S. (2023) Communicative function of law (general-theory analysis): the dissertation of the Candidate of Law. Saratov. 240 p. (In Russ.)
17. Razuvaev, N. V. (2014) The modern theory of law in search of post-classical paradigm of knowledge. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij*. *Pravovedenie*. No. 5 (316), pp. 136–153. (In Russ.)
18. Hoecke, M. (2012) Law as communication. *SPSU Publishing House*. 288 p.
19. Chestnov, I. L. (2014) Legal communication in the context of post-classical epistemology. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij*. *Pravovedenie*. No. 5 (316), pp. 31–41. (In Russ.)
20. Hayek, F. A. (1982) Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order. *Routledge*. 180 p.

About the author:

Ruslan S. Raab, senior lecturer of the Department of History and Philosophy of the Faculty of Economics and Management of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: belchikroma@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5506-152X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

EDN: FJDISH

CC BY-SA

Дата поступления статьи: 28.07.2025
Дата поступления рецензии: 23.08.2025
Дата принятия статьи к публикации: 16.09.2025

Концепция российского правового реализма в постклассической парадигме

Тонков Е. Н.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
E-mail: e.tonkov@mail.ru

Аннотация

Введение. Постклассическая юриспруденция характеризуется интеграцией аналитического и эмпирического подходов к исследованиям, что особенно проявляется в последние десятилетия. Правовой реализм объединяет теории естественного права и эксклюзивного позитивизма в рамках обновленной версии социологического правопонимания. Опора на эмпирические данные в праве позволяет подготовить будущих юристов к практической деятельности и сформировать навыки, необходимые для отстаивания равенства в доступе к правосудию и пониманию справедливости при вынесении правоприменительных актов.

Методология и материалы. Исследование основано на описательном, формально-логическом и сравнительно-правовом методах. При сравнении феноменов права и правопорядка использованы методы структурного и системного анализа. Проведено обоснование введенного в 2012 г. термина «российский правовой реализм», в том числе указано его несовпадение с такими понятиями, как «Петербургская школа права», «психологическая школа права Л. И. Петражицкого», «российская правовая мысль конца XIX – начала XX в.». На основе сравнительного исследования российского, американского и скандинавского вариантов правового реализма обоснована принадлежность реалистической юриспруденции в России к постклассической парадигме.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследованы процессы формирования и эволюции концепции российского правового реализма, осмыслены философско-правовые взгляды, оказавшие воздействие на современный правопорядок. Установлено, что формирование права в советский период было подвержено влиянию психологической теории права Л. И. Петражицкого, что подчеркивает значение личности в истории.

Выводы. Обоснована роль постклассической исследовательской программы во всестороннем понимании правовых явлений. Артикулированы основы концепции российского правового реализма. Предложен новый подход к соотношению феноменов права и правопорядка, обоснована структура правопорядка, содержащая, наряду с нормативно-правовыми актами, корпус правоприменительных актов, образовательные учреждения юридического профиля, органы публичной власти, создающие и применяющие правовые предписания.

Ключевые слова: постклассическая парадигма, психологическая теория права, советское право, российский правовой реализм.

Для цитирования: *Тонков Е. Н.* Концепция российского правового реализма в постклассической парадигме // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 175–188. EDN: FJDISH

© Тонков Е. Н., 2025
© Tonkov E. N., 2025

The article was submitted: 28.07.2025
The article approved after reviewing: 23.08.2025
The article accepted for publication: 16.09.2025

Concept of Russian Legal Realism in the Postclassical Paradigm

Tonkov E. N.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management) (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: e.tonkov@mail.ru

Abstract
Introduction. Postclassical jurisprudence is characterized by the integration of an analytical and empirical approach to researches, which has been notably evident in recent decades. Legal realism combines the theories of natural law and exclusive positivism within the framework of an updated version of the sociological legal understanding. Relying on empirical data in law makes it possible to prepare future lawyers for practical work and develop the skills necessary to advocate equality in access to justice and fairness in the issuance of law enforcement acts.
Methodology and materials. The research is based on descriptive, formal-logical and comparative-legal methods. When comparing the phenomena of law and legal order, the methods of structural and system analysis are used. The analysis of the usage of the term "Russian legal realism" introduced in 2012 is carried out, including the need to separate it from such concepts as "St. Petersburg School of Law", "L. I. Petrazhitsky's Psychological School of law", "Russian legal thought of the late XIX – early XX century". A comparative study of Russian, American and Scandinavian variants of legal realism is made, and on its basis the affiliation of realistic jurisprudence in Russia to the postclassical paradigm is substantiated.
Research results and their discussion. The processes of formation and evolution of the concept of Russian legal realism are examined, philosophical and legal views that have influenced the modern legal order are comprehended. It is established that the formation of Soviet law took place under the dominance of the psychological theory of law, actualizing the value of personality in history.
Conclusions. The role of the postclassical research program in the comprehensive understanding of legal phenomena is confirmed. The foundations of the concept of Russian legal realism are articulated. A new approach to the relationship between the phenomena of law and law and order is proposed, the structure of law and order is substantiated, which contains, along with normative legal acts, a body of law enforcement acts, educational institutions of a legal profile, and public authorities that create and apply legal regulations.
Keywords: postclassical paradigm, psychological theory of law, Soviet law, Russian legal realism.
For citation: Tonkov, E. N. Concept of Russian Legal Realism in the Postclassical Paradigm. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (25). Pp. 175–188. (In Russ.)

Введение

Право как базовый элемент культуры доминирующего этноса и предельное основание разумности человеческого поведения не является застывшей структурой, а изменяется с течением времени, приобретая новые качества и формы по мере развития цивилизации и совершенствования моделей человеческого общения. С тех времен, когда корабли доставляли письменные указы императоров в удаленные островные территории, прошло всего несколько столетий, — и вот уже воля суверена почти мгновенно доводится до сведения адресатов, находящихся в разных частях земного шара. Всемирный интернет и искусственный интеллект изменили догматические представления о формах юридической коммуникации, развивая в нас способности сосуществования в условиях гибридных конфликтов и правовой неопределенности.

Эмпирические и аналитические исследования в XXI в. становятся неотъемлемой характеристикой постклассической юриспруденции, важным звеном которой рассматривается правовой реализм: это направление социологической мысли объединяет сильные стороны юснатурализма и юспозитивизма (в частности, эксклюзивного позитивизма, отрицающего слияние права и морали). Изучение закономерностей, с помощью которых формируется теоретическая и практическая стороны правопорядка, возможно как в академической юриспруденции, так и в ходе эмпирических исследований юридически значимого взаимодействия людей.

«Проблема создания цельной, непротиворечивой и „работающей" теории права актуальна в правоведении на протяжении по крайней мере двух последних столетий. Есть серьезные основания полагать, что ее окончательное разрешение принципиально недостижимо. Однако данное обстоятельство не только не останавливает, а, наоборот, стимулирует возникновение новых вариантов модернизации существующих правовых теорий, поскольку они, лишенные возможности находиться sub specie aeternitatis, должны отвечать хотя бы на запросы своего времени»[1], — заявляет профессор А. В. Поляков, основатель коммуникативной теории права, соавтор программы постклассических правовых исследований. По его мнению, наблюдаются кризисные симптомы в современном российском теоретическом правосознании, что объективно «связано с дезавуацией марксистской школы объяснения политико-правовых феноменов и образовавшейся вследствие этого „черной дырой" в теории государства и права, заделывать которую предстоит не одному поколению ученых»[2].

Концепция российского правового реализма актуализирует юридическую культуру населения страны-цивилизации, способствует преодолению устаревшего понимания права как системы нормативно-правовых актов, изданных или одобренных государством. Идеи правовых реалистов развивают методологический плюрализм, включающий использование достижений психологии, социологии, антропологии, экономики, биологии и других наук. Эмпирические заключения о структуре и механизме функционирования права находят отражение в современных постклассических исследованиях.

Методология и материалы

Исследование основано, в частности, на описательном, формально-логическом и сравнительно-правовом методах. Анализируется использование введенного в 2012 г. термина «российский правовой реализм», в том числе показывается необходимость его соотношения с понятиями «Петербургская школа права», «психологическая школа права Л. И. Петражицкого», «российская правовая мысль конца XIX – начала XX в.». Проводится сравнение российского, американского и скандинавского вариантов правового реализма, обосновывается принадлежность реалистической юриспруденции в России к постклассической парадигме. В работе уделено внимание коллективной монографии «Постклассическая онтология права» (2016 г.)[3], англоязычной коллективной монографии «Российский правовой реализм» (2018 г.)[4], монографии «Правовой реализм» (2022 г.)[5].

Результаты исследования и их обсуждение

Формирование концепции российского правового реализма

История формирования концепции российского правового реализма свидетельствует об ее концептуальной связи с американским, скандинавским и другими вариантами реалистической юри-

---

[1] *Поляков А. В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 7. EDN: XMBEQP

[2] Там же.

[3] Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с. EDN: WMYBQJ

[4] Russian Legal Realism (2018) Brożek B., Stanek J., Stelmach J. (eds). Law and Philosophy Library 125. Cham, *Springer*. XI, 176 p. DOI: 10.1007/978-3-319-98821-4

[5] *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. Серия: Pax Britannica. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. EDN: YCYXLH

спруденции[6]. Российская версия правового реализма исторически возникла между двумя мировыми войнами в интеллектуальном русле стремления к прагматизму и психологизму при управлении населением. Реалистический подход к правовым явлениям позволял использовать юридические нормы как инструмент в строительстве коммунизма, снижал роль «абстрактной» метафизики, показывая волевой аспект правопорядка, актуализируя значение деятельности правоприменителей для строительства новой государственности.

В отечественной науке на протяжении длительного времени под правовым реализмом подразумевались только его американская и скандинавская версии, однако теперь очевидно, что российский вариант реализма сформировался в аналогичный период и также способствовал преодолению формализма в праве. Сторонники этого направления по обе стороны океана рассматривали роль теоретиков в качестве посредников между «книжным правом» и «правом в жизни», ибо право действует как практический инструмент, являясь в значительной мере плодом опыта и интуиции, интерпретацией норм, фактов и правоотношений.

В трех вариантах правового реализма неодинаково рассматривается соотношение права и политики. Наиболее самостоятельным от политических установок право утверждалось в скандинавском концепте, несмотря на контроль государственной власти одной партией (социал-демократической рабочей партией Швеции) в середине XX в. Сторонники американского правового реализма настаивают на том, что основными творцами права являются судьи, умеренно подверженные политическим тенденциям своего времени. Российский вариант правового реализма имеет определенный ответ на вопрос о характере взаимодействия права и политики, знание которого упрощает жизнь постсоветского человека. Все три направления правового реализма считают право частично устойчивым по отношению к политике, их взаимовлияние изменяет существующий правопорядок.

Среди недостатков концепции американского правового реализма отмечается завышенная оценка роли бессознательных факторов судейской деятельности, практически неограниченная свобода усмотрения судей при вынесении решений. Скандинавские реалисты воспринимали право как факт, проявленный в комплексе практикуемых норм и волевых импульсов; совокупность фактов порождает правовую реальность, которую интерпретирует правоприменитель в дискурсе избранной им нормативной системы. Специфика правовых императивов проявляется в возможности использовать принуждение, детерминированное социальными условиями бытия. Право образуется в процессе развития социальной общности; благодаря наличию организованных групп и конвенциональных соглашений возникает возможность кооперации, направленной на благополучное сосуществование. Сторонники всех вариантов правового реализма, в том числе американского, скандинавского и российского[7], выступают против устаревшего формализма императивных предписаний в стремительно меняющихся экономических и социальных условиях. Особенности американского и скандинавского движений в отечественной науке до последнего времени были мало изучены, а дискурс российского правового реализма долгое время не имел своего обозначения.

Термин «российский правовой реализм» начал использоваться в зарубежном научном обороте с 2012 года[8], впервые на русском языке он был раскрыт в главе «Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования» цитируемой монографии о толковании закона (2013 г.), содержа-

---

[6] См. подробнее: *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. С. 363–408; *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2024. С. 275–296.

[7] Классические движения правового реализма стали идейными вдохновителями многих реалистических направлений в мировой юриспруденции, наиболее авторитетными из которых являются «итальянский правовой реализм», «французский правовой реализм», «немецкий правовой реализм», «континентальный (психологический) правовой реализм», «новый правовой реализм». См. подробнее: *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е*. Правовой реализм. С. 365–408.

[8] См.: *Tonkov E. N.* Russian Legal Realism // Changing the Russian Law: Legality and Current Challenges. Институт проблем правоприменения. URL: https://enforce.spb.ru/chronicle/news/5803-changing-the-russian-law-legality-and-current-challenges (дата обращения: 25.07.2025); Changing the Russian Law: Legality and Current Challenges. University of Helsinki. URL: https://researchportal.helsinki.fi/en/activities/changing-the-russian-law-legality-and-current-challenges (дата обращения: 25.07.2025); International Conference Changing the Russian Law: Legality and Current Challenges. 17–19 October 2012. University of Helsinki. URL: http://sutyajnik.ru/documents/4343.html (дата обращения: 25.07.2025).

щей историческое и философско-правовое обоснование феномена[9]. Основы концепции российского правового реализма комплексно сформулированы, наряду с правовыми теориями других соавторов, в коллективной монографии «Постклассическая онтология права» (2016 г.)[10]. За непродолжительное время российский вариант концептуализации правового реализма образовал новое направление социологической юриспруденции в постклассической исследовательской программе, которую разделяет значительный круг современных теоретиков права[11], и частью мировых разработок по тематике реалистической юриспруденции[12].

Реалистический поворот в отечественных правовых исследованиях способствовал возрастанию международного интереса к концепции российского правового реализма. Авторитетной международной публикацией по этой теме является англоязычная коллективная монография «Российский правовой реализм» (2018 г.)[13], продолжившая труд польского ученого Юлии Станек (*Julia Stanek*) «Российский правовой реализм: психолого-социологическая школа права» (2017 г.)[14]. Авторский коллектив монографии, в который вошли, в том числе, известные российские исследователи Петербургской школы философии права Андрей Васильевич Поляков, Елена Владимировна Тимошина и Михаил Валерьевич Антонов, подготовил работы об идеях Л. И. Петражицкого и его последователей с конца XIX в. по 1930-е гг., выразив в лице польских редакторов Бартоша Брожека (*Bartosz Brożek*), Юлии Станек и Ежи Стельмаха (*Jerzy Stelmach*) мнение, что «совокупность идей о праве, обсуждавшихся в России в начале XX века, может быть осмыслена как единая школа юридической мысли — *российский правовой реализм*»[15].

Отмечая фокус российских правовых реалистов на психологических и социологических гранях права, авторы вышеуказанной монографии (2018 г.) старались избежать обозначения, например, Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева, М. А. Рейснера и многих других мыслителей как «российских правовых реалистов» или их предшественников, несмотря на общее заглавие книги. Зачастую такие понятия, как «Петербургская школа права», «Российская социологическая юриспруденция», «психологическая школа права Л. И. Петражицкого», «российская правовая мысль конца XIX – начала XX в.», «российская натуралистическая и феноменологическая теория права» и «российский правовой реализм», употребляются в книге синонимично, без анализа их различий[16].

После 1991 г. социалистический период правовой жизни сменился новой, капиталистической эпохой, в которой функции юриспруденции на уровне психологического восприятия права оказались востребованными, в том числе для очередных революционных преобразований и переделов собственности. Сегодня Петербургская школа философии права по многим критериям ассоциируется с социологическими и психологическими подходами к осмыслению правовых явлений. Исторические результаты государственного строительства 1917–1991 гг. свидетельствуют об особенном цивилизационном пути развития России, спиралеобразная эволюция которого не прервалась преобразованием социалистического строя в государственно-монополистический капитализм, а продолжилась на устоявшихся онтологических основаниях. Российский вариант правового реализма складывался параллельно с американским и скандинавским движениями, что свидетельствует о наднациональных тенденциях, детерминированных цикличностью мировых кризисов, и общими для многих юрисдикций идеями прагматизации права, стремлению избавиться от устаревших юридических конструкций[17].

---

[9] См.: *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования // Толкование закона в Англии. Серия: Pax Britannica. СПб.: Алетейя, 2013. С. 274–287.

[10] *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм // Постклассическая онтология права. С. 417–508.

[11] См.: Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Серия: Толкования источников права. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с. EDN: KLUMOD

[12] См.: *Tonkov, D. E., Tonkov, E. N.* (2023) Legal Realism, Russian. Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers M., Kirste S. (eds). Dordrecht, *Springer Nature B.V.* Pp. 1982–1988. DOI: 10.1007/978-94-007-6519-1

[13] Russian Legal Realism / ed. by B. Brożek, J. Stanek, J. Stelmach.

[14] Stanek, J. (2017) Rosyjski Realizm Prawny: psychologiczno-socjologiczna szkoła prawa. Warszawa: *Wolters Kluwer*. 232 s.

[15] Russian Legal Realism / ed. by B. Brożek, J. Stanek, J. Stelmach. P. v.

[16] См. подробнее: *Tonkov, E. N., Tonkov, D. E.* (2023) Understanding Russian Legal Realism in the Modern Science. *Law and State*. Vol. 4 (101). Pp. 10–13. DOI: 10.51634/2307-5201_2023_4_6

[17] См. подробнее: *Тонков Д. Е.* Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 12–36 и др.; *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. С. 25, 93 и др.

Термин «российский правовой реализм» применяется для обозначения исторических закономерностей и сущностных особенностей правопорядка, сформировавшегося на территориях бывшей Российской империи после Октябрьской революции 1917 г., на основе широкого понимания источников права, концепции индивидуальной нормативной системы субъекта права, множественности и параллельности нормативных систем, психологического подхода к правоприменительной деятельности. Исследования вариантов правового реализма в России и в других странах сталкиваются с методологическими трудностями, вытекающими из разных значений термина «реализм» в гуманитарных науках, а также из наличия множественных, зачастую неоднородных в своей теоретической основе, направлений реалистической юриспруденции. Социо-психологический аспект правового реализма, одной из главных идей которого считается обусловленность права культурой общества, корреспондирует с концепцией известного советского ученого Л. И. Спиридонова: «Все правовые отношения суть отношения общественного целого, члены которого наделяются юридическими определениями только как элементы этого социального организма. Он-то и является той предпосылкой, тем субъектом, чьи стороны получают в процессе развития экономическое, политическое, правовое и т. д. выражение»[18].

Правовой реализм основан на междисциплинарности и особом внимании к взаимосвязи теоретической и практической юриспруденции: изучение юридической практики позволяет уяснить действительные запросы не только модераторов правопорядка, но и его разнородных адресатов. Реалистические подходы в постклассической парадигме рассматриваются как направления теоретической мысли, способные оказывать влияние на правопорядок, что особенно актуально для общества, в котором стираются грани между юспозитивизмом и юснатурализмом, а в правовом теоретизировании исчезают разделения научных школ, утрачиваются советские традиции. Без реалистического направления современные исследования в гуманитарных науках уже не могут претендовать на всестороннее рассмотрение права.

Особенности постклассической парадигмы

Трансформация социалистической государственности из системы советов народных депутатов, руководимых правящей политической партией, в государственно-монополистический капитализм (если следовать формационной методологии) произошла совсем недавно — с точки зрения историко-правовой темпоральности. Терминология, понятийный аппарат, гносеологические подходы и другие инструменты теоретико-правовых дисциплин претерпевают изменения при возникновении новых концепций, которые, в свою очередь, вводят в научный оборот релевантный фактический материал. «История науки в целом, равно как и история науки юридической, неоспоримо свидетельствует о том, что классификация и типизация фактического материала выступает первым шагом на пути к формулированию общих законов, действию которых подчиняется природная и социальная реальность»[19], — обоснованно заключает профессор Н. В. Разуваев, автор новейшего учебника римского частного права, в котором ему удалось показать не только эволюцию римского права, но и его значимость для постклассического правоведения.

Постклассическая эпоха, характеризующаяся стремительностью принятия решений и ростом социального отчуждения, вынуждает нас расходовать время и силы на распознавание источников входящих указаний (сообщений), так как авторы команд нередко выходят за пределы своих должностных компетенций, пренебрегая принципами рациональности и относимости. Интерсубъективность нормативных и правоприменительных актов делает подчас невозможным установление аутентичной воли их авторов, ибо бенефициары решений могут быть скрыты за подписью номинального руководителя. В частности, фальсификация инструкций по управлению денежными средствами становится неустранимой проблемой: сотрудники правоохранительных органов публично рекомендуют не подчиняться тем, кто по телефону представляется сотрудниками правоохранительных органов. Обязательность верификации автора приказа, проверка его полномочий, сопоставление потока входящей информации с фактами реальной жизни актуализируют значение правоприменительной стадии в общей теории права.

[18] *Спиридонов Л. И.* Социальное развитие и право. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 40.
[19] *Разуваев Н. В.* Римское частное право: история и система: учебник для вузов. М.: Директ-Медиа, 2025. С. 348.

Догматическая юриспруденция не уделяла должного внимания интенциональности субъектов публичной власти, презюмируя идеальность их личных качеств и профессиональных навыков. Правовая доктрина прокламировала, в том числе, что советские следователи, прокуроры, судьи и другие правоприменители всемерно укрепляют социалистическую законность, способствуют пресечению противоправных действий и восстановлению справедливости. Однако общественная практика свидетельствовала о другом: проявлениях системной коррупции, злоупотреблении правом, правовом нигилизме и иных отклонениях от нормальности.

Один из основоположников постклассической парадигмы правовых исследований профессор И. Л. Честнов рассматривает теоретические новации как дополненное знание: «Постклассическая научно-исследовательская программа отличается от традиционных, классических представлений о праве, не отрицая или отбрасывая их, а включая в многогранную или многоаспектную концепцию права, прежде всего тем, что правовая реальность не есть предзаданная „природой вещей" статичная юридическая догматика, а постоянный процесс конструирования и переконструирования (воспроизводства) тех социальных явлений и процессов, которые сегодня признаются наиболее важными и поэтому наделяются юридической значимостью»[20]. Запрос на обновление концептуальных представлений о правовой реальности и механизме правореализации проявился при трансформации социалистического этапа развития общества в государственно-монополистический капитализм, транзитивный период можно обозначить 1991–2000-м годами. В это наполненное юридическими изменениями время активно редактировались учебные материалы по теории права и государства, публиковались тексты с критикой марксизма-ленинизма, формировались новые концепты. Мы наблюдали стремительные преобразования во взглядах сторонников социалистического (коммунистического) пути, которые изменили лишь часть своих лекционных курсов, не затрагивая фундаментальные институты правообразования и государственного регулирования. Известно, что инерционность теоретического мышления проявляется, в том числе, в *принципе максимального наследования*, выражающемся в «стремлении сохранить всё, что можно сохранить. Этот принцип действует и в процессе научных революций, несмотря на происходящие при этом радикальные изменения. Следует отметить, что это не только принцип, но и объективная тенденция, поскольку он проявляет себя не только на уровне субъективных устремлений ученых, но и часто независимо от этих устремлений и даже вопреки им»[21].

Нам еще предстоит ответить на вопрос о том, произошло ли за последнюю четверть века качественное изменение структуры научного мышления или сформировавшиеся в середине прошлого века гносеологические паттерны продолжают доминировать в научной среде. Начала постклассической юридической онтологии возникли уже в период позднего социализма, когда обнаружилась невозможность объяснить новые условия жизнедеятельности средствами старой парадигмы: «к введению нового нас вынуждает предмет, что сами явления, сама природа, а не какие-либо человеческие авторитеты заставляют нас изменить структуру мышления»[22]. Смены парадигм происходят тогда, когда обнаруживается невозможность объяснить новые условия жизнедеятельности устоявшимися средствами, когда старые концепции не выполняют прогностические и регулятивные функции. Следует принять во внимание, что «после стремительной трансформации социализма в государственно-монополистический капитализм теоретическая база, на которой строилась советская правовая наука, оказалась способной к адаптации»[23].

«Основополагающие особенности постклассического социогуманитарного знания определяются осознанным отказом от номотетической традиции классического обществознания и осознанием

---

[20] *Честнов И. Л.* Конструктивизм в постсовременной юриспруденции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 2 (20). С. 9–10. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-2-8-X. EDN: CYJSFX

[21] *Мамчур Е. А.* Принцип «максимального наследования» и развитие научного знания // Философия науки в историческом контексте: сборник статей в честь 85-летия Н. Ф. Овчинникова / под ред. А. А. Печенкина. СПб.: Издательство Христианского гуманитарного института, 2003. С. 312–313.

[22] *Гейзенберг В.* Изменение структуры мышления в развитии науки // Шаги за горизонт / пер. с нем.; сост. А. В. Ахутин; общ. ред и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1987. С. 198.

[23] *Тонков Е. Н.* Эвристические функции постклассической концепции толкования права // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2023. С. 266.

специфики объекта и методологии социальных наук, что приводит к разрушению классического мифа о существовании некоего универсального научного метода»[24], — обоснованно утверждает профессор Е. В. Тимошина, исследователь творчества Л. И. Петражицкого с мировым именем. Ее характеристика феномена постклассики заслуживает пристального внимания: «для постклассического правопонимания характерен отказ от объективации права, обусловленной натуралистической установкой классических подходов <…> В современной философии право анализируется как явление, не имеющее бытия, независимого от человека и общества. При этом само научное познание уже не рассматривается как отображение сущности объекта в адекватном ему мыслительном образе, но представляет собой протекающую в определенном социокультурном контексте деятельность по рациональному конструированию предмета познания»[25].

Постклассические подходы к юриспруденции актуализируют действие новых источников права, что позволяет выявить, среди прочих, волюнтаристские, коррупционные и иерархические модели толкования. Критическое мышление становится обязательной частью исследовательского аппарата юриста, именно оно позволяет распознать в заявленных концептах авторитарные и идеологические паттерны, способствующие реинкарнации социалистических методов распределения благ и организации репрессивного воздействия.

Значение постклассических методологических подходов заключается и в том, что при их применении раскрываются действительные механизмы управления правопорядком, настоящие бенефициары законодательных новаций, эффективные способы правового регулирования. Критическое мышление, имманентное постклассическому мировоззрению, предостерегает от следования ошибочным стратегиям. Важный элемент развивающегося метода — это приобретение навыка выявлять интересы конкретных лиц, групп, страт, проявленные в навязывании реципиентам новых правил (cui prodest[26]).

Основы концепции российского правового реализма

Право возникает и утверждается как часть культуры доминирующих на рассматриваемой территории этносов, обычаи и традиции которых в дальнейшем дополняются нормативными актами, судебными решениями, деловыми практиками и становятся общеобязательными. Под культурой народа в широком смысле понимается совокупность результатов и способов жизнедеятельности людей, обусловленных историческим прошлым населения, геоклиматическими особенностями территории и характером взаимодействия с соседями. Право состоит не только из волеизъявления субъектов публичной власти, общеобязательная нормативность формируется и из других источников, в том числе из народного духа, правосознания и т. д. На территории СССР за несколько десятилетий XX в. сформировался мега-этнос «советский народ» с особыми свойствами, традиционные ценности которого и сегодня продолжают оказывать воздействие на правопорядки во многих государствах.

По мере развития цивилизации усложняются формы коммуникации государственных органов с населением, сегодня идеи о трех ветвях власти (законодательной, исполнительной, судебной) оказывается недостаточно для всестороннего понимания сложносоставных механизмов управления обществами. Классическая теория разделения властей претерпела существенные изменения: политические партии и их лидеры (как самостоятельные субъекты власти) продолжают возвышаться в некоторых государствах над законодательными, исполнительными и судебными органами (достаточно обратить внимание на современную структуру публичной власти Северной Кореи и Китая). В некоторых государствах религиозные иерархи доминируют над светской юрисдикцией (например, в Ватикане, Афганистане, Иране, Саудовской Аравии), что свидетельствует о необходимости учитывать значение религиозной ветви власти. Сильная президентская власть также стала самостоятельной ветвью во многих государствах: в США,

[24] *Тимошина Е. В.* Философия права Л. И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в российском правоведении XX в. // Петербургская школа философии права: к 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого. С. 35. EDN: XMBOUH

[25] Там же.

[26] «Кому выгодно» (лат.).

Бразилии, Аргентине, Мексике, Колумбии, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане, Турции, Франции, России, Беларуси и др.

Еще один аспект требует внимания для полноценного анализа государственно-правовых концепций — существование в некоторых государствах сильных гражданских обществ и авторитетных неправительственных средств массовой информации. Иногда СМИ называют «четвертой ветвью власти», что соответствует действительности в государствах с децентрализованной структурой власти, высокой вовлеченностью граждан в управление государством и свободной медиасредой (это характерно для Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии, Дании, Швейцарии, Нидерландов, Германии, Франции, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии и др.).

Постклассические исследования права изучают современные правопорядки, дополняя три «привычные» ветви власти следующими дискурсами: политическими партиями (4), религиозными иерархами (5), сильными президентами (6), а также активным гражданским обществом во взаимодействии с неправительственными СМИ (7). Особое значение приобретают процессы конвергенции публичной власти, когда одна из ее ветвей (например, исполнительная) начинает доминировать над судебной и законодательной. Необходимо обратить внимание на то, что в некоторых государствах парламентские выборы сводятся к формированию партийных списков депутатов от правящей партии, которая в очередной раз будет доминировать в законодательном органе. Трудно представить кандидата в президенты США, которого не поддержит одна из двух крупнейших политических партий этого государства. Согласно конституционному обычаю Великобритании, премьер-министром становится лидер политической партии, получившей большинство в Палате общин, способный управлять своей политической фракцией.

Между текстом нормативно-правового акта и правоприменительным решением всегда стоит интерпретатор, который делает выбор из нескольких известных вариантов решения. В акте толкования-применения реализуется интенция его автора, отражающая знания, интуицию, стремление институализировать свою процессуальную власть в карьерном росте и финансовом благополучии. Право воплощается в конкретных правоотношениях посредством интерпретации правоприменителями не только норм, но и фактов, имеющих юридическое значение. В исследованиях российского правопорядка недостаточно внимания уделяется пределам усмотрения судей, дознавателей, следователей, прокуроров и других субъектов разрешения юридических споров. Оценка прошлого и настоящего в гуманитарных науках существенно зависит от статуса, образования и типа правопонимания исследователя. Каждый ученый оснащен собственным опытом и методами исследования, но он также ориентируется на мнение референтных сообществ, поскольку правовые науки носят конвенциональный характер.

Право, реализуемое через институты публичной власти, признанное большей частью населения, принято обозначать термином *правопорядок*. Под правопорядком понимается состояние упорядоченности общественных отношений, регулируемых различными нормативными системами, находящимися в равновесии.

Мнения о соотношении феноменов *право* и *правопорядок* зависят от типа правопонимания субъектов, в социологическом смысле они могут восприниматься синонимично. Сложившиеся в советский период представления о структуре права, в частности, его деление на отрасли, институты и нормы, были основаны на конструировании новой правовой онтологии, радикальной сепарации «революционного права» с предшествующим нормативным порядком. Именно поэтому структура советского права была детерминирована волей политических лидеров, количество отраслей — императивно предписано, а публичное признание правового института следовало только после его одобрения представителем правящей партии. Следует учитывать, что акторы Октябрьской революции (1917 г.) не только добавили *революционную целесообразность* и *пролетарское правосознание* к списку источников права, но и фактически обозначили государственной доктриной *красный террор* — по отношению к несогласным с волей «партии и правительства».

По мнению известного специалиста по государствоведению профессора Н. В. Разуваева, «правопорядок является непосредственной основой любого государства — как современного, так и традиционного. Поэтому представляется необходимым всё время учитывать данный критерий при построении

типологии государства»[27]. Дискурс историзма неизбежно присутствует в правогенезе каждого этноса, Россия как государство-цивилизация развивается поступательно, из ее прошлого невозможно элиминировать «неудобные» факты и тенденции. Природа и сущность всякого государства предопределяется системой социокультурных связей, «на формирование тех или иных типов государственности своеобразие духовной культуры, особенности коммуникации, характерные для данного общества, влияют ничуть не меньше, чем специфика правопорядка или социальной организации», — обоснованно утверждает Н. В. Разуваев, поддерживая идеи коммуникативной теории права: «правопорядок и социальная организация общества есть в конечном счете порождение существующих в нем коммуникативных отношений, определяемых свойствами духовной культуры»[28].

Правопорядок определяется как система регулирования жизнедеятельности общества, в которую входят: 1) корпус нормативно-правовых актов (следует обратить особое внимание на существование ведомственных нормативных актов, которые могут обессмысливать значение законов и девальвировать их действие); 2) совокупность правоприменительных актов; 3) структурированные связи (взаимодействия) между субъектами правотворчества и создателями правоприменительных практик (например, воздействие органов исполнительной власти на законодателей с целью лоббирования своих интересов; назначение судьями бывших прокуроров, следователей, оперативных уполномоченных — для распространения обвинительного уклона в административной и уголовной юрисдикциях); 4) образовательные программы юридических учебных заведений и курсов повышения квалификации, вместе с их руководством и преподавателями; 5) научные доктрины; 6) правоприменительные доктрины; 7) правотворческие и правоприменительные институты, включая законодательные органы, суды, следственные органы, иные силовые ведомства, места ограничения и лишения свободы; особое значение имеют процессуальные иммунитеты и статусный авторитет сотрудников (в том числе уважение к судьям, сотрудникам полиции, следственного комитета, органов государственной безопасности); 8) юридические практики, которые могут неодинаково интерпретироваться противоборствующими участниками правоотношений (например, укоренившиеся модели фальсификации доказательств, пытки, использование человеческого страха, голода, боли, психологических страданий, иные формы реализации профессиональных компетенций).

Кросс-коммуникации и взаимосвязи (взаимозависимости) между институтами правопорядка оказывают прямое воздействие на правотворческую и правоприменительную доктрины, на принятие нормативных и казуальных актов, вынесение конвенционально детерминированных решений. Механизмы реализации права являются частью структуры правопорядка, процесс воплощения нормативных предписаний в поведение субъектов принято делить на четыре формы: *соблюдение*, *исполнение*, *использование*, *применение*. В кратком изложении *использование* права направлено на осуществление правомочий субъекта, оно может быть активным и пассивным; *исполнение* предполагает активные действия субъекта по выполнению обязывающих предписаний, а *соблюдение* — пассивное воздержание субъекта от совершения действий, находящихся под запретом. К *применению* права в рассматриваемой классификации относится властная деятельность субъектов публичной власти по рассмотрению юридических споров.

Попытка отделения *права* как корпуса нормативных текстов от процессов внедрения этих текстов в жизнь (*правоприменения*) была характерна для социалистического периода, когда в структуру права входили лишь отрасли, институты и нормы. Авторитетный теоретик С. С. Алексеев в ранний период творчества обосновывал удобную для социалистического права легистскую концепцию управления, в которой создателем всего нормативного массива становилось государство: «<…> как бы ни была сложна иерархия структур в праве, ее стержнем является *главная структура*, выражающая строение права, его дифференциацию на нормы, институты, отрасли»[29]. Однако для понимания механизмов воздействия права на социум важны не столько сами нормы, сколько их действенность, верифициру-

[27] *Разуваев Н. В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2008. С. 140. EDN: QQWBQD
[28] Там же. С. 141.
[29] *Алексеев С. С.* Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 23.

емая через анализ правоотношений в разных сферах жизнедеятельности. Российские законодатели в последние годы выдают обществу более 600–700 законов в год только на федеральном уровне: такое количество новаций правовая система не в состоянии акцептировать; население не способно следить за изменениями, не действует «правило признания», очевидное современным юристам. Растет количество субъектов, находящихся в режиме «дискоммуникации», формируется публичный институт «непризнания», правила которого приобретают юридические черты[30]. Законотворцам необходимо учитывать, что только публичное право познается через запреты определенного поведения, посредством создания новых диспозиций и процедур ответственности за их совершение, но сфера частного права основана на свободе договоров, их добровольном исполнении и разрешении споров без использования принудительной силы государства. Представление о каждом новом законе как благе для всех — не соответствует социальным реалиям, ибо некоторые законодательные новации могут восприниматься адресатами расширительно, как, например, запреты на критику, на поиск информации, на высказывание альтернативного мнения и т. п.

Постклассический подход к пониманию действующего права важен, в том числе, для подготовки современных правотворцев: авторы создаваемых и изменяемых норм обязаны учитывать, как их новации будут уясняться, разъясняться и применяться в дальнейшей практике. Понимание права в постклассической парадигме расширяется до *действия* всех элементов правопорядка в их взаимосвязи. В XXI в. интерпретатору становится труднее выявлять интерсубъективную волю законодателя, которая нередко преподносится как удовлетворение потребности граждан. Для установления выгодоприобретателей необходимо знать, кто был инициатором законопроекта, кто его лоббировал, чьи ведомства давно готовы эффективно использовать новые нормы, какие юридические средства сочтет оптимальными правоприменитель, в чем заключается его профессиональный и личный интерес, какие страты населения будут ограничены в правах, чья деятельность в результате нововведений окажется за гранью закона.

Правоприменение — это не просто субсумпция, т. е. подведение фактической ситуации под общие условия нормы, а базовый элемент культуры населения (совокупности этносов), характеризующий способ и результат организации социальной деятельности человека, процесс нахождения баланса между частным и общественным, между своими правами и имманентными им обязанностями других лиц. Общечеловеческая трудность оценки права заключается и в том, что интерпретации норм, фактов, правоотношений не всегда будут совпадать у истца и ответчика, у прокурора и адвоката, у насильника и жертвы, у кредитора и должника, у государства и гражданина. Исходя из расширительного представления об объекте толкования права, мы учитываем не только свод законодательных актов, но и весь спектр нормативности публичных и частных структур, которая (многоуровневая, разнонаправленная нормативность) воздействует на практики применения норм к конкретным юридическим спорам.

Выводы

Концепция российского правового реализма стала неотъемлемой частью постклассической научно-исследовательской программы. Ее целостность проявилась в наличии критического аспекта по отношению к некоторым догматическим советским представлениям, в способности последовательно разъяснять преимущества нового подхода к пониманию современных правовых явлений. Преемственность нового знания, системность и встроенность в уже существующие концепции правового реализма соответствуют принципу следования международному юридическому опыту: эти качества позволили новаторской концепции стать частью мировых разработок по тематике реалистической юриспруденции.

Исследованием подтверждено, что в постклассическом правопорядке трудно добиться внеконтекстного и внеиерархического толкования, каждый акт правоприменения будет следовать предшествующим практикам в большей степени, нежели нормативно-правовым актам и абстрактным принципам законности, разумности, справедливости. Знание механизма функционирования правопорядка, отраженное

[30] См.: *Тонков Е. Н.* Коммуникация и дискоммуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 44–51. EDN: IOOWWU

в исследовании, позволит рационально объяснять воспроизводимую юридическую практику, преодолевать экзистенциальные драмы, возникающие от непонимания сущностных и ситуативных оснований юридических споров.

Реалистическая концепция права рассматривается в качестве эффективного способа уяснения юридической действительности, становясь методологической основой для целенаправленного воздействия на правопорядок и создания проектов будущих решений. Принципиальная простота и понятность концепции повышает ее эвристические функции и предсказательные возможности, в том числе дает операционную модель функционирования всех ветвей власти и элементов структуры правопорядка.

Среди выводов следует отметить расширение представлений о степени имеющейся свободы в принятии решений у различных акторов права, актуализацию интенциональности поведения правотворцев и правоприменителей. Реалистические подходы к решению конкретных юридических задач сформировались в эпоху строительства советской государственности, затем, в середине XX в., они укоренились в социалистическом праве, эволюционировали в течение многих десятилетий, сегодня их использование продолжается в постсоветском правопорядке.

Список источников

1. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 263 с.
2. *Гейзенберг В.* Изменение структуры мышления в развитии науки // Шаги за горизонт / пер. с нем.; сост. А. В. Ахутин; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1987. С. 190–200.
3. *Мамчур Е. А.* Принцип «максимального наследования» и развитие научного знания // Философия науки в историческом контексте: сборник статей в честь 85-летия Н. Ф. Овчинникова / под ред. А. А. Печенкина. СПб.: Издательство Христианского гуманитарного института, 2003. EDN: QWGYVF
4. *Поляков А. В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 7–25. EDN: XMBEQP
5. Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с. EDN: WMYBQJ
6. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Серия: Толкования источников права. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с. EDN: KLUMOD
7. *Разуваев Н. В.* Римское частное право: история и система: учебник для вузов. М.: Директ-Медиа, 2025. 396 с.
8. *Разуваев Н. В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2008. 309 с. EDN: QQWBQD
9. *Спиридонов Л. И.* Социальное развитие и право. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. 205 с.
10. *Тимошина Е. В.* Философия права Л. И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в российском правоведении XX в. // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 26–50. EDN: XMBOUH
11. *Тонков Д. Е.* Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М.: Юрлитинформ, 2021. 232 с. EDN: NTCRIX
12. *Тонков Е. Н.* Коммуникация и дискоммуникация в российском правовом реализме // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 44–51. EDN: IOOWWU
13. *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования // Толкование закона в Англии. Серия: Pax Britannica. СПб.: Алетейя, 2013. С. 274–287.

14. *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2024. 454 с.
15. *Тонков Е. Н.* Эвристические функции постклассической концепции толкования права // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Серия: Толкование источников права. СПб.: Алетейя, 2023. С. 265–283.
16. *Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.* Правовой реализм. Серия: Pax Britannica. СПб.: Алетейя, 2022. 464 с. EDN: YCYXLH
17. *Честнов И. Л.* Конструктивизм в постсовременной юриспруденции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 2 (20). С. 8–13. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-2-8-X. EDN: CYJSFX
18. Brożek B., Stanek J., Stelmach J. (eds) (2018) Russian Legal Realism Law and Philosophy Library 125. Cham, *Springer*. XI, 176 p. DOI: 10.1007/978-3-319-98821-4
19. Stanek J. (2017) Rosyjski Realizm Prawny: psychologiczno-socjologiczna szkoła prawa. Warszawa: Wolters Kluwer. 232 s.
20. Tonkov, E. N., Tonkov, D. E. (2023) Understanding Russian Legal Realism in the Modern Science. *Law and State*. No. 4 (101). Pp. 10–13. DOI: 10.51634/2307-5201_2023_4_6. EDN: GHSREI
21. Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2023) Legal Realism, Russian. Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers M., Kirste S. (eds). Dordrecht, *Springer Nature B. V.* Pp. 1982–1988. DOI: 10.1007/978-94-007-6519-1

Об авторе:

Тонков Евгений Никандрович, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, адвокат; e-mail: e.tonkov@mail.ru

References

1. Alekseev, S. S. (1975) The Structure of Soviet law. Moscow, *Yuridicheskaya literature.* 263 p. (In Russ.)
2. Geizenberg, V. (1987) Changing the Structure of Thinking in the Development of Science. In: Steps over the Horizon. Moscow, *Progress.* Pp. 190–200. (In Russ.)
3. Mamchur, E. A. (2003) The Principle of "Maximum Inheritance" and the Development of Scientific Knowledge. In: Philosophy of Science in a Historical Context: collection of articles in honor of N. F. Ovchinnikov's 85th birthday. *Khristianskii gumanitarnyi institute.* (In Russ.)
4. Polyakov, A. V. (2018) St. Petersburg School of Philosophy of Law and the Tasks of Modern Jurisprudence. In: St. Petersburg School of Philosophy of Law: on the 150th anniversary of the birth of Leon Petrazhitsky. *Saint Petersburg state university.* Pp. 7–25. (In Russ.)
5. Chestnov, I. L. (ed) (2016) Postclassical Ontology of Law Interpretation of the sources of law Series. Saint-Petersburg, *Aletheia.* 688 p. (In Russ.)
6. Tonkov E. N., Chestnov I. L. (eds) (2023) Postclassical Studies of Law: Perspectives of the Scientific and Practical program Interpretation of the Sources of Law Series. *Aletheia.* 500 p. (In Russ.)
7. Razuvaev, N. V. (2025) Roman Private Law: History and System. *Direkt-Media.* 396 p. (In Russ.)
8. Razuvaev, N. V. (2008) The Traditional State: Legal Nature, Essence and Typology. *IVEHSEHP, Znanie.* 309 p. (In Russ.)
9. Spiridonov, L. I. (1973) Social Development and Law. Leningrad, *Leningrad state university.* 205 p. (In Russ.)
10. Timoshina, E. V. (2018) Philosophy of Law of by L. I. Petrazhitsky: the Genesis of Postclassical Legal Understanding in Russian Jurisprudence of the XX century. In: St. Petersburg School of Philosophy of Law: on the 150th anniversary of the birth of Leon Petrazhitsky. *Saint Petersburg state university.* Pp. 26–50. (In Russ.)
11. Tonkov, D. E. (2021) Legal Realism: American and Scandinavian Movements. *Yurlitinform.* 232 p. (In Russ.)

12. Tonkov, E. N. (2025) Communication and Discommunication in Russian Legal Realism. *Russian justice*. No. 5, pp. 44–51. (In Russ.) EDN: IOOWWU
13. Tonkov, E. N. (2013) Russian Legal Realism and its Influence on the Concept of Interpretation. In: Interpretation of Law in England. Pax Britannica Series. *Aletheia.* Pp. 274–287. (In Russ.)
14. Tonkov, E. N. (2024) Russian Legal Realism. Interpretation of the Sources of Law Series. *Aletheia.* 454 p. (In Russ.)
15. Tonkov, E. N. (2023) Heuristic Functions of the Postclassical Concept of Interpretation of Law. In: Postclassical Studies of Law: Perspectives of the scientific and practical program. *Aletheia.* Pp. 265–283. (In Russ.)
16. Tonkov, E. N., Tonkov, D. E. (2022) Legal Realism. Pax Britannica Series. *Aletheia.* 464 p. (In Russ.)
17. Chestnov, I. L. (2024) Constructivism in Postmodern Jurisprudence. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (20), pp. 8–13. (In Russ.) DOI: 10.22394/2686-7834-2024-2-8-X. EDN: CYJSFX
18. Brożek B., Stanek J., Stelmach J. (eds) (2018) Russian Legal Realism Law and Philosophy Library 125. Cham, *Springer*. XI, 176 p. DOI: 10.1007/978-3-319-98821-4
19. Stanek J. (2017) Rosyjski Realizm Prawny: psychologiczno-socjologiczna szkoła prawa. Warszawa: *Wolters Kluwer*. 232 s.
20. Tonkov, E. N., Tonkov, D. E. (2023) Understanding Russian Legal Realism in the Modern Science. *Law and State*. No. 4 (101), pp. 10–13. DOI: 10.51634/2307-5201_2023_4_6. EDN: GHSREI
21. Tonkov, D. E., Tonkov, E. N. (2023) Legal Realism, Russian. Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy. Sellers M., Kirste S. (eds). Dordrecht, *Springer Nature B. V.* Pp. 1982–1988. DOI: 10.1007/978-94-007-6519-1

About the author:

Evgenii N. Tonkov, Associate Professor of the Jurisprudence Department of the North-West Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation); Candidate of Science (Jurisprudence), barrister; e-mail: e.tonkov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2025. № 3 (24)

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ
Ответственный редактор
И. Е. ВИЛЬМАН
Корректор
М. П. КУЛИКОВА
Верстка
Т. П. ОЛОНОВА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Н. В. Разуваев, доктор юридических наук

УЧРЕДИТЕЛЬ
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ИЗДАТЕЛЬ
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77-77212 от 08.11.2019

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки; входит в Единый государственный перечень научных изданий (Белый список).

Журнал распространяется бесплатно.
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция» обязательна.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.
E-mail: ph-sziu@ranepa.ru, vilman-ie@ranepa.ru
Тел.: (812) 335-94-72, (812) 335-42-10

Выход в свет 06.10.2025.

Сайт журнала: https://www.taljournal.ru.

16+

Макет подготовлен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.
Тел. (812) 335-94-97

THEORETICAL AND APPLIED LAW
2025. № 3 (24)

Chief of the publishing and printing centre
KNYAZEV E. YU.
Publishing editor
VILMAN I. E.
Proofreader
KULIKOVA M. P.
Layout designer
OLONOVA T. P.
Chief Editor
RAZUVAEV N. V., Doctor of Science (Jurisprudence)

FOUNDER
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

PUBLISHER
North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Certificate of registration in the mass media
ЭЛ № ФС 77-77212 at 08.11.2019

The magazine is distributed free.
Editorial opinion may not coincide with the point of the view of the authors of published materials.
When reprinting, a reference to the journal "Theoretical and Applied Law" is required.

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:
61 Eighth Line of the Vasilevsky Island, Saint Petersburg, 199004 Russian Federation
E-mail: ph-sziu@ranepa.ru, vilman-ie@ranepa.ru
Tel.: (812) 335-94-72, (812) 335-42-10

Publication date 06.10.2025.

Website: https://www.taljournal.ru.

16+

The layout was prepared by the publishing and printing center of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
61 Eighth Line of the Vasilevsky Island, Saint Petersburg, 199004 Russian Federation
Tel. (812) 335-94-97